С. Ф. Рыбин

ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ

(Toil and Peaceful Life)

ИЗДАНИЕ АВТОРА

ИСТОРИЯ ДУХОБОРЦЕВ БЕЗ МАСКИ
(History of Doukhobors Unmasked)

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ

ДЕЛО,
Франциско

С. Ф. Рыбин

ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ

(Toil and Peaceful Life)

ИЗДАНИЕ АВТОРА

ИСТОРИЯ ДУХОБОРЦЕВ БЕЗ МАСКИ
(History of Doukhobors Unmasked)

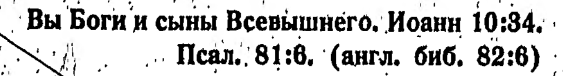
"НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ"

«ДЕЛО»
Сан Франциско

Reibin, S. F

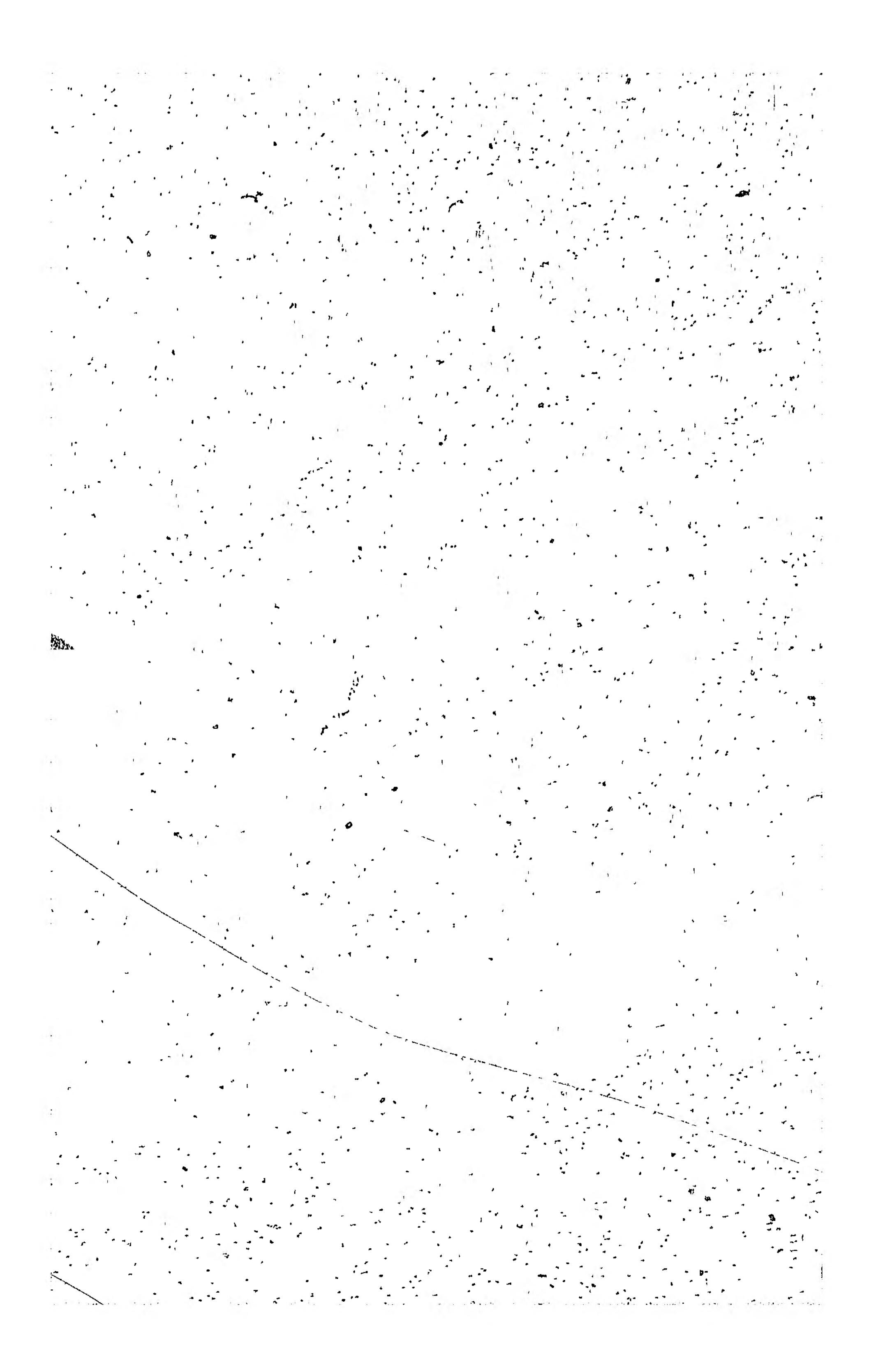
Printed in U. S. A.

S. F. Reibin Route 1, Box 364 Manteca, Calif.

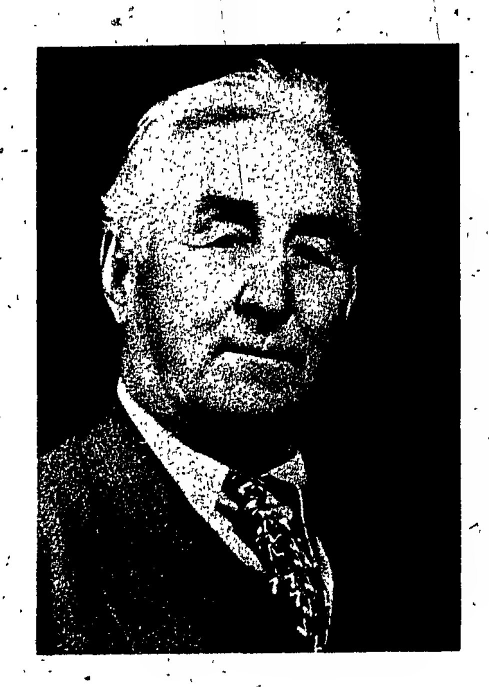

Вы Боги и сыны Всевышнего. Иоанн 10:34.
Псал. 81:6. (англ. биб. 82:6)

Проклят человек, который надеется на человека.
Кн. Иеримея 17:5.

Выпускаю свой труд
в надежде, что он прольет хоть
слабый свет, на духовное раскрепощение
нашего молодого духоборческого поколения и всех
мыслящих людей, от суеверий и предрассудков.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ РЫБИН
Автор этой книги

ОТ АВТОРА

О духоборцах написано много книг различными посторонними лицами. Эти писаки, при всей их искренности и честности, не живя среди духоборцев, собирали материал из вторых рук, часто сгущали краску и приписывали духоборцам факты, которые в действительности не имели места.

Я написал эту книгу с единственной целью: осветить действительные факты духоборческого движения: с 1902-го года я, в качестве личного секретаря и переводчика, имел случай ознакомиться с внутренней жизнью вождя и всей духоборческой общины в целом. При первом вожде, Петре Васильевиче Веригине, потом наименовавшем себя «Господним», я прожил до 1923 года.

С 1927 года, живя уже в Калифорнии, я был в дружеских отношениях с последним вождем, Петром Петровичем Веригиным, назвавшим себя «Чистяковым».

Я, самоучка, не имел возможности быть ни в русской ни в английской школе, а потому прошу, читателя, не взыскивать с меня за простой слог речи.

Я писал эту книгу, помня народную мудрость: «Не в силе Бог а в правде».

Семен Федорович Рыбин

ДУХОБОРЦЫ

В миниатюре, духоборцы представляли из себя целый мир. У них были свои «боги» в лице их вождей, своя аристократия — зажиточные семьи, и своя крайняя беднота — их рабы. Также свои касты: «достойные» и «недостойные».

Название «духоборец», данное им попом, как презрительное, они приняли как сошедшее с неба от самого Бога. Свою секту они обратили в «нацию»: при встрече с незнакомым человеком, они спрашивают: «А кто ты будешь?» —«Я духоборец» отвечает тот. «А, духоборец, а я думал, что ты русский». Выходит, что духоборцы не русские а «духоборцы».

Зажиточные духоборцы бесцеремонно порабощали своих обедневших братьев, — держали их в работниках платя по 25 рублей в год, давая поношенное платье и корм. Батраки работали от темна утром и до темна вечером: летнее время 16 часов. При крайней бедности и такое вознаграждение считалось за милостыню.

По манифесту Александра Павловича (1801-1825 гг.) духоборцам давалась свобода и право поселиться близ турецкой границы с целью, возможно, истребления и в Таврической губерни на «Молочной реке». Духоборцы, не смотря на то, что Александр, как все цари, казнил людей, почитают его за «блаженного» только потому, что он сделал им уважение. Когда началось поселение на Молочной реке, многие уголовные преступники, воспользовались этим случаем и, объявили себя духоборцами только ради освобождения. Так что в общем, общество духоборцев составилось из многих расс и национальностей: сюда вошли и татары, и хохлы, и мордва, и цыгане и разбойники — добрые и злые, богатые и нищие.

При наличии хороших земель и климата в Таврической губернии, духоборцы не смогли ужиться мирно с окружающими их людьми. Утверждают, что их переселение в Закавказье было на основании их отрицания православной церкви, но по другим

версиям причина была совершенно иная. Сергей Маргаритов, историк богословия, (История Русских Рационалистических и Мистических Сект. Пушкинская Улица, Кишинев 1902 г.) утверждает: «. . . Теперь правительство обратило серьезное внимание на духоборцев и, конечно, не могло не заметить разных преступлений и вообще много ненормального в их жизни. Во главе их общества находился неограниченный, наследственный правитель, деспотически и бесконтрольно, на правах Христа, управлявший всеми членами общества. Ему принадлежало право распоряжаться не только имуществом, но даже честью и жизнью своих подчиненных. В его ведении находилось общественное имущество и капиталы. Около его находился постоянный совет из 30 лиц, из коих 12 человек исполняли около правителя, как Христа, обязанности апостолов. Управление совета было построено на системе страха, шпионства и самого крайнего деспотизма. Главным руководительным началом его деятельности было умерщвление всякого, кто изменял религиозным убеждениям духоборцев или противился порядку общественной жизни: малейшее проявление свободы подавлялось. При подобной системе управления, естественно, были всякие интриги, клевета и доносы. Достаточно было самого легкого подозрения, малейшего признака измены обществу, чтобы подвергнуться самой жестокой пытке, а потом казни . . . Преступление духоборцев: укрывательство государственных преступников, а также преступления, происходившие в самой общине духоборцев: истязание и смертная казнь через отравление и даже зарытие живыми в землю по одному подозрению в измене . . . Комиссия нашла груду человеческих костей в подземельях, открыла кошки, застенки и т.п. Она открыла что в течение последних двух лет управления Капустина духоборческим обществом, исчезло 400 душ, не оставив по себе никакого следа. Дом, где производились пытки, назывался: «Рай и Мука». Местом исполнения приговоров был избран остров при впадении реки Молочной в лиман Азовского моря. Сам глава духоборцев и его сын, предавались пьянству и разврату. Побирохин выдавал себя за «Судью вселенной» — будет судить весь мир. Он избрал 12 апостолов, названных им: «смертоносными ангелами», на их обязанности было умерщвлять неверующих в своих вождей. Поэтому было решено выселить их в Закавка-

зье и поселить среди азиатов». Это утверждение историка Маргаритова. В наше время, по приказу вождей, убийства не было, но они имели неограниченную власть над судьбой членов своего общества.

При переселении в Закавказье, многие из духоборцев, разочаровавшихся в своих вождях, вернулись в лоно православной церкви, хотя они не верили в церковные обряды, остались на местах, жили в большом материальном достатке и очень счастливо.

В Закавказьи, духоборцы были поселены на турецкой границе, на «Мокрых горах», десять тысяч футов выше уровня моря, в Тифлисской губернии Ахалкалакского уезда, на голых безлесных степях, где полный простор ветрам и бурям. За отсутствием лесного материала, вместо постройки домов, рыли землянки и таким образом основали семь сел. Село Горелое было, как центр, где жил вождь. Первые годы татарва делала набеги на села, забирала в плен мужчин и женщин которые и остались у них на все время, как рабы. В общем, духоборцы переживали ужасные страдания от материального недостатка и холодного климата. Поселение было основано навсегда. Это было желание и воля вождя. Но, несмотря на это, всетаки нашлись умные, как Василий Лукьянович Веригин и многие другие. Они ушли с Мокрых гор, поселились в прекрасных местах Елисоветпольской губернии и жили очень хорошо. Другая часть, во главе с Блудовым, ушли и поселились на Башка-Чети, где также была хорошая почва и климат. Жили там припеваючи.

Из зажиточных духоборцев особенной жестокостью отличалась семья Василия Л. Веригина, который (по словам Ивана Е. Конкина—его зятя) был потомком Запорожских князей, менявших в одно время рабов на собак. Это семейство водило хлеб-соль и дружбу больше с татарами-князьями: Аллаяр Беком и другими, нежели с духоборцами. Все они чисто говорили на турецком языке. Имея громадные стада баранов, они бесцеремонно вытравливали луга, которые были предназначены для пользованья всех жителей села Славянки. На просьбы и жалобы своих братьев духоборцев не портить урожаи травы, они отвечали насмешкой или, угрожали избиением. Из семи братьев Прокофий особенно отличался жестокостью и отвагой: был метким стрелком и наводил страх даже на отъявленных «коча-

хов» (главарей разбойничьих шаек), которые называли его своим «старшим братом». Веригины гордились такой репутацией. О Прокофии говорили духоборцы, что он, за всю свою жизнь в Закавказьи, убил много татар. Этим он хвастался и сам. Но, несмотря на дружбу Веригиных с татарами-князьями, произошел роковой случай на любовной почве: «бабушка» Веригина была убита в отместку за какие-то темные дела со стороны Веригиных в приобретении богатства. В дальнейшем все богатство было расхищено: братья не имели особого аппетита к физической работе, они говорили: «работа дураков любит» и проводили время в бездельи и удовольствиях.

Переселение духоборцев с мокрых гор, было против желания и воли вождя и он, как и подобает всем духовным лицам, предал всех ушедших анафеме, обрекая на погибель, называя «отступниками от своей веры» и угрожая никогда не иметь с ними дела...

В виду того, что Губановы славились своей репутацией как добрые, высоконравственные и трудолюбивые люди, Петр Ларионович — вождь, избрал себе в жены их дочь, Лукерию Васильевну 16 лет от роду. К великому сожалению духоборцев, вождь страдал пристрастием к водке. Он ужасно ревновал свою очаровательную красивую жену блондинку. Это утверждают его, еще живые казачки, бывшие при нем. Петр Ларионович и сам был очень красивый и статный блондин. Оба имели красивые голубые глаза. Иногда, в пьяном состоянии, вождь безжалостно избивал свою молоденькую жену. По словам Ивана Фатеевича Махортова, близкого к вождю, последний очень редко был трезвым. Он имел своих казачков, разъезжал по селам и ради потехи, подстреливал домашнюю птицу, творил непристойное, гонялся за девчатами. Его казаки Савуня Казаков, Труша Крикунов и другие, говорили мне: «Бывали хорошие, веселые времена: бывало окружим гурт девок, Петр Ларионович выберет себе по вкусу, а тогда разрешает и нам. Мы ловили—кто какую, было весело и приятно. Но иногда девчата были на поле и завидев нас, прятались в хлеба на загонах, тогда было трудно их поймать».

И. Ф. Махортов рассказывал, что ему приходилось частенько приносить Петра Ларионовича на своем горбу смертельно пьяного ночью, чтобы не видели духоборцы, в сиротский

дом, где он жил. Пьянство ускорило смерть вождя. Духоборцы объясняют, что их вожди своими дурными делами скрываются от мира, а иначе их убили бы, как Христа.

После смерти Петра Ларионовича «дух святой», как принято по духоборческому обычаю, перебрался на жительство во плоть Лукерьи Васильевны, которая заняла место вождя. Удивительно, что не смотря на принципы дохоборцев, живой дурной пример мужа—и ее страдания от побоев, она сама продолжала употребление водки и других одурманивающих напитков и даже курила папиросы. Она разрешила и духоборцам пить водку, но только не более двух стаканчиков. Лукерия Васильевна отличалась материнской добротой и когда ей нужно было помирить ссорившихся духоборцев, она упрашивала добром и слезно плакала. Ее слезы влияли на людей больше, чем розги. Но бывали случаи, когда применялись жестокие физические наказания в отношении горьких пьяниц. Она заставляла молодых ребят пороть пьяниц розгами перед публикой, говоря: «Не слушаете духу, то послушайте обуху», и это иногда вылечивало пьющих. Был также обычай—неписанный-закон по всем селам: когда человек напивается пьяным, то на другой день он должен пройти с метлой по всей улице и замести навоз. Это считалось публичным наказанием и сильно пресекало пьянство вообще.

Оставшись молодой, здоровой женщиной, Лушечка, не имея детей от мужа, часто жаловалась (как рассказывает ее приближенная и любимая прислуга Матрена Борисова-Красникова), что она должна коротать жизнь без любовных утех.

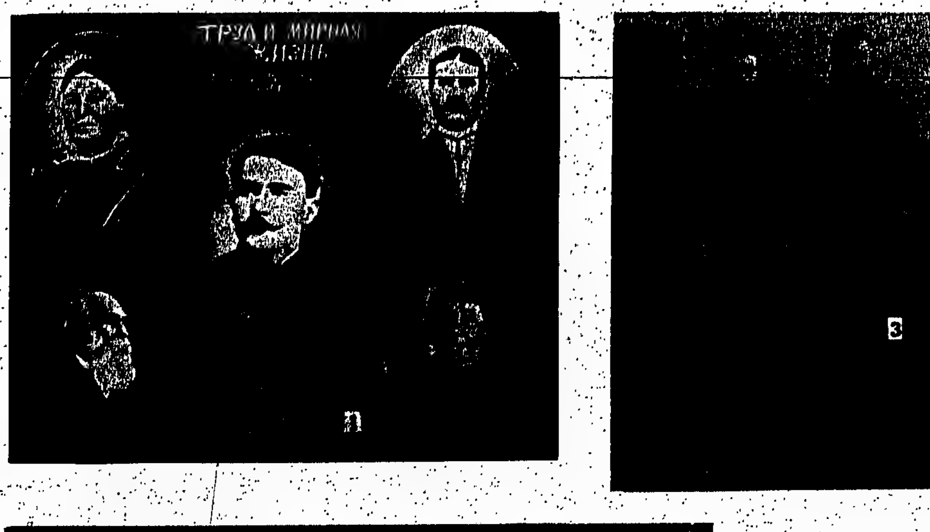
Братья Лушечки, Миша и Игнаша Губановы, старцы: Зубков, Батурин, Астофуров и много других, почитались духоборцами за их трезвую, честную, умную и трудолюбивую жизнь. Они-то и правили духоборцами в лице Лушечки: давая ей советы, как поступать по разным общественным делам.

Время шло, вожди менялись и духоборцы в Елисоветпольской губернии и на Башка-Чете, богатели. Старая злоба вождя по их адресу забыта, хотя Лушечка уверяла: «Кто остался на местах святых, тех я не променяю одного за сорок ушедших». Это одухотворяло духоборцев, страдавших от бедноты и сурового климата и евших ячменный хлеб на мокрых горах. После войны с Турцией в 1877 году некоторые духо-

борцы из Елисоветпольской губернии, переселились в Карскую Область—это тоже очень хорошая страна по почве и климату. Мой отец обратился к Лушечке с просьбой разрешить ему переселиться туда. На это Лушечка ответила: «Федюня, мне легче было бы, если бы ты вырезал икру с моей ноги, нежели слушать о твоем переселении. Помилуй тебя Бог. Оставайся на месте».

В это время духоборцы, жившие возле Карса, кушали хлеб-белый, как снег.

Отпавшие духоборцы начали привозить вождю в сиротский дом, хорошую пшеницу, фрукты, овощи и прочее. Это было принято Лушечкой с благодарностью. В скором времени Лушечка начала лично посещать духоборцев в Елисоветпольской губернии, и как надлежит вождю, заезжала к богатейшим в селе людям. Не прилично же «богине» дружить с беднотой. Вот тут-то Лушечка и была очарована молодым, высоким, статным и красивым брюнетом Петром Васильевичем Веригиным. Петр Васильевич в хорошем расположении духа (когда мы вдвоем путешествовали неделями и больше) рассказывал о своем романе: «Стою бывало навытяжку и смотрю прямо ей в глаза. Она полусидя, полулежа на лавке, долго не обращала на меня внимания, а потом заметила, что я впиваюсь в нее и не отвожу глаз никуда в сторону. Спрашивает: «А это что за парень»? — «Это наш сын Петрусь» — отвечают родители. Она узнает, что Петрусь женат на дочери богача Гриши Котельникова. «Почему женили такого молодого?» — спросила Лушечка. «Сам женился, не спросив нас» — ответил отец. «Это нехорошо, он мне самой нужен». И в этот же вечер пригласила меня, — говорил П. В. проехаться с ней на фаэтоне по селу. И когда я сел возле нее, я сразу почувствовал теплоту ее тела, мне стало так приятно и я подумал: «вот мое место». После нескольких таких посещений Лушечка, не смотря на то, что по духоборческим правилам развод не допускался, и что жена П. В. была уже беременна и они жили в большой любви, приказала родителям, чтобы Петрусь развелся, уплатил жене пятьсот рублей и отправил ее к родителям. Это было в точности исполнено — не по вере в вождя, а в надежде, что их сын в будущем может сделаться вождем сам. Такой акт Лушечки и Веригиных, возбудил страшную злобу Котельниковых, они

1. Сверху: Лукерья Васильевна Калмыкова (вождь), Петр Васильевич Веригин (вождь), посредине: Петр Петрович Веригин (вождь), внизу: Иван Фатеевич Махортов и Анастасия Веригина (мать Петра Васильевича).

2. Духоборческое селение на Молочных водах и дом вождя Савелия Капустина.

3. Петр В. Веригин - вождь еще молодым и его близкий друг «политический».

4. Петр В. Господний и Анастасия Ф. Божья.

5. Алексей Ф. Воробьев. Названный Лушечкой «фалынским» и братом вождя П. В.

6. Анастасия Божья со своими певчими.

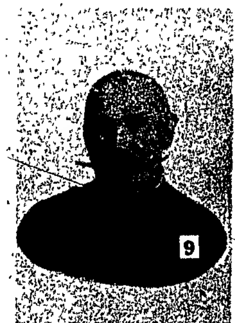

7 Духоборческие казаки П В Веригина при Лукерии Васильевне Калмыковой

8. «Сиротский дом» — дворец вождя

9. Федор С Рыбин (отец автора) сослан был вместе с вождем как правая его рука

10 Петр В Веригин в ссылке

11 Королева Виктория Она разрешила духоборцам переселиться в Канаду, когда все другие страны отказали

12. Королева Виктория в молодости.

стали открытыми смертельними врагами. После развода, Лушечка пригласила Петруся к себе в гости с братом Ваней. Ваня и Гриша из всех братьев были блондины и имели серые глаза, а остальные все были брюнеты с черными глазами. Ваня хвастался, что Лушечка ему говорила: «Твои серые глаза режут мое сердце без ножа». Потом Лушечка пригласила Петруса в последний раз и поместила его сначала с конюхами в сарае. «Там я и ночевал, — рассказывал сам П. В., — несколько недель». Очевидно, что влияние братьев и старцев удерживало Лушечку принять его к себе в спальню сразу. В течение некоторого времени Лушечка призывала Петруса временами как гостя. Он приходил и снова уходил в конюшню. Но скоро наступил желанный час и П. В. был водворен в покои Лушечки уже на постоянное жительство.

Кроме П. В. у Лушечки был еще один приближенный в лице Алеши Федоровича Воробьева. Это тоже рослый красавец-блондин, живший в трех верстах от сиротского дома, в селе Орловка. Алексей Федорович был специалистом на все руки. Он соорудил для Лушечки «Чудо-Карету», это был не то фаэтон, не то сани и все удивлялись такому мудрому изобретению и придавали этому какое-то высокое значение. Он устраивал и украшал сиротский дом и делал многое другое для Лушечки. Она дала название П. В. «Журушка» а А. Ф. «Фалынский» и назвала их «братьями». «Как бы Фалынский ни был приближен к Лушечке, но я чувствовал себя хозяином» — говорил П. В.

Итак, П. В. будучи водворен к Лушечке, уже не разлучался с ней, и они зажили очень счастливо... Однажды, старец Алеша Зубков, слегка упрекнул Лушечку: «Лукерья Васильевна, слухи ходят что ты позволяешь Петрусу ночевать с собой». «А тебе что?» осердилась Лушечка, — если хочешь, сам ночуй со мной.» С тех пор никто из старцев и братьев не поднимал этого вопроса.

Время шло. Лушечка и Журушка, разъезжали на фаэтоне по селам, где им воздавали божественную почесть: устраивали балы и праздники, на которые люди стекались со всех сел и проводили время в полном духовном ликовании и радости. Журушка часто гарцевал со своими казачками, все изрядно пили и курили. С Лушечкой возлюбленный стал смел, а иногда и жесток по отношению к ней. Однажды, будучи выпивши и во-

оружен как казак, он изрубил саблей постель, на которой они спали.* Часто вдвоем они гостили в палаточке на острове озера «Мадатапа» по несколько недель в летнее время. Иногда Лушечка, чтобы убедиться в верности друга, научала своих прислуг (это слова Матрюши) всячески соблазнять Журушку а потом докладывать ей о его поведении. Журушка был не глупый, он все понимал, а поэтому просто бил и ругал подосланных девок, что было очень по сердцу Лушечке, и ее любовь к нему все нарастала с каждым днем. Иногда Лушечке нужны были папиросы или еще что-нибудь и она посылала Журушку на лихом коне в город Ахалкалаки, верст 25 от Горелова. Он мчался стрелой и возвращался с невероятной скоростью часа через три-четыре. Это считалось «чудом».

Вожди духоборцев имели свои дворцы, которые, для прикрытия, назывались «Сиротскими Домами». Название не соответствовало фактам, потому что никогда там не было никаких сирот, а лишь прислуга обоего пола. Сюда привозили из всех сел жертвы: деньгами, хлебом, скотом и прч. Для лошадей, скота и овец, имелось особое большое имение: «Лушечкин хутор» на берегу озера Мадатап в подножии «Лушечкина кургана». Вокруг этого хутора было достаточно земли для пастбищ летом и покоса на зиму. Все работы по уборке сена и другие делались народом из всех сел—даром. Такие общие работы, в особенности для молодых были торжественными праздниками где парни и девушки со всех сел встречались и знакомились друг с другом.

Жизнь Лушечки с Журушкой и их поведение, были противны ее братьям и старцам. Им казалось, что Лушечка совершила прелюбодейство, отняв мужа от живой жены да еще беременной, с которой Журушка жил в большой любви. Приняв незаконного мужа, она превратила святыню—сиротский дом, в приют разврата. Такое чувство сблизило партию Губановых с партией Котельниковых. Это было убеждение прогрессивных, так сказать, интеллигентных духоборцев.

С другой стороны, «верующие», если так можно выразиться, «фанатики» имели совершенно другой взгляд на этот вопрос: они утверждали что Журушка был по плоти родным сы-

* Это было, по словам Феди Худякова, в его доме.

ном Лушечки и на это имелось веское доказательство—в это верова и моя мать, и все ее товарки-старушки. Однажды (когда именно, никто не знает) Лушечка была беременной и когда пришло времячко родить, она для этой цели, поехала к Веригиным и когда она рожала, в ночную пору, то звезда с неба упала прямо на хату, где находилась Лушечка. Эту звезду видел один из казачков Петра Ларионовича, Савелий Казаков-Чулков. Он стоял на часах—оберегал Лушечку, а ее муж в это время с другими казаками бродя в селе по гостям, изрядно кутил. Знамение звезды есть истинное доказательство правды для глубоко верующего духоборца. Ведь только подумать, целая звезда шлепнулась на хату, где происходили роды. Кто посмеет, после этого, сомневаться? Приближенные к Лушечке утверждают, что разница в летах между Лушечкой и Журушкой около десяти лет. Помимо этого факты на лицо: Петр Васильевич, Василий Васильевич (старший брат) и Прокофий Васильевич имеют сходство, как две капли воды: все брюнеты, черноглазые, тогда как Лушечка и ее муж П. Л. оба были голубоглазые блондины. При наличии даже всех фактов, многие верующие духоборцы и теперь верят в звезду больше нежели в здравый смысл. Я лично спрашивал Савуню Казакова, бывшего казака: «Скажи мне, дедушка, как пред Богом правду, верно ли что когда Лушечка рожала Журушку, то звезда упала на Веригину хату и будто ты был тогда на часах и все видел?» Савуня долго молчал, а потом усмехнулся и говорит: «Сема, скажу тебе сущую правду: в то время я был такой пьяный что едва держался на ногах и звезды сыпались не на одну Веригину хату, а на хаты всей слободы Славянки. Вот это правда. А теперь, в трезвом виде, могу сказать, что этого ничего не было».

Не смотря на то, что среди духоборцев было много молодых, бойких ребят, способных быть ямщиками и управлять лошадьми и фаэтоном, Лушечка держала на этом посту молодого грузина «Захарушку». Это объяснялось двояко: верующие утверждали, что Захарушка, по заслугам его предков удостоился быть «Лушечкиным ямщиком». А сторонники Губанова, полагали, что Захарушку держат по другим соображениям: он не расскажет никому о том, что происходит между Лушечкой и Журушкой во время их путешествий...

Но вот настал для Губановых час расплаты с Журушкой. Лушечка вдруг заболела и через недолгое время померла. При смерти, рассказывает Матрюша, она сильно ругала Журушку и не допустила к своей постели. Все утверждения, уверяет Матрюша, бывшая при смерти Лушечки, будто она завещала Журушке духовное наследство, вымысел и неправда.

Смерть Лушечки толковали по разному: верующие говорили, что Лушечку Господь экстренно отозвал по важному делу на тот свет. А сторонники Губановых, бывшие при смерти Лушечки, втихомолку говорили, что она померла по другим причинам—поэтому они так сильно были озлоблены против Журушки. Лушечка померла в расцвете жизни—молодой, 43-х лет. Все эти факты усилили злобу и ненависть Губановых братьев а также старичков, потому что власть находившаяся в их руках, могла пошатнуться.

Как ужасный гром прокатилась по всей духобории печальная весть: «Родимая наша Лушечка скончалась». Плач был великий по всем селам: люди собирались толпами, обнимали друг друга, слезно рыдая, стонали: «Что теперь с нами будет? Как мы теперь будем жить без нашей красной солнышки?» Темная туча повисла над всей духоборией. Губановы и старцы теперь заговорили другим тоном: они предложили Журушке убраться немедленно восвояси, пока цел, в Елисоветпольскую губернию. За неимением документального завещания от Лушечки, на общественное имущество, они, как родные братья покойной, предъявили свои права на наследство . . .

Заволновалась вся духобория. Что делать? К какой партии примыкать? Куда теперь перейдет «святой дух»? Кто нам скажет правду?! . . . Делаются сходки во всех селах, большие собрания всех сел в одном месте. Петр Васильевич сначала подчинился приказу Губановых и уехал к родным в село Славянку. Прожив там известное время он, по совету друзей и родных, возвратился обратно в сиротский дом и попробовал «свое счастье» на престол вождя. Его приезд, как и надо было ожидать, взбесил Губановых. Петр Васильевич был под охраной своих вооруженных казаков каждую минуту.

Губановы не предъявляли прав на «духовное» наследство, этот вопрос они оставляли на решение самого народа— хотя косвенно намекали, что «дух святой» по праву должен

перейти к «Мане Тихвиновой», любимице Лушечки: она всегда находилась при ней и была под руководством Губановых, как и сама Лушечка. Это был их духовный козырь.

На общественном собрании, люди неусыпно молились богу и просили его указать им, кто должен быть их будущим вождем. Старичек Иван Фатеевич Мохортов—бывший слуга царя Николая, казак Петра Ларионовича, и приближенный к святым, имел большой авторитет среди духоборцев. Он был смертельным врагом Губановых и старцев; на собрании он громко провозгласил: «Нашим вождем должен быть по благословению бога, и будет, Петр Васильевич Веригин. Так надлежит быть, это воля Бога. Давайте сделаем ему земной поклон, как знак нашей духовной присяги—быть верными ему рабами». Это же самое подтвердил армянин Ардашец—бывший приятель Лукерьи Васильевны. После этого большая часть толпы упала на колени в снег, а меньшая часть оставалась стоять на ногах. Это раскололо духоборчество. Вместо любви и советов, как раньше, всплыла злоба и полилась как неумолимая лава, заполняя все духоборие. Одни утверждали, что Губановы есть действительные кровные наследники, ведь они же правили и Лушечкой, надо идти за ними. Другие говорили, что Петюшка (после духовной присяги Журушка стал почитаться за «Петюшку»—имя святого) настоящий плотский сын Лушечки, это неоспоримый факт, все же слыхали, что звезда упала на Веригину хату, когда Лушечка рожала его. Ведь так естественно, что она скорей отдаст премудрость своему сыну, нежели братьям или служанке Мане.

Так из большого братского общества образовалось два враждебных лагеря: «большая»—Веригина, и «малая»—Губанова. Многие присоединялись к большой партии не по сознанию, а просто верили тому, что большинство всегда на стороне справедливости. Главная злоба и раздор возникли из-за общественного имущества. Губановы утверждали, что если Лушечка желала передать имущество обществу, она непременно сделала бы документальное завещание, так как она была довольно мудрая женщина и хорошо об этом знала, а раз она этого не сделала, то очевидно, что она желала, что бы все имущество перешло нам Губановым и всем, кто с нами. Если все духоборцы согласятся оставаться, как при Лушечке в одном

обществе с нами, то все имущество попрежнему будет общее.

Члены большой партии и слушать не хотели. Всем известно, говорили они, что имущество собиралось крупинками от всех духоборцев и по справедливости, и по божьему, должно перейти к большинству народа, т. е. нашей большой партии.

Начались суды, подкупы и бесконечные тяжбы. После всей судебной волокиты кончилось тем, что все имущество перешло Губановым и к их последователям на «законном» основании, как ближним наследникам. А Петюшку, по настоянию Губановой партии, правительство выслало, как «бунтаря», в ссылку. С ним в тоже время были сосланы пять видных старичков: Иван Ф. Махортов, Федор С. Рыбин, Игнаша Аргатов, Никола Цыбулькин и Дмитрий Лежебоков.

Хочется обратить внимание читателя на следующее: когда совершились эти события, духоборцы шли в армию и отбывали службу. Многие возвращались унтер-офицерами и гордились этим. Иными словами, военный вопрос в то время не подлежал обсуждению и ничего общего не имел с ссылкой Петюшки и пяти старичков. Это была чисто домашняя ссора. Петюшка при выезде в ссылку был одет в черкеску. В его дневнике, который вероятно, хранится до сих пор у Тюни, и который я читал, много копий с писем от Петюшки к «Мане» (наверно Тихоновой), в которых он жаловался на чиновников: не смотря на то, что он похож на «князя», с ним обращаются грубо. Во всех письмах нет ни одной строки, где он высказывался бы против милитаризма. Многие из духоборцев считают, что Петюшка был сослан за исполнение заповеди: «Не убий». Но это не соответствует правде.

«Маня» отличалась высоко нравственным и моральным характером и была, еще при Лушечке любима всеми духоборцами. Тихий, добрый нрав и любовное отношение ко всем ставило ее, в лице невежественного, глубоко-верующего народа, на пьедестал «святой». Она все время находилась в сиротском доме как в монастыре и держалась в стороне от светского народа. Она и была избрана на место Лушечки как духовный вождь, но отнюдь не касалась материальной стороны, которой, как и при Лушечке, руководили Губановы и старцы. Малая партия держалась старых традиций, не приняв никаких реформ, полностью подчинилась правительству, приняла школы

и жила тихо, мирно и счастливо.

Когда Петюшка был сослан, вражда между двумя партиями обострилась. Из ссылки, Петюшка дал приказ чтобы его партия окончательно порвала с членами малой партии, которую с презрением называли «халдеи» сами не зная, что означает это слово (оно означает—потомки Сима, сына Ноева). Приказ через посланников гласил: «Все мужчины, женатые на дочерях из малой партии, а также все женщины, находящиеся замужем за сынами халдеев, должны развестись и уйти к родителям в свою партию». Этот «указ» нарушал не только заветы и принципы духоборцев, заветы Евангелия о разводах, но подрывал и и разорял семейную счастливую жизнь, потому, что почти у всех супругов имелись дети и, все эти семьи жили очень дружно и счастливо. Разрыв супружеского мирного союза, был смертельным ударом. Легко расходиться при наличии ссор и раздоров—взаимной злобы; но тут разделение происходило между искренне и глубоко любящими друг друга. При разлуке, муж и жена, обняв друг друга, целовались как голуби, неутешно рыдали, называя друг друга самыми нежными словами. Многие женщины обмирали от горя взывая: «Как же я теперь буду жить без тебя, миленький и родненький ты мой Ванечка, как же мы при нашей жизни решаемся осиротить наших милых детушек? Чем же я, миленький мой Ванечка, виновата, что мои родители пошли за Губановыми? Я же верила в Петюшку и думала жить с тобой до гроба, а теперь мы должны разлучиться навеки. О, Господи, за что же это нам такое наказание? Ведь за всю нашу жизнь мы не сказали друг другу грубого слова и так любили один другого, а теперь должны стать врагами из-за вождей». Плач, стон, ропот, как зловещее эхо, слышно было по всем селам. Эти ужасы были и в малой партии. Слезы лились там и тут, и никто не в силах был помочь этим несчастным жертвам, ибо указ вождя—есть ненарушимый закон: выше всех принципов морали духоборческой и евангельской. Кто нарушит эту заповедь, должен отправляться к халдеям—партии «погибших».

Вдобавок к разводам, было приказано: с этого времени люди малой партии, не есть наши братья и сестры, а потому при встречах приветствовать их строго воспрещается. Родные, друзья и знакомые из малой партии при встрече попрежнему,

сняв шапку с головы, говорят: «Здорово живете, милые братья или друзья». На это приветствие люди большой партии, отвечают молчанием, иногда отворачиваются. Если кто-либо из близких родных или друзей, не обращая внимания на запрет, все-таки приходили в дом другой партии, его выгоняли силой из дому, предупреждая, чтобы он никогда больше не переступал порога. Был даже такой случай: в селе Родионово, среди зимы у Вани Быканова — глубоко верующего фанатика, корова вышла из хлева к стогу сена принадлежавшего соседу-халдею. Ваня, увидев свою корову, евшую халдейское сено, говорит: «Ешь, ешь, только посмотрю, где ты будешь ночевать». И когда корова, наевшись досыта, направилась к дому, Ваня не впустил ее обратно в хлев и бедное животное находилось на лютом морозе всю ночь.

После того, как правительство присудило, на основании закона, передать все имущество Губановой партии, отношение большой партии к правительству ухудшилось. Духоборцы обвиняли правительство в несправедливом решении. Правительство утверждало, что при отсутствии документального завещания, оно не могло поступить иначе.

Петюшка отбывал ссылку в разных местах. Сначала с ним находились и все старички, а потом по какой-то причине, всех старцев расселили по одному в разные города. При Петюшке остался только его постоянный слуга Василий Иванович Объедков. Кроме него у Петюшки были две родных сестры-сиротки: Степаша и Ольга. Из посторонних был еще «хромой» Иван, досматривавший за лошадью и борзыми собаками. В то время Петюшка жил как «князь», пил изрядно хмельное (по словам Объедкова) много курил, ел мясо и с политическими играл в карты. Очень любил охотиться и отличался меткостью стрельбы. Имел борзую лошадь, привезенную ему в подарок Иваном Подмаревым.

У Петюшки была особая способность—управлять дикими лошадьми, он любил их больше, нежели смирных. Это он показал нам позже в Канаде. Он очень много читал и имел тесную связь с политическими, хотя был против их революционных идей. Я беру со слов самого Петюшки, его брата Васи и Васи Объедкова следующее: «С политическими играл в карты. Кроме охоты и гарцевания на лихой лошади, мог отлично де-

лать печки «голландки» и хорошо мастеровать. При мне он сложил печку на кирпичном заводе в Йорктоне. Работал так быстро, что я не успевал доставлять ему кирпичей. «Свиньюю» сложил без всяких подпорок. Видно было, что он имел большую практику и опыт. В ссыкле он работал не от нужды, а для здоровья—ему присылали денег больше, чем он мог тратить. Будучи молодым и красивым брюнетом, он увлекал многих дочерей генералов и купцов. Они считали его за богатого князя, навязывались ему в жены и когда он их отвергал, сильно ревновали и ссорились между собой. Иногда почти до дуэли. Бывали случаи, что эти девчата от злобы бросали сырые яйца в Петюшку.

Василий Васильевич Веригин—старший брат Петюшки, рассказывал как участвовал в переселении Петюшки из Шенкурска в Колу, и как наш страдалец, перебирался с лошадью, семи борзыми и громадным инвентарем. Иногда он критиковал брата, иронически называя его: «страдалец наш» за его барское положение. За 16 лет ссылки, Петюшка не написал ни одной книги, кроме личных писем к родным и друзьям. В одной тетради он начал было писать «трагедию», но бросил на третьей странице. Вот содержание этих страниц: надзиратель тюрьмы ушел домой, а потом в театр и забыл передать ключи от тюрьмы своему помощнику, сменившему его.. Так что арестанты остались без пищи до самого утра.

При большом досуге, читая массу книг всех направлений, он избрал философию Л. Н. Толстого и это повлияло на его жизнь. У него хватило силы воли оставить употребление мяса, хмельных напитков и табаку. Каждый честный человек должен, по справедливости, отдать ему должное за его стойкость и мужество. Толстой и сам, до перерождения, вел развратную жизнь, в чем он сам сознается. В. И. Объедков продолжал курить папиросы, несмотря на то, что его господин оставил их употребление. Однажды, рассказывает Объедков, Петюшка спрашивает меня: «Когда же Вася ты бросишь курить»? «А вот докурю все папиросы и брошу», ответил я с усмешкой. А папирос у нас было несколько тысяч — только что выписали из Москвы. На это Петюшка сказал мне так: «Я не имею права принуждать тебя Вася, но по дружески советую последовать моему примеру, а иначе нашей дружбе придет конец». Объед-

ков сжег все папиросы и дал обет больше не курить.

Через некоторое время Объедков и Конкин были посланы в духоборию, передать приказ: «Оставить употребление мяса, табаку и алкоголя, и считать употребление этих продуктов за «смертный грех». До сих пор по примеру Лушечки и Петюшки, большинство духоборцев, употребляли табак, а когда услышали приказ, начали чесать затылки; но податься было некуда: всякий противящийся будет считаться наравне с халдеями и погибнет душой. Приказ вошел в силу. Многие продолжали курить тайком, но их ловили—застигали врасплох и осуждали публично. Итак, курение было оставлено из-за страха, но отнюдь не от сознания. Духоборцы стали вегетарианцами, трезвенниками и некурящими.

Эта новая заповедь, откололa от большой партии новую партию, которую назвали: «Воробьевской». Воробьев, как читатель уже знает, играл почти такую же роль и имел такое же влияние на духоборцев, как и сам Петюшка. Когда Объедков объехал все села и передал приказ вождя, то Воробьев поднял вопрос: «Почему не кушать мясо, не пить водку и не курить? Бывало, когда режем овец или скотину, то самый первый кусочек лучшего мяса несем к нашей родимой Лушечке, царство ей небесное и вечный покой, вспомянуть ее в добрый час, и она никогда не говорила нам, что кушать мясо грех. Бывало, когда приедешь в город всегда купишь для Лушечки самой лучшей водочки, винца, пива, папиросочек и несешь к ее святой милости. И она всегда всё это принимала с большой радостью и благодарностью. Это была вера наших предков и наша, а теперь, вдруг все это надо изменять, как будто всё это было не по Божьему закону. Тут что-то не так, братья и сестры. Я осмелюсь вам сказать, что Петюшка, будучи с политическими преступниками, начитался слишком много и под влиянием безбожников, начал отступать от своей веры. Выдумал слово «вегетарианцы», никогда я не слыхал этого слова от блаженной памяти родимой Лушечки. Не променяю я духоборческую хорошую веру на вегетарианскую. Мы и не слыхали про эту нацию. Если мы примем вегетарианскую веру, то они начнут нас крестить в воде, как армян. Этого от роду не было слыхано». Выслушав разъяснение Воробьева, часть духоборцев усомнились в новых заповедях: бросить все

легко, а как тогда отвечать перед Господом за нарушение своей веры? Со всех сел хлынули к Воробьеву за его советом и мнением. Воробьев, хотя имел большой авторитет, был малограмотным и читал очень мало. О философии Толстого он, пожалуй, не слыхал и не знал. Все его доводы были целиком обоснованы на прошлых традициях духоборцев. По его понятию, духоборцы были «совершенны» и нечего было стремиться к нравственному улучшению. «Я слышал от Лушечки», говорил Воробьев, совет ребятам, которые шли в армию. Вот что она говорила им: «Если будете на войне, то стреляйте выше голов врага, чтобы не убить человека», а о мясе и курении ничего не было сказано, следовательно. Петюшка, начитавшись плохих книг, впал в заблуждение».

Когда Объедков вернулся к Петюшке, он нашел большую перемену: вся прислуга была распущена, не было уже борзых собак, лихой лошади, обстановка квартиры опрощена и сам Петюшка изменил характер: из властелина и барина превратился в простого рабочего человека. Все время занимался плотнической и другими работами, и помогал бедным. Оставил карты, танцы и дружбу с клубами политических. Объедков нашел в Петюшке «нового человека» — Петюшка начал жить по Толстовски.

В 1895 году, на восьмом году ссылки, Петюшка прислал свое любимое ружье винчестр к холоденским духоборцам в Тифлисскую губернию и, через надежных апостолов, приказал сжечь все имевшееся у них оружие. Об этом писалось уже много раз, и я не буду повторять. Добавлю лишь одно: сожжение оружия, как и отказ от мяса, водки и табака произошли совсем не потому что духоборцы осознали принцип: «Не убий», а делали все это по приказу вождя. Партия Воробьева отклонила и сожжение оружия.

Когда духоборцы ночной порой стали свозить оружие, то тут оказались друзья Губановых, которые дали знать о том, что большая партия для чего-то собирает оружие (о сожжении они не знали). Партия Губановых, узнав об этом сборе оружия, и вероятно чувствуя себя виновной в захвате всего имущества, подняла тревогу перед правительством. Был сделан донос: «Большая партия собирается напасть на нас с оружием в руках! Помогите и защитите! Мы ваши верные граждане!» Прави-

тельство, конечно хорошо зная какая вражда была между партиями, приняло тревогу серьезно и немедленно вытребовало полк солдат из Александрополя под предводительством генерала, князя Михаила Америджиби, с которым, будучи в ссылке, пришлось познакомиться. Это хороший старикашка. Он рассказывал нам, как его солдаты шли всю ночь, обо435нять Губанову партию от атак, которых не было. Нам советовал воротиться обратно в свои дома и жить спокойно. «Не в ваших силах изменить государственную организацию», говорил он. К удивлению, его сын Костя, был толстовец, работал физически: пахал землю и прч., хотя был очень богатый. Отец генерал, как маленький «царёк», имел великолепный дворец и около 50 аулов крестьян на своих землях.

Добавлю о сожжении оружия. Духоборцы навлекли на себя большие неприятности, когда губернатор, приехав в село Богдановку, послал двух казаков в «Пещеры» где сжигалось оружие и происходило торжественное богомоление, пригласить несколько старичков для переговоров. Когда казаки, доложили об этом духоборцам, те, решительно заявили: «Мы еще не закончили богомоления и не имеем никакого дела к губернатору; а если ему нужно говорить с нами, то пусть пожалует сюда». Такой грубый ответ взбесил губернатора. Он приказал послать сотню казаков и пригнать всю толпу к нему. Когда сотник с казаками предложили всем богомольцам идти к губернатору, те снова ответили, что еще не закончили богомоления и не имеют никакого дела к губернатору. Тогда урядник приказал казакам гнать толпу силой. Засвистели плети. Многие были засечены до полусмерти. Когда толпа была пригнана к губернатору, тот успел уже охладеть от гнева. Сняв шапку, он громко крикнул: «Здорово, братья духоборцы!» Духоборцы не снимая шапок, ответили: «Слава Богу!» Урядник закричал: «Шапки долой!» Но духоборцы шапок не сняли. Тогда снова загуляли плети по головам толпы. Это сопротивление было бессмысленно и не нужно. Тут проявилась глубокая вера без разума. В то время духоборцы не вникали в политику и верили своим псалмам, но они забыли, что сказано в псалме: «Царя почитаем и его властям повинуемся». Если бы это повиновение было выполнено, то никакого битья и сечи не произошло бы.

Духоборцы Тифлисской губернии были преданными сво-

ему вождю до фанатизма. Живущие в Карской области и Елисоветпольской губернии, были более рассудительными по отношению к местному начальству и в этих двух местах сожжение оружия прошло почти незаметно. Позже, когда молодые люди стали бросать свои ополченские билеты приставу, тот применял строгие меры и происходили аресты. Но, и тут духоборцы проявили свою грубость и невежество. Когда в Карскую область приехал из Петербурга главный архиерей Скворцов, узнать лично что случилось с духоборцами, из миролюбивых граждан они вдруг стали революционерами. Судьба духоборцев была в его руках, потому что от его доклада правительству зависело многое. Это был хороший случай для духоборцев — выяснить свое положение. Они могли сказать: «Будучи последователями заветов Христа, мы не можем быть солдатами — мы верим в учение не только «Не убий», но и в заповедь «Любите своих врагов». Они могли попросить Скворцова, как духовного человека, знающего учение Христа, войти в их положение, доложить лично царю об их участи и добиться избавления духоборцев от воинской повинности. Такой подход к Скворцову был бы христианским и приятным для него, и вполне возможно, что он мог что-либо сделать в пользу духоборцев, так как имел громадный авторитет в глазах царя. А вот как отнеслись к Скворцову в селе Спасском: когда сошлись все члены села на собрание, пришел и Скворцов. Но на его привет ответа не последовало. Потом Иван Васильевич Подовинников, бывший сельским писарем, с насмешкой громко крикнул: «Братья и сестры послушаем, что нам напоет Скворечик!» Это обидело Скворцова и настроило его враждебно против духоборцев. Вскоре после отъезда Скворцова Подовинников был арестован и посажен в тюрьму. Из разговоров Скворцова с духоборцами ничего хорошего не получилось. Вопрос воинской повинности был вопросом очень большой важности и не по силам местному начальству. Этот важный вопрос нужно было передать высшему начальству—самому царю батюшке в христианском духе и с разумным объяснением, почему духоборцы не могут быть солдатами, и попросить избавления или, в крайнем случае, разрешения переселиться за границу. Такой разумный акт избавил бы духоборцев от ненужной преждевременной гибели тысяч душ, по грузинским

и татарским аулам и в дисциплинарном батальоне.

Бывшие в дисциплинарном батальоне мученики, рассказывают: «Когда пригнали нас туда, все мы были в цветущем возрасте, молодые, здоровые красавцы, и когда начальник узнал, что за нами нет никаких уголовных преступлений, и что вся наша вина заключалась в том, что мы не могли «убивать» людей, то со слезами на глазах упрашивал нас: «Ребята дорогие, вы не знаете, что вас тут ожидает. Вас ожидает ужасная, нечеловеческая пытка и эту пытку должен совершать по службе я. Я смотрю на вас—как на своих детей, которых люблю; я страдаю за вас душой, и прошу вас во имя вашего Бога, покоритесь, примите ружья и спасите свои жизни. Войны сейчас нет и не предвидится, следовательно вам не придется никого убивать, а еслибы и взяли на войну, то вы можете стрелять выше, чтобы ваши пули пролетали над головами, не убивая людей. Вы не желаете убивать других, это хорошо, но я умоляю вас: не убивайте самих себя».

На все эти дружеские советы, духоборцы отвечали отрицательно. Неужели это было нужно и угодно всемогущему Богу?

Эти борцы—архи-мученики за правду Божью, авангард духоборческого движения были потом освобождены и сосланы в Сибирь. Живя в Сибири, на полной свободе, в течении нескольких лет, они незаметным образом, постепенно забыли свои идеи, которые были переданы им от вождя, и зажили мирской грешной жизнью. За исключением немногих, начали употреблять мясо, алкоголь и табак; несмотря на традиции духоборцев—жениться только на духоборческих девицах, многие поженились на православных, а некоторые, будучи женатыми и имея детей (их семьи в это время были уже в Канаде), снова поженились на сибирячках и когда, после освобождения, прибыли в Канаду, старые жены, честно ожидавшие своих «мучеников», были поражены, встретив их с «новыми» подругами. Получался скандал: старые жены с детьми, остались вдовами при наличии мужей. Вождь ожидал этих страдальцев как своих верных апостолов: он послал И. Е. Конкина облегчить их переезд из Сибири в Канаду. А также был послан и я, встретить и приветствовать страдальцев в гор. Квебек. Главная партия успела отъехать до моего приезда, но я встретил

больных, которые были задержаны трахомой. Когда я увидел, что они кушают мясо, то был поражен и разочарован. Приехавшие внесли в общину большой соблазн: нарушением заповедей и критикой самого вождя, что посеяло в нем злобные чувства. Стойкость духоборцев постепенно слабела. Многие пережившие ужасные мучения и в разное время получившие по 800 розог, говорили,что если бы это повторилось, то они не пошли бы на такие страдания. Та правда, которую мы хотели водворить в мире, не была в нашем обществе. Все посылаемые братьями деньги для помощи всем нам, не доходили до нас, а расплывались по карманам Веригиных и Конкиных.

Слишком большое неравенство воцарилось в среде духоборцев.

За отсутствием Петюшки, духоборцы Карской Области последовали за его старшим братом, Василием Васильевичем. Построили «сиротский дом» в селе Терпение и водворили этого господина на «престол». Он уже стал играть роль «божка», как он сам иногда говорил в шутку. Духоборцы той области начали обожать его—по глаголам Лушечки, что во всех Веригиных есть по капле святой крови; начали звать его в гости во все села и встречали с почетом и пением как заправского вождя. А часть тамошних духоборцев, в это же время обожала вождя Петра Янина—евнуха, считая его «святым».

Узнав об этом, Петюшка, сразу же послал своего верного друга и слугу В. И. Объедкова с приказом духоборцам: немедленно выдворить Василия Васильевича из сиротского дома, а на его место водворить самую бедную в селе семью. Это было семейство Петруни Дарафеева. Духоборцам был дан строгий выговор за измену и такую слабую веру в Петюшку. Объедков упрекнул и постыдил карских духоборцев: «В одном общесстве Христа не может быть две головы». (У китайского бога—три головы. С. Р.)

Василий Васильевич был сильно сконфужен перед миром и затаил злобное чувство по отношению к Объедкову, называя его вслух неприличными именами. Пожалуй, он был обижен и младшим братом — вождем, но хранил чувства в глубине своего сердца.

В этот период послы тайком посещали Петюшку и привозили все новые и новые заповеди. От большой партии отко-

лолась еще группа, которую назвали: «Третьюшка Ивина». В этой партии крайне «левых» радикалов, находилась и наша семья. Это были анархисты—в полном смысле этого слова. Они открыто отвергли всякую власть: не снимали шапку перед чиновниками и отвергали все законы. Приведу один пример. Правительство предписало: «Для гигиены и сохранения здоровья, духоборцы обязаны иметь приличные уборные». «Третьюшки» нашли этот указ дьявольским—противным Богу, и отказались выполнить. Через некоторое время явился уездный начальник и стал лично ходить по всем дворам, дабы убедиться в исполнении разумного предписания. Все члены «третьюшки» были арестованы с наложением штрафа. Сердце надрывалось когда у нас отобрали породистого серого жеребца-красавца, гордость нашего хозяйства, стоившего сотни рублей. Теснили нас и за другие сопротивления, в виде штрафов забирали: овец, полсти и другие ценности. Чапары (стражники) по приказу начальника, избивали плетьми моих старших братьев до крови. При оценках, властям помогали наши же братья из большой партии. Так что из большой партии Веригина получилось три партии, кроме Губановой.

Хорошо помню, как в 1894 году, духоборцы нашего села подверглись ужасному избиению, когда уездный начальник (грузин), приехал с предписанием присягнуть государю Николаю II. Духоборцы решительно заявили: «Присягать царю не будем». «Почему»? — спрашивает начальник. Опрос начался с Вани Макосеева—преданного доброго человека: «Потому что я духоборец», ответил Ваня. «Ты духоборец, а я грузин», отвечает начальник. «Я спрашиваю, почему вы царю не хотите присягать»?. Следует тот же ответ и повторяется много раз. Рассердившись, начальник приказывает чапарам бить Ваню. После долгой сечи уездный смягчился, что-то тронуло его звериное сердце и он дружески громко сказал всем духоборцам: «Когда я спрашиваю вас, почему вы не принимаете подданство царю, вы отвечайте: «потому что это против заповедей нашей веры», Я же не спрашиваю вас, какой вы секты». После этого он снова стал опрашивать всех по одному, и все отвечали согласно его совета, а он записывал, и чапары больше уже не били никого. Так что при многих случаях, духоборцы страдали из-за незнания и неумения выразить своих

убеждений.

В скором времени правительством было объявлено, что все духоборцы «постники», не признающие власть царя, подлежат высылке из своих домов с полной конфискацией имущества включительно до урожая на полях. В первую очередь должны будут выехать из своих домов семьи радикальных духоборцев (значит и наше семейство). Все духоборцы будут расселены по грузинским аулам, по два семейства на аул, а радикалы по одному семейству. Этот указ спаял «Третьюшку Ивину» с большой партией, члены которой до этого времени мучили своих братьев вместе с правительством.

В это время все села были буквально наводнены войсками — казаками и солдатами. Окольные жители из армян, узнав что духоборцы уходят из своих домов и все имущество оставляют, пришли просить что-нибудь в подарок. Им охотно отдавали многое, потому что на семейство имелся только один фургон и забрать с собой много вещей было немыслимо. Безжалостные солдаты, как видно по приказу высшего начальства, жестоко избивали этих армян. При виде солдат они убегали, а солдаты догоняя беглецов били их в поясницу прикладами так сильно, что те падали на землю пластом. Истязатели хохотали: «...... если теперь не почувствуешь боли, то она под старость отрыгнется».

Духоборцы Воробьевой партии, во многих случаях, родственники уезжающих, забирали все, что могли и даже занимали дома.

Покидались насиженные за 54 года дома, скот, поля, — все это приобреталось тяжелыми трудами, было близко и мило сердцу, и вот теперь нужно было идти Бог знает куда.

7/20 июля 1895 года настал день нашего отъезда из родного милого гнезда. Казалось, что остающийся скот, куры, собаки, кошки и те почувствовали вечную разлуку, и выглядели унылыми. Когда начали выезжать, собаки подняли такой жалобный протяжный вой, что разрывалось сердце. Соседи: армяне и татары, пришедшие проводить нас, плакали и говорили: «Зачем такой дела царь сделал? Если вы зажигал свой оружий, это ваше дело, зачем прогоняет из своей хата? Это не хорошо, ей бог нехорошо».

Нельзя забыть то страдание, которое мы пережили

тогда. Но непоколибимая вера и надежда на вождя были так велики, что мы отправлялись, как будто бы на духовный праздник. Некоторые пустили слух, что правительство испытывает нас, могут даже навести орудия и скажут: «Если не покоритесь, то всех расстреляем». А когда убедятся, что нас нельзя ничем покорить, сошлют на Полинезийские острова, где нет зимы и новые плоды произрастают каждый месяц. Только тогда мы будем жить в обетованной земле.

Такие глаголы радовали всех. Фургоны первой партии из всех сел собирались в село Богдановку. Это было последнее село по пути нашей ссылки в Горийский уезд. Жители села приняли гостей очень радушно. Вечером было созвано собрание. Старички рассказывали о том, что слышали от своих святых. Всё что было сказано ими когда-то, теперь сбывается, и всему этому надлежало быть. Некоторые утверждали, что еслибы Петюшкины казаки устояли на Лушечкиных похоронах, то суд божий закончился бы тогда, и этой ссылки мы миновали бы.

8/21 июля 1895 года большой обоз, состоящий из нескольких десятков фургонов, двинулся по направлению к Ахалкалаку и дальше. Дети и старики поместились в фургонах, а остальные—шли пешком по обеим сторонам обоза. Несколько вооруженных стражников-чапар верхами сопровождали обоз.

Плач детворы и женщин, родители которых остались с Воробьевым, наполнял воздух. Молодежь, со всех сел, познакомившись, весело пела духовные песни, а старики пели унылые псалмы, надрывающие душу. Двигались медленно. Старички пророчествовали: «Если царь отпустит духоборцев из своей страны, то он потеряет свой престол, потому что Бог уйдет с духоборцами». Многие из престарелых духоборцев верят этому и сейчас, т. е. если бы царь не отпустил духоборцев, то он и теперь был бы на своем месте.

Обоз изгнанников ползет по извилистым дорогам уже несколько дней. Пошел дождь, смочил землю, тяжелая грязь налипла на ноги пешеходов, набилась между колесных спиц которые еле повертываются. Лошади не в силах тащить фургоны. Сопутствующие, промокшие до ниточки, очищают колеса с помощью тростей, а некоторые голыми руками, и гонят бедных лошадей дальше: Зловещие темные тучи висят над обо-

зом. Сверкает ослепительная молния, гром ударяет с такой силой, что земля содрогается. Народ и лошади в ужасе. Слышно как старенькая бабуня, при каждом громовом раскате громко восклицает: «Свят, свят, Господь наш, помилуй нас.» Многие полагают, что наступает «конец веку» и сожалеют об оставшихся духоборцах, которые должны, из привязанности к своему богатству, погибнуть. Когда обоз по зигзагообразному шоссе начал спускаться в глубокую балку в направлении к Боржому, сильно уставший народ, начал сползать с горы напрямик в глубокий яр, чтобы сократить дорогу. Сползать старались по промытым трещинам, но все равно на пути было много валежнику, кустов и камней рвавших платья.

Обоз вышел из гор, прекрасных лесов Букурьяна, в долину, к громадной и очень мутной реке Куре, оставив Боржом позади. Пред нами открылась широкая плодородная долина между плоскогорьями по обеим сторонам, и все это плоскогорье, насколько охватывает глаз, густо заселено грузинскими аулами приютившимися в тени фруктовых деревьев. Все аулы и поля принадлежат князьям. Во время странствования, а, в особенности, когда обоз вышел в долину, все жители смотрели с удивлением: откуда появился этот громадный караван, с такой большой толпой и куда он следует? Многие, в особенности, князья, хорошо говорившие по-русски, с интересом расспрашивали: «Что вы за люди и куда держите путь?» Старший брат Игнаша, становится на вытяжку, как солдат, и начинает рапортовать затверженный им раньше ответ: «Был у нас духоборцев общественный сиротский дом с большими капиталами» и подробно излагает всю историю, как мы были обижены Губановыми и правительством. Отняв у большой партии все имущество, правительство теперь выгнало нас из домов на произвол судьбы и т. д. и т. п. Пока он, бедняга, читает им свой доклад, обоз за это время удаляется и ему, при очень слабом здоровьи, приходится бежать, чтобы догнать свой фургон. Только что он это сделал, как его встречает другой человек, снова спрашивает о том же и опять Игнаша начинает свою речь доводя себя до полного истощения. Только безграничная вера в свою правоту, поддерживала его слабые силы.

Когда обоз достиг станции Михайлово, узловой пункт на Закавказской Ж. Д. идущей из Батума в Баку и ветки в Бор-

жом и Сурам, весь наш караван был распылен по разным балкам и аулам. Часть семей, в том числе и наша, были разбросаны в окружности станции Гоми, по балке в направлении к Казбекским горам, в маленьком ауле «Сунисн». Земля тут суглинистая и после дождей фургоны увязли так, что колеса не могли крутиться. С большим старанием очищая их, мы добрались до села Авлеви, и по приглашению князя Паловандова остановились на его земле—возле прекрасного дворца. Все грузинские князья играли роль «царьков». Расспросив подробно о нашем положеии, он посоветовал нам остаться на ночь у него и обещал похлопотать перед правительством о дозволении—обосноваться у него на все время. Мы были рады такому радушию и с радостью приняли предложение. Такое дружеское отношение со стороны князя, говоравшего на чисто русском языке очень обрадовало нас, и мы со спокойной душой, расположились на ночь: раскинув постель под лопасом на земле. Усталые с дороги, мы моментально заснули, но долго спать не пришлось: в 12 часов ночи явились три стражника со старшиной и начали нас ругать: «Как вы смели самовольно остановиться тут? Ваша дистанция в горах, в ауле Сунисн». Князь, вступился за нас, но ничего не помогло и после грубого долгого разговора по грузински с начальством князь сказал, что он очень жалеет нас, но указ высших властей—закон, и мы должны отправляться сейчас же, не дожидаясь утра; а иначе и он будет подвергнут суду за неподчинение. . И мы, мокрые, усталые, только-что заснувшие должны были сложить свои пожитки и снова в темную ночь, по грязной плохой дороге, тащиться в направлении Казбека. «Сунисн», где нам было обречено находиться, состоял из десяти очень убогих саклей—обедневших крестьян. Во всем ауле только одно семейство было зажиточным, имело домик а все остальные жили в саклях, вырытых в земле, и настолько бедны, что не имели никакой постели и спали на голом земляном полу, одевшись поношенной дырявой чухой. Мы нигде не могли найти приюта. О квартире нечего было и думать. Хоть бы какой-нибудь лопас, где можно укрыться от бури и дождя! Мы были вынуждены расположиться на краю улицы и постелить на земле. Земля смешана с навозом. Миллионы крупных черных блох прыгают во все стороны по белому рядну. Это не преувеличение, а «Божья правда». Наше

появление в ауле, было невиданным событием для полудиких горцев. Когда мы ложились спать, нас окружали, насмехались, бросали в нас куски сухого навоза и всячески беспокоили. Были случаи, когда грузинята воровали у нас подушки из под голов во время сна.

Единственным нашим утешением было обращение к Господу Богу: поэтому мы совершали два раза в день «богомоление» по духоборческому обряду: мужчины становились в одну шеренгу, женщины в другую—лицом друг к другу. Поочереди все читали псалмы, которые знали наизусть, потом начинали петь. После этого мужчины брали друг друга за руку и делали два поясных поклона: один из них приговаривает: «На сем месте поклоняемся Отцу, Сыну и Св. Духу», потом целуются и делают третий поклон, а другой отвечает: «Верим и надеемся яко был с нами Бог, есть и будет». Это проделывал мужчина с каждым мужчиной и женщина с каждой женщиной. Потом снова пение двух унылых псалмов и служба кончается. В течение нашего богомоления на улице, грузины иногда окружали нас и всячески издевались: насмехались, передразнивали наше пение и чего-то выкрикивали—благо, что мы не знали ни слова из их языка. Правительство поощряло плохое отношение к духоборцам, как наказание, и воспрещало давать им работу.

И вот, приткнувшись в углу улицы, мы стали устраиваться на жительство: поставили таганок-треножку, для варева пищи, собрали хворостику на поле и приступили к стряпне. Около аула, возле дороги, лежало громадное дерево. Все листики целехоньки. Никто не смел к нему прикоснуться. Позже мы узнали, что грузины почитали это дерево за «святое» и верили, что если кто прикоснется к нему или возьмет от него хотя бы один листок, того постигнет большое несчастье в жизни. Мы решили, что это дерево видимо, сохранялось Богом для нас. Взяли топоры, пилу, отвалили одну громадную ветку и притащили на лошадях к своему табору. Немного погодя, прибегает свирепый староста аула, сильно бранит нас и, не получив ответа, начинает больно бить бедного Игнашу. Потом приводят отставного солдата Андро в качестве переводчика. Говорил он по русски очень плохо. «Как вы смели тронуть самовольно святое дерево»? — спрашивает староста. Наши ответи-

ли, что по их мнению, это дерево кроме как на дрова, никуда не годится и взяли только одну веточку. «Это заповеданное дерево и беда тому, кто нарушит заповедь», — сказал старшина. «В таком случае беда будет нам, чего же вы сердитесь и бьете нас?» Дело было улажено и мы, за время нашего пребывания там, по Божьему благословению, использовали это «заповеданное» дерево до последней щепки.

В соседнем ауле остановилось семейство Гриши. Шерстобитова и обедневший князь, у которого они находились несколько раз приходил ночью в маске, с помощниками и требовал деньги. Шерстобитовы уверяли, что денег у них нет. Тогда вынув кинжал, князь приставлял его к груди старика и вертел, как будто сейчас пронзит Гришу. Старик ни разу не сробел и не сознался.

Зажиточный грузин нашего аула Ясон однажды предложил нам переселиться к нему и жить на его балконе под крышей, а за это работать у него на току—молотить пщеницу. Мы были рады такому предложению: на деревянном полу было много удобней, нежели на улице. Каждый день мужчины и женщины всей семьей работали бесплатно: молотили, веяли и просевали зерно, ссыпали в закрома и так продолжалось несколько недель. Иной день по причине лихорадки, некоторые члены семьи не могли работать. Тогда Ясон прибегал и громко кричал на нас: «Моди калози мушоба» (Идите работать на ток) но видя, что люди не идут, начинал сбрасывать с балкона нашу постель и одежду. Это он делал довольно часто.

Первое время нашей ссылки, правительство относилось к нам очень строго и не позволяло даже посещать свой народ в других аулах, но при всей этой строгости, люди ходили украдкой: посещали больных и хоронили умерших; позже правительство смягчилось, и разрешило даже менять аулы и соединяться с другими семьями. Это снисхождение было сделано благодаря князьям. Они все без исключения сочувствовали духоборцам, которых они полюбили и считали за хороших людей. Власть на Кавказе принадлежала больше князьям и они имели очень большое влияние. Благодаря такой уступке, большинство семей двинулись к станциям Жел. Дороги и стали занимать за недостатком средств одну квартиру на несколько семейств. В нашей группе было более 60 душ из следующих семейств:

Махортовы, Лактины, Резанцевы, Гридчины, Дубинины и мы Рыбины. Климат в этой местности нездоровый и духоборцы жившие всю жизнь на мокрых горах в прохладном месте, повально болели—лихорадкой, дизентерией, куриной слепотой и др. Ели только постное и того не достаточно, были случаи: не имели пищи по нескольку дней. Многие совсем ослепли. Иногда из нашей группы выносили по два гроба в один день. Когда начинает трясти лихорадка, делается страшно холодно при ужасной жаре. В горячей бане даже человек не может согреться, а когда пройдет озноб, от которого человек щелкает зубами, наступает ужасный жар и больной бредит. Некоторых (и меня) лихорадка трясла два раза в день. Но самая ужасная болезнь—дизентерия с ее последствиями. В нашем доме пять человек похоронили в три дня. Куриная слепота: как только сядет солнце, человек совершенно не видит и нуждается в помощи.

Кто мог, начали работать на железной дороге: нагружать лопатами тяжелый гравий на открытые платформы стоящие высоко на рельсах. Это был адский труд, в особенности, для юношей. Плата была ничтожная. Ели на работе только хлеб с водой. Работали и женщины. Смерть казалась завидным праздником по сравнению с такой каторгой. Однажды, при разгрузке гравия с вагонов около Боржома, поезд был разъединен и один вагон сошел с рельс. Согнали всех рабочих поднимать этот порожний вагон на рельсы, и когда поднимали, Михаил В. Казаков стоял над буфером вагона. В это время поезд тихо соединялся и вдруг буфера обоих вагонов зажали Мишу Казакова и когда по сигналу поезд снова разъединился, бедняга упал мертвым между рельс. Его вытащили и положили на ссыпанный гравий. Через несколько минут он «воскрес» и начал дышать. Это было чудо. Впоследствии он достиг ранга: вице-президента Христианской Общины.

Работали мы на высоких горах около станции Марилиси Закавказской Ж. Д.—проводили дороги по высоким горам и дремучим лесам. Для нас юнцов, эти работы были хотя и очень трудные, но много легче работ на гравие. Мы также таскали землю на полотно Ж. Д. на носилках. Кроме земли мы должны были носить и свои лопаты потому что, если оставить лопату на месте, то ее украдут другие. Сколько ссор и драк

происходило между грузинами из-за лопат. За потерю лопаты стоимость ее высчитывалась подрядчиком из заработка.

Но и при таких ужасных обстоятельствах народ не падал духом и умирал без ропота. При похоронах родные и близкие тихо плакали, веря, что помирали во имя великой идеи. По обычаям грузин, по умершему нужно громко голосить, бить себя по голове рукою и вырывать себе волосы. Все родственники входя в дом, где лежит покойник, начинают горько плакать. Смотря на наши похороны, грузины говорили: «У вас нет сердца и чувства жалости к умершему».

Много духоборцы перенесли страданий в Грузии. Вся красивая страна засеяна могилами мучеников.

Духоборцы «постники» из Тифлисской губернии были высланы поголовно и разбросаны по грузинским аулам. Но духоборцы в Елисоветпольской губернии и Карской области оставались на местах, однако молодых ребят, подлежащих воинской повинности и некоторых видных деятелей выслали в ссылку по татарским аулам.

Привожу стихотворение Ивана Самародина, как воспоминание о страдании молодых мучеников, посвящено памяти Федора Н. Вышлова.

Далеко в закавказском краю,
Страдал духоборец молодой.
Он оставил родную семью,
И любимый край свой родной.

Всей душой, он духоборчеству был предан
За что и сослался в татарский аул,
Который был под названием Шабъян;
Его поставили под строгий караул.

Там болезнь его поразила,
Много, тяжко, от ней он страдал;
На здоровье надежды не было,
Он предсмертные слова шептал:

Дом родной, жена и дети,
Брат, сестра, отец и мать;
Все это у меня есть на свете,
А одинокому суждено умирать!

С того аула из-под гор,
Татарин весточку нам принес:

«Ваш товарищ, друзья, умер!»
Это тронуло нас до слез.

Хоть печаль давила грудь,
Я не стал откладать.
Скоро тронулся я в путь —
Последний долг, другу отдать.

Одинок я тронулся в путь,
Товарищ не мог со мной идти.
Жуть слегка навевало на сердце,
Но Господь сохранил на пути.

Сколотили мы ему гроб сосновый,
Наилучше, как только смогли;
И убрали его в костюм новый,
Все в порядок старались привести.

Еще вопрос нам предстоит,
Тяжелый на пути —
Где, товарища схоронить?
Надо было к старшине идти.

К старшине мы ходили,
Чтобы место указал;
Но он нам место для могилы,
На кладбище отказал.

Мы, говорит, по закону своему
На кладбище на своем —
Из русских людей, никому,
Для могилы место не даем.

Идем дальше, на пути,
Идет некий Есаул;
Велит он нам за ним идти,
По тропинке за аул.

Мы последовали за ним,
Торопливо и без фальши,
И пришли мы вместе с ним,
От аула уж подальше.

Эту местность имел мой отец и дед,
И теперь она моя.
Никому тут дела нет —
Что велю вам рыть, могилу я.

И он сделал как тревогу —
Что покойник у нас есть.

Но никто не пришел в помогу,
Чтоб к могиле покойника снесть.

Мы вырыли могилу,
На холмике под леском;
Принесли и опустили,
И засыпали желтым песком.

И по обряду своему,
Как он был нам товарищ милый,
Прочитали по псалму,
Над его могилой.

Ты уходишь от нас милый,
В долину вечного молчанья:
Так прочли мы над могилой,
Где нет ни слез ни воздыханий.

«Искра».

В течение почти четырех лет ссылки по аулам духоборцы пережили адские страдания. В это время друзья духоборцев и сами духоборцы обращались с воззваниями ко всем странам земного шара и просили разрешения переселиться при условии, что будут освобождены от воинской повинности. Только одна Великобритания согласилась принять духоборцев. Сначала на остров Кипр, где климат оказался нездоровым, а потом в Канаду.

Первая партия из Сигнакского уезда отправилась на остров Кипр. Все отъезжавшие были наши родственники, друзья или знакомые. На станции Скра поезд стоял минут 15. Все духоборцы, жившие там вышли для проводов и заполнили платформу станции. Уезжающие вышли из товарных вагонов—и началось прощание: троекратное целование и при каждом поцелуе слова: «Ну, прощай друг, может больше не увидимся». Поезд пришел поздно вечером, освещение на станции было слабое. Пользуясь суматохой, группа молодых грузин смешалась с толпой. При виде красивой девушки или молодой женщины, грузины подходили и говорили: «Прощай, друг, может больше не увидимся». Целовали их, как делают духоборцы, три раза. После хвастались: «Какой был хорош ваш девка, как я ему сладко поцелуй».

Отъезжавшие ликовали от радости, и говорили: «Бог дал, дождались — едем в обетованную землю. Было сказано

родимой Лушечкой: «Уедут духоборцы из России на железном коне». Вот оно и пришло. Но остров Кипр оказался для многих могилой.

Дошла, наконец, очередь и до нас. Погрузили нас в товарные вагоны и высыпали в городе Батуме почти поголовно больных. Воздух был наполнен шумом, криком и стоном. По прибытии парохода «Лэйк Хурон», его быстро разгрузили от угля, хорошо обмыли, оборудовали койками, которые устраивали свои же плотники. Пассажиров набили, как сельдей в бочёнок. При отходе был дан долгий и унылый гудок. Это наводило тоску. «Покидаем милую родину навеки», говорили люди. Ведь духоборцами дано было обещание никогда не возвращаться обратно. Так хотел царь. Многие плакали. Пароход начал отчаливать от берега и пошел черепашьим ходом. Во время нашего путешествия нас перегоняли другие грузовые пароходы. Многие ожидали, что по глаголам, когда наш пароход начнет отходить от берега, с берега ударят в нас из трех орудий, и если мы устоим, то правительство возьмет нас обратно и поселит в хорошем месте в России. Но глаголы не исполнились, никаких выстрелов не было. Батум удалялся, делался все меньше и меньше, и наконец, исчез в синей дымке, а мы были окружены водой Черного моря. Алексей Иванович Рыльков имел атлас. Все окружив его, смотрели на карты. Проплыв Черное море, вошли через узкий пролив в Мраморное. Удивительная картина: вода в Черном море действительно черная по сравнению с водой пролива Босфор и отрезана как стена, — не мешается. Молодая женщина говорит: «Девушки, миленькие, вы знаете, что мы теперь плывем по Мраморному морю». Одна из группы отвечает: «Ерунду порешь, мраморных морей нету и по мрамору плавать нельзя. Есть мраморные умывальники, дворцы, это есть, а морей мраморных нету и ты больше этого никому не говори, а то будут над тобой смеяться». Молодая женщина сильно обиделась и говорит: «А ты дюже умная, все узнала: неужели Алеша Рыльков хуже тебя знает, я ведь от него слыхала, он указывал на план и сам говорил всем что мы плывем по Мраморному морю, а ты мне подставляешь какой-то умывальник и дворцы . . . тоже ляпнула . . . черезчур умна».

Проехали мимо Константинополя по Средиземному мо-

рю, смотрели на всё с восхищением. Пароход полз без качки, как по стеклянному полу. Подошли к Гибралтару. Рыльков осведомляет публику: «На юг — это Африка, а на север — Испания». На юге видно много ветряных мельниц, а на севере кое-какие поселения. Впереди Атлантический океан. Погода в конце декабря была ветреная. Волны в океане казались страшными горами и мы должны были идти им навстречу.

Молодежь начала общаться и «сходиться» — кавалеры знакомились с девушками и женились. В ссылке браки были запрещены Петюшкой, теперь же, вся палуба на пароходе была занята молодожёнами: гурьбами и попарно. Не было щели где бы не ютились «парочки».

Лев Антонович Сулержицкий, небольшой ростом но очень живой человек, по просьбе Л. Н. Толстого, сопровождал партию. Он избрал для себя самых здоровых и бойких парней в матросы и обещал им по приезде в Канаду подарить каждому по паре сапог «вытяжек». Сулержицкий бегал по пароходу, стараяссь везде навести порядок и когда его не слушали, нервничал и ругался. Когда наш старенький пароход воткнулся в громадные волны океана — его стало бросать во все стороны, как щепку: волны заливали нижнюю палубу. Пассажиры, как мыши попрятались в нутро парохода. Громадное скопление народа, масса больных, сильная качка, многих рвет, люди стонут, воздух тяжелый и когда пароход подбрасывает волна, то пароходный винт остается в воздухе, от его страшных громких звуков всё сотрясается. Многие молятся: «О, Господи, что же это такое?» Сема Репин и несколько крепких старух и стариков начинают настоящее богомоление: читают псалмы и поют, держась руками за койки чтобы не упасть от качки. Казалось, будто при молении буря немного утихала, но это только казалось, качка продолжалась почти все время. Больная Настюша Буланова и другие громко плачут и просят Сулержицкого, чтобы он велел капитану подъехать к берегу или хоть остановиться тут, чтобы люди отдохнули. «Куда же они нас прут в такую погоду? Неужели они и Бога не боятся? Если бы мы знали что будет так, то лучше бы померли в Батуме. А может капитан заблудился?» На такие просьбы Сулержицкий отвечал солдатской бранью и убегал на палубу. Когда качка немного утихала, он силой и со страшной руганью, выгонял

народ на палубу — дохнуть свежим воздухом.

В пути несколько человек померло, их нужно было хоронить, а где? Кругом вода. Сулержицкий заявил, что люди, умирающие на пароходе сбрасываются прямо в море. Многие из старцев, в особенности родные умерших, запротестовали: «Это будет против нашей религии бросать человека в мокрую воду — мы несогласны! Пусть пароход подойдет к берегу (мы плыли по Средиземному морю) мы выроем могилу и похороним честь честью, как делали наши предки, а бросать в море, помилуй нас Господи, как же он там будет один, да еще мокрый?» Не смотря на все просьбы и мольбы, упрямый Сулержицкий настоял на своем. Покойника по морскому зашили в парусину, привязали к ногам тяжелое железо и с доски бултыхнули прямо в море. А что же будет в тот день, когда Михаил Архангел затрубит, чтобы все воскресали для Божьего суда? — спрашивает мать умершего. «Не бойся, тетка, и его не забудут», — с усмешкой успокаивал ее Сулержицкий.

Следующие похороны совершались уже без протестов и публика с интересом наблюдала, когда мертвого спускали в воду.

В то время не было радио-передач, и люди интересовавшиеся судьбой духоборцев, начали беспокоиться, что наш пароход пошел ко дну. Судя по времени, он давно должен был достичь Канады. Вдруг пронесся радостный слух: «Видно берег!» Боже мой, какая радость! Весь народ воспрянул духом. Доложили бабуне Булановой, что видать берег. На это она гневно ответила: «Сколько ему (капитану) не блукать по плохим местам, пора доехать и до берега — ведь подумать только, сколько времени проваландался зря».

Под командой Сулержицкого (он всегда созывал своих матросов свистком) ребята усердно мыли все нечистые места палубы и хотя весь народ был заражен малярией и другими болезнями, пароход не был задержан в карантине и благополучно вошел в порт Сэинт Джон. Это заслуга ворчливого, но доброго друга духоборцев Льва Антоновича Сулержицкого. Некоторые матросы, зная натуру Сулержицкого, робко напомнили: «Ты обещал нам вытяжки за нашу работу». На это он закричал: «Вот сдеру с вас шкуры и пошью из них вам вытяжки». Ребята обиделись, что Сулержицкий не сдержал своего

обещания.

После торжественной встречи и приветствий в Сэинт Джоне Елкинтона и других друзей, наш мирок разбился на три группы для зимовки и это разделение потрясло многих молодоженов, которые не успели закрепить брачный союз. Клялись в верности до гроба, но поневоле пришлось расстаться.

Перезимовав в Дофине, наша партия поселилась на северном участке вокруг «Громовой горы». Самая ближняя к нам станция была Каун, 80 миль от нас. Сулержицкий и его жена Саша Кац поселились в нашем селе Вознесение, а Владимир Д. Бонч-Бруевич и его жена Вера Величкина в селе Михайлово,

Сулержицкий был занят исключительно материальными делами и все время хлопотал о доставке муки и других продуктов для всей общины. Потом все убедились, что большое хозяйство вести трудно и решили хозяйствовать в отдельности. Начался раздел имущества, скота и всевозможного инструмента. Вещи разложили кучами на каждое село в отдельности, происходили страшные ссоры, тяжбы, обиды— члены каждого села жаловались, что их часть много меньше других. Дело доходило почти до драки.

Сулержицкий, стоя в стороне, наблюдал, посмеивался, и когда в течении нескольких дней, дележ закончился, сказал шутливым тоном: «Теперь остается только сделать барабанный отбой по случаю того, что ваша духоборческая община полетела в трубу» ...

Тем не менее община отдельными селами продолжалась дальше.

В. Д. Бонч-Бруевич был занят духовной стороной: с помощью Амелеши Каныгина и других почетных старичков, он посещал села и записывал «Духоборческую Животную Книгу» — псалмы, и даже заговоры от порчи, присухи, колдунов и всевозможных болезней. Потом псалмы отпечатал отдельной книгой а заговоры, чтобы не показывать темноту духоборцев, выбросил, как ненужный хлам.

До Сулержицкого дошли слухи, что духоборцы порицают всех друзей помогавших им в переселении, что они «нажились» на них а теперь бросают их на произвол судьбы и уезжают. Сулержицкий на собрании стариков в Вознесении,

поднял этот вопрос, ругал всех по солдатски и стыдил, что вместо благодарности друзья получают порицательность. Потом заставил старцев подписаться на приготовленном им листе, что Сулержицкий и все другие друзья были честными во всех отношениях и все дела в порядке.

После этого Сулержицкий и Бонч-Бруевич с женами отправились в очень морозную погоду, зимой, через Иорктон, обратно в Россию.

По просьбе Николы Зиборова, я исполнял роль переводчика и находился первую зиму в бараках в Гарлингтоне. С самого нашего поселения и до приезда Петюшки почти все время я находился на отхожих работах — там-то я и вызубрил английский язык. Несколько раз меня приглашал крупный торговец Макей в Сван Ривере, работать у него в лавке, но я будучи начинен духоборчеством, находил такую работу противной принципам Христа, и выполнял самые тяжелые работы в лесах. Мы прокладывали полотно для железной дороги по болотам, где нельзя было работать на лошадях. При каторжных усилиях вырабатывали от 15-ти до 20-ти долларов в месяц на своем содержании. Инструмент — тачки, лопаты, топоры — высчитывались из наших заработков.

В виду такого ничтожного заработка, Вася Никитин, Никола Шумин, брат мой Алеша и я, решились испытать счастья и пошли на заработок в даль. До Кауна мы добирались пешком по бездорожью и болотам. Из Кауна до Дофина ехали на товарном поезде «зайцами». Когда прибыли в Дофин, то увидели тысячи эмигрантов-галичан, ищущих работы. Ходили по фармам: везде переполнено и не берут даже бесплатно, только за корм. Почти все фермеры-пионеры и сами бедные. Городок Дофин основан недавно, маленький и работ нет. У нас на четверых был капитал в полтора доллара. В городке нам сказали, что на главной Сипиярской линии требуются рабочие. Дело было в воскресенье. Чтобы дойти до Сипиярской линии, мы должны были перейти Утиные горы, миль около двухсот. Решили идти. Пробовали купить хлеба, но лавки и пекарня заперты и мы, надеясь по дороге купить хлеба у фермеров, пошли. Заходили на несколько фарм, но везде получали отказ: «У нас нет хлеба для продажи». Идем дальше и дальше: фармы начали редеть, мы отошли от города уже миль 25, доро-

га становится все хуже и хуже: болото на болоте. Но мы не теряем надежду найти фарму, где продадут хлеба. Фургонная дорога оборвалась, осталась только индейская тропинка — мы вошли в плоскогорье, в дикие места, где нет ни одной живой души. Идем гуськом по тропинке, почти заросшей сочной травой. Миллиарды крупных комаров, как густой дым или туман, окружают нас. Идем двое суток. Болота. Речушки. Ложимсся спать мокрые и голодные под пение комаров, на сырой земле. На третьи сутки встречаем человека едущего верхом на лошади. За ним кроме серой тучи камаров, летит черная туча оводов. Жутко. Голодно. Невесело. От встречного узнаем, что мы на правильной стежке и уже прошли половину пути. Голод подкашивал ноги, мучила жажда. На четвертый день хотели дойти до воды, но встретив заброшенное здание, похожее на церковь или школу индейцев, решили переночевать на сухом полу, разостлали свои халаты и улеглись. Я уже почти заснул.Вдруг Шумилин говорит: «Эта хата брошена — тут нечистая сила, я боюсь тут ночевать». Этими словами он нагнал страх на всех. Было уже поздно и темно. Мы все подскочили, забрали свое барахло и побежали. Отойдя с четверть мили, улеглись спать на земле. Я уснул как мертвый, ничего не видел и не слышал, а ребята утром говорили, что видели в том доме ночью огонь. Значит Шумилин был прав, что там живет нечитстая сила, а потому и здание заброшено. Всю ночь страдали от жажды — языки повысохли, мы потеряли голоса — стали говорить шепотом. Рано утром тронулись в путь, пройдя небольшое расстояние, увидели большую речку. Там мы напились и перешли ее, неся свои пожитки на голове. Наше мужество стало испаряться, все приуныли и начали жалеть: лучше бы работать поближе к дому и не испытывать такого мытарства. Никола Шумилин начал без стеснения плакать и проклинать свою судьбу: «Мама, мама, на что ты меня спородила, лучше бы ты меня младенцем задавила». По мере того, как силы нас оставляли, путешествие наше становилось все медленнее и медленнее. Около тропинки мы встретили бунт шпал, приготовленных зимой для Ж. Д. Присели отдохнуть. У меня в запасе была книжечка, в которой я записал сотни две английских слов. Во время отдыха я начал их зубрить и заснул от усталости, положив книжечку на шпалы. Отдохнув,

мы двинулись дальше. Был уже вечер. Решили ночевать. Но когда улеглись спать, я вспомнил про свою книжечку. Что делать? Начал просить товарищей пойти со мной обратно до шпал. Брат и другие решительно отказались.—В глухом лесу среди болот нам не до твоей книжечки, мы подыхаем от голода и усталости.

Но я, глупый, решил, не смотря на страх и усталость, идти за своей пропажей. Тропки почти не видно, кругом громадный лес. Можно встретить зверя. Положившись на волю Бога, иду. Ночь без сна и отдыха. Подходя к шпалам, я не вполне был уверен, что найду книжечку, потому что было темно. Но на мое счастье, я нащупал ее без затруднения. Когда я вернулся еле живой, ребята спали, только брат, верно беспокоился за меня и не спал. Он назвал меня «дураком» а книжечку еще хуже. Заснули и мы. На 6-ые сутки мы наткнулись на новое поселение только что приехавших галичан. С ними был переводчик, хорошо говоривший по-русски. Он пригласил нас на чай. Когда мы кушали, женщины окружили нас, и плакали приговаривая: «Вот так и наши дети где-то бедуют, голодают а может уже и померли». Хлеб был черный и не выпеченный, но нам он казался сладким, как сахар. Наевшись и отдохнув немного, мы повеселели. Никола больше не плакал. В этот день мы добрались до Сипиярской большой линии.

По пути на работу, с позволения одного фермера, мы ночевали в его кабусе: это вагон на колесах, употребляется для рабочих во время молотьбы. Для нас этот кабус был роскошной гостинницей, не смотря на нечистоту, оставленную рабочими: везде валялись клочки одежды, солома, паутина. Этот фермер строил большую конюшню и пригласил меня в помошники и на уборку хлеба. Если я проработаю до конца сезона, когда уберут хлеба, то он заплатит мне по одному доллару в день, а если я брошу работу раньше, то по девятнадцати долларов в месяц и харчи. Я принял его предложение и остался, а ребята пошли дальше. Плотничал я не долго: скоро наступила уборка хлеба, и меня, заставили возить снопы и укладывать их в большие скирды, причем так, чтобы каждый сноп в скирде падал колосьями в середину, а соломой на край. Это была для меня адская работа: руки вспухли и ночами ломило так, что я не мог спать. Пища была очень хо-

рошая, но вся она была или с мясом или на сале, чего я, по своей глубокой вере, не мог есть, а, главное, не обладал настолько английским языком, чтобы разъяснить им, почему я не ем мясо, а они не понимали, в чем дело. Сами они, будучи простыми фермерами, едва ли знали что-либо о вегетарианстве. У них была бабушка: очень доброй души. Она заботилась обо мне: «Будешь кушать рыбу, я приготовлю тебе очень хорошо», говорила она мне. Я отвечал: «Нет, не буду, не могу». Но я не голодал: молоко, сметана, сыр, масло — всего вволю. Они жили очень зажиточно, несколько братьев и сестра, жили, как я видел, в большой дружбе и подчинении старшему брату — плотнику. Спал я один в кабусе, стоящем вдали от дома. Одет был в духоборческое платье — штаны со складками и громадной мотнёй. По воскресеньям, когда не работали, съезжалось много молодежи. Все хохотали над моим костюмом и трепали за большую мотню со складками. Мне было конфузно от девушек, которые проявляли больше сожаления ко мне, нежели насмешки. И так как я не имел в запасе другой рубахи, и не мог ее сменить, у меня расплодились паразиты, возможно оставленные рабочими, или по воле Бога вышедшие из моего же тела. Каждый вечер, перед сном, я «охотился» за ними. Купить рубаху не было возможности: я экономил деньги, которые были так нужны дома. Уборка хлеба прошла. Начали молотить, меня поставили перерезать шпагат на снопах (в то время не было ножей на молотилках, а были столики с обеих сторон). Снопы скидывались на столик, я должен был моментально перерезать скрепу и сдвинуть сноп на шнур, который тащит снопы в молотилку. Работа была, в сравнении с уборкой хлеба, довольно сносная. У меня был картузик из миткаля, а на картузе нарисована корова — это была реклама одной мельницы. И вот человек, бросавший снопы со стога, иногда, потехи ради, вместо стола бросит сноп мне на голову. Много раз он сбивал меня на землю и доводил до слез. Когда я спрашивал его, почему он не бросает снопы на стол, как нужно, а мне на голову, он, со смехом отвечал: «Это я кормлю корову, что у тебя на картузе, хочу ее подкормить на убой». Все рабочие были на его стороне, и громко хохотали. Сам хозяин Джим Мак Морчи, был очень тихий человек и не вступался.

Подошла канадская осень. Одет я очень легко, а если

купить одежду, то от работы ничего не останется. Шумилин был нанят на соседнюю фарму и мы иногда виделись. Его положение было такое же и мы решили оставить работу, потому что не могли больше терпеть холода. У моего хозяина оставалось молотьбы еще на два дня. В это время подошли другие товарищи — они также решили оставить работу. В виду того, что все мои товарищи уходят, я сидя за ужином, сказал хозяину, что нам нужны деньги дома для хозяйства и что я не могу купить себе одежды, а в таком виде, мне слишком холодно. Работа почти закончена, товарищи уходят, я боюсь оставаться один, и желал бы получить расчет. До сих пор он не уплатил мне ни цента. «Хорошо», ответил он, «но ты не дожил до зимы и я уплачу тебе по 19 долларов за месяц». Я пробовал убедить его что в уборку хлеба он платил дорого остальным, а я работал не хуже и не меньше, и что работа закончена. Уплати мне по доллару в день хоть за уборку хлеба. «Нет», отрубил он холодно и решительно. И не смотря на то, что за столом сидела молодежь и его взрослая сестра-красавица, меня проняла слеза от такой обиды. Я, против своей воли, начал горько и громко рыдать — слезы лились в два потока: так мне было обидно, ведь все время я старался, не жалея себя, угодить им и сделать как можно больше и лучше. Тихий старичек настоял на своем и не дал ни одного цента больше месячной цены. Но все же наш заработок оказался гораздо больше, чем у тех, кто работал поблизости от дома, и не испытывал такого горя и нужды, как мы. Такая участь постигла всех духоборцев в первые годы в Канаде.

В 1902 году я попал на очень хорошую работу к крупным американским контракторам: Фолей Бродерс из Миннеаполиса. Работа была: насыпь для Жел. Дор. от Реиней Ривер до Сан Франсес, Онтарио. Они полюбили меня и дали легкую работу — наблюдать за временем рабочих, а иногда проходить по всем их стоянкам и приносить им от подрядчиков отчет, какая ими выполнена работа и что предстоит сделать. Я еду на их речном пароходе в Форт Франсес, а оттуда иду пешком по всей линии и собираю отчеты. На каждой стоянке я могу кушать и ночевать бесплатно и при тогдашней ничтожной расценке, мне платили по пяти долларов в день. Их сыновья моих лет ходили в высшие школы, и обещали мне, если приеду на

следующий год, дать мне возможность изучить хорошо английский язык и работать у них все время. Кроме контрактов, у них имелись оптовые бакалейные склады по Америке и в Виннипеге. Это очень зажиточная и сильная фирма пяти братьев Фолей. Я дал им слово возвратиться и отправился домой. Приезд Петюшки разрушил все мои планы — нарушил обещание и возможно разрушил счастье моей жизни.

Члены нашего села Вознесение, за очень малым исключением, оказались очень добросовестными и усердными тружениками, и с помощью старичков пережили нужду первого времени легко: за лето запасли очень много сена, а к осени сговорились с агентом индейцев, г-м Макензи на форт Пеллей, о зимовке племенных коров на условии: сено и труды наши, а приплод пополам. В первую зиму в нашем селе было много коров и достаточно молока для всех. Весной разработали поля, получался прекрасный урожай, и начали было жить в полном достатке: есть белый хлеб досыта. С семейством Зиборовых мы жили по соседству, почти как одна семья, в полном согласии и взаимном уважении. Да и все село жило очень дружно и мирно. Николай, сын старика Николы Зиборова, был моим товарищем и нам иногда приходилось работать на стороне вместе: делить горе и радость, больше конечно горя. Работая на просеке, скипятим в банке воды, сложим свое белье и начинаем его ошпаривать. Таким способом мы убивали паразитов без мыла и стирки. Нас только и спасал кипяток. Как вспомнишь, так трудно поверить, что мы могли все это пережить . . .

Друзья духоборцев, Чертковы, выпустили книгу: «Письма Петра Васильевича Веригина». Письма были написаны родным и политическим друзьям. В книгу вошла переписка с Толстым и его последователями. Эту маленькую книжку, духоборцы приняли, как сошедшее с неба «слово Божие», и начали тщательно изучать ее. Письма, которые духоборцы или часть духоборцев, приняли как «заповеди» были к друзьям и совсем не относились к духоборцам. П. В. имея досуг, писал часто друзьям и рассуждал, пожалуй зачастую, о том, во что и сам не верил. Он никогда не мог предполагать, что эти письма когда-либо дойдут до духоборцев, и вскружат им головы. За выпуск этой книги П. В. был очень обижен на Чертковых, по-

тому что они напечатали ее без его согласия. Духоборцы стали покупать книгу в большом количестве. Моментально явились «знахари» и «толкователи» смысла этой книги. Самым важным из всех писем было письмо к Николаю Трофимовичу Изюмченко.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

К Николаю Трофимовичу Изюмченко

4 января 1896 г., село Обдорск

Получил вами посланное, дорогой брат Николай Трофимович, прочитал и вынес полезное впечатление. При сем присылаю обратно. У меня же нет писем, я не держу их, хотя бы это может и необходимо. По получении какого бы то ни было письма я стараюсь изъять из него все полезное, другое читаю даже несколько раз, потом уничтожаю, оставив необходимое на «скрижалях» сердца. — Я даже совсем хотел оставить — года на два попробовать — грамотность, в том числе конечно, и переписку, о чем сообщил и Ивану Михайловичу Трегубову, как они на это взглянут . . .. Но это пока плод «фантазии». Положим, на грамотность вообще наша община с исстари смотрит предосудительно и в среде нашей очень мало грамотных; если и есть, то самоучки. Мы полагаем, что грамотность уничтожает влечение встречи с человеком; потом школа развращает нрав детей; третье, все вещи, с помощью которых осуществляется грамотность, добываются тяжелыми трудами, а потому участвовать в порабощении людей, в каком бы то ни было отношении, надо избегать.

Меня упрекают в том, что я в своей теории вообще стремлюсь возвратиться к первобытному состоянию человека, и тем как бы опровергаю «эволюцию» (Дарвина) в развитии существующего. Но здесь выходит недоразумение. Я говорю и думаю, ясно понимаю, слушающие же нет. Дело в том, что развития постепенного вообще я не отрицаю, но думаю, что если бы человечество вместо внешней стороны развития употребило бы или, вернее, издержало бы хоть половину сил своих на духовное совершенствование, то было бы гораздо счастливее, чем оно сейчас есть. — Совершенствуясь внешне, украшая себя наружно, мы духовный мир оставляем без внимания. Человек, по моему мнению, призван, создан на духовную жизнь — совершенствование . . . Мы должны любить «совершенствовать» и тело, но не столько, чтобы покладать в нем основу жизни. — В том и есть ошибка, лично нас и вообще всего человечества. — Надо бы поддерживать существование тела для жизни духа, мы же делаем наоборот: поддерживаем дух для жизни тела. В крайнем «афоризме» это можно выразить так:

надо бы есть для того, чтобы жить, мы живем для того, чтобы есть. Такие фразы походят, конечно, как бы на куриные «величины» и давно уже известны, но ничего: с помощью Бога будем стараться проводить их в действительную жизнь.

Посылать братьям что либо «исключительное» у меня нет. — Скажу откровенно, дорогой Николай Трофимович, я стараюсь держаться почти что абсолютной откровенности, и цензура меня нисколько не стесняет. Почему Андросов ко мне ехал? Я вас спрашивал потому, что якобы он дал слово исправнику не ехать ко мне (в чем меня упрекнул надзиратель), а потом поехал тайно, этого я не одобряю. Если бы Андросов перед исправником оставил право свободы за собой, то он, поехав, поступил бы как следует, а дать слово, а потом не исполнить, это нехорошо. Например, последнее время, не говоря уже о таких крупных вещах, как в отрицании принять присягу служить кесарю, я даже не даю подписки о невыезде из назначенного мне места жительства, а потому считаю себя всегда свободным; и если бы я пожелал выехать раньше назначенного мне насилием срока, то всегда это сделаю и совесть моя будет спокойна. Дай же я обязательство, совсем было бы другое дело.

Душевно благодарю вас за поздравление с рождеством Христовым. Ах, как хорошо было бы, если бы такие знаменательные случаи в мировом течении, как рождение Христа, Его жизнь и смерть, были бы для нас полезными, то есть чтобы Христос воскресал в нас, через проведение в жизнь нашу его учения.

Скажу вам, насколько это возможно в письме, о своей жизни и взглядах. Мир весь видимый мною есть огромный «музей», собрание разнообразий. Смотря на все окружающее, я восхищаюсь и благодарю Господа Бога, что я существую, и за все, что я вижу. Последнее время я пришел к заключению, что зло внешнее существует не бесполезно; смотря на него, мы можем поучаться быть добрыми. Зло есть спутник добра, как ночь—дня, и так далее. Претерпев суровость и темноту ночи, мы инстинктивно дожидаемся рассвета и появления солнца. Вследствии того, что перед нашими глазами прошла картина ночи, рассудок наш начинает ценить так высоко значение солнца. Если бы зло могло насиловать нашу волю, тогда, конечно, было бы несправедливо, а если оно служит только картиной для наглядности, мы можем поступать как нам желательно, то есть быть добрыми или злыми, мы видим, что совершенно это может зависеть от нас. По моему мнению, все то, что существует, существует во благо. Мы свободно можем делать выбор, иметь полезное или вредное. Если же иногда нас силой заставляют быть злыми, то это ни более ни менее есть то, как только испытание: что действительно ли мы желаем быть

благодарными за то, что над нами работают. При духовном совершенствовании, которое я считаю основой жизни человека, думаю, что необходим и телесный труд и воздержание от пищи. Не столько труд, сколько воздержание в пище, как количественно, так и качественно. Ненормальное питание много причиняет нам вреда. От неправильного питания организм приходит в неестественное состояние и вместо того, чтобы человеку «созерцая, совершенствоваться духовно», он должен употреблять труды на борьбу с телом, которое сам же сделал своим врагом. Много значит воспитание телесное. При рощении детей, полагаю, нормальное телесное, то есть питание больше имеет значение чем духовное. Разум сам разовьется под впечатлением всего видимого. Теперь я занят тем, что желаю узнать, что я должен есть и сколько? Беря себя в пример, я говорю о развращенном человеке, для детей не нужно бы задаваться такой мыслью. Природа сама бы научила, что им есть. Известно, что все животные, питающиеся мясом, злы. Имея такой пример, я не должен употреблять мяса, чтобы не быть злым. Чрезмерное питание влечет за собою, — также общеизвестно, — ненормальное питание организма, выражающееся или в болезнях: ожирение и неестественное влечение плоти, — (племенных самцов кормят чрезмерно, чтобы они дали более производительности), — или в излишнем бодрствовании организма, как то: беге, прыжках и тому подобное. Я говорю о животных, как на них влияет чрезмерное питание, а так как человек должен быть бодрым и деятельным не плотью, а духом, то и необходимо избегать чрезмерного количества пищи. И тогда само по себе устроится правильное отношение ко всему окружающему, а также и к самому себе, так как тогда кровь, то есть организм начинает или будет работать, жить естественно. Дух же сам по себе есть разумное естество и всегда желающее добра всему окружающему; только не нужно обставлять себя вредными вещами, чтобы потом употреблять свой труд для разбрасывания их, вместо того чтобы любоваться и восхищаться красотами природы. Около трех лет есть времени, как я не употребляю совсем мяса, не пью вина и не курю табаку, и скажу вам искренно, дорогой Николай Трофимович, во мне произошла большая перемена, я органически стал не так зол на все окружающее. Раньше я был инстинктивно кровожаден надо было есть, а прежде чем есть, надо убить, лишить жизни. Теперь же, когда этого нет в фактической потребности, естественно нрав охладевает и делается мягче. Вино же и табак влияют как чрезмерное питание. Этого всего я избегаю, а следовательно и освобождаю себя от бесполезного труда, то есть борьбы с плотью, как мы привыкли выражаться. Не могу сказать, чтобы я совсем освободился от ненормаль-

ного состояния организма, потому что много ем, хотя и не мясного, а это обременяет дух. — Хотя я и сказал, что при духовном совершенствовании необходимы спутники, — труд и воздержание, — но в основу жизни человека я не ставлю труд. Причина труду есть наша потребность. Чем больше мы будем есть и изнашивать одежды, тем мы должны будем больше работать, и наоборот. Труд необходим и для того, чтобы убивать силу - бодрость тела, но если вы будете мало есть, само по себе у вас не будет лишней силы и бодрости. Если бы возможно, — а это возможно, — воспитать дитя совершенно законно, то тому человеку и в зрелом возрасте можно бы свободно обходиться без труда, чтобы жить человечно.

Насиловать тело искусственно, как то: носить тяжести, иметь «вериги» и тому подобное я считаю совершенно незаконным. Историческое предание, что человеку суждено: «он должен доставать хлеб в поте лица своего», можно считать достоверным. Произошло это естественно. Человек утратил состояние положения «гостя», возмечтал стать хозяином на земле; от этого родился страх ответственности за свою личную сохранность. Он стал усиленно заботиться о своей жизни и власти, чтобы удержать их. Измучился и, увидав тщету своих забот, — мы видим, что телесная жизнь и власть не постоянны, — он пришел в раскаяние, и тогда родился человек, который провозгласил, что «не одним хлебом может быть жив человек». Этим призывом Христос освобождал человека от рабства физического неестественного труда, как вола от ярма, и соединял его с Богом, то есть чтобы человек доверялся законам природы и стал на прежнее состояние «гостя», стол же с явствами для него будет ниспосылаем от хозяина. Смерть же телесная, — Христос объяснил, — не опасна и не прекращает существования человека, а напротив возрождает. Но нет, человек и сейчас ужасно боится смерти, хотя и не может удержать за собой жизнь, также как и не может умереть бесследно, потому что состоит частью одного целого в мире. И вот, чтобы удержать за собой мнимую жизнь и власть, он строит замки, делает мосты, проводит дороги и тому подобные бесполезные вещи, стоящие сотни тысяч, часто и миллионы человеческих же жертв. И если бы он сам обратил разумное внимание на свои дела, то увидел бы, что он не сохраняет, а разрушает жизнь. Например, за дорогами самое важное значение имеется, в случае надобности, чтобы перевезти массы людей с противоположных сторон для уничтожения друг друга. «Взявший меч от меча и погибнет».

Мне здесь рассказывают, что во время переходов белки она массами переплывает Обь, иногда при ширине в несколько верст. Да это и естественно: столкните в реку какое угодно

животное, и оно, забившись, поплывет; человек же не может, ему нужно учиться, иначе он утонет. Животное вполне находится под управлением природы, а потому она и сохраняет его. Человек же всегда боится, почти во всем видит врагов своих, за то природа и не покровительствует ему. Какой позор, низость — удалиться так от законов предела. Я думаю, что и человек мог бы переплывать реки при необходимых надобностях, но ему на себе нельзя перенести в несколько сот пудов орудий, а потому он и вынужден строить мосты.

Последнее время на Кавказе, в среде наших братьев, возбудилось движение. Главным основанием служит то, чтобы не участвовать во вредных делах людей, при существующем совершенном порядке, а потом вырабатывать истинных, по возможности, христиан. Я держусь такого «девиза»: «Прежде, чем приносить пользу не нужно делать вреда», а также «прежде, чем помогать, не нужно обирать» и так далее. Упоминаемое в газетах, что наши помогали русской армии в прошлую войну, это было в действительности. Но это было самое мерзкое деяние из быта наших, как христиан. Участвовать в недобром деле, хотя и косвенно, все равно, не хорошо. Подвозя сухари в прошлую войну, наши все равно участвовали в ней. Старики или действующие лица в то время смотрели на это снисходительно объясняя отчасти тем, что все равно нельзя явно исповедывать учение Христа. Мы сейчас протестуем против такого воззрения и говорим, что это выйдет лицемерие, а, по возможности, надо держаться слова на деле, то есть проводить в жизнь то, что человек думает и говорит. Соглашаться на все требования кесаревской «организации» значит участвовать в их делах, а дела, мы видим, их не хороши. Деньги мы считаем обязанными себя отдавать им, сколько бы они ни потребовали, потому что это значки выдуманные ими. Хорошо было бы не пристращаться к ним, то есть к деньгам, тогда бы и от этой отдачи мы считали бы себя свободными. Теперь же надо соглашаться с изречением: «отдайте кесарево кесарю, а Божее Богу», то есть жить и поступать надо так, как призывает Господь.

Главные основы религиозных или, так сказать, жизненных воззрений нашей общины заключаются в следующем: «Любить Господа Бога всем сердцем своим и всею душою своею, и любить ближнего своего, как самого себя». Бога же мы представляем, что Он есть любовь, с помощью которой держится все существующее. Зло разрушает, любовь создает. Любя ближнего, мы осуществляем любовь к Богу. Мы разумеем, что человек, усваивая любовь, приобретает Бога в сердце своем. Отсюдова выводятся взгляды на все окружающее, на всю жизнь: сострадательный, покровительственный, любовный. В част-

ности мы стараемся избегать разрушать жизнь, где, видим, она есть, — а она везде есть, — в особенности лишать жизни человека. Человек есть храм для Бога живого, и разрушать его нехорошо. Мы назывались «Духоборцами». Слово Духоборец надо понимать, что мы «в духе и душой исповедуем Бога. Духом святым боремся против плотских немощей и греха». Помните встречу Христа с самарянкой, что «истинные поклонники поклонятся Отцу Духу в истине». А можно сказать без пристрастия, что в наших сохранилось много «девственного», как завещал Христос, то есть чистота его учения. Божеством у нас есть Истина, которую, конечно, нельзя сделать или видеть органическими глазами, а только душою. И не иначе, надо быть, делаться добрым, тогда только можно видеть Бога, которого мы исповедуем. Даже такие подробности изречений: «напишите в сердцах, возвестите во языцех», у нас соблюдены. У нас ничего нет писанного вещественно, а все мировоззрение передается устно из рода в род. — Собираясь вдвоем, втроем или более, мы представляем церковь Христову. Если бы и одному пришлось где либо быть, человек остается уверенным, что и его посетил Господь Бог, как лично Ему принадлежащий храм. Из этого вытекает то, что мы с Богом никогда не можем быть разъединены. — При прочтении этого письма прошу прочесть в Евангелии 4, 5, 6 главы Послания к Коринфянам Павла. Люди же со стороны думают о нас иначе. Но наша брань не против крови и плоти. 6 глава к Ефесянам Павла же.

В заключение скажу, как я лично сейчас живу, почти обыкновенно. Ложусь в постель в 10 — 11 часов, встаю в 7 — 8. В 10 — 11 пью кофе с молоком и хлебом, иду работаю немного физически в избушке, о которой я писал вам, — небольшая мастерская столярная, слесарная и токарная. В 5 — 6 часов возвращаюсь, пью чай и обедаю (щи овощные, заправленные сметаной, каша какая либо и стакан молока). После, до сна, гуляю в окрестности или по селу; захожу к кому либо из знакомых; возвратясь, читаю или пишу письма, которые, большею частью, служат ответом на полученные. Мяса не ем, вина не пью, табак не курю, не танцую и не хожу на пирушки, а также и у себя ни разу не собирал еще «пира», как вообще принято (судя же по средствам, я мог бы это делать). — Я перечел это для того, чтобы можно было вывести, какого я заслуживаю мнения со стороны. Надо думать, что ведя такую жизнь, я с людьми ничего общего не имею, а следовательно, заслуживаю полную «апатию». Но, напротив, любим, по крайней мере при встрече со мной обходятся вежливо и любезно. Телесно здоров, духовное состояние очень бодрое, довольно радостное. Большая разница от того, когда я пил вино, ел мясо, курил

табак; тогда состояние было, — несмотря на то, что и тогда я имел обеспечение в материальных средствах, — какое-то недовольное, раздражительное, иногда даже безнадежное. Иногда приходится помогать, так сказать, неимущим, — больше получать — материально, но это не особенно разумию, потому что «каждый трудящийся достойн пропитания». Детей кормить, помогать юродивым и старикам еще есть смысл. Если бы мы и могли быть полезными — или нуждались, — то духовную степень помощи или пособия я считаю выше материальной. Если вы не обладаете высоким разумом, чтобы дать совет человеку, просящему у вас помощи, то говорите ему хоть то, чтобы он оставил пить вино, курить табак и тому подобный совет воздержания, — конечно, при этом должен быть личный ваш пример жизни, той, которую проводили бы в советах, — то это от вас будет уже большая польза, потому что от воздержание сохраняется большая экономия и х л е б н а с у щ н ы й сам по себе появится в том доме, где водворится воздержание. Я допускаю возможность совета не работать телесно и быть сыту (приобретайте прежде царствие небесное, — все же остальное приложится вам). В моей теории, то есть разумении, порядок существующего сложился бы так: либо оставляя, постепенно один за другим, работать физически, — пошли бы и стали проповедывать мир и благоволение, которое сопряжено с воздержанием. Хлеба и так много, только надо сокращать жадность. Земля, освобождаясь от насилия человеческих рук стала бы пополняться всем тем, что ей положено п р е д е л а м и . Я не представляю даже бедствий человечества, если бы оно и поддалось такой теории, потому что, питаясь умеренно, человечеству всего съестного, что уже есть на лицо, хватило бы на сто лет, за сто же лет земля бы успела совершенно одеться и прийти в первобытное состояние. И человечество, вместе с духовным ростом, который утратили Адам и Ева, получило бы и естественный земной рай. На Кавказе есть до сих пор еще девственные рощи, и во время еще моего юношества, в возрасте 15 — 16 лет, я часто задумывался — (у нас ездят собирать груши, яблоки и другие фрукты в лес, леса помещичьи), — стоя под хорошей грушей, вырощенной «самим Богом», и приходил к точному заключению, что одна груша, то есть дерево, могла бы прокормить, содержать, без ущерба самой себе, по меньшей мере 10 человек душ, потому что есть такие фруктовые деревья, которые дают 100 пудов фрукт. Человеку же, если питаться законно, очень и очень мало нужно, деревьев же фруктовых сплошные рощи, не говоря уже о виноградных рощах и тому подобное. Я полагаю, что и вся полоса площади, которую теперь занимает Россия, была покрыта вся лесом, в том числе, конечно, и фруктовым. Л е с · е с т ь

принадлежность земли, он служит покровом и одеянием ее. Человек, истребляя лес, в каком бы то ни было отношении, хотя и с мнимой пользой, — поступает варварски. Возвращаясь к повторению «девиза»: «Прежде, чем приносить пользу, не надо бы вредить».

Я выслан с 1886 г. Сперва объявили мне, что 5 лет я должен прожить в Архангельской губернии. Прожил, набавили еще три года, теперь же, с переводом в Обдорск, два года вновь прибавлено. Доживая первый срок в Архангельской губернии, на возвратном пути я хотел непременно побыть у Л.Н. Толстого. В чем заключается его философия? Произведений его я не читал. Только по наслышке знаю, что он отрицает законность современной «цивилизации», то есть прогрессы ее. Если его идеал остановился на шитье сапог, — и это я говорю серьезно, — и тому подобной обстановке быта человека, то это, конечно, вышло бы очень и очень непоследовательно, потому что, чтобы шить сапоги, нужны шилья, шилья же, как известно, вырабатываются на фабриках, а следовательно нельзя закрыть рудники, где мучаются люди, откудова добывается руда. Если же Лев Николаевич думает последовательно — от простых сапог обуть в лапти, то от лаптей человечество должно ли далее прогрессировать к совершенству? Одной нравственно-моральной проповеди недостаточно, потому что наша моральная система сопряжена с вещественной, то есть потому, что дух соединен с плотью, душа наша облечена во плоть. Мне важно знать: чтобы жить законно, в какой избушке я должен помещаться? Какую иметь одежду? Иметь ли скот? . . . и так далее. Потому что весьма естественно, если есть фрукты, человек должен питаться ими — (это мое крайнее убеждение). Если фрукт нету, он должен есть хлеб — хотя зерна хлебов, можно сказать, предназначены для питания птиц, а если нет хлеба, он вынужден убить телку или барана; для того же, чтобы убить, нужно нож или в крайнем случае, человек должен озвериться, раздирая живьем тело ягненка. А раз мы не обойдемся, — не будет представляться возможности, — без ножа тогда мы никогда не освободимся из под власти современной цивилизации. А думать, чтобы достичь самому только жить законно, это несправедливо. Я буду шить сапоги и буду довольным, что я вредного ничего не делаю, но нельзя, чтобы все стали заниматься шитьем сапог, а потому, как будто я допускаю, пусть другой хоть выдумывает электричество, живет в рудниках, делает ружья, — самое худшее, — хоть стоит с саблей перед входом в мою избушку, чтобы хранить мое благополучие. Повторяю, такая философия несправедлива. А если бы стало все человечество жить в избушках мирно и покойно, то все-таки им понадобился бы топор, а тогда они бы опять воз-

вратились к вышепересказанному, то есть к рудникам. Вы скажете, что и в рудниках можно вести мирную, покойную жизнь. Я отвечаю, «что человек не для физической деятельности создан, а для духовной». Это: рисовать картину какого-либо ландшафта или красивого вечера, восхода солнца и тому подобное, тогда как мы каждый день, без участия кисти и бумаги, можем любоваться красотами природы. Еще более мы грешим тем, что показывая людям картину, мы отвлекаем их от действительности. Что бы вы сказали, если бы вас завели в галлерею картин самого разнообразного производства, со включением флоры и фауны, — здесь были бы изящно разрисованы розы, гиацинты, амротии и тому подобное, а также животный мир; рядом же с этой галлереей был бы разбит великолепный разнообразный парк, где было бы все то, что и на картинах. Какие лица были бы счастливее? Вы, восхищающиеся в галлерее картинами, или же находящиеся в натуральном парке? То тоже можно назвать картиной, но «картиной Бога». И я думаю, что очень и очень несправедливы те люди, которые держали бы вас в искусственной галлерее парка. А потому, по моему, — человеку не нужно делать, а только созерцать, любоваться существующим. Что мы находимся и подверженны более физической действительности, — во грехе родила меня мать моя, — это факт, но мы должны постепенно выходить из прежнего до-христа-родства, и строго принять к сведению первый призыв Спасителя: Оставьте сети и следуйте за мной, я сделаю вас ловцами человеков». Из этого ясно вытекает то, что люди постепенно, если желают сделаться христианами, — а мы должны делаться христианами, — должны оставлять физический труд и итти благовествовать Евангелие, то есть Христа. «Возьми крест свой и следуй за мной», а следовать за Христом — надо жить так, как он жил, а мы видим, что Христос физически ничего не работал, а также и апостолы. А если полагать, что такая жизнь возможна только ограниченному числу людей, — тоже неправильно. Неужели Христос призвал апостолов к такой жизни и, увидя идущих почти на половину или все человечество, сказал бы: «Нет, это очень много. Что же вы будете есть или во что одеваться»? На совершенство или на святость нельзя смотреть как на исключительность: это удел каждого человека. Что апостолы и Христос носили одежды и ели хлеб, это естественно, потому что хлеба и одежды было много и, надо сказать, что нельзя же было сразу ходить нагими, хотя бы Христу и апостолам. Говорю о совершенстве их. Я полагаю, что к наготе телесной, — духовная нагота куда печальней, — постепенно люди тоже привыкли бы. Переносив всю одежду и съев хлеб, человечество пришло бы к тому состоянию, о котором я упоминаю выше. Мне говорят, что не-

возможно провести в фактическую жизнь такую теорию, хотя бы и теорию самого Христа: «Всем людям жить так нельзя, как жил Христос или апостолы», говорят люди. Но это, я скажу, нас не должно соблазнять. Верю, что можно. — Во вторых представляю такой пример: под горой на пристани нужно было выгрузить с судна много «тяжелого» товару, который нужно было переносить на гору в город, и хозяин просил своих людей это сделать. Некоторые последовали оставленному совету, другие же и большинство, заключив, что товару очень много и им не вынести, не приняли участия, пошли и стали пировать развращенно. Я думаю, последние поступили нехорошо. Во первых, вместо того, чтобы жить законным трудом, они пошли и стали распутничать; второе, напрасно им показалось, что тяжести очень много, — если бы они принялись все, то могли бы очень скоро и легко переносить ее. Первые же поступили хорошо. Во первых: так и должно быть, потому что неужели лучше развратничать, чем вести добрую жизнь; во вторых: их не должно смущать то, что вся кладь не будет вынесена. Они должны делать за себя. Плату же они получат несмотря на то, что хотя бы и не вся кладь была вынесена. Кладь же состояла из съестных продуктов: носившие и получат свой же хлеб; пьянствовавшие же останутся голодными, как оно и есть. — Будем братья и сестры, веровать и спасемся.

Важно, главное, чтобы быть истинными последователями Христа, итти и проповедывать Евангелие истины, хлеба же «телесного» можно попросить. Помните, приходя через поле, апостолы «срывали колосья и ели». Если которые желают работать, то пусть; мы же должны работать всецело в пользу Христа. Хлеб умеренности и так должен быть от Отца небесного каждому человеку, работай он или нет: «птицы небесные не сеют и не жнут, но сыты». А что люди, по жадности, забирают его в одни руки и называют своим, это нас также не должно смущать: все имеющееся принадлежит Богу, как и мы и те, которые имеют хлеб. Следовательно, и пользоваться хлебом, хотя и мнимо чужим, не предосудительно. А важно то, что надо не быть жадным, потому что «где богатство ваше, там и сердце».

Со времени моего пребывания в Обдорске образовался товарищеский кружок «трезвости», состоящий, преимущественно, из молодых людей. Не могу сказать, что прямое влияние было мое, но раньше они, — теперь сами говорят, — выпивали вино «с избытком». Вступив в их среду, или вернее, приехав в Обдорск, я резко стал замечать встречным, что проводить время за вином неразумно. Заменят ли они вино другим развлечением, это вопрос времени.

Желаю вам, дорогой брат Николай Трофимович, — а

также может и еще кто есть с вами, — пошли вам Бог всего хорошего.

Здоров, слава Богу.

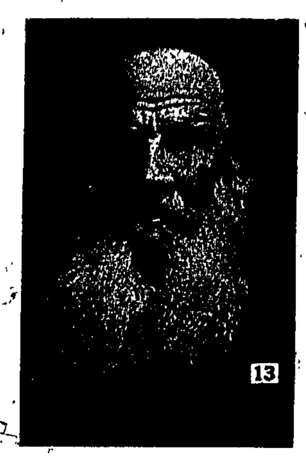
Брат ваш Петр.

Это письмо породило «сынов свободы». От книги Петюшки, как от дрожжей, началось брожение в умах глубоковерующих и никогда не применяющих свой здравый рассудок. Они приняли это письмо, хотя оно было писано совсем не духоборцам, за заповедь, подлежащую исполнению. Не будь этой книги, духоборцы никогда не знали бы об этом письме к Изюмченко. Ваня Подмарев и Никола Зиборов стали во главе движения в пользу «свободы всему существующему». Алмер Моод, назвал это письмо «ерундой». Наше село, как и другие села, из единой дружной семьи раскололось на две партии: «свободники», которые сочли нужным для Господа Бога, отпустить скот и лошадей на свободу; и «нормальники», которые считали возможным держать скот и лошадей, жалеть его и работать вместе как друзья. При всех «пустых» словах о Боге и милосердии, наши свободники (а их было гораздо больше) не поделились с нами ни одной ниткой, забрали весь скот и лошадей, оставив нам плохеньких бычишек и лошадок, а хороших пустили в степь, как жертву Господу Богу. Эти господа «святые» начали производить всю физическую работу на себе, как вспашка земли и подобное. Стали питаться только овощами — как можно отнимать молоко от телят? Стали будучи полуголодными страшно злыми и ненавистными по отношению к «грешникам». Перестав употреблять молоко, масло, яйца, они стали издавать ужасный «сырой» запах. Некоторые, во гневе, называли их «вонючими». Зиборовы теперь смотрели на нас с высоты.

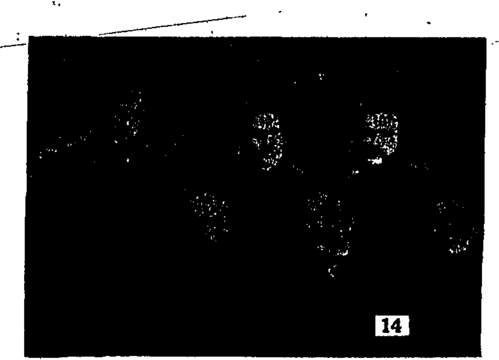
Пробил «великий час» движения навстречу жениху Христу — без невесты. Не смотря на надвигающуюся канадскую лютую зиму, духоборцы двинулись по направлению к Иорктону. Толпа росла в каждом селе. Больных и калек несли на носилках. Толпа состояла из нескольких партий. Каждая партия в отдельности, громко но очень уныло, пела псалмы и эти звуки разных псалмов разных партий, сливались в один разнообразный гул, похожий на «вой». Мы пошли проводить родителей моей жены и следовали за пилигримами до села

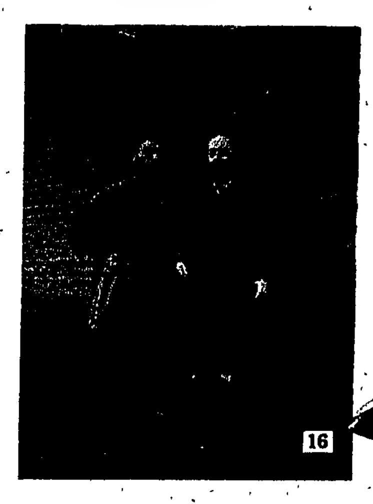
Отрадное, там жили мать и брат Петюшки. Громадный людской поток, как стадо овец, наводил на душу какой-то страх и отчаянье. Многие не пошедшие на «свободу» колебались и говорили: «А может и правда так нужно было поступить. Как бы нам не остаться совсем, как жена Лотова». Село Отрадное было забито народом. День был солнечный и теплый. Григорий Васильевич Веригин — брат вождя вышел на улицу и обратясь к толпе, громко сказал: «Братья и сестры, я хочу чтобы вы все знали, что Петюшка никогда не советовал делать такие бессмысленные походы, и я от своего имени и имени нашей матери, просим вас воротиться обратно домой, взять скот и заниматься своим честным и полезным трудом. Ваш поход не будет угоден ни Петюшке, ни Богу, воротитесь пока тепло, а то ведь и зима на дворе». Тихий ропот пробежал по всей толпе. «Чего он там с матерью толкует», говорили некоторые из народа, «по словам Подмарева, наступает суд Божий, а он советует возвращаться назад, как жена Лотова». Передние глубоковерующие, назвали «бабушку» (мать вождя) «заслонкой божьего дела». После этой короткой речи, народ, как полая вода, двинулся по направлению Иорктона, а мы, оставшиеся, получив подкрепление в речи Грищи, с радостью на душе, возвратились домой и начали спокойно работать. Село почти опустело. Арчер, друг духоборцев, живший в старой хатенке на дворе Зиборових, переселился и занял целый дом Вани и Варюши Рыбиных: полный простор и свобода. Он весело посвистывал, пользуясь полным комфортом. С нами он жил в большой дружбе, и навещал нас несколько раз за день. Его жизнь превратилась в масленицу. Он работал для местных дорожных управлений и получал хорошее жалованье. В общем, он был человек доброй души, толстовец.

Через некоторое время привезли наших «свободников» и разгрузили в селе. Они торжественно заявили, что так как их воротили против их воли, то они считают себя «странниками» и домов своих не признают. Расположились табором по цыгански. Я, по старой дружбе, наколол им дров — они теперь отвергнули труд, они теперь «птицы небесные», но я им сказал: «Это я сделал вам только раз, а если будут вам нужны дрова еще, колите сами». Интересно было со стороны наблюдать их лукавое притворство и лицемерие: они как волки скры-

13 Лев Н. Толстой от которого Петр В Веригин получил духовное «возрождение».

14 Друзья духоборцев Стоят слева направо Сергей Толстой, Анна Коруса, Л А Сулержицкий Сидят Саша Кац, Князь Хилков, чиновник Макрири и Мария Робиц.

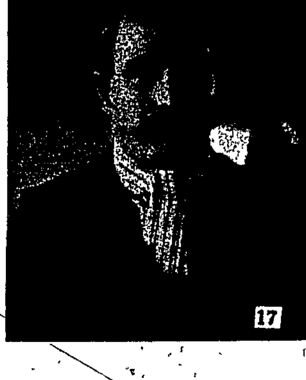
15. Духоборцы первая партия прибывшая в 1899 году в Галифакс, Канаду

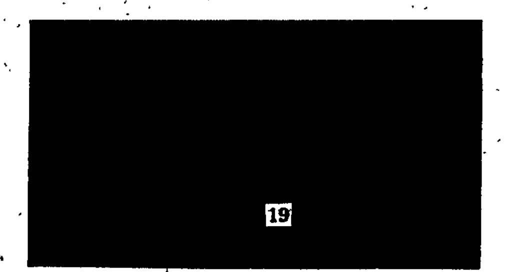
16 Петр В. Веригин и Владимир Г Чертков

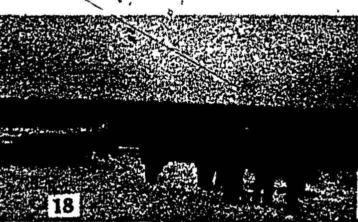
17. Федор Ф Рыбин экстренно доставит весть «бабушке» Анастасии Веригиной о ее сыне

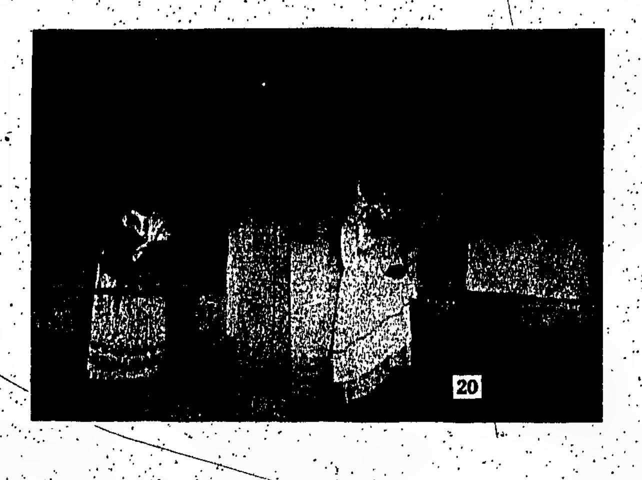
18 Духоборцы идут навстречу «жениху» Христу

19 Духоборцы переложили доставку провизии со своей худобы на самих себя

24

20. Русская печь. Женщина слева вытаскивает хлеб, справа: мать качает дитя в люльке.

21. Петр В. Веригин. В таком одеянии мы его встретили в Сеинт Джоне в 1902 году.

22. Петр В. Веригин и дочь племянницы Анастасия Голубова в английском одеянии.

23. С. Ф. Рыбин на лошади срочно доставляет по селам директивы П. В. Веригина.

24. «Могилочки» Петра Ларионовича и Лукерии Васильевны Калмыковых. Три казака слева направо: П. В. Махортов, И. В. Инин и А. И. Маркин.

вались в овечьей шкуре. Через пару дней прибегает к нам Арчер и с испугом заявляет на русском языке: «Варенья Рыбин сказал, я лучше пойти в свой старый хата». Оказалось, что странники признали свою собственность — дома, и тем сняли с себя свою «страдальческую» ложную маску. Мужчины, хотя со стыдом, обратились к оставшимся с вопросом: «Ну как же теперь будем жить?» Наши ответили, чтобы они заходили в дома, и работали, как раньше, а что отдано Богу почти всё хозяйство, теперь не воротишь. Наше село было очень дружное и мы зажили по прежнему: хотя некоторые по слабости, дружески напоминали: «Расхитили лучшую худобу и лошадей, подарив всё Богу, вот теперь бы они пригодились, а Бог обошелся бы и без них». За весь скот и лошадей, пущенных на свободу, не получили ни цента. Они были частью раскрадены местными жителями, частью проданы правительством за бесценок. Приход пошел на покрытие расходов связанных со свободниками.

Время шло. Свободники настаивали, что их движение было угодно Богу и вождю. Никола Зиборов, товарищ Подмарева, отстаивал свою позицию и доходило до того, что даже говорил: «Если Петюшка приедет и возьмет лошадей, то это будет значить: он страдал 16 лет за лошадиный хвост». Наши соседские отношения поэтому были натянуты.

Однажды заходит к нам Арчер и не говоря ни слова, подает телеграмму. Развернув листок, я с трудом поверил своим глазам. Телеграмма была Арчеру от Чертковых: «Петр Веригин прибыл сюда. Скоро отъезжает к вам». Я бросил ужин и сломя голову по прежней привычке, побежал к Зиборовым и объявил новость. Меня поразило холодное отношение Николы к этой новости. Выслушав, он со злобой сказал: «Ну вот теперь увидим, кто его встретит, вы с лошадьми или мы». Это замечание глубоко запало в мою душу и я возвратился домой разочарованным. Я полагал, что эта новость сольет нас в одну семью как раньше, но не тут-то было. Никола был горд и надменен. Слух пробежал, как молния по всему селу и люди от радости не знали, что говорить и делать.

Брат Федя, немедленно отправился пеший с телеграммой в село Отрадное известить мать Петюшки. Старенькая бабушка была так рада и довольна Федей, что не знала, где его

посадить и чем угостить. «Девки», шумела она снохам, «покормите этого сударчика, он ведь уморился, шел пеший» и опять снова принималась благодарить Бога и Федю и радовалась, как малое дитя. Все духоборцы услышали об этой новости и с нетерпением ожидали приезда вождя. С разных мест было послано пять тысяч долларов Петюшке на проезд, хотя билет стоил меньше двухсот долларов.

Братья и я были заняты отделкой своей хаты. К этому времени я уже успел жениться и начал было делать себе койку. Вдруг заходит к нам Сема Постников с товарищем из села Надежда и объявляет, чтобы я немедленно наряжался — меня назначили ехать навстречу Петюшке в качестве переводчика. Меня всего обдало жаром. — Ох, Господи, какой же я переводчик, ведь я и по русски хорошо говорить не могу, — сказал я. Сема в шутку сказал: «Собирайся, тебе говорю, а то посажу в карман и понесу». Я совсем растерялся. Бегу и говорю жене: «Еду навстречу Петюшке». Она приняла за шутку и ответила: «Оно и похоже на это». Брат Алеша подошел и говорит: «Недаром ты, Сема, возвращался за книжечкой, когда мы шли на работу, может Бог тебя готовил для этого дела». «Мне что-то страшно, ведь подумай, переводить для Петюшки», сказал я. А мать мне говорит: «Езжай, сынок, смело. Ему переводить не надо, он знает их язык лучше их, а ты будешь у него только для близиру. Он даст тебе что говорить и как переводить». Сема понукает: «Одевайся скорей, надо ехать, уж поздно». У меня не было хорошего пальто и я уже был на пути к Алексею Никитину попросить его почти новое пальто, но мать строго остановила меня: «Разве можно тебе на встречу Петюшки надевать английский пинжак? Надевай духоборческое платье, у тебя хорошая крытая шуба». И вот одели меня во все духоборческое: напялили крытую шубу со складками назади и опоясали кушаком и, в таком виде, я попрощался с родными и сельчанами и отправился в дальний путь. Когда я прибыл в Иорктон, меня встретили Павлуша Планидин и Гриша Веригин и когда увидели меня, то чуть не померли со смеху, смотря на мое убранство, но виду не подавали. Планидин был избран обществом как делегат для встречи Петюшки, а дедушка Махортов, зная меня, назначил меня в переводчики. Мы ездили с ним раньше к правительству по общественным делам.

В это же время, Иван Васильевич Ивин — бывший ричарда, помимо общества решил ехать навстречу Петюшке и взял себе в переводчики Василия Алексеевича Макосеева. В Виннипеге встретились с г-ном Смитом, коммиссионером по иммиграции. Он заявил: «Правительство будет радо снабдить даровыми билетами до Сеинт Джона и обратно двух делегатов и одного переводчика». Так как нас было двое, то он проэкзаменовал нас по одному и по его мнению, я говорил по английски немного больше и лучше. Он принял меня, а Макосеев и многие другие духоборцы выехавшие на встречу, остались ждать Петюшку в Виннипеге.

Вся наша партия была «одного духа», так что путь наш продолжался хорошо и приятно, но когда мы проезжали крупные города и ходили по улицам, то вся публика останавливалась и с удивлением смотрела на меня. Указывали пальцами и хохотали над моей духоборческой крытой шубой и кушаком. В городе Монтреале я казался всем чудовищем. Павлуша, сжалившись надо мной, зашел в магазин, купил мне хороший пиджак за пять долларов, а крытую шубу запаковал и взял с собой. Очень жалею, что нет моей фотографии в духоборческой крытой шубе. Теперь на нас больше никто не обращал внимания — смешались с публикой и утонули в людском море. Нам сопутствовал один господин, как представитель от правительства, для встречи господина Веригина. По пути мы хорошо с ним познакомились и доехав до Сеинт Джона, остановились в одной гостинице.

Пароход, на котором ехал Петюшка, не пришлось долго ожидать, но вышло так, что на пароходе были дети больные скарлатиной, и так как Петюшка ходил их посещать, его задержали и поместили в карантин. По случаю болезни, пароход остановился в полумиле от пристани. Вечером мы наняли лодку и поехали к пароходу для свидания. Пароход был громадный: море бушевало, и нас на маленькой лодке, волна бросала, как щепку, во все стороны. Начинало темнеть. Я попросил одного из служащих позволить нам поговорить с господином Веригиным. Тот побежал и минут через пять показался на палубе Петюшка. Планидин и Ивин начали здороваться и передавать приветы от духоборцев и от матери. Петюшка сказал, почему его задержали. Поговорив и попрощавшись словами: «Спокойной

ночи», мы возвратились на берег. Петюшка (в первые я видел его молодым, когда мне было 7 лет, в нашем доме с казаками) был в юхтяных сапогах-бурках, подпоясан широким ременным поясом в смушковой большой шапке. Увидев его, я возрадовался великой радостью и мысленно крикнул Зиборову: «Петюшка наш и мы его встретили, а не вы лапотники-свободники». Представитель правительства сильно осуждал Веригина: какое ему было дело до зараженных детей — ведь он не доктор, а вот, теперь, если задержат на долго, то придется ожидать или уезжать. На утро мы снова отправились к пароходу и попросили, чтобы к нам вышел сам доктор. На первую нашу просьбу — отпустить Веригина он отказал: «Это его вина и вы не обижайтесь на меня». Я насколько мог, разъяснил, что Веригин был 16 лет в Сибири за идеал «Не убий», в разлуке с родной матерью, которой теперь более 90 лет и которая может умереть раньше чем увидеть его, а ей так хочется еще раз взглянуть на своего страдальца, пока она жива. Доктор подумал немного, а потом сказал: «Хорошо, ожидайте, я прикажу пропитать его одежду ядом, и отпущу». В это время, мы заметили, стала опускаться узенькая лесенка, а через несколько минут, стал осторожно, в руках с маленьким чемоданом спускаться Петющка в нашу лодку. Павлуша держал одной рукой лодку, а другой лесенку. Мы поплыли к берегу: лодочник был здоровенный старик «немой». Мы, от радости, уплатили ему вдвое и он был доволен. Потихоньку дошли до гостиницы. В комнате мы поздоровались по духоборчески: он расцеловал всех и было очень радостно на душе, что он не был в лаптях свободников. Я думал: «Наше взяло». Петюшка послал меня на почту купить марок, так как у него была масса писем, написанных Чертковыми, которые они просили сдать в Канаде (письма были в Россию).

Из Сеинт Джона до Виннипега мы ехали в простом вагоне для иммигрантов: весь поезд состоял из иммигрантов галичан. Всю дорогу Петюшка и наши делегаты не переставали говорить на разные темы. Говорил больше Павлуша: рассказывал в мельчайших подробностях о положении духоборцев по переселении в Канаду: как начинали строить села, обрабатывать земли, о походе на свободу и о жизни духоборцев вообще. Ивин рассказал в подробности о наших страданиях в

ссылке, его миссии в Канаду с Махортовым, выборе земель, переговорах с правительством, об условиях, на которых духоборцы были приняты и т. д. Петюшка слушал внимательно и улыбка играла на его лице, окаймленом густой черной бородой. Я старался слушать, но так как рассказы Планидина и Ивина мне были известны, то мало интересовали меня. Мне хотелось, чтобы говорил Петюшка, — иногда я, против своего желания, незаметно для себя, погружался в сон и когда просыпался, мне было неловко, а разговор продолжался, как поток ручья. Иногда Петюшка спрашивал меня. При свидании он спросил мое имя и фамилию. Я сказал: —«Сын Феди Рыбина, страдавшего с вами и умершего в гор. Онега». «А, это ты самый! Федя говорил, что у него младший сын «грамотей» и гордился тобой», сказал с любовью Петюшка, и засмеялся, оглядывая меня с интересом с ног до головы. «Да ты и похож на отца», добавил он. «А как велика твоя семья?» «Я женат и у нас есть девочка. Мать и два брата с семьями: все в одном семействе», процедил я со страхом. «Это хорошо, надо ладить», сказал Петюшка. Планидин и Ивин сделав свой доклад Петюшке полностью, замолчали. Тогда Петюшка, тихо, с расстановкой слов, начал свою речь. Мой сон моментально исчез и я старался не проронить ни одного слова. Его речь продолжалась много часов и потребовалась бы большая книга — уместить ее полностью. Петюшка был очень бойкий на словах и имел удивительную способность выражать свои мысли коротко и ясно, — эта способность с течением времени, ослабела и потеряла силу магнетизма. Он начал так: «Мне очень жаль, что вышло такое серьезное недоразумение с походом и что так много пропало тяжелых трудов в связи с потерей скота, лошадей и другого имущества, — это очень печальное явление, но теперь уже поздно об этом говорить, — убыток сделан. Теперь надо постараться уладить дело так, чтобы духоборцы соединились в одну братскую семью и жили в законе Бога. Я скажу вам, что тот строй общины, как вы мне объяснили, мне не нравиться и пахнет «казенщиной». Мой план такой: построить небольшие домики на каждую семью. Семья состоит из мужа жены и их детей. Это семейство будет иметь пару лошадей, корову, несколько кур и будет совершенно независимо, — я глубоко верю в полную свободу каждого человека. А обработ-

ка земли будет общая, также будут общие: кузница, мастерская, чеботарня и амбары для ссыпки зерна. Человек, проработав день на поле, приезжает домой и свободно отдыхает. Таким путем люди будут жить, пользоваться свободой, а работать сообща по братски. Скопление лошадей в одну громадную конюшню и народа в громадные дома, повторяю, пахнет казенщиной, — казармами. Людям нужна воля и свобода, а иначе будет египетское рабство. А что касается того, что квакеры открыли школы, это мне не нравится и мы удалим их. Пусть они обучают своих детей. Много он говорил о своей жизни в течении 16 лет и как Толстой, не скрывал свои слабости до «возрождения духом». Говорили и шутили. Павлуша рассказал, как один старичек в ихнем селе предлагал начать кушать мясо. Ему говорят: «Дедушка, мясо есть грех, — надо отнять жизнь животного». А старичек отвечает: «Ведь прошла же слава, что духоборцы не едят мясо, этого и довольно, а теперь можно начинать и есть опять». Одну бабуню застигли курящей табак. «Ты что же бабуня делаешь? ведь курить грешно», говорят ей. «Знаю, деточка, сама, но у меня тоска и только куренье помогает», оправдывалась она. В общем, поездка была милая.

В Виннипеге было много духоборцев, приехавших на встречу Петюшки. Чиновники выражали надежду, что приезд Петюшки будет полезным и все недоразумения между духоборцами и правительством будут улажены раз и навсегда. Вся партия двинулась в Иорктон. Из Иорктона, по пути в Отрадное, наш караван в несколько саней, остановился в первом на дороге селе Благодарное. Это первое место, где Петюшка встретил духоборцев в большом количестве. Все сельчане: братья и сестры, несмотря на лютый мороз, вышли навстречу своему родному вождю-страдальцу, который был отлучен от них в течение долгих 16 лет. Громогласное пение заливало все село. Тут были отборные певцы Казаковы, Кучины — здоровенные мужчины-исполины, и другие и при радостном чувстве всей толпы пение казалось особенно сильным и мелодичным. Петюшка произнес блестящую речь и выразил благодарность Богу, что имеет случай снова видеть свой народ, и надеется, что с помощью Бога, жизнь духоборцев наладится хорошо и что его личное желание в том, чтобы духоборцы с этих пор

жили в дружбе и не порицали друг друга: одни ходили на свободу во имя блага, Бог принял их жертву, — другие оставались на местах, думая, что так было угодно Богу, Бог и ими доволен и они приняты. С этих же пор вы все для меня одинаково близки и дороги и дай вам Бог благодати жить в любви и мире. Собравшиеся, в течение беседы, сделали ему несколько земных поклонов. Всей толпой прошли с пением несколько раз по улице, зашли в амбар: Петюшка посмотрел зерно и был удивлен, что можно выращивать пшеницу такого хорошего качества. Большое внимание он обратил на детей, лаская их, а некоторых даже целуя. Советовал кормить детей молоком вволю и вообще хорошей пищей. — Это наше будущее духоборчество, со смехом сказал он. Хорошо пообедав, наш обоз двинулся к назначенной цели. В Отрадное приехали вечером и Петюшка, немедленно, после короткого приветствия с народом встретившим его, побежал к своей родной матери, которая обнимала его как малое дитя и от радости слезно плакала и смеялась. У ней было семь сыновей и все они были сосланы в Сибирь. Пятеро возвратились обратно, а двое померли там и она, бедняга, их больше не видела. Как мать, она пережила очень много горя в своей жизни.

На второй день Петюшка поблагодарил нас с Васей Макосеевым и отпустил домой, поручив передать от него привет домашним и селу. В селе встретили меня с большой любовью и интересом. Я передал всем земной поклон и вкратце рассказал о своем путешествии и беседах Петюшки которые были по душе тем, кто оставался и разочарованием тем, кто ходил и ожидал Петюшку в лаптях. «Петюшка наш», — говорил я наедине своим единомышленникам. С этих пор и Зиборовы стали спускаться с облаков небесных на уровень нормальных людей и принялись за работы. Сам Никола, долго еще сопел и не хотел кушать пироги с маслом, а потом пошел с Подмаревым к Петюшке: они раскаялись и он, потомив их, простил. С тех пор наш Никола стал есть пирожки «утопленники» — так он называл пироги, которые были на дне тарелки залиты маслом.

Закончив свою миссию, я принялся, попрежнему работать с братьями и подготовлялся к весне на работу к своим благодетелям братьям Фолей. Через некоторое время, проезжая по всем селам, Петюшка песетил наше село Вознесение.

Его приезд, как магическая сила, спаял снова наше село-общество потому, что наши ссыльные смотрели на Петюшку, как на Христа. Нельзя этого сказать о Елисоветпольских, Карских и Башка-Четских духоборцах: они не были так фанатичны. Мы, все сельчане, услыхав о приезде в наше село Петюшки, не ходили, а летали по воздуху — такая радость охватила всех. Гости: Петюшка с Тюней, девушка очень крепкого здоровья и красивого телосложения — голубоглазая красавица блондинка, лет 16-ти Анастасия Федоровна Голубова, и группа: певчий хор из села Отрадного из мужчин и молодых девочек, заехали к Зиборовым. Вечер прошел в беседах и радости. Беседы были по всем селам на одну и ту же тему: Петюшка хвалил тех духоборцев, которые ходили на свободу и тех, которые оставались дома и убедительно просил обе стороны забыть все обиды, и простить друг друга и жить в полном мире во славу Божию. Когда, уже поздно ночью, по окончании бесед, было объявлено расходиться на ночлег, я попросил Петюшку ночевать у нас и моя просьба была принята. К удивлению многих: Петюшка и Тюня, не стесняясь публики, легли спать на одной постели — как муж с женой и шутили между собой, как новобрачная чета. По желанию Петюшки я вышел со своей женой— она была верующая и одета в духоборческий костюм: в шапке и корсете. Он нас благословил и когда мы сделали земной поклон, сказал: «Теперь поцелуйтесь по голубиному». Мы исполнили его желание с большим удовольствием. Был уже поздний час и не смотря на просьбу расходиться, народ никак не мог расстаться и толпился вокруг мерзлых окон и в кухне. Между кухней и спальней была голландка, в которой были отверстия и через них можно было видеть лежавших на постели гостей. Тут две «набожные» старухи: Попова и Ларина тайком от народа, не сводили глаз с гостей. «Господи», шептала одна, «наш родненький Петюшка шутит с Тюничкой: хватает ее за грудочку и целует ее, — Господи, ведь и у них плоть человеческая, истомились за 16 лет в Сибири, — теперь нехай отдыхают». Я подошел к ним и начал стыдить: «Что вы заглядываете, старые; ведь это же неприлично». «Хочется, Семочка, порадоваться на нашего родненького кормильца», ответили они. Весь второй день прошел в ликовании, торжественном настроении и мелодичном и громком пении приезжих и наших пев-

цов. Народ заполнил все село: со всех ближних соседних сел шли увидеть вождя. К вечеру решили ехать на ночь в село Успение и пригласили меня. Я был очень рад такому случаю. Из Вознесения дорога лежала в Успение через «громовую» гору и когда переезжали гору, Петюшка говорил Планидину о душе. Он сделал такое сравнение: Океан это, скажем, Бог. Из этого океана, посредством испарения, поднимается вода и образуются тучи, из этих туч выпадает эта вода на землю мелкими каплями, потом соединяется из капель в ручеек дальше в реку и в конце, возвращается обратно в океан. Каждая дождинка упавшая на землю, остается в цельности, но ее отдельное существование прекращается после того, как она слилась с другими дождинками. Так и наша душа. Иными словами: во всем мире одна душа — как одна вода, и наша душа сливается с душой других людей и делается единой после нашей телесной смерти — возвращается в свое отечество, — как вода в океан. А как же с людьми живущими скверно и нарушающими закон Бога? — спросил Планидин. — В таких людях души нет, они подобны животному, имеют физическую жизнь и только, — закончил Петюшка.

Село Успение: тут люди жили довольно дружно и очень немногие ходили на свободу, так что почти всё хозяйство сохранилось в целости. Встреча была, как и в других селах, очень торжественная: проходя по улице в сопровождении громадной толпы народа, певшего псалмы, Амелеша Каныгин пригласил Петюшку посмотреть только что отстроенную громадную конюшню, наполненную худобой и лошадьми. Тут Петюшка также сказал публично: «Постройка сделана очень хорошо, молодцы, большая вам честь и слава за это, ибо это доказывает солидарность вашего общества и братскую жизнь; но я должен сказать вам откровенно, что это мне не нравится, пахнет «казёнщиной», а потом рассказал о своем плане точь-в-точь так, как он говорил Ивину и Планидину в поезде из Сеинт Джона в Виннипег. Беседы его были те же; что и в других селах — цель их была помирить и слить две образовавшихся партии в одну. Это же самое повторялось и в селе Троицком. Из села Троицкого, опять через «Громовую» гору, приехали в село Михайлово. Все села на северном участке, состояли из ссыльных — холоденских. Ивин, бывший «ричардой» при жизни Пе-

тюшки у Лушечки, и Маркин были казаками и жили в этом селе (Ивин находился в компании с нами). Это село было очень богато первоклассными певцами и встреча была сверх-торжественная. Те же беседы и богатые угощения. Сюда прибыл из Сван Ривера земельный агент господин Хю Харлей, очень доброй души старичек и доброжелатель духоборцев. Ему-то и несли свободники северного участка для сдачи деньги, считая его за «кесаря». «Отдайте кесарю кесарю а Божье Богу». Будучи когда-то фармером, а теперь занимая маленькую земельную и почтовую конторы, где работали его взрослые и хорошо образованные дочери, он не мог понять, с какой стати духоборцы принесли ему деньги полагая, что они хотят переслать их через почту, родным в Россию. «Нет, это деньги твои — ты кесарь, бери их, нам они больше не нужны», говорили свободники. «Я, кесарь? деньги мои? Не понимаю, в чем тут дело?» в недоумении говорил старичек. Кучи денег появились перед ним и он, не веря своим глазам, не видя во всём этом смысла, стал уговаривать пилигримов, чтобы они взяли деньги обратно — «они будут вам нужны», говорил он. «Нет, настало время, денег не надо, забирай, они твои господин кесарь», окончательно ответили ему. «Но если так, то позвольте мне сосчитать, сколько тут денег и от кого, и я дам вам расписку, а деньги отошлю высшему правительству». Это он и сделал, но духоборцы не приняли расписки потому что они получат расписку от Бога.

Харлей был принят Петюшкой. Он такого же высокого роста, как сам Петюшка, но много старше, хлеской и седой. Петюшка сдазу же полюбил его за откровенность и искренность, а потом они стали очень близкими друзьями и Петюшка несколько раз был в гостях в доме Харлей. «Слава Богу, что ты господин Веригин приехал к своему народу», говорил старичек, «я рад тебя видеть лично и надеюсь, что успокоишь свой народ, что вы примите землю и будем жить все друзьями в радости и счастливо». Петюшка поблагодарил его и также сказал, что и он очень счастлив, что встретил его, — он много слышал от духоборцев о его доброте и помощи по приезде их на северный участок. Были случаи, когда духоборцы обращались к Харлей в дом, поздно вечером и часто он выходил к народу — больше рабочему, с постели, в продольной рубахе и

никогда не отказал в просьбе. Харлей очень жизнерадостный старичек и когда рассказывает что-либо, то искренно хохочет. Он подробно рассказал Петюшке, как свободники приносили ему деньги и называли его кесарем. Все это он говорил в комическом духе, и Петюшка «умирал со смеху», иногда хлопая его рукой по плечу. Петюшка в подробности ему изложил свой план, как духоборцы будут жить. «Это очень разумный план, господин Веригин», говорил Харлей, «это действительно христианский порядок, помогай вам Бог». А потом в шутку добавил: «Когда вы все устроите, господин Веригин, примите меня в общину?» «Пожалуйста, заходите», ответил Петюшка и оба засмеялись. Долго говорили они. Потом подали хороший обед и господин Харлей с аппетитом покушал, дружески распрощался и отправился домой.

Проехав с партией по всем селам северного участка, я, поблагодарив Петюшку, воротился домой и по прежнему, принялся трудиться. В Вознесении, Петюшка спросил меня: «Желаешь быть моим переводчиком?» Я ответил, что я малограмотный: никогда не был ни в русской ни в английской школе и говорю по английски плохо; лучше возьмите кого-нибудь другого.

Но неожиданно я получаю письмо от Петюшки, в котором он приглашает меня прибыть к нему. 28-го февраля 1904 г. предстоит большое и важное собрание в селе Надежда, по поводу принятия земли: на этом собрании будут присутствовать Харли, и Крири из Иорктона, и я буду за переводчика. Это было тяжело для меня, но податься некуда, и я поехал. Нужно было переводить формы, которые каждый принимающий землю, должен подписать. С этим, я справился легко, несмотря на большие слова. Присягу агенты согласились смягчить: вместо «клянусь» можно говорить «утверждаю». После долгих прений Петюшка убедил духоборцев, что все это не противно Богу и что для того, чтобы жить, нам нужна земля. Некоторые фанатики протестовали, но большинство было на стороне Петюшки. Самый главный вопрос был в том, чтобы за всех духоборцев приняли землю три человека. Были назначены: Петюшка, Никола Зиборов и Павлуша Планидин. Петюшка тут же приказал им, чтобы они немедленно научились писать свое имя и фамилию по английски. Они не могли ра-

списаться даже по русски, но научились.

Приёмка земли тянулась долгое время в Иорктоне — это была монотонная, докучная работа: Петюшка делал крестик на гомстеде, я говорил агентам фамилию и число душ и какой именно гомстед.

После этого опять было созвано большое собрание со всех сел в село Надежду. Петюшка говорил очень много и призывал всех живущих самостоятельно, входить в общину — это единственный путь братской жизни по заветам Христа, а духоборцы должны ценить учение Христа выше материальной наживы, говорил он. Все присутствующие дали слово Петюшке, что войдут в общину, пустят свою худобу и вложат деньги. Только Ваня Нагорный заявил «Петюшка, я не войду, я наперед знаю, что не могу поладить с другими и не люблю общинную жизнь. Простите». Это был первый открытый противник Петюшки. С течением времени, очень многие перешли на сторону Нагорного.

Правительство Канады во главе с Клифор Сифтон, министром Вн. Дел, и Джон Обед Смит, Ком. Имгр. относилось к духоборцам снисходительно и были довольны тем, что земли разрабатывались в больших площадях. Но когда Сифтон был заменен Франком Оливером, стало хуже: Оливер был открытый враг духоборцев и их переселения в Канаду. Правительство стало извещать, что на некоторых гомстедах нет распашки и они подлежат конфискации.

По рекомендации крупных контракторов Макмилен Бродерс Петюшка договорился с президентом Гран Тронк Рейлвей Ко. доставить им две тысячи рабочих из России. Этим рабочим Петюшка будет платить русскими деньгами, а мы будем получать от компании канадскими долларами по существующей цене в Канаде и этим сделаем большие барыши. С этой целью он решил ехать сам лично в Россию.

ПРИЕЗД ИЗ РОССИИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАТНО ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ВЕРИГИНА

Не смотря на то, что Петюшка Господний был окружен любовью Тюни, у него сохранилось теплое чувство и влечение к своей бывшей супруге Авдотии Григорьевне, с которой

он был разлучен по воле и желанию Лушечки, и с которой до этого разлучения он жил в любви и согласии, а также к своему единственному сыну Петру Петровичу, как читатель увидит из письма, которое я писал под личную диктовку Петюшки Господнего.

декабря 7-го 1904 г.
Село Отрадное, Канада

Дорогой Петяка! Письмо твое от 20-го сентября я получил. Передал ваши поклоны милой нянюшке моей, а твоей старенькой бабушке: она рада была что получила от вас известие, так как ты давно уже не писал нам. Ведь надо сказать, что с бабушкой вы более знаете друг друга потому, что больше жили и виделись с ней чем со мной.

По твоему разговору в письмах, я ясно вижу, что мы родственны в особенности духом и, близки, может Господь даст когда-либо увидимся и телесно. Я удивляюсь общему сопоставлению обстоятельств, что почему бы тебе с своей семьей еще в то время не переселиться в Канаду с общей семьей духобории? Такое упущение, я более приписываю твоей молодости. Не могли же вы допускать, в своем мнении, если переселилась в Канаду моя родная мать старушка, все родные и духовные братья и сестры, а я бы по освобождению из ссылки, поехал бы на Кавказ к оставшимся духоборцам, в числе которых находились и вы? От такого недоразумения получилось простое упущение времени, с чем надо примириться, воздерживаясь от бесполезных волнений и беспокойств!

Нянюшка и все родные наши, очень благодарят вас всех за поклоны и доброе пожелание, а также и я очень рад вашему письму и благодарю за привет, спаси вас Господи. Взаимно вам шлем душевный привет с пожеланием всех благ от Бога, в особенности бабушка поручила мне, написать тебе об искреннем ее соболезновании, что она не может видеть тебя при своих преклонных летах. В кругу нас, ее детей, сейчас ей, как видать, сравнительно весело: мы ей устроили хорошее помещение, отдельную комнату, и часто собираемся проводить с ней время: поём ей, читаем псалмы, а иногда она желает, чтобы мы пели ей и простые песни бытовой жизни: все ее малейшие желания мы исполняем. В праздники приходят к ее комнате люди всего села Отрадного, но она здоровается только через окошко так как на открытый воздух она выходит очень редко, например: летом мы ее возили в фаэтоне по хлебным полям и, этим она очень восхищалась. Фаэтон возили просто дети села Отрадного, которых около 50-ти, мальчиков и девочек в селении.

Не смотря на все эти ухаживания наши за бабушкой,

она все-таки, часто вспоминает про оставшихся в Сибири: Ваню, старшего сына, Проню и Васю и, про тебя с семьей. Федя и Лукаша отошли уже в вечную жизнь, и она про них вспоминает реже.

Здесь у нас успели умереть из наших родных: Федина Анюта: прозванная «зайчихой», и Лукашина хозяйка Настюша. Прока, единственный сын покойных Феди и Анюши, живет хорошо, слава Богу: в Отрадном. Имеет уже двух детей, женат на дочери Настюши Асеевой, Анне. Вася и Лукаша — твои же братья Лукашины, я упоминаю о них как о сиротах, оставшихся без родителей, также живут хорошо, конечно, мы все здесь живем почти вместе, хотя в разных домах. Луша, старшая сестра Васи и Лукаши, умерла вскоре же после своей матери. Фека, если ты помнишь ее живет сейчас в нашей семье, как родная дочь — она очень славная девушка, и заслуживает полную любовь.

Еще живут с нами в квартире: Анастасия, дочь Феди Голубова, вероятно вы ее помните, Варвара, дочь Вани Подовинникова, сына Анютушки нашей, Пелагея, дочь Настюши Асеевой и, упомянутая Фека: все они еще молодые девчата, а из парней сын брата Васи, Петр, Филипп, сын Вани Даншина и самый младший его сынишка Петр, и Грика, сын брата Гриши. Это непосредственно близкая моя семья. Они все, хотя немного, но грамотны. Теперь, когда приехали сестра Варюша и Иван Евсеевич, я поручил ему учить всех этих молодых людей пению. Еще живет при мне Василий Объедков — как эконом по хозяйству. Живем мы при нянюшке: Гриша, брат и я неотлучно; только моя квартира через улицу, а Гриша живет и даже ночует под одной кровлей с нянюшкой. Главный уход за ней делает жена Гриши — Груня. Она очень добрая душой женщина. Часто ночует с нянюшкой и сестра Анютушка, а попеременно и другие снохи ее: Варюша, Маша Васина, а Пронина Маша живет далеко и приезжает к нам очень редко.

За все это время, как я приехал в семью духобории и родных, душа моя переполнена радостью и, удивлением в особенности тем, как дивно Господь совершил переселение духоборцев на такое далекое расстояние благополучно, и сейчас жизнь всех духоборцев устраивается очень хорошо. Главным вопросом в движении духоборцев на Кавказе, была воинская повинность. Здесь в Канаде правительство дало письменное обещание никогда не брать из духоборцев солдат — податей нет никаких. Земли, которую сейчас заняли духоборцы, очень много: великолепные луга. Распашка делается легко под хлебные посевы, так как грунт нежный и для подъема, две пары лошадей легко возят настоящий плуг по целине. Мягкая земля распахивается обыкновенно парой. Кстати сказать, это лето

мы имели одну пару для распашки земли для пробы: паровик 25 лошадиных сил, возит восемь плугов. Когда мы его доставили до места распашки и пустили в ход, то были удивлены работой, которая исходила от паровой силы: хотя постановка такой пахоты не сложна, котел в котором развивается пар и печка, построены на громадных — сравнительно высоких и с широкими чугунными ободьями колесах. При топке под котлом с водой паровик обыкновенно движется силой пара, имеется руль чтобы направлять паровик передними колесами туда, куда нужно: паровик направляется правым колесом по над бороздой по крепкой земле а сзади прицеплены восемь плугов, и плуги эти один за другим поднимают борозду земли. Паровик идет как бы шли полным ходом лошади. Управляют два машиниста: один смотрит за паром и правит, другой подкладает дрова; и два плугатаря, каждые четыре плуга сцеплены и на четыре плуга пружина; — поднимает и опускает плуга, т. е. глубит и мелет, на концах плуги совсем поднимаются особой пружиной, легко. Плугатари стоят на плугах, машинисты, тоже находятся на паровике. Здесь вблизи, когда наблюдать, то как будто движение воды происходит: когда восемь борозд отвертываются все сразу. Я поехал сам немного для пробы. Пришлю вам несколько карточек фотографический снимок наших полевых работ.

Передайте поклон от меня всем кто помнит меня. Тебя милый Петяка, и всю семью, крепко целую и желаю всего хорошего от Бога.

Ваш:

Петр

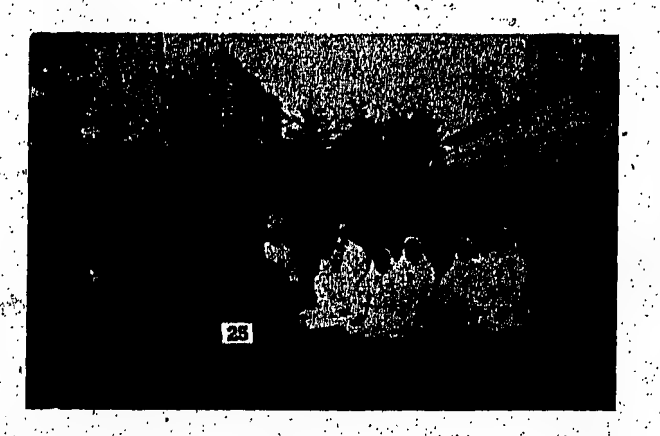
И вот, наконец, приезжает его бывшая супруга, сын с женой Анютой с двумя малыми детьми, в сопровождении Алеши Ф. Воробьева и Баева, в город Иорктон. Я был послан им навстречу: они находились на Петюшкиной квартире, как гости, у Вани Подовинникова, который заведывал общинными делами и жил там. Поздоровавшись, «Потяка» (так его тогда называли), попросил меня подстричь его волосы, как принято в Канаде и после этого мы тронулись в путь. Я, привыкши служить только Петюшке, относился к Петяке, как к товарищу, но было очевидным что Воробьев и Баев были под командой Петяки: например, они не стали садиться — всходить на шарабан пока он не сказал: «садитесь». Петяка обращался со мной очень дружески и просто и я его за это сильно полюбил.

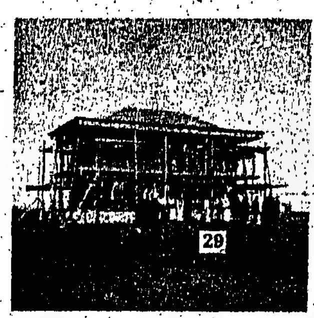
В Отрадном, встреча гостям была торжественная: вышло все село и сам Петюшка, и как принято, поздоровались и при-

гласили приезжих гостей в дом Гриши Веригина который служил квартирой для Петюшки. В этом доме и поместили Петяку с женой, детьми и матерью. Воробьев и Баев остановились в другом доме. Сам Петюшка с прислугой и Вася Объедков, перешли в другую квартиру.

Присутствие Тюни возле Петюшки было противно Петяке, а, в особенности, старой жене — сохранившей еще хорошее здоровье и физическую красоту: это была голубоглазая брюнетка очень красивого телосложения. Начались почти ежедневные собрания на открытом воздухе. Петюшка много беседовал на разные темы. Часто он брал гостей: Воробьева и Баева и свой певчий хор, оставляя жену и сына с семьей дома, и разъезжал по всем духоборческим селам, показывая гостям общинную жизнь. В селах, где жили дружно и хорошо, останавливались и гостили, а где жили плохо, проезжали, не останавливаясь. Каждое село, где останавливались, торжественно встречало гостей. Петюшка проводил беседы, а также просил гостей рассказать, как духоборцы живут в России. Сельчане были рады Петюшке с его компанией и гостям: Воробьева знали все взрослые духоборцы и относились к нему с особым почетом; несмотря на то, что его партия и сам он, не пошли в ссылку и в Канаду; угощали и пели унылые псалмы. Пели и Петюшкины девы и вся его группа. Время проходило в радости и полном духовном удовольствии.

Я лично почти не участвовал в таких поездках, будучи занят работами по указаниям Петюшки, и оставаясь в селе, имел хороший случай близко познакомиться с Петякой. Он чувствовал в своей душе обиду за себя и мать, потому что Петюшка не брал их с другими гостями и как будто презирал. Через некоторое время Петюшка предложил сыну идти на отхожую работу с другими братьями села: это казалось вполне естественно и даже похвально с точки зрения равенства, но Петяка принял это иначе: ему казалось это наказанием и унижением перед народом. Но все-таки он пошел. Где он работал, и работал ли, никто не знал, но одно было известно: от его заработков не поступало в кассу ни одного цента. Через две недели Петяка вернулся обратно и лег в постель больным. В хате, где жил Петяка с матерью и семьей (в доме Гриши Веригина) приготовлялась Грунюшей пища для Петюшки и его семьи.

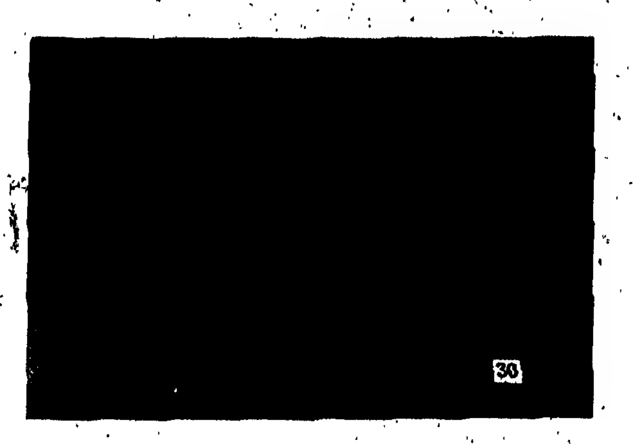
25. Во дворе друга Харлей в Сван Ривере. Сидят слева направо: В. И. Объедков, С. Ф. Рыбин, П. В. Веригин, Г-н Харлей, его супруга и две дочери: Марфа, Полячка, Варичка и Фека.

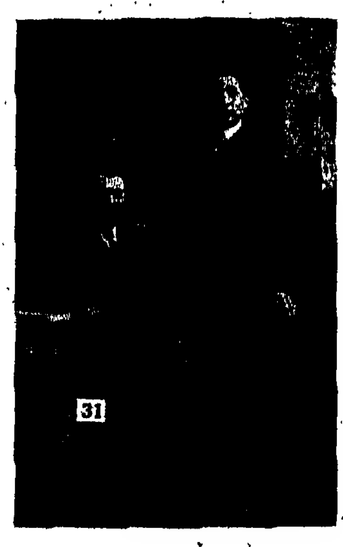
26. Петюшка-Господний со своим миром на поле между селами Отрадное и Смирение.

27. Уполномоченные по приемке гомстедов. Слева направо: Н. С. Зиборов, П. В. Веригин и П. В. Планидин. Сзади: С. Ф. Рыбин и А. Ф. Голубова.

28. Делегация к правительству в Оттаву. Слева направо: С. Ф. Рыбин, П. В. Веригин и С. В. Верещагин.

29. Конструкция дома для П. В. Веригина в селе Отрадном. По окончании этот дом был сожжен Сынами Свободы — по их мнению этот дом нарушал принцип Христа о равенстве людей.

30 П. В. Веригин с народом перед отъездом в Россию на станции Веригино.

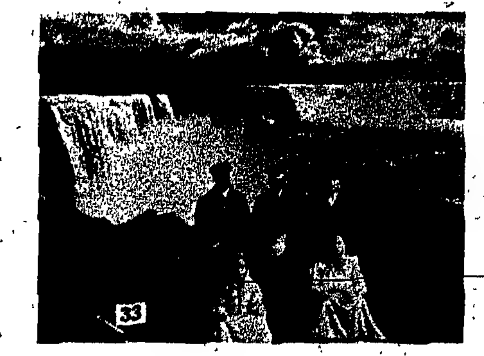
31. В. А. Потапов и С. Ф Рыбин делегаты в Оттаву относительно духоборческих дел. 1908 г

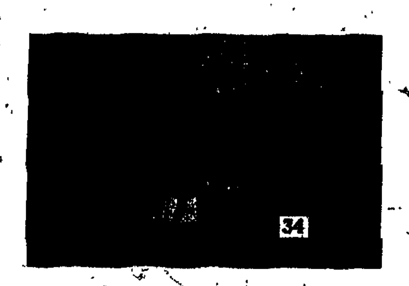
32. П В Веригин в рабочей одежде. Физически он никогда не работал.

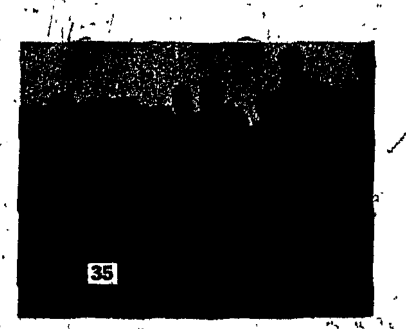
33 Ниагарский водопад Впереди сидят слева направо: Д. Н Гридчин, Мавра, Дедушка Махортов и Анастасия Голубова. Сзади П В Веригин, П. В Планидин и С. Ф Рыбин.

34 На пути в Россию Около церкви квакеров. Слева направо: Д. Н Гридчин, П. В Планидин, Мавра, Анастасия, С. Ф. Рыбин, Дедушка Махортов и П В. Веригин.

35. В городе Филадельфия Слева направо: Анастасия, Мавра, П В. Планидин, Дедушка Махортов, Д. Н. Гридчин, П В Веригин и С. Ф Рыбин.

Когда заходил Петюшка и вся наша партия, жившая при нем, в эту хату обедать, на кровати лежал его «больной» сын, и Петюшка делал вид, что не замечает его: не здоровался и не спрашивал о здоровье сына, садился в конце стола — спиной к больному. Я лично, когда был свободен, посещал Петяку, но при всем моем к нему уважении и любви, мне казалось, что он притворялся больным, чтобы избежать физической тяжелой работы на стороне, которую братья его возраста совершают с самого приезда в Канаду. Поэтому Петюшка был недоволен и говорил мне: «Он должен работать, как и все, а потом мы его заместили бы куда либо в общинную работу, где требуется особое знание, а это знание у него есть». Наша же дружба с ним крепла, и мне начали уже делать замечания девы: «Ты Сема, начал оставлять свою партию и больше дружишь с Петякой».

Кончилось тем, что Петюшка предложил сыну с семьей и жене, выбраться из Гришина дома и перейти в дом Васи Зыбина — этот дом находился на другом конце села. Такой поступок Петюшки взорвал чувства Дунюши — первой жены, и она когда я заходил к Петяке, открыто ругала и проклинала Тюню и самого Петюшку: «На что он держит эту ораву около себя», громко спрашивала она меня: «Не знаю, Дунюша, наверное держит, как прислуг: смотреть за одеждой, помогать при одевании». Дунюша сердится больше и кричит: «Для этого у него Вася Объедков. У него не поотсыхали руки стащить обувь самому. Я таких же лет и сама все это делаю, а он что, калека? Все это делает шалыхвостка Тюня. Были случаи, мы оставались с мужем наедине и он было начнет со мной говорить, как вдруг прибегает она и прерывает наш разговор, будь она проклята!» Отношения ухудшались. Воробьев, осмелившись, тоже открыто осуждал Петюшку за его нехристианское отношение к своей родной семье и за связь с девочкой — Тюней. Петюшка сказал Васе Дымовскому, распорядчику села, что бы он приглашал Дунюшу и Петяку с женой работать вместе со всеми братьями и сестрами села, и на все другие работы. Они погостили довольно долго, говорил Петюшка, а теперь надо работать. Приезжие были не привычны к тяжелому физическому труду и такой приговор над ними был равносильным каторге, но все равно выходили, как все, и работали на полях, очи-

щая землю от леса. Однажды, в прекрасный солнечный день, все были заняты корчевкой. Рабочие были в радостном настроении. Приехал Петюшка на фаэтоне и рядом с ним сидела Тюня, оба в праздничном красивом одеянии. Петяка увидев их, бросил свою грабу, отошел далеко от народа, упал на землю и заплакал. С этих пор он открыто начал осуждать своего отца за его барскую жизнь, за содержание выездных карет, девочек, как в гареме, певчих, с которыми он разъезжал в каретах и о многом другом. «Для папаши довольно одной смирной лошади и маленького фаэтончика, вместо этого гарема он мог взять дедушку Мохортова и разъезжать по всем селам, а в каждом селе есть свои певчие не хуже его хора», говорил мне Петяка. В свою очередь, когда я находился с Петюшкой вдвоем, я ему осторожно передавал, что говорит его сын. И к моему удивлению Петюшка на это совсем не сердился, а говорил с любовью: «Вот еще появился другой Толстой». Было видно что протесты сына ему нравились и в душе он сам был согласен с ним. Отношение к Воробьеву, стоявшему на стороне его сына, также стало не дружеское. Злоба наростала и Петяка с матерью перестали ходить на работы. Я попрежнему, вечерком, по пути на квартиру, тайком забегал на минутку к ним. Злоба Дунюши переполняла чашу: с ее уст срывались злобные слова: «святые», а Воробьев добавлял со смехом: «слепые, разврат, позор и стыд».

Однажды в воскресенье вечером, в теплую летнюю погоду, народ собрался со всего села Отрадного, а также с ближних сел: Смирение и Надежда — толпа была больше тысячи человек. Петюшка много беседовал. Народ громогласно пел псалмы и духовные песни: все шло гладко, все ликовали и вдруг Петяка громко сказал: «Папаша, ты называешь меня «Кательниковым», какой же я Кательников?» Это вмешательство сильно оскорбило отца и он сказал: «Смотрите, он может бросить в меня камнем. Сема, отведи своего друга на квартиру». Это поразило всю публику и отравило торжество. Я, подойдя к Петяке говорю: «пойдем». Он, не сопротивляясь, пошел и всю дорогу плакал и рыдал. С этого вечера пошли слухи, что Петюшкина семья уезжает обратно в Россию. Этот слух всколыхнул всю духоборию: дедушка Махортов стал утверждать «подпольно»: во что бы то ни стало, надо удержать Петяку, как

будущего вождя духоборцев. Как пламя, дедушкина пропаганда охватила все села: в особенности, где жили ссыльные. Из всех сел хлынула толпа, напоминавшая поход на свободу. Село Отрадное было заполнено народом. Пение громыхало в сотнях отдельных групп, певших разные псалмы и стихи, голоса сливались в непонятный гул, летевший в пустое небо. Все пришли с челобитьем: просить Петяку и его мать Дунюшу не оставлять духоборцев сиротами. Ваня Илясов, увидав Дунюшу шедшую по улице, упал на колени перед ней и взмолил: «Мать ты наша, пресвятая богородица, сжалься над нами, не покидай нас сиротами!» Миша Казаков прибыл со всеми рабочими с кирпичного завода. Дедушка совсем притих: ходит, улыбается и радуется, что его желание исполнилось, но притворяется, как будто ничего не знает.

Эта глупая и никому ненужная демонстрация сильно обидела Петюшку. Он был в расцвете лет, здоровый, и вдруг такая смута в народе и плач о будущем вожде. С большим усердием захлопотали Гриша Веригин и Павлуша Планидин (по поручению Петюшки). Их разумные объяснения повлияли на народ, который начал расходиться по домам и улица села Отрадного была очищена от нашествия пилигримов.

Отъезд в Россию был окончательно решен на послезавтра. Петюшка позвал Баева на свою квартиру и долго говорил с ним: дал ему план, как нужно поступить, чтобы переселить оставшихся в России духоборцев в Канаду. Баев громадного роста брюнет. Он уважал Петюшку, принимал его директивы с большой серьезностью и усердием и обещал выполнить все его благие советы в точности. Петюшка не имел больше свидания и даже не попрощался с Воробьевым и своими родными, — они уехали не сказав ему «прощай». Разрыв был роковой. Мне было поручено немедленно ехать с Семой Черновым по делам в Йорктон, и это означало, что я не могу увидеть отъезжающих, а проститься мне очень хотелось. Нам надо было ехать мимо квартиры, где находились отъезжающие, но если остановиться на улице, Петюшка может увидеть из своей квартиры и будет беда. После долгого колебания, я все же решил рискнуть, и попросил Чернова завернуть в проулок и остановитья, а сам побежал через огород на квартиру. Тут мы, как дети, наплакались и распрощались с тяжелым чувством. Я рас-

целовал отъезжающих, и пулей полетел обратно к Чернову. К счастью мы успели удрать раньше чем мое прощание было замечено. После отъезда Петяки в Россию, меня называли «Петякин».

По приезде в Россию, Петяка и Воробьев заявили, что они воротились по совету Петюшки, а что говорит Баев, то это он делает от себя и говорит неправду. Народ, как надо было и ожидать, больше поверили им, а бедный Баев остался, как рыба без воды «лгуном». Он писал Петюшке и жаловался, но это был голос вопиющего в пустыне и он не мог провести поручение в жизнь, а остался в презрении перед духоборцами в России.

Иногда, после отъезда семейства, Петюшка говорил: «Почему бы Петяке в первый раз, не приехать одному, а семью оставить на месте. Тут он мог бы жениться — девушек много, зачем он тащил за собой эту склыку?» Через год или больше и в самом деле Петяка приехал один, но только не на жительство, а как делегат по переселенью. Вышло, что программу порученную Баеву, они стали проводить сами. И вот, в Иорктоне на квартире Петюшки, мы увидели его сына, идущего с Семой Морозовым — доброй души человеком, живущим вне общины. Петюшка озлобленный на всех отпавших духоборцев, велел мне выйти к ним во двор навстречу и сказать Петяке: (сам Петюшка в это время приоткрыв окно, слушал) «Если ты хотел видеть своего отца, зачем тебе было связываться с этим бандитом, готовым убить отца?» Я, как грамофонная пластинка, слово в слово, сказал им это, и поразил, как молотом. Морозов только сказал: «Я не бандит и не желаю ему ничего плохого». Слеза блеснула в его добрых глазах. «Ну Петя, пойдем домой», сказал Сема и они пошли. Мои слова, потом, показались слишком грубыми и самому Петюшке и он сказал мне: «Тебе надо бы сначала поздороваться с ними, а потом говорить, а то ты словно обварил их кипятком». Так что после этого, Петяка больше не показался на глаза отцу, и с их затеей, без участия Петюшки, ничего не вышло. Позже вместо Канады, Петяка перетащил, кто пошел за ним, в Донскую Область, а последовавшие за Воробьевым, поселились в Таврической губернии, где когда-то жили предки, на Молочной реке. Ясно, что между Петякой и Воробьевым произошел в конце

концев полный раскол. Переселение духоборцев в названные места окончилось крахом благодаря нашествию проклятой орды Гитлера. Духоборцы же, которые не пошли вслед этим двум вождям, а также духоборцы партии Губановых живут припеваючи, потому что нашествие немцев не достигло тех пределов и они только потеряли несколько сыновей, участвовавших в защите своей родины.

Привожу одно из многих писем Петяки целиком.

1908 года Января 8 дня. Село Орловка

Милый и дорогой Сема!

Письмо твое и чеки я получил. От души тебя благодарю. Спаси тебя Господи за твои поклоны и приветы, а также труды по присылке чеков. Взаимно и я с семейством нижающе кланяемся тебе и желаем всего наилучшего. Просим передать наш привет и поклон: своему семейству, Ване Конкину и всем братьям и сестрам духовным, знающим нас. Прости, дорогой Сема, что так поздно отвечаю. Причина та, что один из чеков, банк в Тифлисе посылал для проверки в Петербург, и мне пришлось ожидать результата. Но сейчас деньги получены и я счел нужным ответить тебе, с уведомлением, что деньги получены. Во вторых мамаша сильно болеет и мы вынуждены были повезти ее в Тифлис. И там пришлось пробыть более месяца. Сейчас хотя и возвратились в Орловку, но здоровье ее как-то туго поправляется. Она чувствительно тебе благодарна и крепко целует — это ее слова. Мы же все пока живы и здоровы, слава Богу, чего и тебе желаем от души.

Дорогой Сема! передай пожалуйста Николе Фаминову нашу благодарность за присланные деньги. Кланяемся ему с семейством, и спаси его Господи, что не забыл про нас, его деньги как раз были присланы во время; и принесли нам большую пользу, в нашем домашнем быту.

Как вы поживаете, дорогой Сема? Все ли благополучно? И что нового? Очень и очень желалось бы, что бы ты написал мне в ответ на это мое письмо и я был бы рад и много благодарен. Новостей так сказать интересных у нас нет. Только этот год повсеместно плохой урожай на всё и можно предвидеть голод с последствиями.

Дорогой Сема! Еще самое главное буду просить тебя, осмелься и, передай, как от меня, а также и от всего семейства нашего — нижайший поклон и душевный привет — незабвенному Папаше. Об искренности нашей свидетельствует сам Бог и те слезы, которые падают на это письмо. С нетерпением буду ожидать от тебя ответа, дорогой Сема, и исполни нашу просьбу.

Пожелаю тебе всякого благополучия. Остаюсь любящий тебя и помнящий брат твой

Петр П. Веригин.

Поклон и привет дедушке с бабушкой Махортовым, крепко их целуем.

Петр.

ПОЕЗДКА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРИГИНА С ГРУППОЙ В РОССИЮ

Ранней весной 1906 года мне было приказано «под строгим секретом», достать паспорта на имя: Петра Васильевича Веригина, Ивана Фатеевича Махортова, Павла Васильевича Планидина, Димитрия Николаевича Гридчина, Анастасии Федоровны Голубовой и Мавры Васильевны Дымовской, чтобы никто из них не знал об этом. Русский консул в Монтреале г-н Струве был лично знаком с Петюшкой: мы даже были у него в доме, как гости; и поэтому паспорта были получены без малейшего замедления. И только за несколько дней до отъезда, Петюшка объявил своим спутникам и всем духоборцам, что отъезд назначен на 11-е число Октября, в четверг, и с каждого села приглашались делегаты: один мужчина и одна женщина — на проводы.

День отъезда был теплый. И так как путешествие вождя предпологалось почти кругосветное и продолжительное, то проводы были весьма торжественные. Осенние лучи солнца радовали теплотой, даже птички не переставали чирикать. На лицах многих была грусть. Собирались кружками и тихим голосом обсуждали, почему их любимый и родной вождь решил уезжать от них, и возможно навсегда? Никто из духоборцев не знал настоящую причину, почему вождь едет в Россию.

Петюшка с его партией не появлялись до 4-х часов вечера. С утра до этого времени, делегаты из 47-ми сел, не переставая, переливались группами с одного места на другое, продолжая беседы с глубокими вздохами. Некоторые группы тихо пели духоборческие псалмы, напоминавшие «похороны». Это, в особенности, придавало грусть и уныние не только делегатам но и всем жителям, работавшим на станции Веригино. В виду такого торжественного события все рабочие оставили свою работу и примкнул к всенароставшей толпе. Кроме де-

легатов пришло очень много народу «самовольно» из близлежащих сёл, чтобы проститься с отъезжающими. Многие женщины тяжело вздыхали и охали. Слышны были восклицания: Ох, Господи, до какого времени мы дожили!»

Митя Дубасов, один из сторожей на станции, — набожный добрый старичек, чуть не бегом, не переставая ходил по всем кружкам и с широкой дружеской улыбкой, спрашивал: «Если кто из народа находится здесь без приглашения, не делегаты, то чтобы здесь не присутствовали и этим дали возможность делегатам лучше проводить уезжающих». Об этом также просил, с осторожной скромностью, другой благородный старичек, Никола Фофанов, работавший в лавке. Он просил не приглашенных: держаться в стороне, или, самое лучшее, идти домой.

Каждое село прислало со своими делегатами, помимо братского привета и доброго пожелания отъезжающим, и деньжат на дорогу, а именно, села:

Вознесение, Павлова, Семенова, Утешение, Благовещение, Хлебодарное, Колмыково, Отрадное и Новое, по сто долларов. Благосклонное и Надежда по 75 долларов. Освобождение — 65 долларов, Тихомирное, Советное, Михайлово, Лебедева и Покровение по 60 д., Вера 56 д., Христианское и Каменка по 55 долл. Богомданное, Смирение, Родионово, Терпение, Любомирное, Беседное, Моисеева, Капустино, Воскресение, Ефремовка, Тамбово, Трудолюбивое, Петрово, Славное, Разбегайлово, Воссияние, Любовное, Горелое, Троицкое, Успение, Благодарное, Переходная, Архангельское, Громовое по 50 долларов. Верное — 40 долларов. Кирилово 35 дол. и Прокуратово 25 долларов. Всего было собрано 2,881 доллар. Сделан был точный список и представлен с деньгами Петюшке. Кроме этой суммы денег Петюшка получил, в подарок, от Апеши Рыбина русским золотом около пятисот долларов, которые он потратил будучи в России. Делегатов от сел было 94 человека.

Для всей этой группы был приготовлен хороший обед: для женщин на станции Веригино, а для мужчин на кирпичном заводе, находившемся в четверти мили от станции Веригино. После позднего обеда, перед приездом Петюшки, все группы слились в одну и стали петь общим хором духовные псалмы — растяжно и заунывно. Приезжал на проводы и господин Хар-

лей, о котором читатель уже знает. Пробыв в ожидании часа три, он уехал обратно, надеясь встретиться в селе Отрадном. Его удивлял значительный материальный успех духоборцев с их прибытия в Канаду в 1899 году. Он очень убеждал и просил всех принять подданство Канады и стать полноправными гражданами страны, уверяя, что это будет выгодно духоборцам, потому что будучи гражданами, они будут иметь силу улучшать законы страны для общего блага всех жителей. «Мы уважаем принципы духоборцев», говорил он.

Толпа народа, ожидая каждую минуту приезда вождя, не прекращала пения, а наоборот, сила хора все более и более наростала. Показались отъезжающие. Они пели псалмы. Настроение их было бодрое и радостное.

Поздоровавшись с народом, Петюшка извинился, что так запоздал по непредвиденным обстоятельствам. По получении списка и денег, он весьма благодарил делегатов и через них, всех братьев и сестер всёх сёл, за присылку денежной помощи на дорогу, за приветы и просил, взаимно, передать от него и всей группы привет и благодарность всем братьям и сестрам. В краткой речи народу, Петюшка заявил, что он не уезжает от духоборцев навсегда, как некоторые предполагают и боятся. «Я решил посетить Россию по одному важному делу чисто материального характера. Кроме того намерен посетить места в Таврической губернии, где жили наши предки; для этой цели я беру дедушку Махортова, чтобы он указал нам места, где жили и похоронены наши «святые». Гридчина беру как переводчика — в Англии, так как Сема Рыбин должен будет воротиться из Нью Иорка, его я беру до Нью Иорка, как своего личного секретаря: у нас по дороге предстоит много важных и серьезных дел с правительством, с железно-дорожными чиновниками, и квакерами. Павлушу беру надсмотрщиком над нашей группой и дедушкой в особенности. Тюню беру, как представительницу женского пола духоборцев, а также и Мавру.

В продолжение этой речи, весь мир делал земные поклоны и благодарил Петюшку, что он снова возвратится. После краткой беседы и общего грандиозного пения, вся толпа делегатов, мастеров и жителей станции, двинулась на станцию железной дороги. Речь Петюшки оживила и ободрила всех и

теперь начали петь веселые песни и казалось вся атмосфера городка была насыщена торжественной духовной музыкой и радостью. Послышался веселый говор, смех и шутки. Лица у всех просияли радостью. Подошел поезд. Сначала в вагон вошла группа отъезжающих, а потом, по приглашению Петюшки, проводить до Камсяка, вошли Ваня Конкин, Миша Казаков, Вася Шерстобитов и Гриша Веригин (брат вождя). В Камсяке, также вся платформа станции была запружена духоборцами, пришедшими из ближних сел: каждому хотелось взглянуть последний раз на вождя и сказать ему: «Добрый вам час, счастливого пути!» Кондуктор, видя это, отнесся к духоборцам благосклонно и продержал поезд на Веригино и Камсяке, несколько лишних минут, дав возможность попрощаться. Тут лично прощались с Петюшкой Ваня Подовников с его братом Федей, а также мой брат Федя Рыбин. Это был последний пункт разлуки. Ваня Конкин очень просил позволить ему проводить партию до океана, но его желание не увенчалось успехом и он со слезами на глазах, как малое дитя, сошел с поезда. Поезд тронулся вперед и скрылся из виду — было уже совсем темно. По пути, в Гладстоне, к нам присоединился Вася Потапов, заведывавший постройкой полотна для жел. дор., взятый на контракт общиной. Он ехал по своим делам и встреча была случайная. Он представил полный доклад о своей работе Петюшке, и объяснил все положение дел в мельчайших подробностях. Петюшка пригласил его побыть за компанию до нашего отъезда, а потом приняться за свое дело и ехать обратно к рабочим. Он с радостью принял такое предложение. На следующий день в полдень, 12-го, мы прибыли в Виннипег и сразу же принялись за дела, которые были помечены для срочного исполнения, потому что выезд из Виннипега был назначен не позже 13-го числа. Это потому что были письменно назначены даты для свидания с разными лицами по пути в Чикаго, где адвокаты работали для нашей общины по поводу переселения в Калифорнию. Они достигли полного соглашения американского правительства принять духоборцев на тех же условиях и льготах которыми пользуются квакеры и другие общества-пасифисты, а потом в Оттаве с правительством и в Монтреале с Гранд Тронк Рейл. Ко. Дела выполнялись удачно и успешно, оставалось только закрепить купчую бумагу но-

тариусом. Для этой цели было решено обратиться к г-ну Смиту, Комиссионеру по Иммиграции. Он был искренним другом Петюшки и духоборцев вообще. Смит исполнил нашу просьбу с большим удовольствием и благодарил Петюшку за то, что он как друг, посетил его и дал возможность попрощаться перед отъездом в Европу. Он уведомил Петюшку, что ожидает Франка Оливера, Мин. Внут. Дел, в понедельник на 15-ое число. Это изменило наш план отъезда: дела предназначенные для обсуждения в Оттаве с Оливером, можно было покончить тут. Решили ожидать, и отпустили Потапова работать по своему делу. Он распрощавшись, оставил нас.

В субботу 13-го числа вечером, к нам пожаловал старый друг духоборцев, г-н Мак Аллистер. Он, будучи хорошим механиком, был послан компанией в духоборческие села, указать, как надо собирать сноповязалки и другие машины, — там он и познакомился и полюбил духоборцев за их простую братскую жизнь. Узнав из газет, что вождь духоборцев в Виннипеге, он пришел познакомиться. Как и всегда, беседуя с Петюшкой, не переставая смеяться, несмотря на то, что смешного ничего не было. «Только что прочел в газете, что вы, господин Веригин, в Виннипеге и сейчас же прибежал повидаться с вами, как вождем духоборцев, которых я люблю, как своих родных братьев», говорил он Петюшке. «Почему газета знала, что я в Виннипеге?» спросил Петюшка. «Не знаю, только очень большая и хорошая статья о вас написана», ответил Мак Аллистер. Петюшка попросил его прочесть статью и я перевел ее на русский язык. При чтении газеты, под влиянием Мак Аллистера вся партия громко хохотала. Мак Аллистер удивлялся, кто мог написать такую замечательную статью. Она отражала полностью жизнь духоборцев.

Петюшка пригласил Мак Аллистера придти завтра, в воскресенье, с женой к нам на обед. Он принял приглашение с большой радостью. Воскресенье в Виннипеге, как и во всех городах, ничем не отличается от других дней: шум, гам, стук, свист и грохот конок с ранней зари, противная каждому суета сует. День был очень теплый. Казалось, что природа старалась влить ласку в этот круговорот людской заботы, в котором они кишат, как муравьи: каждый бежит, устремив глаза вперед, незамечая и не обращая внимания на встречающихся с ним людей.

А тут была еще печальная картина: калека нищий подвозил небольшую музыкальную машину к каждому дому и она долго и пронзительно, отчаянно жаловалась на свою несчастную судьбу. Петюшка объяснил, что неправильно и даже губительно для нравственности и телесного здоровья жить в городах и какой вред получают люди от городской жизни.

К обеду пожаловал г-н Мак Аллистер со своей супругой. Обед был приготовлен в гостинице, специально для нас — вегетарианский. Поздоровавшись, всей группой двинулись на обед. Петюшка предлагал гостям заказать себе, если желают, мяса, но они заявили, что как наши гости, будут кушать только ту пищу, которую приготовили нам. После обеда, решили было пойти всем в зоологический парк, но заговорились до темна и вместо парка, пошли к Егорушке и Еве — друзьям армянам.

При прощании, Мак Аллистер спросил Петюшку: «Правда ли, что вы господин Веригин оставляете Канаду и уезжаете обратно в Европу и кто с вами едет?» Петюшка сказал: «Это правда, я собрался поехать в Европу и вся эта партия, за исключением Рыбина, едет со мною. Вот этого дедушку я попросил поехать с нами: он очень желает видеть нашего друга Л. Н. Толстого. Кроме того, он жертвует собой, отправляясь с нами, чтобы показать место, где жили наши духоборцы раньше, — наши предки в Таврии».

Мак Аллистер и его супруга, преклонив колена, долго молились Богу, чтобы путешествие отъезжающих, завершилось полным благополучием, расстались они с нами в самых искренних и дружеских чувствах...

В понедельник, по условию со Смитом, мы должны были встретить министра в его конторе в два часа дня. Когда мы пришли (Петюшка и я), министр уже был там и ожидал нас. Оливер, человек уже пожилой: всю свою жизнь был фермером: работал еще на волах. Его в шутку называют «бычатник» но политически он имел большой вес и недавно попал в министры внутренних дел. Поздоровавшись любезно, Петюшка сказал ему: «Мне очень приятно встретить вас и если можно, я желал бы поговорить о деле. Оливер ответил: «Мне также очень радостно встретить вас, господин Веригин, я готов к вашим услугам».

Петюшка: У меня есть к вам 4 вопроса которые я сей-

час представлю вам.

Оливер: Хорошо, говорите. Он приказал стенографистке делать точную запись разговора. Иногда Смит старался помочь Петюшке в объяснении какого-либо вопроса, но Оливер грубо отклонял его и он, сконфуженный, сидел молча. Петюшка продолжал: Первое дело, духоборцы из Принц Албертского района желают переселиться в Сван Риверский участок. Там они были поселены по неверным сведениям, будто не было сухих мест для поселения в Иорктонском районе, и они, малая часть, поверив этому, ушли туда, а большинство поселилось около Иорктона, но когда они увидали, что и здесь жить можно, то заявили желание переселиться сюда, даже часть их уже переселилась и составила три села, поселены они на земле, принятой для молодых. Наши соседи, англичане и другие были сильно недовольны, что та земля была не занята и не возделывалась, поэтому мы их туда и поселили и они уже успели распахать значительное количество земли. Мы просим вас, разрешить им сконцеловать свою землю в Ростерне.

Второе. Занять землю подвально на вершине Громовой горы.

Третье: О молодых. По списку комиссии, земля молодых, которым ниже 18-ти лет, подлежит конселовке. Тут произошло недоразумение. Когда комиссия проезжала, то большая часть людей была в отлучке, и когда комиссия спрашивала лета молодых у их матерей, то они старались уменьшить возраст года на два и больше, из-за боязни, что их детей будут брать в солдаты.

Четвертое. Не могу ли я заручиться от вас паспортом, так как я на пути в Европу, или, хотя бы рекомендательным письмом.

На 4-й вопрос Оливер ответил сразу так: «Вы русский подданный, и паспорт не будет иметь никакой силы в России; пока вы не станете подданным Великобритании, мы не можем защищать вас. Но письмо от себя лично я дам вам с большим удовольствием, и буду ручаться что вы не вредный и хороший человек». Петюшка поблагодарил его за это. Оливер дальше продолжал:—На ваш первый вопрос, скажу так: здесь страна свободная и люди могут переселяться с одного места в другое если желают. Конселовать землю письменно также можно.

О подвальной земле могу сказать, если она не отдана какой либо компании, то тоже можно получить. О земле на Громовой горе, сейчас не могу сказать, но сообщу после. Заговорили о других делах и вопрос о молодых остался в забытьи.

Смит подтвердил: пока духоборцы не примут подданства, они не могут получать патенты (в собственность) на земли. Оливер снова перебил его говоря: мне нет дела и это меня не касается, будут или нет духоборцы принимать подданство, это личное дело духоборцев. Смит снова замолчал сконфуженным. Со Смитом говорили много раз о подданстве раньше. Петюшка просил его устроить так чтобы подданство принять, так же как землю, через двух или трех лиц, но он говорил что это, против закона: каждый получающий землю, должен принять подданство в отдельности, а на это Петюшка не соглашался. Мы пробыли с Оливером более трех часов и дружески распрощались. —

Купили билеты до Нью Иорка и отправились на вокзал к поезду. Только стали выходить из зала, как нас встретили в дверях американские иммиграционные чиновники с допросами: «Есть ли у вас свидетельство от доктора и граждане ли вы в Канаде?» Воротили обратно в зал. Мы заявили, что мы граждане. Они попросили у нас паспорта и взяли наши билеты. Немного подержали и возвратили. Спрашивали, кто нас знает? Петюшка ответил: «Спросите о нас г-на Оливера, министра внутр. дел.» Опрашивали нас потому, что мы ехали через Америку: это делается со всеми туристами. И так, после этой неприятности, мы выехали благополучно. На утро мы были уже в Сеинт Пауле в Соединенных Штатах.

Город Сеинт Паул является столичным городом штата Миннезота. Тут много разных фабрик. От нечего делать, мы осмотрели все достопримечательные места, включая палаты, где стряпаются законы для штата. Это величественное здание сделано из белого мрамора, который отражается на солнце, как белый снег. Посетители допускаются бесплатно. Так как все это громадное, в несколько этажей, здание украшено внутри всевозможными картинами, статуями и другими предметами, то для публики, назначен «вожатый»: он объясняет посетителям, состоящим больше из туристов, значение каждого предмета. Посетителей, кроме нас, было очень много. Когда ос-

мотрели все места, при выходе из нижнего этажа, вожатый сказал: «На этом полу происходит чудо, которому вы сами будете свидетелями. Когда человек идет по этому полу, слышно позади громкое эхо: как будто за вами идет человек, но когда оглянешься, никого нет». Почти все зрители испытали это, и убедились, что вожатый говорит правду; но как это происходит, догадатся не могли. Вожатый объяснил, что когда строили этот грандиозный дворец, много рабочих было убито. И вот их души до сих пор находятся здесь и ходят вослед нас, но мы их видеть не можем. Все убитые горько плачут о своих семьях и жалуются на свою судьбу. Публика, конечно, не поверила его басням. При выходе из Капитоля Петюшка спросил вожатого: «Можно ли здесь петь?» «Можно, пожалуйста пойте» ответил тот. И вот наша группа встала в кружок и громко запела стих: «О, чудный день», и так как зала громадная и высокая, то звуки казались необыкновенно чудесными и сладкими. Толпа зрителей окружила нас со всех сторон и удивлялась иностранному, но очень приятному пению. Спрашивали: «Что вы за люди и откуда?» Узнав, что мы духоборцы, они указывали на Петюшку и спрашивали: «А это ваш представитель?» Я ответил утвердительно. По окончании пения, вся публика с поклоном и благодарностью долго и громко била в ладоши. Наша группа также раскланялась им и вышла из дворца. Гуляли мы по паркам, расположенным по берегам большой реки и украшенным всякими редкостями человеческого изобретения. Больше всего здесь интересовала нашу группу зелёная трава, цветы, свежий воздух и особенно деревья, нагруженные всякими фруктами, на которые мы смотрели с завистью — как лисица на виноград. Часть времени провели, лежа на траве в парках любуясь на публику, проезжавшую мимо нас на фаэтонах и автомобилях и с не меньшим интересом, смотревшую на нас.

Из Сеинт Паул мы выехали поздно вечером и нам не пришлось ничего увидеть по пути, а мы, нарочно, брали билеты ехать по «Бурлингтон» линии — она проходит по берегу великой и всем хорошо известной реки Миссисипи, через которую Лиза, из книги «Хижина дяди Тома», и другие рабынегры, перебегали на плывших льдинах. Река громадная и по ней ходят пароходы. По этой линии я проезжал много раз

днем с Ванюшей Конкиным. Он бывало всегда вспоминал Лизу и негров и посылал им воздушный поцелуй и желал им царствия небесного.

Утром в среду мы прибыли в город Чикаго. Этот город с населением в три миллиона жителей, наполнен горьким дымом и смрадом из нескольких тысяч фабричных труб. Улицы переполнены народом так густо, что надо держаться друг за друга, чтобы не затеряться. Оставив компанию на вокзале, Петюшка и я отправились искать себе хорошую, но дешевую гостиницу. Ходили долго, попадались больше дешевые места, похожие на кавказкие духаны, а хорошие и чистые были слишком дороги. В окраинах города брать было опасно. Три часа мы ходили под сильным дождем: вымокли и наконец нашли подходящую и довольно дешевую. Выторговали право приготовлять пищу в комнатах. Тут мы приютились до отхода завтрашнего поезда в Торонто. За это время мы увидели наших адвокатов и узнали, что все дела о переселении улажены. Уплатив им за труды, мы решили посмотреть город. Он никому не понравился: возможно потому, что шел сильный дождь.

Утром в четверг, мы оставили «Содом и Гомору», и целый день мчались на экспрессе, по направлению в Торонто. Была другая картина: поля, фруктовые сады. Шла уборка яблок, и часто были видны громадные яруса яблок, готовых для отправки. Мы завидовали таким прекрасным местам. Люди пользуются такими земными благами—плодами, которых у нас на севере, нельзя вырастить. По пути, Петюшка решил остановиться и посмотреть на «Ниагарский водопад». Это один из величайших, по количеству воды, водопад в мире. Мы прибыли в город Ниагара рано ночью, и чтобы не делать расходы, решили доночевать, сидя на скамейках в зале на станции. Все были утомлены поездкой. Как только стало видно, мы отправились на водопад. Не с моими литературными силами описать эту природную силу и красоту. Из озера Ири пролив вроде громадной реки идет в озеро Онтарио. Эта река в милю или больше шириною, сдавливается с обоих берегов скалами в узкую, в четверть мили или меньше: и сваливается в глубокую кучу, если так можно выразиться, а тут и сама середина реки — прет огромный толстый вал и вся эта величина сваливается и падает вниз футов на 500 с таким ревом и шумом, который слышно

на десятки миль от водопада. До этого главного водопада, за милю и меньше много малых водопадов и эти-то малые водопады разгоняют сильно движение воды и когда вода падает с главного водопада, то разбивается на мелкие искры и теряет свое лицо, а потом пройдя с пол мили, опять принимает свой натуральный вид. При падении от воды летят брызги гораздо выше водопада — получается страшный рев. Стоя на берегу, нужно держаться, а то кажется, что вода и вас тащит за собой. Под этим водопадом проделан туннель до середины реки. Мы опускались на элеваторе вниз и прошли по туннелю, где сделано отверстие так, что зритель смотрит в тыл водопаду. Ужасная сила падает перед вашими глазами. Думается, еслибы подставить под эту громаду железный столб, то он был бы раскрошен в порошок. Эта природная картина была до того по сердцу нашей партии, что мы искренне благодарили Петюшку и все снялись на фотографическую карточку для памяти. Из Ниагары мы выехали в обед и через два часа были в Торонто. Вся эта местность засажена фруктовыми деревьями и очень привлекательна. В Торонто мы чувствовали себя, как дома. Тут мы были раньше много раз. Это один из лучших городов Канады. Расположен на берегу громадного озера Онтарио. Очень чистый и опрятный: все тут в порядке и не так шумно. Сюда заехали потому, что Петюшка пожелал увидеть хорошего друга духоборцев, професора Джемса Мэвора. К нему мы пожаловали на ужин. Много трудов нам стоило отыскать его дом. Сам старичек Мэвор и вся его семья приняли нас радушно. За ужином Петюшка рассказал им, как мы с помощью полисмена, искали его дом и публика смотрела на нас, как на арестованных. Професор в шутку заметил Петюшке: «Я думал, что вы полицейских не признаете. Однако же ныне он вам пригодился». «Кроме того, что он полисмен, он же и человек», ответил Петюшка. «Это правда», сказал Мэвор. Был общий смех и радость. За ужином Петюшка и Мэвор говорили больше о поездке в Европу. Семья Мэвора только что вернулась из Европы. Жена Мэвора большую часть времени живет в Англии, потому что их дети обучаются там в школах. Петюшка спросил его дочь лет 16-ти, почему она учится в Англии, а не дома. «Там лучше школы», ответила дочь Мэвора, «Выходит, в таком случае, в Англии учителя умней твоего папаши?» в шутку

спросил Петюшка. Она сконфузилась и ничего не ответила. Весь вечер прошел в хорошем настроении. У Мэвора, в это время был другой профессор, и с ним Петюшка много говорил о жизни духоборцев. Перед выходом из дома, наша группа спела им один стих: «Спаситель с верою на кресте».

На следующий день, утром выехали из Торонто и вечером были уже в Монтреале. Тут у Петюшки было самое важное дело, и мы пробыли двое суток. Был грандиозный — почти фантастический проект, который казался невыполнимым и бессмысленным. Петюшка был готов заключить контракт с президентом Гранд Тронк Железн. Дор. Ко. на доставку им нескольких тысяч рабочих из России, для постройки новых дорог и работы на старых. Эти рабочие будут получать свое жалованье от Петюшки русскими деньгами по той цене, которую рабочие получают в России; а нам железн. дорожн. Ко. должна платить за всех рабочих канадскими деньгами по существующим ценам. Такая комбинация дала бы громадные барыши и помогла бы христианской общине встать на солидный финансовый фундамент. После продолжительной беседы к точному заключению не могли придти, потому что Петюшка не решался подписать контракт наобум и безусловно гарантировать, что он доставит рабочих. Кроме того схема Петюшки, платить рабочим русскими деньгами и т. д., не была принята президентом Ж. Д. Ко. Поэтому, этот вопрос был отложен до возвращения Петюшки из России.

В Монтреале прожили очень весело. Город всем понравился, несмотря на то, что кроме Петюшки и меня, никто почти из группы не выходил на улицу. Тут мы попали в очень уютную гостиницу за малую цену и готовили пищу сами. В виду того что свои харчи у нас всегда были в холодном виде, то решили приобрести за 85 центов «керосинку». С этих пор мы зажили очень счастливо и дешево. Всегда у нас был горячий суп, чай, а иногда и борщ. Поваром был всегда сам Петюшка, и действительно он был специалистом по приготовлению пищи всех сортов. Хозяева гостиниц, видя что мы не приходим в столовую кушать, спрашивают: «Как же вы живете не евши?» «У нас своя кухня», отвечаю я, «если желаешь, мы будем кормить и тебя». В воскресенье пошли в католический храм, но там не было ничего интересного и мы возвратились.

Большинство жителей Монтреала французы и там больше слышно французский язык, чем английский. Город нам очень понравился. Петюшка пожелал, по старой дружбе, посетить русского консула, и мы, оставив партию в гостинице, отправились к нему. Там мы поужинали, а потом он, попрощавшись с женой, пригласил нас выйти на гору «Маунт-рояль», (по имени этой горы назван город. С этой горы был очень красивый вид: весь город был залит электрическим освещением и виден, как на ладони. Петюшка и Струве (консул) много говорили о России и духоборцах; после чего распрощались и Струве пожелал счастливого пути в Россию и просил передать от него привет видным чиновникам и царю, если придется увидеть.

Выезжая из Монтреала в Нью Иорк, мы встретили те же затруднения, как и в Виннипеге. Но с помощью друзей дело уладилось и мы, со вторым поездом, выехали поздно вечером и на второй день к полдню, прибыли в Нью Иорк. Нью Иорк, это самый большой город в Америке: число жителей более семи миллионов душ. Долго ехали по городу, местами поезд шел по мосту: выше домов, а местами скрывался под землю в туннели, а потом выползал снова на свет и оказалась громадная железн. дорожн. станция. По совету одного друга, ехавшего с нами, тут мы поместились без хлопот в хорошей гостинице и на наших условиях: первым долгом мы торгуемся, что на такую группу хозяин должен сделать «скидку» т. е. не брать с каждого в отдельности, а за всю семью, и таким путем оставалось доллара два в сутки экономии, второе: мы должны иметь привилегию готовить пищу сами в наших комнатах. Сначала хозяин с удивлением смотрит на нас и не может понять, а потом, махнет рукой и провожает в комнаты.

Нью Иорк нам понравился, не смотря на то, что толпа тут бесчисленная и жизнь кипит белым ключем. Улицы широкие: толпа держит себя прилично и тихо. Видели во время выборов толпу в 40 тысяч человек в парке. Все слушали ораторов. Большую часть времени мы, как пленники, находились в комнатах.

Отсюда Петюшка дал телеграмму брату Елкинтону в Филадельфию о нашем намерении посетить квакеров: и на второй день, мы выехали в Филадельфию. Брат Елкинтон встретил нас на вокзале. Иосиф Елкинтон, человек среднего роста и возраста,

голова покрыта сединой. Носит маленькую бородку, усы бритые. Одет скромно, но прилично. Уезжая в гости, мы по обычаю духоборцев, ожидали угощения и не кушали. Встретив нас, он торопил из зала — повторяя слово: «коман», и посадив нас на конку, повез в свою контору, где были собраны почетные старички для встречи. Сойдя с конки, нам пришлось долго идти пешком и он, указывая нам на многие постройки, говорил, что все это принадлежит квакерам, и что город Филадельфия основан одним квакером, по имени Пен. Утомленные и голодные, мы мало обращали внимания, кто строил город, квакеры или мирские люди. Указывая на высокую, в несколько этажей постройку, Елкинтон сказал, что это его склад для мыла, которое вырабатывается на его фабрике за городом, и что мы должны зайти в это здание. На первом этаже мы увидели контору, переполненную, как это бывает вообще, бумагами и другими канцелярскими вещами. Елкинтон предложил идти на второй этаж — указав узкую лестницу. Мы стали всходить и все люди работавшие в конторе, смотрели на нас с удивлением: не как на друзей, а как на какую-то невиданную редкость. На втором этаже нас встретили кое-какие старцы: некоторые были уже знакомы — виделись с ними раньше. Старцев было человек пять. Стали здороваться: оказалось, что тут места для всех мало, комната была завалена ящиками с мылом, а поэтому брат Елкинтон предложил идти на третий этаж. Тут было просторно и, закончив приветствия, все уселись по местам. Петюшка сказал: «Я чувствую себя счастливым, что нахожусь в доме наших друзей, о доброте которых я слышал еще будучи молодым человеком — и мне всегда хотелось видеть их лично и поэтому мне очень приятно находиться между вами и Бог даст мы еще более соединимся духовно и станем еще большими и лучшими друзьями». Они выслушали очень внимательно и благодарили. «Мы также давно слыхали о вас, в особенности мы заинтересовались вами, когда вас стало преследовать и мучить русское правительство. Тогда мы все старались помочь вам посильно. Мы также рады видеть вас лично», сказали старцы. «Я давно считал своим долгом», сказал Петюшка, «приехать к вам и от имени всех духоборцев благодарить вас лично, но был занят делами и не мог выбрать времени. Теперь мы все рекомендованы духоборческим обществом и приехали благо-

дарить вас от лица всех духоборцев за оказанную вами помощь, спаси вас Господь!».

Петюшка спросил их, как они живут и чем занимаются? Есть ли из квакеров земледельцы? Да, есть, — ответили они. Петюшка обратился к Елкинтону: «Ты чем занят?» «У меня фабрика, делаю мыло», ответил он. Спросил другого. «Я продаю юхту», ответил он. Спросил у третьего. «Я старший над школами, за министра», ответил он. Спросил четвертого: «Под моим ведомством университет и хозяйство квакеров», ответил тот. «У вас нет земледельцев, а все вы живете лишь бы как полегче!» сказал Петюшка. «Есть квакеры и фермера: хотя они не пашут, а держат молочных коров и продают молоко. Вы не думайте, что мы все живем и опровергаем законный труд», ответили старцы. «А что есть здесь свободная земля, которую нам можно было бы купить хоть на несколько сот семей?» спросил Петюшка, «чтобы жить тут вблизи вашего общества». «Земля есть и купить можно, но цены высокие, от 50 до 75 долларов за акр», ответил Елкинтон. «Здесь можно бы иметь хорошее садоводство», сказал Петюшка. «Да, здесь растут всякие фрукты, хорошо», ответил старец продающий юхту. «Вы говорите, что квакеры основали здесь город, почему же вы не жили все своим обществом?» спросил Петюшка. «Да, не жили вместе, а разошлись по всей местности, но школы у нас и сейчас все общие», ответил Гарвей, заведующий университетом. Петюшка обратился к Елкинтону и спросил: «А что не лучше было бы тебе заняться садоводством и наслаждаться свежим воздухом, нежели здесь работать в дыму и шуме?» «Может было бы лучше, но ведь всего лучшего нельзя взять», ответил Елкинтон, и немного как будто рассердился. «Так как мы не можем видеть всех квакеров, то просим вас передать нашу благодарность от всех духоборцев», сказал Петюшка. «Хорошо», ответили старцы, «у нас есть своя квакерская газета, и мы напишем о вашем приезде и через газету все квакеры узнают и примут вашу благодарность». Потом старцы посоветовали нам поехать и посмотреть их университет в Медия. Ехать нужно было завтра, т. к. было уже поздно. Мы согласились. Квакеры встали и начали прощаться, говоря: «Я больше с вами не увижусь». Все ушли, остался один Елкинтон, которого Петюшка прозвал: «сигучка»: он бедняга мотается, но деть-

ся некуда. Мы проголодались и думали о пище.

Елкинтон пригласил нас пойти и посмотреть их церковь. По пути, он пригласил нас зайти и посмотреть некоторые другие здания. Их храм построен очень давно успел уже обрасти мохом. Дом громадный, сделан из красного кирпича. Вошли внутрь. Также как везде по церквам, стоят скамьи хорошей работы, но простые — даже не крашеные. Петюшка спросил: «Что же вы здесь делаете?» «Собираемся каждую среду. Когда все сойдутся: сидим и молчим, иногда час и больше; а потом, если кому дух подскажет, тот встает и начинает проповедовать, а нет, то так и расходимся молча. В молчании мы переживаем наши духовные чувства», сказал Елкинтон. Петюшка усмехнулся и говорит: «Собираются сюда молчать», а потом спросил: «А нам здесь можно спеть?» «Можно», ответил Елкинтон. Наши спели стих: «Зри, зри, грешник зри». Потом вышли во двор. «Кто же смотрит за порядком в церкви?» спросил Петюшка. «Вот эти негры», указывая пальцем на стоящих негритянок, ответил Елкинтон. «Какое жалованье вы им платите?» спросил Петюшка. «Точно не знаю, а полагаю что долларов шесть в неделю», ответил он. Петюшка с улыбкой спросил Елкинтона: «А как же у вас здесь не уладилось дело с Василием Верещагиным, он приехал к вам просвещаться, а вы заставили его пасти свиней?» Елкинтон покраснел и говорит: «Это неправда: он у меня работал на фабрике, да у меня и нет свиней». «Не знаю, но у нас такой слух ходит». Войдя в книжный склад квакеров, дедушка присел на скамью отдохнуть, а Петюшка спросил Елкинтона, можно ли тут достать место в гостинице, но Елкинтон пригласил нас к себе в дом, сказав что мы его гости. «Сейчас поедем в школу и там выпьете чайку, а потом у меня в доме поужинаете». Мы согласились. Поехали на конке. По пути Петюшка заметил: «Ваш город Филадельфия грязный и улицы слишком узкие». «Есть улицы и чистые и широкие», сказал Елкинтон. Город довольно крупный: около двух миллионов жителей, много всевозможных фабрик. В общем, вид довольно грязный из-за копоти.

В школе Елкинтон принялся за приготовление чая, а нас усадил на стулья. Прошло не меньше двух часов, пока подали нам чай. Елкинтон сказал, что к нему поедем не ранее 9-ти часов вечера: в этой школе будет собрание всех

бывших студентов, и его присутствие необходимо. Мы ответили: «хорошо». Во время нашей закуски, Елкинтон приводил несколько друзей и знакомил с нашей группой. Когда собрание открылось, Елкинтон пригласил и нашу компанию к ним на митинг. Сидевшие студенты (более тысячи человек) все были лицом к двери, в которую мы вошли, и поклонились. Петюшка сказал: «По словам друга Елкинтона, я предполагал встретить молодых студентов, но оказывается, что он состоит из взрослых людей». Когда я передал его слова на английском языке, вся публика рассмеялась и громко зааплодировала. Петюшка продолжал: «Я очень счастлив и мне приятно видеть, что стены этой школы могли воспитать таких благородных людей, каких я вижу здесь». Громкие и продолжительные аплодисменты. «Очевидно, что так устроила природа: каждый из нас, ранее чем достичь совершенства, обязан пройти лета юности». Опять громкие аплодисметы. Потом дедушка высказал несколько слов от себя: «Мы духоборцы тяжело пострадали за принцип «Не убий» во имя любви, о которой проповедовал Христос. Многие из духоборцев положили свою жизнь за этот идеал. Также страдали и ваши предки: ваш добрый народ помог нашим страдавшим духоборцам материально, за что мы, от имени всего нашего общества, приносим вам благодарность». Бурные и продолжительные аплодисменты. На этом собрании было много и не-квакеров. Перед выходом с собрания Петюшка сказал: «Мы на пути в Европу, путь довольно долгий, и может быть вы пожелаете нам счастливого пути». Все зашумели: «в добрый час!»

Дом Елкинтона находится на богатой даче, миль 15 от Филадельфии. По пути Елкинтон спросил: «Почему вы не считаете духоборцев вышедших из общины за своих братьев?» Петюшка ответил: «Мы не можем считать их за братьев потому что в основе нашего идеала — принцип: мы не можем убивать и жить в розницу, как живете вы; а люди вышедшие из общины, к сожалению, все это делают и сами собой выделяются. Они могут быть хорошими людьми, но духоборцами они не могут быть». С этим доводом Елкинтон согласился. «У нас тоже бывает исключение тех, кто опровергает наши религиозные взгляды». Через полчаса, мы были уже на даче. Это привлекательное место: все дома аристократии расположены на возвы-

шенном месте. Когда мы поднимались на гору, Елкинтон снова заговорил о Васе Верещагине, и спросил: «Был ли ты, брат Веригин, против того, что Верещагин приезжал к нам на образование?» Петюшка ответил: «Мне не было приятно, но я хотел бы чтобы ты меня понял. Я желаю иметь полную свободу, и такую же свободу я предоставляю каждому человеку. Следовательно, я ничего не имел против Верещагина, только удивлялся после, что вы с ним не поладили», закончил он со смехом. «Его жена смутила: сильно плакала», сказал Елкинтон.

Когда мы забрались на гору, на красивую улицу, он указал нам, где находился его дом, а сам направился в обратную сторону к гостинице. Без нашего согласия он условился с хозяином отеля — принять часть группы на ночлег и дать пищи за его счет, а Петюшку, дедушку и меня, как переводчика, просил на ночлег в свой дом. Но Петюшка обиделся и не говоря ему ни слова, послал меня поторговаться с хозяином за всю группу. Ужин достать было уже поздно и мы легли спать с пустыми желудками. Завтракать тоже не пошли из-за каприза Петюшки. Елкинтон пришел, как обещал, и уведомил нас, что поезд запоздал на час и попросил зайти к нему в дом. Мы пошли. По пути он спросил нас: «Завтракали?» Я ответил: «Нет». Войдя в дом, он познакомил нас со своей женой, а потом принес альбом с фотографиями квакеров и их вождей. Петюшка сказал: «Нам желательно видеть живых квакеров, какой толк от этих бумажек?» «Это память наших хороших предков», сказал хозяин. По пути к дому его матери, Петюшка сказал: «В карточах я не вижу ничего путного. Мы должны быть карточками своих родителей». «Есть и теперь хорошие люди», ответил Елкинтон. Мать его приняла нас очень радушно. Пробыв минут пять, мы пошли на станцию. По пути Петюшка сказал: «Вот в твоей матери я вижу квакерский дух, но у вас и у детей ваших его нет и вы уже не похожи на квакеров». Он обиделся и сказал: «Мои дети такие же добрые, как моя мать и рассказал, что когда они услыхали о страдании духоборческих детей — то продали всех кур и отдали деньги на помощь духоборцам». Ожидая поезд, Петюшка спросил: «А что, дадут нам хлеба в университете, или может быть угостят так как ты с женой? Тогда нам придется совсем голодать?» Это уязвило Елкинтона, он начал извиняться и просил простить

его. «Это ничего, но я говорю, как другу. По нашему обычаю, мы, первым долгом, кормим гостя, но у вас кажется прежде всего показывают альбомы». Елкинтон был страшно сконфужен.

На станции Медиа нас обещал встретить друг Гарвей и доставить в университет, расположенный милях в двух от железной дороги. Петюшка предупреждал Елкинтона, что дедушка не может дойти и если не будет баса, мы должны будем воротиться обратно. Он уверял нас: «Там у них свои басы и об этом не надо беспокоиться». Когда мы сошли с поезда, нас встретил Гарвей и сразу начал извиняться: — в виду большого праздника, очень много народу — бывших студентов, и я не мог заручиться басом. Петюшка сказал, что это ничего, нам баса не надо, мы дойдем пешком, а вот дедушка, не может дойти. Тут же стояло четыре баса принадлежащих квакерам, на которые садились молодые студенты — ребята и девицы, — теперь они учителя и учительницы и съезжаются с разных городов на торжественный праздник для свидания. Хотя с трудом, но Гарвей устроил так, что дедушку и меня, как провожатого, воткнули в бас, а остальная наша партия пошла пешком. Раньше чем тронуть, ямщик потребовал с нас деньги, а иначе предложил сходить с баса. Я уплатил ему 30 центов. Это удивило дедущку: «Как, Семен, берут с нас деньги?» «Взяли», ответил я. «Ах, дать им чести», так бранился дедушка. Молодые студенты, давно не виделись друг с другом и встретясь, заполнили бас дружескими разговорами и смехом. Доехали хорошо. Через несколько минут пришли и наши пилигримы: все в поте и пыли — день был жаркий.

Друг Гарвей начал показывать нам все достопримечательности, где и что у них есть. День был субботний. Завел нас в громадную залу, наполненную взрослыми студентами обоего пола, — они только что подготовились к уроку. Поставив нас в сенях, ученикам сказал занимать свои места. Все студенты проходили мимо нас как будто для осмотра. Когда все уселись, на много отделений, Гарвей попросил нас, посетить все отделы и посмотреть на их порядок. Таким образом, мы прошли все отделы, увидели кабинеты профессоров, библиотеки, студентов старшего и младшего возраста, читальни и много других отделений и занятий. Второй этаж разбит на комнаты где ночу-

ют студенты. Везде чистота и порядок. Здесь же мы встретили старух — негритянок, наблюдающих за порядком. Зашли в гимназию; здесь встретили одних парней лет от 18 до 22, при них же и инструктор, также молодой парень. Тут проделывали, подобно военным упражнениям, гимнастику: направо, налево, ручные и ножные упражнения, бега, прыжки через деревянную лошадь и много другого. От усталости наша партия присела отдохнуть. Петюшка спросил Гарвея: «Что это, вы своих детей подготовляете к военной дисциплине?» «О, нет, нет, это они упражняются для того, чтобы их телосложение и физическое состояние было в полном порядке», ответил Гарвей.

Третий этаж весь завален всевозможными минералами, скелетами животных и людей, полная коллекция — музей. Все профессора и учителя из «своих» квакеров.

В другом громадном здании: хлебопекарня, и там же приготовляется пища на всех студентов и жителей университета. Тесто для хлеба месят машиной и кухонная утварь находится в хорошем порядке. В этом же здании большие красивые резервуары, налитые чистой водой, для плавания студентов и студенток. Все устроено удобно и красиво. Потом помещение: где студенты проходят медицинский факультет, здесь всевозможные приспособления для медицинских и оперативных предметов. Также есть отдел где проходятся ремесленные курсы.

Потом зашли в громадную залу, с небольшими керосиновыми печками: «Здесь студентки девушки, когда проходят курс науки, учатся приготовлять пищу. Оставляя университет, они уносят с собой кроме познания науки, уменье приготовлять хорошую пищу, что важно после; для брачной жизни», сказал Гарвей. Завидно смотреть, до какой высоты квакеры просвещают свое молодое поколение, — не диво, что их обожает весь мир на этой грешной планете! .. Есть отдел, где моется, сушится и утюжится белье для всех жителей университета. В прачечной большая часть служащих — негры. Университет богат во всех отношениях: выстроен квакерами, очень давно. Ученики платят по 200 долларов в год за содержание, это доступно и бедным квакерам.

Мы поблагодарили друга Гарвей за его внимание. Был

уже полдень, и всем студентам и гостям был приготовлен обед. Мы сказали по приезде Гарвей, что не завтракали. Петюшка предупредил меня подготовиться для перевода большой и глубокой речи, которую он намерен сказать за общим обедом. Но каково же было наше разочарование, когда брат Гарвей, извиняясь, заявил нам: «В виду большого наплыва студентов, учителей и гостей, места за столами для вас не будет», и посоветывал нам пойти на ближайшую ферму принадлежащую квакерам, которая служит рестораном, и там пообедать за счет квакеров. Мы были поражены таким сюрпризом, но пошли. Отойдя от университета уже далеко, мы увидели жену Гарвей бежавшую вслед за нами и заявившую: «Место за столом найдется», но обиженный Петюшка, не согласился воротиться. На ферме нас встретила почтенная грузная старушка с милой улыбкой квакерши, и сказала, что будет готовить нам обед, а нас попросила сесть в зале и подождать. Вся наша группа переживала душевное волнение и чувствовала сильную обиду, что с нами обошлись, как с неграми. Мы ждали очень долго: в этот дом помимо нас, подошло много народа из квакеров, — наверно и им не хватило места за столами, и бедная старуха, за суетой, пожалуй, забыла про нас. Наконец, мы потеряли надежду на старуху, и решили пойти посмотреть квакерских молочных коров возле фармы против окна нашей залы. При выходе я сказал бабуне: «Когда будет готов наш обед, то скажи нам, мы будем около хлева, где молочные коровы — очень близко». Она ответила: «Обед будет готов сейчас». После долгого осмотра коров, мы снова возвратились к бабуне. Она, по прежнему улыбаясь, попросила зайти в другой зал, где весело горели дрова в камине, и погреться, а у нас у всех мокрые лбы от ходьбы и жаркого дня. Через полчаса старуха сказала, что обед готов и пригласила к столу. Обед состоял из мясных блюд, а вегетарианской пищи было мало. Молоко было снятое и похожее на воду. К этому времени явился к нам и друг Гарвей после их обеда и речей. Петюшка заметил: «Почему вы подаете на стол уже испорченное молоко, а не такое, как оно получено от коров?» «На фарме нельзя достать натурального чистого молока». «Все молоко проходит через машины, мы продаем сливки, а молоко остается снятым для телят и на другие надобности», сказал Гарвей. За обед денег не взяли, а по-

просили всех расписаться в книге, что мы обедали.

Время приближалось к отбытию. Мы хотели помаленьку идти пешком, но Гарвей стал нас уверять, что он отправит нас на басе. «Я не позволю вам идти отсюда пешком», сказал он. Пошли еще раз смотреть коров. В громадном здании, находится несколько сот породистых молочных коров. Вся работа и доение коров делается неграми. Петюшка напомнил Гарвею, что нам надо ехать, но Гарвей просил не беспокоиться об этом. Мы все поджидали свою очередь, — смотря на отъезжающую публику. В конце-концов, Гарвей сказал: «Все басы заняты отправкой гостей и, пожалуй, придется идти пешком если вы желаете доехать засветло до Нью Иорка, а если подождете, пока басы отвезут гостей, тогда отвезут и вас». Это был, второй непростительный удар по нашим чувствам и тут-то Петюшка излил гнев, сказав: «проклятые цыгане!» Чтоб дойти во время к поезду, мы пошли, как говорится: «не солоно хлебавши», Павлуша почти нес на руках дедушку; дорога покрыта толстым пластом едкой пыли—суглинок. Бежали: пыль столбом, все промокли от пота, пыль покрыла наше одеяние в желтый цвет, добегаем до станции Медиа, и видим, как наш поезд отошел. Мы должны были ожидать до позднего вечера второго поезда. При всей любезности Гарвея мы остались обмануты и недовольны им.

Так завершился наш визит к друзьям квакерам. Петюшка был в очень скверном настроении духа. Судя по фактам, квакеры, при всей своей религиозности смотрят на негров с высоты и порабощают их, хотя это и противоречит учению Христа о равенстве.

В Нью Иорк мы прибыли в полночь — под воскресенье. Раньше чем попасть в Нью Иорк, надо переехать залив «Гудзон» на пароходе. Залив шириной в две мили. Ночь была тихая, нас поражали огни города и пароходов, сновавших через пролив. Миллионны электрических лампочек освещали великий город и пароходы. Жизнь кипела белым ключем. Мы, стоя на верхней палубе, долго любовались этой дивной картиной человеческого муравейника и окружающей нас обстановкой. В зале парохода спели стих: «Легкокрылая ладья». Пассажиры аплодировали и просили петь еще. С парохода до квартиры ехали на трамвае. Добравшись «домой», Петюшка приготовил хороший вкусный суп. Хорошо поужинав, после всей суматохи и

неприятностей, улеглись спать. Утром, прочли по псалму и спели три псалма. Некоторые соседи выглядывали из своих комнат, не понимая, что это за музыка на иностранном языке. Некоторым я сказал, что это наша церковь. После этого Петюшка один ушел в город, а мы с Павлушей пошли в гостиницу «Голланд», туда Оливер обещал прислать Петюшке рекомендательное письмо. Письмо пришло и мы, получив его, представили Петюшке. Он был очень доволен его содержанием. Петюшка рассказал нам: он уходил от главных улиц — красивых и праздничных на окрайну города и был поражен той бедностью и нищенством, как улиц, так и народа. Жители здесь мрачны, одеты почти в лохмотья, улицы узкие, нечистые, детишки играют в грязи и в зловонии.

В понедельник с утра мы узнали от пароходной компании «Линия Белой Звезды», что пароход «Маджестик», на котором поедут наши пилигримы, будет отходить в среду. Наше путешествие было омрачено семейной, «супружеской», если так можно выразиться, ссорой между Петюшкой и Тюничкой. С первого дня нашей поездки, было заметно, что между ними таилось что-то неладное, отношения их были натянуты: если Тюня, идя впереди, в вагоне садилась, где были места для всей группы, Петюшка, как будто не замечая ее, проходил на другой конец вагона и садился там, и мы, успевши сесть рядом с Тюней, поднимались и шли к Петюшке, а бедная Тюня, оставалась одна, и, посидев немного, приходила к нам; но садилась на почетном расстоянии от Петюшки. Такое отношение между ними создавало неприятную атмосферу для всех нас, потому что Петюшка почти все время был в плохом расположении духа. Кроме того он чувствовал, что присутствие девиц Тюни и ее прислуги Мавры, унижает его духовный авторитет, как вождя, в особенности перед умными людьми квакерами, которые и отнеслись к нам почти с презрением.

Петюшка, в моем сопровождении, отправился в контору пароходной компании купить билеты 2-го класса до Лондона. В конторе на вопрос: «Сколько билетов?» к моему удивлению, Петюшка ответил: «Четыре» (нужно было шесть). Имена дали только мужские, а на Тюню и Мавру билетов не взяли. Ясно, что Петюшка решил оставить девиц и ехать без них. Придя в гостиницу, я, тайком, шепнул Тюне, что им билетов нет, они

остаются. Сначала Тюня ответила с гордостью: « И хорошо». А потом, верно обдумала: с какой помпой и честью их провожали духоборцы и завидовали их счастью — поехать с вождем, увидеть свет Божий, а теперь, если остаться, как отлученной за какое-то преступление, она будет презираема и ненавидима этими же духоборцами — а ведь они раньше обожали ее. И вот, наша Тюня, решила во чтобы-то ни стало, искупить свою вину: подойдя к койке, на которой лежал Петюшка, она рыдая, взмолилась, слезы бежали градом: «Прости меня, родимый мой Петюшка! Если я в чем провинилась перед вами, простите ради Бога!» Петюшка не подавал виду, что слышит ее мольбу и рыдание. Надо сказать, что Тюня была доброй души женщина. В это время я, сидя на стуле около Петюшки, читал книгу Л. Н. Толстого «Круг Чтения» и все слушали. Это я всегда делал, когда Петюшка отдыхал, — он любил слушать чтение книг. И так продолжалось несколько часов. Слезы рыдание и мольбы Тюни, тронули всех присутствующих. Вот я начал читать статью «Грешник», содержание подходило к Тюне: дедушка подошел к койке встав рядом с Тюней, стоявшей на коленях, и со слезами на глазах стал просить: «Прости ее, соколик, все мы перед вами грешные, простите и нас всех». Просьба дедушки подействовала на всех, и мы все, в один голос, начали молить о прощении. Успех был полный. Тюня была прощена! Радость засветилась на лицах всей партии. Это было около полуночи. Теперь вопрос: будут ли каюты на пароходе поблизости к тем, что взяты для мужчин? Печаль и грусть перешли в радость и торжество и с таким счастливым чувством вся партия погрузилась в спокойный сон.

Рано утром я отправился за билетами, от которых, теперь зависела судьба Тюни и Мавры. На их счастье, оказались свободные каюты рядом с Петюшкиной. Беру два билета и возвращаюсь обратно. Тюня, теперь жизнерадостная и счастливая, посмотрела на меня и сказала с радостью: «Вижу по лицу Семы, что билеты он купил для нас!» «Да, верно», говорю я, «вот билеты и каюта рядом с Петюшкиной». Про себя подумал: теперь миритесь, сколько угодно. Очень было жаль, что за наше долгое пребывание в Нью Иорке, из-за этой ссоры, мы не могли посмотреть все достопримечательности города, а сидели в комнате, как в тюрьме.

В среду встали в 7 часов утра, прочитали по псалму, помянули всех «святых» поздравили друг друга с добрым утром, и стали прощаться. Было радостно, что все окончилось хорошо и благополучно, у меня было и тяжело на душе, что я больше не буду с ними разделять радости. Пароход отходил в 10 часов утра и мы должны были быть на пристани за час до отхода. Митя приготовил чайку и мы выпили его: это было последнее угощение для меня. Повторяю: все время стряпал и ухаживал за нами сам Петюшка. Видно было, что он любит занятие повара. Два шарабана были готовы доставить нас на пристань № 48. На пристани немного ждали, пока нам разрешили войти на пароход. Пароход очень богатый и быстроходный с двумя громадными трубами, — чисто пассажирский. Занесли вещи в каюты и вышли на палубу. Дедушка лег отдохнуть. Звонок, и приказ чтобы все посетители уходили с парохода. Мы еще раз расцеловались и Петюшка поручил мне передать от них поклон всем братьям и сестрам, а по пути, заехать в канадские города и устроить, если можно, чтобы покупать товары прямо с фабрик; и я со слезами на глазах, пошел по лестнице на пристань. Очень жаль было расставаться — за это время, я сильно привязался к Петюшке и казалось, без него нет смысла жить. Я было встал на краю пристани, чтобы видеть отъезжающих, но меня попросил полисмен уйти за цепь, где стояла большая толпа провожавших. Агент крикнул: «Пароход будет сейчас отходить и кто желает видеть, выходите из-под крыши, на конец пристани». Я еще раз поклонился нашим и побежал на конец пристани. Народу было очень много и каждый громоздился, чтобы было видно. Тут было навалено много бочек. Я и некоторые другие взобрались на них — тут же были и дамы, я пробрался на самый край и встал на железном столбу, за который привязывают пароходы, а кто стоял на платформе, ничего не видел. Последний звонок и громада «Маджестик» с тысячами пассажиров, дрогнула, стала шевелиться и медленно тронулась, вода, не смотря на страшную глубину, стала кипеть белым ключем и бурлить вокруг парохода. Теперь все стоящие на палубе парохода и на пристани, увидавшие и не увидавшие своих отъезжающих, подняли руки и начали махать белыми платочками. Когда пароход проходил мимо меня, я увидел только Павлушу с его ласковым открытым

лицом, потом Митю, с которым за эту поездку подружился. Пароход развивал скорость и скоро скрылся с наших глаз. Я еще долго сидел на железном столбе и смотрел в сторону, куда скрылся пловучий гигант, который увез моих душевных друзей.

Первое письмо Петюшки к духоборцам по отъезде в Европу.

Крайст-черч. Англия.
Ноября 14-го 1906 года.

Всем Братьям и Сестрам, живущим в Братстве Христовом.

Благодать и мир вам от Господа!

Уведомляю вас братья и сестры о своем путешествии. Мы благополучны и все здоровы, слава Богу. Сейчас находимся у Анны Константиновны и Владимира Григорьевича Чертковых. Море переплыли благополучно. Была качка и мы все, кроме дедушки, перехворали. Теперь все поправились и отдохнули. Дедушка у нас очень здоров и веселит нас во всем пути.

Все мы вкупе шлем вам всем братцам и сестрицам от старого и до малого душевный привет с пожеланием всех благ от Господа Бога. Это письмо я поручаю Ване Подовинникову, чтобы он напечатал и разослал во все села и на Принц-Алберт.

Анна Константиновна и Владимир Григорьевич и мать его приняли нас очень радушно и мы живем у них, как у духовных братьев. Скоро собираемся выехать из Англии дальше в Россию. Не поминайте нас лихом и благословляйте наш путь в молитвах к Господу.

Мы очень начинаем о вас скучать, как о родной Христовой семье. Господь совершит наш путь благополучно, возвратимся и со всеми увидимся, а если что и случится, на все воля Господа. Живите, братья и сестры в мире и согласии и душевном совершенствовании.

Дедушка очень желает вам, братцы и сестрицы, мирной жизни и мы все находящиеся в пути. За всех брат ваш во Христе.

Петр Веригин.

По отъезде Петюшки со своей группой в Европу были получены следующие письма:

Лондон, Англия
16-го Ноября 1906 г.

С. Ф. Рыбину.

Милый друг Сема. Вероятно ты теперь уже дома. Мы от тебя получили два письма из Нью Иорка и Монтреала. Очень

благодарим за хорошие нам пожелания. Мы сейчас находимся у Чертковых. Скоро думаем выезжать далее по пути в Россию. Здесь мы имеем довольно подробные сведения, что больших разгромов сейчас в России нет. У Чертковых мы прожили очень приятно и весело. Анна Константиновна попрежнему хворает. Здесь тепло, но больше дни все пасмурные. Когда мы распростились с тобой и отплыли, сразу встретили небольшую качку которая потом постепенно перешла в довольно большую. До самого Ливерпуля дул противный ветер — хотя сравнительно небольшой. Настоящей бури не было. С первого же дня мы все начали хворать морской болезнью. Удивительно, дедушка нисколько не хворал и все время ободрял нас. Теперь мы все оправились и отдохнули.

Прошу тебя, милый Сема, все дела вести аккуратно. С людьми надо стараться обходиться по возможности вежливей. Надо нам подходить к христианской жизни. Без этого вся наша выгода будет не в пользу.

Если поездка наша будет благополучна, то мы кажется возвратимся рано весной. С банками также надо вести счеты правильней. В особенности, с канорским, я желал бы чтобы совсем расчитались.

Дай это письмо прочитать Мише Казакову, как уместное, потому я ему отдельно не пишу. От него я получил большое письмо и благодарю его за подробное сообщение.

Самое главное, вы должны держаться вежливых поступков.

Всем вашим семьям и братьям и сестрам на станции передайте душевный от нас привет.

Пишите нам уже в Россию: Льву Николаевичу Толстому для П. В. Веригина.

Ст. Засека. Московско-Курская Ж. Д. Россия.

Желаю вам всех благ от Господа. Здоров слава Богу.

Любящий вас,
П. Веригин

Лондон, Англия
Ноября 22-ой 1906 г.

Милый друг Сема,

Пересылаю письмо и счет Брукса, если эти бумаги нужны как деловые, то приложи их.

Брукс приезжал к нам на свидание в Крайстчорч, а потом прислал этот счет. Если можно, надо этой осенью послать Бруксу в уплату долга 1000 долларов, а если не будет денег, то после нового года.

У Чертковых мы прожили очень приятно и благополучно.

Через полчаса выезжаем из Лондона на Берлин. Билеты взяли до Петербурга.

Мы все очень здоровы, слава Богу.

Душевно кланяемся тебе и благодарим за проводы. Передай душевный привет и всем на станции.

Прошу тебя вести денежные дела аккуратней. В Каноре надо торговлю вести правильней, так как там наше предприятие на особой частной ответственности.

В Берлине я предполагаю оставаться дня на три.

Желаю всего хорошего.

Брат ваш во Христе;

Петр Веригин

30-го Января 1907 г.
Город Женева. Швейцария

Милый друг Сема!

По получении этого письма, предложи Ванюше Конкину и Феде Вышлову из Благовещения, — что бы они собрались и ты с ними поезжай в Монтреаль.

Ванюша и Федя может поедут в Россию для набора рабочих.

Мы в Монтреале предполагаем быть 20-го Февраля по Английскому счету.

Следовательно и вы приноровитесь к этому времени. Будьте двумя днями раньше или позже это ничего, может и мы раньше 20-го приедем или запоздаем.

Думаем, переплывать океан на Нью Иорк — так как северные порта в это время холодные.

Если вы приедете в Монтреаль раньше нас, то сейчас же предупреди Морс (президента Гранд Тронк Железн. Дор. Ко.) что я скоро буду, и чтобы он был дома для окончательных переговоров о рабочих.

Билеты все три из Виннипега до Монтреаля возьмите обратные, они нам пригодятся, потому что большая скидка.

Для нас денег не берите, у нас есть с остатком.

Для поездки в Россию, Ванюше и Феде тоже денег не надо, их должна будет снабдить компания, а если нет, мы возвратимся из Монтреаля домой. А вы нас встретите.

Мы все здоровы и благополучны слава Богу.

Желаю вам всего хорошего, ваш

Петр Веригин

В Монтреале остановитесь в гостинице, в которой мы стояли и мы туда приедем. П. В.

23-го февраля 1907 г.
Город Чикаго

С. Ф. Рыбину.

В Чикаго мы прибыли благополучно слава Богу.

Сообщаю тебе Сема, когда будете помещать в газету Гришино письмо, то имена Бикянина и Макензи надо исключить. Пусть это заявление духоборцев будет чистым от имен.

В Виннипеге если поезд подойдет, то может мы и не остановимся.

Целую вас всех и желаю всех благ от Господа.

П. Веригин

Судя по письму из Женевы, Петюшка не терял надежды заключить контракт на доставку рабочих из России для Гранд Тронк Ж. Д. Ко. Согласно его инструкции, мы выехали в Монтреал ему навстречу. Как было ясно еще при отъезде Петюшки, исполнение его схемы было почти немыслимо. В их бытность в России он не мог, как предполагал, увидеть лично государя или его главных министров для переговора о рабочих. Он говорил только по телефону с помощником министра и ничего конкретного не мог сделать. Но почему-то он все-таки питал надежду провести свой план в жизнь. Господин Морс — президент названной компании ожидал приезда Петюшки и мы назначили время для свидания. После любезных приветствий, Морс расспросил, как господин Веригин и его группа совершили путешествие по Европе и как там вообще жизнь и условия для людей. После этого приступили к делу.

После трехдневной конференции между президентом Морсом и Петюшкой все лопнуло: о доставке рабочих не договорились. Петюшка был очень разочарован, потому что его схема, при удачном проведении в жизнь, дала бы громадный доход общине и поставила бы ее на солидный финансовый фундамент: она могла бы оплатить свои долги и выполнить планы, или вернее мечты Петюшки: построить хорошие дома по селам, провести телефонные линии — община уже имела такую линию со станции Веригино до села Отрадного, где жил сам вождь, и в село Вознесение — центр северного участка; электрическое освещение, элеваторы во всех селах для ссыпки зерна и много, много другого, включительно даже до узко ко-

лейной железной дороги со всех сел к железно-дорожным пунктам. Все это осталось только «пустой» мечтой. И мы все, включая и делегатов в Россию, возвратились домой.

По возвращении Петюшки из России он писал духоборцам следующее:

16-го марта 1907 г. Село Отрадное

Письмо к братьям и сестрам Всемирного Братства
от Петра Веригина.

Отчет о поездке в Россию

Уведомляю вас братья и сестры, поездка наша в Россию совершилась по милости Бога очень благополучно. Так как в скором времени во всех селах может не придется быть, то я решил рассказать вам, хотя вкратце, письмом, где мы были и кого видели. Сначала всего мы выехали к друзьям квакерам. Они живут в Америке недалеко от Нью Иорка в городе Филадельфия и вокруг этой местности.

Из Нью Иорка в Филадельфию мы дали им телеграмму и они ответили, что очень рады будут нас встретить и когда мы приехали, они шесть человек, нас встретили. Мы отдали им привет от всех духоборцев и они остались очень благодарными и обещались напечатать в ихней газете о нашем посещении всем своим братьям и сестрам. Квакеры селами не живут. На второй день они пригласили нас поехать и посмотреть у них общую школу (университет) и как раз в этой школе был праздник: все ученики, даже старшего возраста съезжались, чтобы увидеть друг друга. Взаимно и они просили нас передать всем вам братский привет.

От них мы возвратились в Нью Иорк и на пароходе переплыли к друзьям Чертковым, которые живут в Англии. Чертковы очень благодарны, что мы их посетили. У них мы были и на возвратном пути. Очень они просили передавать всем поклоны.

В Россию мы приехали с северной стороны через Неметчину в Петербург. В Петербурге много наших друзей, которые препровожали духоборцев на пароходах: фельдшерица Ефросиня Дмитриевна Кирьякова, Мария Александровна Сац, Бонч-Бруевич, Вера Михайловна Величкина. Из Петербурга проехали на Москву, там видели Сергея Львовича Толстого, Сулержицкого. Еще в Москве духовные братья: семейство Горбуновых, Иван Михайлович Трегубов и много других фамилий.

Все они за нашу бытность в России от всей души нас

привечали и расспрашивали про нашу общинную жизнь. При отъезде просили кланяться всем верующим во Христа. Из Москвы мы поехали к Льву Николаевичу Толстому: он живет в своем небольшом имении Тульской Губернии, местечко «Ясная Поляна». Все семейство их встретило нас радушно. У дедушки Толстого мы прожили четыре дня. Перед нашим приездом у него умерла дочь. Все дети желанны родителям, но по этой дочери дедушка очень соболезновал и сказал нам, что кроме того, что она была дочь, она была и близкий его духовный друг. Всех детей у Льва Николаевича пять сыновей и четыре дочери. Сыновья не все живут его убеждениями. Дедушка Толстой держится учения Христа: если кто обидел тебя, надо простить, а потому он не одобряет войны.

Один же из его сыновей, Лев Львович, стоит за необходимость войн — защита от врагов, как он говорит. А другой Андрей ведет не совсем трезвую жизнь. Супруга Льва Николаевича очень еще бодрая женщина — она лет на десять моложе его. К нам она отнеслась очень приветливо — каждый вечер угощала нас чаем и приятными разговорами, как и подобает благоразумной хозяйке дома. Дедушка Толстой в хозяйство не вникает, а всем заведует София Андреевна — его старушка. На прощание она особенно просила благодарить всех духоборцев, более конечно сестер, за оказанную им честь, что духоборцы послали нас с приветом.

От Толстого мы поехали в город Харьков. Там очень радушно нас встретил Александр Михайлович Бодянский. Он очень нам понравился своей доброй простотой. У него хорошая приветлвая жена Анна Григорьевна и пятеро или шестеро детей. У них было небольшое имение с землей, они недавно все распродали и поселились в Харькове для того, чтобы учить грамоте детей. Я один ездил повидать Дмитрия Александровича Хилкова, все такие славные люди. Не даром Господь и внушил им тогда помогнуть, кто чем мог, духоборцам.

Из Харькова мы спустились в Таврическую Губернию, остановились на одной железнодорожной станции и на лошадях съездили в село Терпение, где жили и погребены наши предки. Видели место кладбищ. Дедушка нам показывал все эти места, только могил уже не различить — время сравняло все. Жители спрашивали у нас: «Можно ли заселять места, где были кладбища?» Мы посоветовали, что можно засадить садом. Видали сиротский сад, деревья некоторые уже состарились — свидетели минувших времен, но только нам деревья ничего не могли рассказать о прежней жизни. Вся местность Таврической губернии очень ровная и говорят, плодородная. Садов разводят мало. Люди еще вероятно до этого духовно не доросли. Вот теперь бы нам, как я думаю, надо бы заниматься садоводством

лишь бы позволял климат и почва. В Терпении мы были всего пять или шесть часов. Возвратились на станцию и прибыли в Севастополь. Там у дедушки Махортова много воспоминаний из молодой жизни. Из Севастополя, через Черное море, переплыли в Константинополь, там за границей мы все вздохнули свободней от русских беспорядков. Чтобы закончить совсем о России, еще скажу несколько слов. Беспорядок по всей России большой, то и дело бросают в чиновников бомбы, стреляют из револьверов, убивают кинжалами, словом, как только могут. Это действует противоправительственная партия — революционеры, чтобы устранить монархическую власть и установить парламент-думу с выборными из каждого округа, это будет называться правительство «выборное». Со своей стороны правительство сейчас совсем не думает легко сдаться, вся Россия объявлена на военном положении и почти всем губернаторам предоставлено право полевых военных судов. За малейшее покушение на жизнь чиновника немедленно люди расстреливаются и вешаются.

В Петербурге я виделся с несколькими министрами и разговаривал со многими генералами. Все очень сожалеют, что духоборцы выселились из России. Министр Внутренних Дел разговаривал по телефону о нашем приезде и духоборцах с Императором. Император очень жалеет, что произошло над духоборцами и очень был бы рад, если бы духоборцы переселились обратно в Россию. Я спрашивал, может ли быть свободная земля. Правительство указало на Алтайский округ в Сибири. В этом месте, я знаю, климат довольно мягкий. Но переселение в Россию в скором времени надо считать невозможным, потому что очень далекое расстояние.

На Кавказ мы не поехали, в родных местах в это время большие холода. Дедушка и все мои компаньоны просили меня, чтобы побывать на Кавказе, но я отговорил.

В Константинополе мы осмотрели город и на пароходе по над берегом проехали в Болгарию. Эта вся местность находится на западном берегу Черного моря, когда выезжать из Батума в Константинополь то на правой стороне. В Болгарии недалеко от моря есть свободные земли, можно купить не очень дорого под садоводство. Один участок в тысячу десятин, мы с Павлушей даже ездили смотреть. Земля очень хорошая и климат западного берега Черного моря очень хороший во всех отношениях и Россия недалеко. До Одессы часов двадцать езды по морю.

Из Болгарии мы проехали много мелких земель — королевств, потом через Австро-Венгрию, в Швейцарию, в которой главный город Женева. Мы там остановились потому, что в Женеве живут также наши духовные друзья, семейство Бирю-

ковых, доктор Шкарван, отказавшийся от солдатчины, семейство Ге и другие.

У них мы очень приятно провели дня три и выехали на Францию в Париж. Это очень знаменитый город своим городским устройством. В Париже тоже оказались люди, которым мы, хотя по описаниям, были известны.

Из Парижа проплыли небольшой пролив в Англию к Чертковым, о которых рассказал еще раньше.

На обратном пути хотя море очень волновалось, но переплыли благополучно. Когда приехали в Канаду, нас встретили Конкин, Вышлов и Рыбин. Они рассказали нам, что у вас здесь произошла большая перемена в земельном пользовании. Принимать подданство вы братья и сестры, будете или нет, каждый человек должен поступать по своей совести, но что будет впереди в нашей жизни, надо полагаться на волю Господа, чтобы жить в законе Божьем.

Закончу письмо все-таки еще о России. Сейчас в России великий голод. Нам показывали из голодных мест хлеб. Если бы не сказали, что хлеб, то его различить с кирпичем нельзя. Похож на макуху, так он крошится.

Предлагаю вам, братья и сестры и надеюсь, что у вас откроется от общего совета желание, хотя немного поделиться хлебушком, который мы имеем по милости Господа Бога. Я думаю послать можно от всей общины тысяч пять долларов. Это, на русские деньги, составит около десяти тысяч рублей. Хотя мы всего пожара голода этим не затушим, но выльем за себя кружку воды: общими усилиями прекращаются в действительности большие пожары и беды в народной жизни.

Теперь везде за границами собираются пожертвования на голодающую Россию.

Одна тысяча долларов осталась у меня от дорожной суммы которую вы все нам давали, я этот остаток определяю на голодающих детей России, а четыре тысячи еще надо прибавить от вашего общего совета и желания. Эти деньги пять тысяч долларов мы пошлем на имя Льва Николаевича Толстого, а он их определит нуждающимся. Хотя у нас у самих долги, ну что делать? Эти четыре тысячи займем в банке. Господь пошлет урожая, к осени отработаем. Тут как бы не было тяжело работать, но все-таки легче заработать средства к жизни, как в России нашим общим братьям. Если мы назвались людьми «Всемирного Братства», то надо хотя понемногу доказывать это на деле.

Из каждого села напишите мне свое согласие на эту помощь.

Остаюсь искренне любящий вас
Брат ваш во Христе, Петр Веригин

Полагаю, что следующее письмо Петюшки будет интересно читателям, а потому привожу его целиком:

28-го ноября 1907 г.

Письмо к Братьям и Сестрам от Петра Веригина

Уведомляю вас, братья и сестры, о некоторых делах нашей общинной жизни.

1-ое. Кроме заборов в текущем году каждого села, у нас накопилось общинного долгу сто пять тысяч долларов. В эту сумму входит неоплоченная земля, закупленная в разных местах наших сел, построенная мельница, элеватор, расходы на починку паровиков, молотилок и других машин. Платежи не выплоченного долга за прошлые года, когда еще все покупалось сообща. Расход на содержание артелей, которые работали в этом году на общественных работах. И так как и платежей было много из общинных приходов, я поручаю Семену Рыбину разослать вам подробный отчет общинных приходов и расходов, а свои сельские заборы, вы сами должны знать.

На означенную сумму сто пять тысяч долга, мы имеем имущество, помимо того, что имеется в каждом селе, и я, с нового года закладываю все общинное имущество в банк, чтобы иметь деньги для постепенного погашения срочных платежей, а также для уплаты, на сто пять тысяч, процентов. Делаю рассрочку на три года и если за три года, или как придется, мы не выкупим начисто общинное имущество, как мельница, земли со всеми постройками около станции, я должен буду объявить по закладной, все к продаже посторонним.

2-ое. Овец продано на шестнадцать с лишком тысяч долларов. Эта сумма пошла в уплату общинных долгов о чем будет показано в отчете.

3-е. Нами куплено несколько тысяч фунтов шерсти, которая доставлена на Ст. Веригино и в Вознесение. Надо разобрать: кроме пятилетних детей, на количество людей в селе по два фунта на человека. Из этой шерсти прошу вязать теплые рукавицы, чулки и детям колпаки.

4-е. Товары, которые есть еще в наших складах, можно разбирать — покупать сейчас, а вновь без заказов выписывать не буду и, с нового года, я предлагаю систему: покупать товары за наличные деньги. Деньги можно будет брать под векселя в Банке. За подробными справками я приглашаю обращаться к Семену Рыбину. За эти годы мы достоверно узнали: если брать товары в долг в складах в Виннипеге или на фабриках, то они накладают не менее 20 процентов на доллар, а в Банке мы не

плотим дороже девяти процентов годовых и потому лучше занимать в Банке чем переплачивать фабрикам, и тогда вы можете покупать товары где кому выгодней: хотите через выписку мною поставленных людей, а если не желаете, то можете покупать в посторонних лавках.

5-е. Каждое село, с этого времени, может продавать и покупать что угодно по своему усмотрению: я ни во что касаться не буду.

6-е. На посев будущего лета имеется на станции Веригино хорошая пшеница с Принц Алберта, по 95 центов за бушель. Кто желает можно получать. На каждое село определено по триста бушелей. А на еду, когда мы закупим и представим на нашу станцию, я извещу особым письмом.

7-е. О своей морозобитной пшенице мы справлялись в компаниях, более 15 и 20 центов за бушель они не плотят, а потому я считаю выгодней задержать всю пшеницу пока дома и к весне надо подготовлять выкормить в каждом селе по нескольку штук коров, не способных к молоку и не очень старых, штук по десяти, а в каком селе много скотины, то и больше десяти. Кроме того предлагаю к будущему лету для работ оставить быков по пяти пар на сто человек по расчислению, в том числе считать и неуков от трех лет с будущей весны, а всех остальных, старших, подготовить весной — выкормить к продаже. Можно продавать быков и парами лишь бы были покупатели. Для корма надо заготовить или сейчас саману или зимой натереть из соломы. Весной молоть морозобитную пшеницу, у кого есть ячмень надо подсыпать ячменя при размоле — только надо очень сушить на печах и размалывать мягко — мягче чем пшеничную для еды.

Поставляю в обязанность всем мирошникам молоть для корма очень мягко, если кто привезет сырой хлеб, то не надо молоть, а послать высушить. Если при размоле я ЗАСТАНУ хрусткую муку, то очень строго накажу мирошника. Этой мукой пересыпать резку и кормить скотину к продаже. К пятнадцатому Апреля вся скотина, которая предназначится к продаже, чтобы была готова.

8-е. На эту зиму на общие работы из сел люди приглашаться не будут. Заготовка дров на кирпичные заводы будет отдаваться за цену. По этому делу, если желаете, можно обращаться к Михаилу Казакову. С сего времени все работы на кирпичном заводе на станции, я предлагаю исполнять братьям и сестрам села Веригина.

На пильном заводе все работы прекращаются, лес ко-

торый остался не вывезенный в прошлую зиму, предлагаю всем северским разделить и вывезти его за эту зиму в свое пользование. На пильне весь лесной материал надо разбирать, из каждого села за один раз более двух подвод не надо ездить, а то будет большое скопление. Можно ехать сейчас, так как все работы там закончились и надо с пильни взять братьев-рабочих. Каждое село должно отвезти на пильню по три мешка овса и по одному мешку пшеничной муки. За эту зиму построечного лесу в селах заготовлять не надо. Если найдем землю в теплом климате, то будущим летом часть из каждого села выселится, а остальным можно будет разместиться.

9-е. Всех молодых лошадей освободить от упряжки и пускать каждый день, если тепло, на ворок — кормить соломой и сеном. А старых перековать на востряк и работать по малости, что придется. Хлебного давать только резку — овса совсем не давать. А к весенним работам, месяца за полтора, всех лошадей поставить на хлебную умеренную порцию и подкормить; и тогда во всем будет польза: и лошади будут здоровы и корм на зиму сохранится. Молодых на целый день выпускать на ворок и много навозить соломы — пусть там копаются, а на ночь ставить в конюшню.

10-е. Смотреть, чтобы намолоченный хлеб не загорелся.

11-е. Часы и велосипеды прислать на станцию Веригино, и больше не покупать. Я думаю, христианам можно обходиться и без часов.

12-е. Картин, фотографических карточек и зеркал на стенах в домах не держать.

13-е. Одежу вынашивать настолько, чтобы в случае переселения на теплые места больше одной перемены не брать. Сундуки браться не будут. В посуде иметь большую аккуратность и лишнюю не держать.

14-е. Всю одежу, с этих пор, кроме рабочей, обуви, не покупать, а шить самим. На будущее лето рабочую прочную обувь надо по номерам заказать и купить готовую, а женщинам и детям шить самим. Праздничную обувь совсем не покупать.

15-е. У кого есть излишний лен и горох, надо поделяться с соседними селами. Из гороха делать крупы, как я разослал образчики по мельницам.

16-е. ВСЕ ПИСЬМА МОИ, которые вы имеете общественные, прошу возвратить мне.*

17-е. В каких селах дома для собрания не отстроены, то соби-

раться для моления в тесных хатах зимой не надо.

18-е. Поминовение надо делать так: «Помяни Господи всех отошедших в вечную жизнь, а нас сохрани Господи во всем благополучными. Богу нашему слава!»

Желаю вам, братья и сестры, всех благ от Господа.

Остаюсь любящий вас, брат ваш во Христе

ПЕТР.

---

* Все письма были возвращены и сожжены, но по моей просьбе П. В. разрешил мне сохранить по одной копии для памяти.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ

Наш духоборческий вождь, как читатель уже знает, имел свои кареты, фаэтоны разных типов и калибров, своих вороных красавцев быстроходых лошадей, своих приближенных прислуг: из мужчин одного Васю Объедкова и племянниц штук шесть — иногда больше, иногда меньше. В каждом селе была Петюшкина квартира и прислуга. Когда Петюшка объезжал села, у него был вдобавок певчий хор во главе с Иваном Евсеевичем Конкиным. Это был установленный порядок и обычай, вошедший в жизнь. Везде по селам и на ст. Веригино его угощали отдельно: тогда как простые смертные рабочие кушали борщ и другую пищу четыре человека из одной чашки, ему ставили отдельную тарелку и окружали особым почетом и честью.

Из личных рассказов Мити Гридчина, бывшего при Петюшке в России, дедушка Толстой, при свиданиях с Петюшкой спрашивал: «Петр Васильевич, до меня доходят слухи, что ты выдаешь себя перед духоборцами за «святого вождя» и даже за «Христа». Ведь если это правда, то ты святотатствуешь перед Богом самым бессовестным образом. Будто ты живешь как «царь» между своих тружеников и вникаешь во все материальные дела, являешься, совсем не работая физически сам, полным хозяином, распорядчиком и подчас избиваешь своих бедных несчастных рабочих братьев? Будто по твоему приказу ваши братья секли розгами своих же братьев «сынов свободы», которые действуют согласно твоего письма? Как ты мог превратиться из страдальца за истину в такого дес-

пота?» Все это Петюшка опровергал и уверял Толстого, что все это клевета. Много раз в беседах между Петюшкой и Толстым доходило до ссор и тогда Толстой брал свою шапку и уходил, боясь рассориться всерьез. На другой день снова возвращался и снова говорил и просил Петюшку оставить свое положение «владыки»-властелина и начать служить Богу — своему народу для их духовного блага и вести их к правде и свету, дабы они отбросили суеверие в своих вождей, а почитали бы только одного Бога любви и разума. Эта колкая «ПРАВДА» хотя не нравилась Петюшке, но очевидно тронула его совесть, потому что, хотя он и отказывался, но знал, что Толстой говорил ему сущую правду.

И вот, по прибытии из России наш Петюшка поразил нас всех своей простотой: стал одеваться просто, его манеры стали, как манеры простых рабочих, обращение с народом работавшим и жившим на Веригино и в конторах и других местах, стало вежливое, простое, братское. За стол стал садиться рядом с другими рабочими и стал кушать из одной чашки, как и все люди. Когда было надо ему ехать домой в село Отрадное или другое место, он уезжал и приезжал на простых фургонах или санях с народом, привозившим зерно в элеваторы. Все были поражены таким возрождением и не могли определить, что сталось с нашим Петюшкой. Вот настала жизнь блаженная: посмотрите какой добрый стал Петюшка: никого не ругает и не гневается, даже кушает с нами из одной чашки! — говорили люди.

По возвращении из России Петюшка созвал большой съезд в селе Надежда. Народу было очень много со всех сел. Вся духобория чувствовала себя счастливой: ведь их любимый вождь возвратился к ним из далекой и довольно долгой поездки. И сам вождь также был рад и счастлив увидеть свой, преданный ему народ. Поздоровавшись, он в подробности дал отчет о своем путешествии, и после продолжительной хорошей беседы, в которой он выразил необыкновенно прогрессивные мысли, заявил: «Духоборцы должны упростить свои религиозные обряды, мы читаем псалмы — большинство из них по смыслу непонятны, и человек повторяет эти псалмы тысячи раз, но не вникает в их смысл. Много псалмов взято из Ветхого Завета: в этих псалмах Бог представляется очень жестоким,

мстительным и злым. Для примера взять псалом: «Заедино братцы поживите», где утверждается: «Явил им Господь три стращения: огни неугасимые, смоду злокипучую и червей не осыпающихся и не огребающихся». Таких псалмов масса, в особенности сны Пресвятой Богородицы. Такое понятие сохранилось от времен темных веков диких людей: они воображали Бога такого, как они были сами. Поэтому я нахожу чтение псалмов совершенно бесполезным для души и для Бога. Чтение псалмов я для примера сравниваю с тем: если бы на человека нацелились ружьем, и он для спасения своей жизни, накрыл свое лицо черным платком, полагая защиту в этом платочке — что этот платочек спасет его от пули. Это выходил бы самообман. Нужно иметь в себе голос чистой совести, который и есть голос Бога и жить согласно его. Еще пример: когда у человека голодный попросит, чтобы его накормили или помогли в чем, человек обращается не к псалмам а к своему сердцу и совести и всегда найдет ответ безошибочный, что надо накормить голодного и помочь нуждающемуся. Иными словами, наша чистая совесть и доброе сердце есть голос Бога и настоящий руководитель нашей жизни; а не псалмы, сложенные Бог знает кем и часто не имеющими здравого смысла.

Поэтому я предлагаю и советую как ваш брат-опашник, отменить чтение псалмов и пение, как мы отменили поклонение, с этого же дня.

Когда сел за приготовленные столы с пищей, то по принятому обычаю, певчие во главе с Иваном Евс. Конкиным и Петром К. Поповым (бывшим казаком) начали было петь, но Петюшка громким голосом крикнул: «Стоп» и пение прекратилось. Не было пения и после обеда. Всем казалось, что собрание без пения было голым и не полным, а просто странным и чужим. Квакеры старого типа не имели пения в церквах.

И так Петюшка просил всех делегатов передать в селах, что с этого времени, псалмы и пение отменяется. Духоборцы же, не имея духовного сознания, не поняли смысла Петюшкинова предложения, потому что их главная святость заключалась в псалмах и пении и они поняли превратно, и говорили: «Петюшка отнимает от нас этот духовный дар за наше прегрешение и с пущей силой начали читать псалмы и петь для искупления этого прегрешения. Совет Петюшки остался в полном пренебре-

жении.

Влияние Толстого, однако, было очень кратковременным, подобно плохо заряженной батарее, которая теряет силу в короткое время. По прошествии около трех недель, явился на станцию наш Петюшка в новом костюме, на своих любимых вороных лошадях, на фаэтоне с кучером и разряженной в богатое платье Тюней! Иными словами: наш Петюшка явился таким, как мы его знали до отъезда в Россию. Увидев подъезжающую к станции карету, Вася Потапов сказал мне: «Ну, Сема, Петюшка поклонился!» Я сразу не понял смысла его слов и Вася пояснил: «Я говорю о Евангелии: ты хорошо знаешь место, где сказано, как сатана соблазнял Христа и обещал дать ему все, если он поклонится Дьяволу. Христос устоял. С приезда из России дьявол соблазнял Петюшку. Все это время, когда Петюшка начал жить как и надо, по братски, как и все люди, дьявол все время шептал ему на ухо: «Оставь все глупости Толстого — ты имеешь случай и пользуйся народным почетом, богатством, властью, девочками и всем, что только ты пожелаешь, все дам тебе, если поклонишься мне», и Петюшка поклонился до самой земли, а Толстого и ту истину, которую он проповедывал, Петюшка отбросил раз и навсегда, теперь он и помрет в объятии с властью». Понятно?

И так сам Петюшка отбросил образ жизни Толстого, и видя, что у духоборцев, кроме псалмов и пения, полная пустота душевная, не стал настаивать на этом приказе и все снова пошло по старому руслу. Только поклонение было отменено. Слушая иногда чтение псалмов, в которых не было здравого смысла, он обещал когда нибудь приняться и с помощью Конкина «перетрусить» псалмы, но этой перетруски он не мог делать, потому что сам в это не верил да это было совсем не нужно, потому что псалмы сами по себе, как и библия, мертвы. Для Бога — любви, правды и разума нужна братская добрая жизнь в полном равенстве, а не чтение псалмов, жить наравне с братьями Петюшка не мог: гораздо лучше, перед темным народом разыгрывать себя «святым» и подавать им руки для целования.

Алдоша Попов, живший в городе Иорктоне, имел там занятие и простенький домик. На первых порах Петюшка останавливался в его доме. Алдоша, был единственный человек из

всей духобории, который дружески, но очень смело на правах равенства, бывало говорил: «Ну, как Петюшка, не мучает вас совесть за то, что вы заставляли своих братьев пороть розгами свободников, идущих по вашему письму к Изюмченко?» Петюшке как видно, неловко, но он также дружески отвечает: «Ну а что же с ними делать, если они не слушают и нарушают порядок нашей жизни?» Алдоша продолжает: «Если они не слушают, это плохо, но избивать людей розгами до крови, много хуже». И так ласковым манером он всегда делал наступление на Петюшку и Петюшка всегда должен был защищаться от него.

Псалмы и пение продолжались. Алдоша, улыбаясь, с любовью говорил Петюшке: «Я был очень рад, Петюшка, когда вы открыли духоборцам свет и отменили старый отжитый бессмысленный обряд: чтение псалмов на собраниях, а вот однако они продолжают читать псалмы». На это Петюшка с гневом возражал: «А что же я поделаю? Применять насилие, как над свободниками, ты осуждаешь, а если я не применяю власть, тоже осуждаешь — это не резонно, братец мой!» А потом подумав долго, сказал: «Алдоша, я даю тебе полное право: иди по селам и проповедуй духоборцам, разъясняй, чтобы они поняли, что псалмы и пение для Бога не нужны и что только мирная, дружная, солидарная, братская жизнь и труд угоден и нужен Господу Богу. Где любовь, там и Бог, где совет, там и свет. Согласен?» Немного подумав, Алдоша ответил: «Согласен, Петюшка!» И Алдоша пошел. По каким селам он путешествовал, я точно не знаю, знаю только что по многим устраивал собрания от имени Петюшки, много говорил и убеждал. Алдоша говорил всегда обдуманно и умно.

Через некоторое время Петюшка снова встречается с Алдошей и спрашивает: «Ну, как дела, Алдоша, как идет наша проповедь?» Алдоша засмеялся и говорит: «Моя проповедь была принята, как на могиле мертвецами. Я доволен вами, Петюшка, за разрешение пройти по селам. Это дало мне возможность узнать и увидеть своими глазами, какой темный духовный пласт покрывает духоборцев, как они далеки еще от настоящего божественного света разумения и гордятся своим невежеством не меньше, чем галичане, с которыми я разговариваю, при встречах». Петюшка весело хохотал и благода-

рил Алдошу за его труды для Божьего дела.

Хотя в беседах между Алдошей и Петюшкой не было сильных пререканий, но так как Алдоша принимал в свой дом и Петюшку и свободников, Петюшка перестал заезжать к нему, а потом написал ему следующее письмо:

Алдокиму Попову в Иорктон.

Уведомляю тебя, письмо твое, я получил и буду отвечать на твои запросы. Во первых: ты говоришь, что твое письмо писано через слезы, если ты лжешь, то ложь твоя на тебя и обратится; а если действительно смех ваш превращается в плач, по изучению Иисуса Христа, то приходит время погибели всем похулителям веры Иисусовой и закона Божьего.

Скоро приходит время, что Сатана вас будет терзать и вы от злости будете кусать свои же челюсти. Вы родившиеся в обществе, — предки этого общества несли крест страдания, за закон Отца Небесного, на земле, и померли телом по примеру Спасителя Иисуса Христа. Но вы стали хулителями учения Христа.

Ты, Алдоким Попов, перед англиканами называл себя, братом свиньи, так теперь подходит время, что ты и на самом деле убедишся, что ты брат свиньям, которые едят всякую нечисть.

Вы обещались исполнять учение Христа, а теперь стали хулителями Иисуса и вторично распинаете дело Христа: И скажи всем друзьям своим, что вы проклятые люди, и не будет вам покоя, и потомкам вашим, как жидам. Вы слышали как убивают проклятых жидов, такой же участи и вы подвергнитесь.

Я письмо твое прочел со вниманием, как ты просил. А также и мое это письмо прочти со вниманием, сам и семейству своему, и народу своей партии, вышедшей из христианской общины.

Письмо это береги и читай всем хулителям закона Божьего. Это письмо назначает над вами суд.*

Петр В. Веригин

---

* Алдоша, по своей доброте, написал Петюшке хорошее письмо в христианском духе, но на это письмо Петюшка ответил со злобой. Это письмо я помещаю целиком. Не смотря на все угрозы и худые пророчества, Алдоша жил в очень хороших условиях и будучи деловым, успел за свою жизнь приобрести порядочное хозяйство. Он помер в больнице на чистой белой постели на 92-ом году от роду.

По возвращении Петюшки из России правительство стало серьезно требовать, чтобы духоборцы возделывали известное количество земли на каждом гомстеде, не смотря на то, что они имели официальное разрешение от министра внутренних дел Клифорда Сифтона селиться селами и разделывать земли общей площадью; а иначе все гомстеды, на которых нет разработанной, паханой земли, будут открыты для поселения другим. Единственный выход из этого трудного положения был — закрепить землю за общиной, это получить патенты — документ собственности, а это было возможно только по принятии подданства английскому королю, как главе Великобритании, включающей и Канаду. Это был роковой вопрос.

Общество посылало много раз делегатов в Оттаву по этому вопросу. Велись переговоры не только с Министром Внутренних Дел, Франк Оливер, но и с самим Премьером Канады Сэром Вилфред Лауриер. Это был очень добрый старичек с умными глазами. Будучи чисто выбритым, он походил больше на старушку. Вопрос обсуждался очень серьезно и глубоко. Конкин плакал как ребенок и умолял пощадить и пожалеть духоборцев: не отбирать их тяжелый труд по обработке земли и не разорять их жизнь, как это сделало русское царское правительство... Старичек терпеливо и внимательно слушал, входил в наше положение, сострадал нам, но сказал так: «Я не могу понять, почему духоборцы против принятия подданства, возьмите все другие группы пасифистов: мениониты, данкары, квакеры и многие другие, охотно делаются гражданами этой свободной страны и попадая в парламент, стараются улучшать и проводить законы в пользу мира и трудящихся людей; ведь это простая формальность. Мы ведь и сами смотрим на короля, как на простого смертного человека «фигерхед» и сам по себе он не имеет никакой власти над нашим народом. Духоборцы против убийства, мы дали им освобождение от воинской повинности. В ваши религиозные верования мы не вникаем да и вообще вы пользуетесь полной свободой. Чего же вы еще хотите? Ваши делегаты просили разрешить вашим трем доверенным принять подданство за всех, как они приняли гомстеды. Но это против наших законов: каждый человек должен сам лично в отдельности принять подданство и стать полным хозяином своей земли. Получив документ, он, если пожелает сам,

может перевести свою землю на имя Петра Веригина, вашего вождя или на общину, — это будет его добрая воля и никто не может ему воспретить сделать это. Так что если духоборцы потеряют свои земли и труды, они по справедливости, не могут сваливать своей ошибки на наше правительство, это будет их собственная вина.

Оливер относился к делегатам более сурово и обвинял духоборцев в том, что они сопротивляются канадскому народному правительству благодаря своему невежеству, сравнивая русское правительство, гнавшее их, с правительством Канады давшим им даровые земли и свободу. «Ваш народ слишком фанатичный и не может пользоваться жизнью, данной ему Богом», говорил он укоризненно.

Привожу выдержку из специального закона о духоборцах

Extract from a report of the Committee of the Honorable Privy council, approved by his excellency on the 6th of December 1898.

On a report dated 30th, November 1898 from the minister of Interior stating that arrangements has been completed with Mr. Aylmer Maude of London, England, the representative of the sect of Russians known as Doukhobors who now inhabit the slopes of Caucasus of Russia, for immediate immigration to Canada of several thousands of this people. That from a dispatch dated 27th of May 1898 addressed to the foreign Office by hes Majesty's council at Batum, it would appear that since their settlement in the region of Caucasus, the Doukhobors have by their good behavior, diligence, sobriety and hard working qualities brought nothing but prosperity to the barren locations in which they were originally settled, but as from religious doctrines they are averse to bearing arms an exception which Russian Government has refused to countenance, they have been permitted by the latter to depart from Russia.

The minister under the circumstances, and considering that the Doukhobors would appear to be a most desirable class of settlers to locate on the vacant Dominion lands in Manitoba and North Western Territories, is of the opinion that it is expediant to give them the fullest assurance of the absolute immunity from military service in the event of their settling in this country.

The Minister submits that the subsection 3 of section 21 of the Military act, Chapter 41 of the revised statutes of Canada, contains the following provisions:

Every person bearing a cirtificate from the Society of Quakers, Mennonites, or Tunkers, and every inhabitant of Canada of any religious denomination, otherwise subject to military duty, who, from the doctrines of his religion, is averse to bearing arms and refuses personal military service, shall be exempt from such service when balloted in the time of peace or war upon such conditions and under such regulations as the Governor in council, from time to time prescribes.

The Minister recommends that, under the power rested in your Excellency incouncil by the above provision, the Doukhobors settling permanently in Canada be exempt, unconditionally. from service in the militia upon production in each case of a certificate of membership from the proper authorities of their community.

The Committee submit the same for your Excellency approval.

(Sign.) John J. McGee
Clerk of the privy Council

Кончилось тем, что из 2.757 гомстедов (официальные данные), даденных духоборцам во всех участках, было отведено для общинников в виде резервов 768 гомстедов, принято самими духоборцами 384 гомстеда, а остальные 1605 гомстедов были отданы посторонним. Земля официально была разобрана 1-го июня 1907 года. Все земли отведенные для общинников, потом постепенно перешли духоборцам. Общинники переселялись в Колумбию.

В виду такого серьезного положения был созван большой съезд из всех сел и Петюшка предложил духоборцам на обсуждение вопрос о переселении в теплую страну, где можно заниматься садоводством. О переселении Петюшка мечтал еще раньше и даже поручал адвокатам в Чикаго хлопотать перед американским правительством, чтобы оно в случае переселения в Калифорнию, где живет много наших братьев молокан, дало нам такие же льготы от военной службы, которыми пользуются квакеры, данкеры, менониты и другие пасифисты.

«Канада, страна холодная», говорил Петюшка, «если бы я был с вами при переселении, то мы не ушли бы так далеко от России, а поселились бы на западном берегу Черного моря в Болгарии или Румынии; Канада не подходит для нас вегетарианцев. Люди, живущие в умеренном климате и питающиеся фруктами и овощами, гораздо добрей по натуре и умней, тех, кто живет в суровых краях и питается мясом. Он в мельчайших деталях представил смету: сколько фруктовых деревьев можно посадить на акр земли и сколько фруктов получится с каждого дерева. Он брал цифры из официальной статистики, в справедливости которой нельзя было сомневаться. Так что по этой смете приходы выразились в несколько милионов долларов. Жить и работать в благоприятном климате гораздо лучше, в особенности для вегетарианцев. Все собрание было в восторге

от такого плана и приняло совет Петюшки без малейшего сопротивления. Некоторые говорили: «Слава Богу, что у нас отобрали землю, а иначе мы мерзли бы тут всю свою жизнь».

Решено было послать немедленно делегацию, чтобы собрать сведения и посмотреть некоторые страны, а потом всем обществом решить, в какое именно место лучше переселяться, но общее желание было переехать к молоканам в Калифорнию.

Все собрание обратилось с просьбой к Петюшке, чтобы он сам поехал. «У нас полная на вас надежда, родимый Петюшка», говорили люди, «если надо помощников, выбирай сам». На том было решено и съезд закончился.

Началась переписка с агентами в Колумбии, Орегоне и Калифорнии. Земля в Калифорнии предлагалась в большом количестве по 11 д. акр. В это входило много садов, разных фруктов, худобы и овец. В Орегоне цены были выше, а в Колумбии по 50 дол. и больше за акр. По пути Петюшка пожелал взглянуть на земли в Колумбии и по уговору, агенты из Виннипега должны были встретить делегатов — Петюшку, Николу Зиборова, и меня, как переводчика, в Нельсоне. Агент был немчур, по имени Маурер из фирмы «Виллоубай и Маурер». Земля оказалась за громадной рекой Кутней и другой рекой, Колумбией, тут слияние этих двух рек. Долина покрыта прегромадным вековым лесом — тайга сибирская. Сначала смотрели эту чащу с полотна жел. дор. Петюшка сел на рельсы и, шутя, говорит: «А что, Никола, если бы вправду купить эту чащу, что бы сказали духоборцы? Ведь они послали нас покупать сады».

В то время как мы ожидали поезда ехать обратно в Нельсон, агент начал уговаривать Петюшку переехать на тот берег реки, покушать обед у немца Лендиса, заготовлявшего телефонные столбы в этом громадном лесу, и взглянуть на его земли. Там стояло две маленьких хатенки. Петюшка согласился. С полотна жел. дор. и до реки мы ползли в ужасный обрыв по промытому каналу. Сойдя к реке, Маурер вызвал лодку и нас перевезли. Снег еще не таял и река была спокойная. Во время половодья эта река настолько опасна, что к ней страшно подойти. Пообедав, агент начал просить Петюшку взглянуть на эту долину и потащил нас по лесу. Как будто гипнотизируя

Петюшку, он уверял, что земля хорошая. Весь день до темна мы лазили по глубокому снегу и громадному лесу, перелезая валежник и другие препятствия. Земля — чистый вымытый песок; сырость сохранялась благодаря вековечным лесам, не дававшим проникать воздуху и солнечным лучам. Это было в конце апреля и мы, по пояс в снегу, в теплой стране послали телеграмму Потапову на Веригино, с запросом, как там погода? Он ответил, что начали сеять. Значит снегу нет в Саскачеване, а мы тут в теплой стране, продолжаем, как идиоты ходить по лесам в глубоком снегу и слушать от агента похвалу земле. Агент, увидев, что влияет на Петюшку, оставил нас у Лендиса, а сам уехал в Нельсон и набрал немцев друзей, дабы совсем одурачить нас. На третий день с ним приехало человек 50 и все они, идя за нами, и указывая на разные площадки просили агента продать им сколько-то акров. И вот агент с серьезным видом, обратился к Петюшке: «Ну, господин Веригин, решай, будешь брать мою землю или нет? Видишь сколько у меня покупателей и все они ожидают твоего решения. Если ты не берешь всю мою землю сейчас, то я начну продавать им клочками по сто и больше акров по высокой цене, а вам отдам по 50 долларов за акр. И Петюшка согласился купить. Маурер чуть не подпрыгнул и подмаргивая друзьям, торжественно заявил: «земля продана!» Никто из присутствующих покупателей не выразил сожаления и вся партия с Маурером, весело разговаривая и смеясь, отправилась обратно в Нельсон. После этого Петюшка говорит Николе: «Есть люди: приедет в лес и вместо того, чтобы срубить первое стоящее дерево, он идет дальше, а когда вернется, то видит, что это дерево уж срублено другим. Так вот и с покупкой земли. И мы ворвались в эту яму не посмотрев других земель даже в Колумбии как Фруктовая Окаган Валлей, не говоря уже об Орегоне и Калифорнии». Было заметно, что в душе Никола был против этой покупки, но не мог обидеть Петюшку — сказать правду о земле.

Решено подписывать контракт. Приехав в Нельсон, мы взяли адвоката Джонсона, агент взял себе другого адвоката: дело очень крупное. Пригласили банкира и несколько других свидетелей — включая одну бойкую женщину, г-жу Гаррис, с которой Петюшка потом сильно сдружился, а потом

судился.. Все уселись за громадный круглый стол в конторе нашего адвоката. Раньше чем сделать роспись на купчей Петюшка обратился к Николе и спрашивает: «Ну, что ты думаешь, Никола, о нашей покупке?» Никола немного усмехнулся и говорит: «Полагаюсь на тебя, родной Петюшка». Потом он спросил меня: «А как ты думаешь, Сема?» Я от чистой души и совести ответил: «Петюшка, по земельной части я ничего не понимаю, но место мне очень не по душе: такие громадные леса, а ведь нас посылали покупать фруктовые сады». Не говоря ни слова, Петюшка поднялся и пошел вон из конторы. Все присутствующие были в хорошем, праздничном настроении. Увидев, что Веригин не говоря ни слова, вышел, удивились: что могло случиться? Мы с Николой последовали за ним. Остальные остались за столом в большом недоумении. Выйдя из конторы, Петюшка направился по одной улице прямо на гору по направлению железно-дорожной станции. Мы идем вслед. Полная тишина. Немного отдохнув, он сказал: «Никола, эту землю Господь Бог сохранял исключительно для духоборцев и я уже придумал назвать это место так: «Долина Утешения, Бриллиант Чистой Воды», а Сема сломал этот Божий план». Он много и долго говорил против моего возражения. Я не желал быть ответственным за нарушение Божьего плана и приложил все усилия к тому, чтобы покупка прошла. Когда подписали купчую, я легко вздохнул и подумал: «Ну теперь пусть сами духоборцы порадуются на этот Божий план и получат утешение от этих вековых лесов и страшной громадной реки, которую им придется переплывать в полную воду». Это была первая покупка. И что же? Сам Никола Зиборов и все, кто мог, под разными предлогами, убежали с этой «голодной долины в другие лучшие места, купленные после, в особенности, на Фруктовую, а тут остались самые бессильные труженики и, за неимением достаточной воды, страдали: от неурожаев и переправы через реку пока не был построен мост и паромы. На Фруктовой люди жили в полном благосостоянии: у них было и фруктов и овощей вдоволь. Были случаи, что там кормили лошадей яблоками а на Утешении их не было даже для малых детей . . .

Однажды в Нельсоне премьер Колумбии г-н Баузер пришел на квартиру Петюшки и между другими разговорами,

дело коснулось «Долины Утешения». Петюшка упрекнул Баузера за то, что правительство Колумбии не уплатило всей суммы за постройку моста на Бриллианте а взвалило половину суммы на общину. На это Баузер злобно закричал: «А какой чорт вас, господин Веригин, понес на ту сторону реки? У нас в Колумбии много лучших земель, расположенных ближе к городам, железным дорогам и рынкам. Вас просто обманули земельные спекулянты. Я лично ни за что не согласился бы взять эту землю даром. Так что не обвиняйте правительство за свои ошибки». После этих колкостей Баузер ушел, не сказав «прощай».

После и сам Петюшка увидел, что «Божий план» вышел неудачным и что «Долина Утешения» не утешила ни одной души, а оказалась долиной нужды и слез, потому что жители страдали от недостатка воды, а без воды ничего не росло. Вторая неудачная покупка была навязана господином Мак Гарди — это Крестовая. Он сорвал ужасную цену и также эта долина оказалась безводной. Сколько уложено там трудовых денег на громадную помпу которая не дала одной капли воды, благодаря плохому управлению: помпа была куплена из вторых рук — старая негодная для работы. Долина Плодородная и Благодатное (какие имена) отрезана громадной рекой Кутней и Колумбией и при переправах, было пережито много горя и несчастных случаев. А сколько было куплено гор, неудобных для разработки и земледелия. Все земли покупались без участия рабочих, за громадные цены. Не имея доходов от земель и за отсутствием местных заработков, община погружалась в долги, как в зыбучие пески.

Когда началось переселение из холодного Саскачевана в теплую Колумбию, люди встретившись с действительностью, просто ужаснулись: какое место для них сохранил сам Господь Бог за их пережитые страдания! Многие, даже стоявшие во главе общины, как Сема Негреев и другие, возвратились из Колумбии немедленно. Везде пошли слухи, что Колумбия негодна для жизни духоборцев. Для пресечения таких слухов Петюшка воспретил живущим в Колумбии переписываться с живущими в прериях. Ему будучи в прерии попалось одно письмо из Колумбии где говорилось, что Утешение страшная трущоба, и люди полуголодные надрываются в корчевании

громадных пней, и никаких садов там нет. Но люди все-таки писали «тайком» родным, Колумбия была разоблачена, большая часть духоборцев решила остаться в холоде и приняла земли.

Всем известен друг и доброжелатель духоборцев, Александр М. Бодрянский. Вот что он писал В. А. Потапову о переселении в Колумбию:

Дорогой друг и брат, Вася Потапов: —

Я очень рад, что ты сохранил обо мне добрую память. Спаси тебя Гоподи. Сейчас, не смотря на все невзгоды и узы, я обеспокоен вашей покупкой земли в Британской Колумбии. Почему дорогой брат и хозяин Петр Васильевич решился на это? Почему ты, с которым я ездил и осматривал такие дивные места в Калифорнии, не сказал ему об этих местах? В Колумбии климат гнилой, там очень много дождей и снега выпадают больше сажени толщиною. Фрукты, конечно там могут рости, но хороших фруктов там нельзя получить. Там места для рудопромышленников и рыболовов, а вовсе не для «Христианской Общины». Это яма и тюрьма для Христианской Общины. Кроме того я думаю, что цена заплочена страшно высокая, ведь это выходит больше чем по триста рублей за десятину. За такую цену можно бы было купить в тридцать раз больше и лучше земли в Македонии, где я настаивал что бы вы купили землю, почему вы не послушали моего совета, который любит вас всею душою? Наконец, если уж вы решили застрять в Америке, почему не вызвали меня указать лучшие места? Есть не в Бритиш Колумбии, а в республике Колумбия, в Южной Америке чудные для разведения самых нежных фруктов места на горах, со здоровым климатом, и можно было бы купить очень дешево.

А потом припомни те места в Калифорнии, где мы с тобой были. Припомни гору «Шаста», мы были там в январе месяце, был снег, но мороза не было, там были на работах и другие братья, там, во всяком случае, земли не хуже, чем в Колумбии (Бритиш Колумбии), а нам их уступали по пяти долларов за акр и с рассрочкой на пять лет. А припомни еще имение у генерала, которое мы осматривали, припомни сотни десятин готового сада, черносливу, миндалю, персиков, абрикосов, вишень, волоцких орехов. Эти сады нам продавали по сто долларов акр.

Надо десятки лет, чтобы завести сады, да в Бритиш Колумбии их и не заведешь хороших, а тут предлагалось готовое. Твоя вина, что ты не осведомил обо всем этом Петра Васильевича, ты все это видел. Таким образом, на мое мнение вы по-

теряли на покупке земли в Бритиш Колумбии сотни тысяч рублей.

Еще хочу предупредить об одном деле. По законам Канады, вы не можете купить землю на общество. Для этого надо чтобы ваше общество было утверждено правительством, а вы даже не подданные. Стало быть все земли покупаются на имя Петра Васильевича или на других отдельных лиц, уж я не знаю, как это у вас делается. А если это так, то продли Господи жизнь Петра Васильевича, а иначе будет плохо. В случае его смерти, все эти земли отберут у вас наследники Петра Васильевича, не только те, которые среди вас, но и те, которые в России. Думали ли вы об этом? Во всяком деле надо поступать по порядку и разумно.

Итак, дорогой брат Вася, прошу тебя передать это письмо по прочтении Петру Васильевичу вместе с моим братским приветом. Пусть он возьмет все это в соображение.

Я нахожусь по прежнему в одиночестве, в разлуке с семьей, в ожидании тюрьмы, к которой приговорен еще в Феврале, но почему-то до сих пор не садят, просился я повидаться на три дня в Харьков, не пустили. Напрасно ты думаешь, что в России свобода печати и прочее. Как было здесь жульническое правительство, так и осталось; на бумаге-то дана, да и то только полусвобода, но придравшись к случаю, что время беспокойное, правительство объявило почти всю Россию на военном положении с усиленной охраной. А при таком положении все законы теряют силу и губернаторам дается власть делать что угодно, хоть вешать людей. И вешают людей теперь почти в каждом городе, каждый день. Так что, то наказание, которому подвергают меня, похоже на милость. Больше всего я рассердил начальство книгой «Духоборцы», которую ты вероятно читал.

Будь здоров и да благословит тебя Бог.

Любящий старичек,
Александр М. Бодрянский.

Напиши пожалуйста, что ты знаешь о свободниках за последнее время.

Итак, земля в Колумбии была куплена в 1907 году. Наименование первого места: «Долина Утешения, Бриллиант Чистой Воды» звучало как: «Царствие Небесное», и духоборцы смотрели с завистью на тех, кто удостоивался попасть первым в этот «Рай». И действительно, люди попавшие первыми в список для переселения в Колумбию, чувствовали свое превосходство и гордились своим успехом. Но потом горько разочаровались!

Первая партия, по несколько человек из каждого села, была послана на это «Утешение» для постройки бараков и очистки земли от вековых громадных лесов. В 1909 году началось переселение семейств тех рабочих, которые находились уже два года в Колумбии без своих.

На это переселение требовались громадные деньги и, чтобы облегчить финансовое положение общины, Петюшка обратился с просьбой к г-ну Макферсону, главному управляющему западным краем Сипиярской жел. дороги в Виннипеге, прося сделать уступку: дать билеты по удешевленным ценам от Бродвей до Ватерлоу (станция переименованная в «Бриллиант»); но Макферсон отклонил просьбу на том основании, что духоборцы живут в Канаде много лет и не могут считаться, как новые иммигранты.

У Петюшки был план: во что бы то ни стало, община должна была связаться коммерчески непосредственно с фабриками и получать все товары из первых рук и этим обойти местных торгашей. Он предложил мне ехать по этому делу на восток. Большая часть фабрик, которые я посетил после Петюшкина отъезда в Россию, находится в Монтреале и его окружности. При отъезде я попросил Петюшку позволить мне в Монтреале обратиться с просьбой от общины к президенту Сипиярской жел. дор. компании г-ну Шанеси. «Хорошо, попробуй», сказал Петюшка. Я поехал.

В Монтреале я пошел к г-ну Шанеси. Было очень трудно дойти до него лично: его кабинет находится в самом заднем отделении громадной конторы. При входе меня остановил господин с вопросом: «Кого желаете видеть и какое имеете дело?» Я ответил, что имею очень серьезное дело и хочу видеть г-на Шанеси. «Шанеси вы не можете видеть, молодой человек», с усмешкой сказал мне привратник, «но я вам укажу его секретаря». С секретарем повторяется та же история и после долгого разговора он меня пропустил к высшему чину. Та же история. Постепенно я дошел до г-на Керр, генерального сюперинтендента над пассажирами и потом, уже от него, я добрался до Шанеси. В то время я был совсем молодым парнем и когда вошел в его кабинет, он (уже довольно пожилой старичек), принял меня очень любезно, как родной отец и с открытой насмешкой оглядывая меня с ног до головы, подал

руку. Продолжая улыбаться, спросил: «Ну, в чем дело, молодой делегат-духобор?» Насколько мог, я сказал ему о своем деле. Он выслушал меня очень внимательно и сказал очень серьезно, почти с гневом: «Когда духоборцы приехали из России, я дал им, как и всем иммигрантам особо дешевый проезд. Духоборцы живут уже десять лет в Канаде, стали гражданами, по праву, должны бы гордиться собой и переселяться в Колумбию в вагонах первого класса, а вы попрошайничаете, как вам не стыдно? Я знаю, что духоборцы хорошие земледельцы и трезвые трудолюбивые люди, они должны бы за это время стать богатыми».

Я подробно выяснил, как духоборцы работали: очистили земли от лесов и болот, превратили пустынные прерии, переполненные комарами, в цветущее состояние, построили села, народные дома — церкви, лесопильни, кирпичные заводы, телефонные линии и много, много другого. И все это правительство Канады отняло, потому что духоборцы не могли принять присяги английскому королю. Иными словами: все наши труды пропали и мы теперь такие же бедные, какими были по приезде в Канаду. Нас просто ограбили, сказал я почти со слезами на глазах. «Неужели это правда»? серьезно спросил Шанеси. «Да, это факт», ответил я. «Отдали все свое богатство и труды ради принципа? Так серьезно ваш народ смотрит на присягу королю»? опять спросил старичек. Помолчав немного, он сказал: «Это меняет ситуацию и я об этом подумаю. А ты (опять с иронией) молодой делегат, милости прошу, будь у меня завтра в 10 часов утра».

Я от радости поцеловал ему руку и пошел — почти полетел, из его кабинета. Вся рать, в сотню человек, работавших в конторе, смотрела на меня с удивлением, как я мог занять Шанеси около часа времени. Когда на другой день я вошел в контору, меня никто не опрашивал и я свободно прошел в кабинет Шанеси. Войдя, я встретил там человек шесть тоже престарелых директоров. Шанеси, опять с любезной иронией, рекомендовал меня: «Прошу познакомиться с делегатом от духоборцев». Те пожали мне руку, Шанеси предложил мне стул и сказал: «Расскажи этим директорам нашей компании все, что ты говорил мне вчера. Говори, не робей и не спеши». И сам занялся своими делами, не обращая на нас внимания.

Я повторил всю историю, как мог лучше и когда закончил, Шанеси снова обратился ко мне и сказал: «Теперь можешь идти, молодой делегат, опять приди завтра в это же время и я дам тебе окончательный ответ». Когда я явился в третий раз, Шанеси взял меня за руку и сказал: «Передай мой привет своим духоборцам и скажи им, что старик Шанеси не такой плохой человек, каким кажется: я решил дать вам скидку на билеты одну треть: цена с Бродвей до Ватерлоу за билет стоит тридцать долларов с лишком, а с вас будем брать по 20 долларов. Об этом я телеграфирую Макферсону в Виннипег, а ты повидай его лично и договорись когда и сколько вагонов будет вам нужно. Все дела будете иметь с Макферсоном. Доволен»? Я еще раз от всей души поцеловал ему руку и почти со слезами на глазах поблагодарил его и мы распрощались. О, как я чувствовал себя счастливым, что мог достичь такого результата! Заметно было, что и сам Шанеси чувствовал себя счастливым, что сделал доброе дело для обиженных людей.

Когда в Виннипеге я зашел к Макферсону, он сразу узнал меня — я был у него с Петюшкой. Он с гневом упрекнул меня: «Съездил в Монтреаль к Шанеси»? Я с улыбкой ответил: «Похоже на это ». Мы переступили через его голову и теперь он обязан был поступить по приказам из Монтреаля. Мы победили и это ему не нравилось. Судя по грубому отказу Макферсона, Петюшка хотя и дал мне право хлопотать, но не имел надежды на успех. Когда же он получил мой отчет о поездке и об уступке Шанеси, он был очень доволен и жел. дор. компанией и мной. В его большом письме от 7-го февраля 1909 года ко мне он, между прочими делами говорит: «Ты сделал очень полезное дело. Вам с Потаповым можно справить по «золотому кафтану». Эта уступка Шанеси спасла для общины 50 с лишним тысяч долларов.

Привожу целиком письмо от Петюшки о первом переселении семей в Колумбию:

2-го февраля 1909 г.

Семену Фед. Рыбину,
П. Веригин.

Милый друг Сема, уведомляю тебя, что нам будет необходимо найти в каком-либо банке заем хотя тысяч в 25. Я думаю без займа нам очень трудно будет обходиться. Хотя пред-

полагается продажа имеющейся по селам пшеницы и может наберется хотя немного скота, но так как волов этот год к продаже у нас нет, а остальная скотина не выгодна и прихода от нее ожидать надо очень небольшого. Я написал Феде Сухачеву, что если будут покупатели, то можно из каждого села продать по паре лошадей. Но это все приходы предполагаемые, не вполне основательные, а расходы предстоят помимо срочных платежей там у вас, тут в Колумбии: потребуется значительная стройка и на переезд братьям и сестрам, без денег никак не обойтись. Сообщи мне, что ты сделал с платежами Райну? Если вы не купили пильный станок, то и не покупайте. Станок, как мы покупали, стоит 650 долларов, но мы берем к нему еще два прибора: станок с четырьмя пилочками отбивать кромки и второй прибор — резать двух-трех дюймовые доски на тонкие. По объяснению Щербинина эти станочки нам необходимы, так как вдвоїне может при них работать большой станок. Три станка означенных со всеми приборами и широкий ремень для паровика в 70 фут мы сторговали за тысячу шестьсот долларов, провоз наш и пограничная пошлина. Так что со всей установкой, вероятно обойдется около двух тысяч долларов. Станок нам очень понравился, прочного устройства. Только они выговаривают готовые деньги, — говорят, что делают большую скидку и может потому что по новости не доверяют. Мы узнали в Спокяне, что мануфактура здесь гораздо прочнее и дешевле, чем в Канаде. Со временем мы должны будем подробней ознакомиться с американскими городами поблизости и покупать необходимые товары здесь. Недавно к нам приезжало несколько агентов насчет разных товаров из Ванкувера, но доставка вещей из Ванкувера не заслуживает внимания, потому, как говорят, там нет никаких фабрик. А если товары будут путешествовать из Торонто и Монтреаля в Ванкувер и обратно к нам в Ватерлоу, то получится барыш с накладом. Когда ты будешь в Долине Утешения, я пошлю вас с Щербининым или с Николой Зиборовым познакомиться с американским производством. Возвратился ли ты из поездки и благополучно ли? Обо всем напиши мне. Ты должен подготовляться к весне к отправке и доставке в Долину Утешения первой партии женщин. Потому что такую «ораву» я не могу никому поручить, кроме тебя. Так как необходимо полное благополучие в переезде, а пересадок предстоит много. Надо будет принимать меры, чтобы не случилось каких-либо несчастий или недоразумений. Я полагаю, надо заранее списаться с Сипияром, чтобы вагоны были сквозные и даже через Кутней Озеро должны перевезти в вагонах, а то на пароходе окажется теснота. Хотя первую партию сестер я предполагаю пригласить молодых и, по воз-

можности, без маленьких детей. Может их наберется 30-40 или 50. Их надо перевезти пораньше, числу к 15 апреля для огородних работ. А остальные с семействами будут переезжать постепенно за лето. Мужчины-молодые также должны прибыть к 15-му апреля и вот эту первую партию ты и должен будешь доставить. Посадка будет в Бродвее. К этому времени денег надо готовить для переезда человек на 200. А остальных, смотря по средствам, и погоде, будем помаленьку перевозить. К весне нам потребуется здесь несколько палаток — штук 20 вместимостью каждая кроватей на 6 двух-спальных. Заранее надо списаться, где можно достать. Покупать палатки надо прочного качества, так как они будут нам необходимы на несколько лет. Это для летних временных работ. Если можете, пришлите нам в скором времени две тысячи долларов купить станок. А если вы купили, необходимо к нему добавить еще два станочка выше означенных. Самое удобное, если бы вы ваш заказ сканселовали (если таковой имеется), так как если мы тут купим пильный станок то все поломки легче доставать — ближе. Сообщите скорым письмом, можете ли прислать денег, тогда мы пошлем заказ, чтобы станок нагружали. Кроме того, скоро к нам будут выезжать человек 5, приготовьте им денег на проезд. Передай поклон Потапову и всем на станции.

Любящий вас, П. Веригин.

Таким путем переселение проводилось частями до 1913 года. 15-го октября 1913 года тянутся обозы со всех сторон по направлению станции Веригино, обозы из множества десятков фургонов тяжело нагруженных и наполненных народом — больше женщины и дети, мужчины были отправлены раньше. Это переселение наших духоборцев, в том числе и меня с семьей, в благодатную издавна хранимую, по словам Петюшки, самим Богом предназначенную исключительно для духоборцев Британскую Колумбию.

День ясный, но северный ветер с присущим Саскачевану в это время холодом, нестерпим. Люди, как прикованные к фургонам пленники, корчатся и ежатся, в особенности дети, и представляют плачевное зрелище. Везде мертвая тишина — лишь иногда слышен плач детворы, жалующейся на свирепый холод.

Гриша Веригин — родной брат вождя, написал очень длинную и торжественную «прощальную речь». Эту речь по приказу Гриши, Миша Казаков должен был перевести на английский язык, а потом он же читал ее, стоя на возвышен-

ном месте, перед духоборцами, вышедшими из общины. Тут же присутствовали некоторые из посторонних. Сначала он прочел по-русски, а потом на английском языке. От себя ли или по поручению вождя, Гриша написал речь очень торжественную и порицающую вышедших. Он говорил о еврейском плене в Вавилоне и как Бог вывел их оттуда и много таких примеров: когда люди переставали верить и слушать своих вождей, то оставались на местах и гибли. По воле Господа мы уходим в обетованную землю, в Колумбию, где наш благодетель уготовил для своих верных последователей место, где они будут жить, как говорится: «У Христа за пазухой» в полной радости духовной и благоденствии материальном; а все кто не послушал призыва нашего благодетеля, останутся тут, как осталась партия Губановых на Кавказе, и погибнут душой и телом, потому что семь лет подряд тут не будет урожая на хлебные злаки. Вся речь была пропитана запугиванием и угрозами и приводила веривших в его слова людей в отчаяние. Тут же были некоторые «навеселе» и открыто возражали, говоря: «Довольно вам брехать, это вам так хочется, но Бог не настолько зол, чтобы наказывать нас за то, что мы перестали быть вашими рабами». Ефимушка Войкин и другие просили дать им возможность сказать несколько слов по поводу прощальной речи, но им не позволили и они почти с руганью оставили собрание. Когда Миша Казаков прочел прощальную речь на английском языке, я подошел к знакомому англичанину Джонсону, и спросил его: «Ну, как тебе понравилась прощальная речь г-на Веригина»? Он посмотрел на меня с удивлением и тоже спросил меня: «Какая речь»? «Да вот, что читал мистер Казаков». «Но ведь я же по-русски не понимаю», сказал он. «Да он же читал вам по английски», говорю я. «Неужели, а я ничего не понял, и полагал, что он читает по-русски. Что же он говорил»? с любопытством спрашивал он. Итак, прощальная речь была закончена. Народ волновался. Многие, в особенности, женщины, прощаясь с родными и друзьями, горько плакали и роптали на духоборческую судьбу. «Весь наш век мы разлучаемся по воле вождей. Посмотришь на других людей — живут мирно и спокойно, на одном месте «обростают», а мы вечно страдаем да прячемся от мира», говорили многие с горючими слезами на глазах.

Пророчество Гриши не исполнилось. Оставшиеся жили припеваючи, урожаи были как всегда хорошие и «спасенным» пришлось приезжать из «Обетованной земли» к «погибшим» на летний сезон подработать деньжат для своего полуголодного существования. Сам Гриша, конечно, не приезжал на работу.

16-го был подан поезд и через несколько минут, по последней моде аристократического мира быстро и деловито, пробежал на изящном автомобиле Михаил Васильевич Казаков — вице-президент Христианской Общины Всемирного Братства Духоборцев в Канаде, и дал распоряжение входить в поезд. Толпа стоявшая в ожидании, хлынула в полном беспорядке, чтобы захватить себе лучшие места и запрудила проход в вагоны. Слышались ссоры, пререкания и даже ругань. После шума, упреков и брани, пассажиры успокоились, поезд дрогнул и тронулся в дальний путь.

Петр Иванович Веригин — племянник вождя, управлявший мукомольной мельницей и Иван Иванович Подовинников — сын племянника вождя, управляющий конторой, провожали отъезжающих несколько станций с видимой надменностью своего «августейшего» достоинства и превосходства над смертными рабами, щеголяли по вагонам и кокетничали с молодыми женщинами и девицами.

Поезд мчался, везя «спасенных» из «вавилонского плена» — прерий которые тяжелым трудом были приведены в культурное состояние. Там люди жили, не смотря на жестокие холода, в довольно хороших условиях, довольствии и комфорте. Главные трудности были пережиты и вот, только что начали было отдыхать, как снег на голову свалилось это переселение и надо было покидать эту вольную просторную жизнь. Когда поезд вошел в провинцию Алберта, люди могли уже издали видеть ярко отражавшиеся на горизонте высокие горы в снежных шапках, стоявшие громадной стеной. Горы приближались с каждым часом и выростали все выше и выше. «Вот вам и Колумбия», говорили одни. «Ну как мы будем жить в таких скалистых горах, страшные они», говорили женщины. Старушка посмотрела на них и с укором говорит: «Все-таки, вы девочки, маловерные: слыхали ведь Гришину речь и опять так гуторите — грех на свою душу тянете. Наш ро-

димый кормилец Петюшка знает, что делает, ведь он всему миру голова». К вечеру наш поезд воткнулся в горы, как в туннель, и изгибаясь, как крупная змея, начал ползти в подножии гор, по берегу реки. Горы отрезали навеки взор на равнину, где глаза охватывают многомильный кругозор. Теперь этот народ, привыкший к равнине, находится в трущобах гор, как в глубокой бочке и не может видеть солнца раньше десяти часов утра и до четырех часов вечера. Многие и очень многие, смотря на эти величественные скалы, заметно приуныли и призадумались. На живших в прериях, эти горы наводили просто страх: казалось, что и дышать свободно было трудно.

В Кутней Лендинг нас высыпали из вагонов и погрузили на пароход. Отсюда до Нельсона мы плывем по озеру Кутней. Народ суетится на палубе и любуется такими же громадными горами и озером, вода которого чиста, как кристал. Город Нелсон рассыпан и пригромоздился, как мухи на стене, по складкам гор. Картина на первый взгляд довольно печальная. Из Нелсона до Бриллианта, за неимением достаточного количества вагонов, часть народа ехала в грузовых вагонах и вот наконец-то наши странники достигли желанной цели!... Все наше стадо было распылено по приготовленным селам, состоящим из двух больших двухэтажных домов и пристроек, по 50 душ в каждый дом. Весь багаж был свален на потолках зданий, так что в случае пожара все подлежало уничтожению. Эти 50 душ кушали за одним столом.

В воскресенье состоялась торжественная встреча новоприезжих старожилами, переселившимися несколько лет раньше. Обе эти большие группы были разделены рекой Кутней: старожилы и Петюшка стояли на стороне Утешения, а новоприбывшие на стороне Бриллианта. Над этой громадной рекой красовался только что законченный железный мост на цементных быках, по которому до сих пор еще никто не переходил. Проход был загорожен красивой голубой лентой поперек моста. Первое приветствие было сделано вождем. За шумом быстро бежавшей воды, дальностью расстояния и говором народа из нашей партии трудно было услышать слова, произнесенные Петюшкой. После этого приветствия, лента была разрезана и Петюшка со старожилами с громогласным тор-

жественным пением в бодром настроении духа, двинулся по мосту к новоприезжим. Радости не было конца: тут встретились родные и друзья, бывшие в разлуке несколько лет. Сколько восторга, и сколько слез и расспросов, обнимались и целовались, смеялись и плакали... Этот мост теперь облегчит переезд через страшную, особенно во время полой воды, реку потому что переправа до сего времени была крайне затруднительна нередко с человеческими жертвами. Петюшка в кругу подростков-детей шел позади толпы с видом спокойным и самоуверенным, одет простым крестьянином. К общему удивлению, народ-старожилы, мужчины и женщины, выглядели очень изнуренными: бледными и тщедушными. Казалось, что эти люди только что восстали из могил, где они не имели пищи несколько лет. Духом же они были гораздо бодрей наших новоприезжих, выглядевших как откормленный скот — все мужчины и женщины краснощекие и очень здорового вида.

Итак новоприезжие осели на «обетованной» земле и начали свыкаться с новыми условиями жизни: тяжело работать, пилить и корчевать громадные деревья. Пища очень легкая: суп и постный борщ. Для грудных детей и всех малюток диэта одна. Молока совсем нет. Народ, тяжело работая на таком легком корме, сильно изменялся: если по приезде человек весил 200 фунтов, теперь после четырех месяцев весит 160.

В скором времени от имени Петюшки пришли послы во главе с Петруней Аргатовым и передали: «С этого времени, люди не должны иметь по своим логовищам никакой посуды. Умываться должны на дворе. Чай нельзя пить и у кого имеется прибор для чаепития, предать уничтожению. Больным пищи по хатенкам ни в каком случае не давать, а водить таковых под руки или, если не может идти, то носить к общему столу». Послы заявили, что нарушителей этих заповедей, Петюшка будет выбрасывать, как собак из домов на снег. В то же самое время у Петюшки оказался русский чай, самовар и все принадлежности к чаю, доселе таимые от мира. Но и сам Петюшка не выдержал и в скором времени разрешил пить чай; заповедь лопнула как мыльный пузырь.

В этом же, 1913 году, был издан Петюшкой указ: освободить детей от употребления хлеба, а кормить их исключительно только одним постным супом. И вот что рассказывала

Татьяна Кабатова: однажды будучи кухаркой, она разделяла хлеб для взрослых (взрослым выдавалось по полфунта муки в сутки), по неосторожности уронила кусочек на грязный пол и хотела бросить его в ведро с помоями. В это время мальчик кухарки подбегает к матери и со слезами на глазах говорит: «Мамочка, миленькая, не бросай этот замазанный кусочек хлебушка в ведро, а лучше дай мне, я обмою его чистенькой водой и съем».

Итак, работа наростала, а пища все убавлялась. В декабре 1914 года был издан новый декрет: прекратить совсем печение хлеба, а варить «мамалыгу»: на 50 душ 4 ведра воды, четыре с четвертью фунта муки, одна свекла, одна чашка соленой капусты и один фунт картофеля. Все это БЕЗ СОЛИ. («Соль вредный элемент», утверждал Петюшка.) Бог свидетель — это сущая правда. Такая диэта, однако, имела место не везде, а только между смертными тружениками, отдавшими свою волю, деньги и жизнь. А в конторе, например, на Бриллианте где жил сам Петюшка, мамалыга составлялась из разных овощей, сушеных фруктов и на вкус была «веселей». Жившие там счистливцы не имели даже представления о тех ужасных бедствиях, которые переживали бедные люди, и когда некоторые рабочие осмеливались говорить о плачевном положении, то их сытые братья, работавшие в складах общины, смотрели на таковых с удивлением и презрительно укоряли их за маловерие и ропот на своего господина. Некоторые «достойные» родственники вождя в это время жили по отдельным дачам: имели коров и, в то время, когда на Утешении и Бриллианте больные и умирающие от малокровия дети, не имели капли молока, там кушали и взрослые молоко в достаточной мере. Такова была воля вождя.

Слово «мамалыга» почему-то надоело Петюшке и он приказал заменить его словом: «винегрет». Но от перемены слова суть пищи не изменилась. Был очень плохой год — урожай на овощи был плохой и люди переживали ужасное время. Люди при еде сильно потели. Начался понос. Веселые ребята в шутку предлагали новые костюмы для рабочих: продольные рубахи, чтоб удобнее выпускать «петюшкину мамалыгу». Оставаться в штанах становилось опасным. Так проходила жизнь в Колумбии.

Были участки, как Фруктовая и другие, где народ не переживал такого бедствия. У каждого рабочего был небольшой запасец денег. Когда к общей радости, Петюшка уезжал на прерии, то ночью рабочие отправлялись в Кястлгар, к вышедшим из общины духоборцам и к посторонним и покупали, по силе возможности, муку и другой провиант и этим немного поддерживали свое печальное существование. Были также не имевшие, ни одного цента из переселившихся ранее и не бывших на отхожих работах. Таковые с завистью смотрели на имевших. Пищу, купленную тайком на стороне, надо было кушать украдкой от общей семьи и тут-то была моральная гибель для детей: их приучали кушать тайком, чтобы другие не видели, и если иногда кто спросит детей: «Что вы кушали?» те, должны были лгать. В силу таких обстоятельств люди всегда радовались, когда Петюшка уезжал в прерии и жалели, когда он возвращался. Без него было немного свободней. В это же время «глаза» и уши» — шпионы Петюшки не дремали и по его возвращении докладывали ему всякий вздор: правду, а больше неправду — это создавало брожение среди народа. Однажды вышла такая шутка: в голодные 1914-15 г. в Колумбии, на большом общем собрании Петюшка заявил, что село № 5 (все села, как арестанты в тюрьме, были по номерам), где жил я, с общего согласия купило тайно десять мешков муки («ненужного хлама») сообща с вышедшими. Это была голая и черная ложь, которую едва ли сказал бы язык пьяного и потерянного человека, но Петюшку, хотя мы все знали, что он лжет, никто не посмел упрекнуть за такой грязный и подлый вымысел. Все стали рабски уверять, что мол, это родимый наш благодетель, неправда. «А я хотел было маленько наказать вас: не давать вам муки четыре месяца». Он даже обещал послать опричников — сделать обыск,но верно раздумал. Придя домой, все были поражены — в особенности сильно верующие в его божество, как мог он говорить неправду. Я в шутку сказал: «Должно быть мы брали эту муку, но все позабыли. Неужели Петюшка будет врать?» Старцы определили, что это Петюшка делал просто испытание нашей веры в Бога.

В 1920-м году был издан указ, включавший и рабочих на лесопильном заводе в Ково, а именно: «Все поголовно от

старого и до малого, должны вставать утром в пять часов на «богомоление»; а кто, по нерадению или маловерию будет оставаться в постели после сказанного часа и если таковых застигнут послы от Петюшки, то будут сечь железными прутьями и спускать по лестнице вниз головой. И бедные рабочие, после десяти часовой тяжелой работы, должны были вставать для этого богомоления, и вставали со скрытым ропотом. Бедных детей поднимали с криком: исключения не было никому. Богомоление состояло большею частью в чтении духоборческих псалмов, взятых из ветхого завета и не имеющих здравого смысла для просвещенного человека. Все эти псалмы каждый знал наизусть и читал сам, и слышал от других тысячи раз. Чтение псалмов не расширяло кругозора здравого смысла, а наоборот затемняло его. Псалмы повторялись как попугаями сидящими на сухой ветке отжитого и бессмысленного суеверия. На богомолении все должны были стоять и люди уставали хуже, чем на работе. Бабуня Самородина всегда читала длинные псалмы. Слушая ее, рабочие морщились от боли.

Такие приказы давались и в прериях, но там мало обращали на них внимания. Однажды в Каноре жители решили вместо запрещенного чая пить простой кипяток, и вот дошел слух до вождя. Он приехал и между прочим, спрашивает Машуню Чевельдееву — доброй души старушку, занятую стряпней почти все время: «Я слышу, что вы тут пьете чай?» «Нет, родимый Петюшка, чай никто не пьет, а рабочие ребята пьют кипяток», ответила Машуня. «Какой еще это кипяток?» с гневом возразил вождь, а потом добавил: «За каждый стакан кипятку они, проклятые, на том свете будут пить стакан кипящей смолы». После его отъезда Машуня все передала жителям и рабочим, но они продолжали пить кипяток по прежнему.

Кто сорвет в саду фрукт, отсохнет рука

В виду того, что садоводство в Долине Утешения Бриллиант Чистой Воды было не важное: сады молодые и площадь под садами не велика, а народу было много, то фрукты поедались, как говорится «глазами». Петюшка наложил запрет напоминавший библейский рассказ об Адаме и Еве. Заповедь гласила: «Кто сорвет хоть один фрукт, у того отсохнет рука».

Это было заявлено официально. Но все равно народ, в особенности молодежь в силу недостатка пищи и соблазна, срывала по божьей милости в ночную пору фрукты, кушала, и, хвала Богу их руки не отсыхали . . .

Однажды было заявлено: «Кто желает, может идти в долину Прекрасную кушать черешню». Мир, как голодное стадо, двинулся по полотну железной дороги за десять миль, заранее предвкушая сладость вкусной черешни. Но когда пришли, оказалось, что там только два дерева: они были уже оборваны для Петюшки и его партии. Счастливцы сидели, весело смеялись и кушали черешню, а огромная толпа, окружив их, смотрела, как лисица на виноград, как они сладко кушают. Правда толпа была не без дела: она пела псалмы и стихи для увеселения пирующих . . . К вечеру все возвратились домой, не попробовав ни одной ягодки, с пустыми желудками и больными ногами от похода. .

По приезде в Колумбию, молодежь, после полной воли в прериях, чувствовала себя очень стесненной. В одно воскресенье, ребята пошли посмотреть железный мост около Кястлгара —две мили от Бриллианта, по которому проходят поезда через реку Колумбия. Узнав об этом самовольстве Петюшка сильно ругал молодежь называя ее «проклятой».

Не смотря на все речи, беседы, и проповеди Петюшки, между духоборцами шло подпольное брожение и ропот на трудности общинной жизни. Люди устали от недоедания и ссор. И вот, чтобы пресечь жалобы, в особенности зимой, когда было больше досуга, Петюшка установил в зимнее время порядок: если кто желает посещать по воскресеньям, друзей или родных, должен ходить босиком. И даже это не остановило людей: они ходили босиком и толковали о своей бедной доле. Эта заповедь касалась и тех, кто ходил в общий дом на «богомоление». А некоторые села были в четырех милях от дома.

В Колумбии большое изобилие снегу — падает комками величиной в орех, очень пушистый и красивый, как хорошая вата. Все пни имеют белые шапки в 2-3 фута толщины. В один прекрасный зимний день пришлось и мне быть на богомолении. Народу было много: часть босиком, а часть в обуви. Когда закончилась литургия, Петюшка начал пропо-

ведывать и делать замечания что многие, не смотря на его благие советы, все-таки не исполняют их, а потом указал: вот например на этом собрании, я вижу и благодарю всех, кто пришел босиком, а тем, кто в обуви, скажу: «Вы проклятые собаки, не слушаете голоса Христа и можете погибнуть в непослушании». Обратившись к Петру Казакову он сказал: «Тебя, Петруня, я считал за друга и хорошего человека, а ты пришел обутым». Тот ответил сконфуженно: «Петюшка, у меня сильно болят ноги и я побоялся: если пойду по снегу, они станут ломить пуще». «У тебя нет веры в Господа», упрекнул Петюшка.

Во время этого разговора, все, кто был в обуви, начали снимать ее. Некоторые корчились, морщились и даже шепотом выражали недовольство, но все-таки разувались. Это смягчило Петюшку и он заговорил добрым тоном. Как бы гипнотизируя массу, он сказал: «На одном из таковых собраний может случиться, что будет лететь Господь с ангелами и, уверяю вас, что все, кто будут босиком и без шапок, поднимутся и полетят с ними, а кто будет в обуви, останется и погибнет. А кто пожелал бы снять обувь, не сможет, потому что она прирастет к ногам». Такому абсурду кажется и дети не могли бы поверить, но мужчины и женщины делали земные поклоны и просили простить их за то, что были обуты. Собрание закончилось в полном мире, мелодичным пением псалмов и стихов и все пошли домой босиком. Имевшие обувь несли ее под мышкой в руках. По пути некоторые слабые здоровьем обулись, а большинство достигло своих домов босиком и чувствовало себя счастливыми. Некоторые жаловались, что их ноги окоченели и ничего не чувствуют — как деревянные . . .

Почти во всех случаях, люди выходили из общины не потому, что они были недовольны лично Петюшкой, который по причине, только известной ему, сделал очень радикальное изменение своего плана и утвердил план в Колумбии по которому начали строить настоящие громадные казармы, вмещавшие до 70-ти душ. Полное отсутствие гигиены: канализации не было, уборные далеко от дома. По ночам нечистоты хранятся дома или выбрасываются в окна. Зловонье наполняет жилье. При заболеваниях обращаться к докторам воспрещалось. В общинной лавке продавалась вода из речки, которую

покупали вместо лекарства — это был совет Петюшки — так лечить людей. Система рабская и люди, не имея своего собственного сознания и желания жить общиной, ссорились между собою. Были, хотя и редко, драки. Причин к ссорам было множество: одни работали честно и старались поставить общину на здоровый фундамент, другие просто отлынивали и вус не дули. Иногда преданные рабочие делали замечание: «Почему не приходили на работу вчера и так поздно пришли сегодня — у нас уже рубашки мокрые от пота». Лентяи отвечали с насмешкой: «А вам какое дело, не приходили бы и вы!» Это сильно раздражало честных тружеников и они-то большей частью и уходили из общины. Злоба из-за женщин, детей и тысячи других причин. Словом, жизнь в общине была рабская: члены представляли из себя «живые номера» или «пешки», не имеющие обсолютно никакого права. Неволя, недостаток, обоюдная злоба, превращали жизнь в кромешный ад. Каждый год делалась «перетруска»: люди, дожившись до такой злобы, что дальше жить уже не могли, искали по другим селам друзей и родственников, сходились с ними и таким образом вражда охлаждалась, по крайней мере на время, а потом снова возникали ссоры и опять новая перетруска. За все эти адские муки, люди чаяли получить награду от Бога на том свете — по английской поговорке: «Гет пай ин да скай» (получишь пирог в небесах).

Мне попалась моя записка, которую я сделал при смерти моей матери. Вот она: «20-го апреля 1916 года, село № 5. Почти весь день просидел я у постели моей доброй умирающей матери. Стук, гвалт, шум, крик детворы, потрясал воздух во дворе так, что звенело в ушах. Невольно является чувство недовольства на эту систему скученной жизни, куда нет доступа покою и тишине, которые дают отдых мысли и возможность тихой кончины земной жизни. Может ли человек представить себе больший ад, чем эта суета сует?!»

Превращение молодежи в умственных уродов

Много на свете людей с разными характерами, мыслями, пониманиями и стремлениями. У одних есть наклонность к просвещению, развитию, к братству и равенству. У других — полнейшая апатия ко всему прогрессивному, грубая развра-

щенность мыслей, невежество и индивидуальность. Эта замкнутость и индивидуальность чувствуется среди наших духоборцев почти везде, тем более в нашем поселке, в Тагум.

Вот уже несколько лет, как здесь образовался духоборческий поселок, ничего у нас нет общего, связывающего нас в одну братскую семью. О русской школе хоть и не говори, ответ один: «Наши деды прожили, слава Богу, безграмотными, а потому и нам можно без этого обойтись». Пьесы, спектакли — «все это чертовщина». Газеты — «все брешут, ни одна газета правды не говорит».

Ну, так что же прикажете подать в наследство молодому поколению? «А они сами без этих пьес и газет знают, что делать».

Так и есть. У современной духоборческой молодежи чувствуется тупое отвращение ко всему прогрессивному и время проводится без пользы. Стоит прислушаться к разговору (в любом месте) молодых духоборцев. Тема одна и та же: девки, заработок, пьянство, а о нравственном воспитании, о культуре, самообразовании . . : ни, ни. Это — «чертовщина». Всякая прогрессивная идея отходит на задний план.

Конечно, есть и среди молодежи некоторые, проявляющие инициативу к созданию школ, библиотек, которые считают образование необходимым. Но их мало, и натолкнувшись на оппозицию, они также впадают в обломовщину. Всему этому причиной является воспитание. С малолетства нам, молодежи, внушали, что грамота «не нужна. Учитесь читать псалмы, петь стишки» и т. д. А школа — это ерунда. «Учитесь в школе Божьей природы, которая даст вам познание о божественной красоте вселенной».

Вот этим заглушали наши младенческие головы. Учили же нас псалмам такого рода:

Сами мы не знаем
Люди нам не скажут
Как нам жить - прожить
На сырой земле.
Сказали нам люди: умрите,
Трубного гласа ждите.
Когда трубы вострубят,
Мертвых возбудят,

На суде стоять
Ответ Божий держать.
Не предай нас, Господи,
В иудейские руки
Запиши в животную книгу
Пока мы живы
Врагам в руки не дадимся
На Господа сположимся.

Такими бессмыслицами нам забивали головы. Вместо умственного развития нам преподавали вот эту чертовщину. И это действительно чертовщина, потому что натравливает одних на других. Нас заставляли верить, что по какому-то звуку медной трубы будут подыматься сгнившие тела мертвецов.

Другое, что не располагало нас к науке — это физическое недоразвитие, питание, игры, одежда, развлечение.

Помню, когда мне было 13 лет, отец мой чуть-чуть не сделался было поэтом в угоду П. В. Веригину. Он сочинял стишки и прилаживал мотивы. Это было зимой, на дворе был большой снег. Помню одну лунную ночь в особенности. Соседские ребята ушли кататься на санках. Как хотелось мне пойти с ними, но нет, ты не смей. Сиди и зубри стих —

Прославляем вас с победой
Вождя нашего полка и т. д.

И этак прорепетируем до 10 — 11 часов ночи. Потом спать. И так ежедневно: стишки, псалмы, заповеди вроде вот таких стихов —

До двенадцати лет мальчик
Должен быть в «одной» продольной рубашке
Ноги босиком, голова открыта.

Кем издавались, сочинялись все эти псалмы, стихи и заповеди, — нам не говорили. А только зубри, пой, исполняй беспрекословно. Нашей обязанностью было до 12 лет носить «кимоно», есть мамалыгу и т. д. и т. п.

Воспитываясь в такой атмосфере и при таких условиях религиозного и деспотического давления мы очутились в очень плачевном положении. Но еще не поздно, всему бывает конец. Так пусть будет конец и нашему незнанию. Возьмемся за работу, молодые духоборческие силы! Прочь предрассудки! Мы знаем, что «ученье свет, а неученье — тьма».

Это мудрое изречение будет нашим лозунгом. Мы разъединены, у нас нет сплоченности. Но она у нас будет. Примкнем к нашему родному Прогрессивному Обществу Духоборцев и будем бороться за всемирное братство и свободу.

Василий Верещагин
Тагум, В. К.

«Канадский Гудок»

Станция Веригино, Саскачеван, Канада
январь 1-й 1908 г.

Ивану Ивановичу Горбунову
От Петра В. Веригина.

Милый и дорогой друг Иван Иванович!

Писмо ваше я получил. За привет ваш душевно благодарю, спаси вас Господи.

Шлю взаимно и вам и передайте всему вашему семейству и всем друзьям, искренний поклон с пожеланием всех благ от Господа.

Книгу «Духоборцы», также получил, и вы говорите, что выслали этой книги 400 экземпляров. Я думаю, что вы это сделали напрасно, потому что для всей духобории довольно было бы одной книги, или самое большее, две — на случай, если одна затеряется.

Под книгой я разумею живого человека и потому думаю, что для такого небольшого количества людей сколько духоборцев, довольно одного человека-проповедника, чтобы он сделал полезное дело. И книга одна, если с нею осторожно обходиться и со вниманием и любовью читать, принесет полезное влияние. А если расчитывать, что книга может затеряться или попортиться, в таком случае количество не спасет — можно изорвать сотни книг и ни одной не прочитать. И надо вам откровенно сказать: духоборцы ведь НЕ ЧИТАЮТ книги, хотя друзья с большой заботой и расходами присылают их.

Люди из нашего общества, если и выписывают от вас книги — это простые «ШЕРАМЫГИ», то-есть люди не определенного типа — облака, передвигающиеся по первому дуновению слабого ветерка. Такие люди, где бы они ни были, не замечают того, что злоупотребляют большой ценностью. И часто можно наблюдать, человек выписывающий книгу на второй или третий день отрывает листки и ходит в сартир.

В прошедшем году у нас большой неурожай хлеба — всю пщеницу побил мороз, около двухсот тысяч бущелей. И вот если бы вы вместо 400 книг прислали нам 400 пудов пшеницы, это было бы гораздо полезней и приятней. Я это говорю к

тому, что человеку надо сообразоваться с обстоятельствами в жизни. Например: если бы для квартиры не хватало бы дров и в зимнее время было бы холодно и домохозяева уставляли бы комнату дорого стоющими трюмо и пианино, мне, кажется, это было бы не благоразумно.

Еще уведомляю вас, я оставлял вам сто рублей для высылки книг в эту сумму — кажется, просил включить и пересылку. Теперь мы получили накладные, что книг выслано слишком на триста рублей. Чем это объяснить? Это говорит за то, что вы не дорожите книгами. Я, повторяю, смотрю на книгу с другой стороны. Вы так наивно ставите условия: что если 400 книг не разойдутся, то чтобы прислали обратно. Мне кажется, их выгодней бросить в печку чем пересылать так далеко, благо вероятно, ваш станок работает хорошо. Разве вы не слышали: вокруг вас люди умирают с голоду а вы все печатаете книги. СТЫДНО!

Сейчас я занят очень обеспечением на годовое продовольствие хорошей пшеницей всей нашей общины. Дело в том, что в области Принц-Алберта, пшеница сохранилась от мороза. Тысяч 20 бушелей — бушель 60 фунтов, есть излишки у наших же братьев, живущих в Принц-Алберте. Еще надо было подкупить тысяч тридцать, и, слава Богу, мы почти закончили это важное дело и у меня делается на душе покойней. Овес и ячмень вышли удовлетворительно, но все-таки прошедший год отразился очень тяжело на нашей жизни. Это все более и более убеждает меня, что значит насущный хлеб для жизни человека.

Целую вас братски.

Петр В. Веригин.

Это письмо писал я под диктовку покойного вождя Господнего и оно показывает, как духоборческие вожди смотрели на образование.

Письмо Грише В. Веригину от Ивана Гр. Бондарева

3-го марта 1929 года

Дорогой друг Гриша!

По некоторым причинам мне не пришлось поговорить с тобой близко в бытность твою на нашем участке. Очень жалею. Вчера был на собрании в славянской школе и слушал твою книгу, которую имею честь и случай слушать уже 2-й раз.

Книга с таким содержанием является исторической ценностью. П. И. Бирюков прав, говоря: «Первый раз услышал такие подробности из духоборческой истории. Будущее по-

коление, прочтя эти не прикрашенные исторические факты относительно нашего отказа от воинской повинности в целях достижения мира на земле, содрогнется и прославит своих предков».

От себя скажу, что книга твоя является нерукотворенным памятником нашим борцам за свободу, к которому не зарастет народная тропа. Надеюсь, что ты сумеешь выпустить ее в свет. Средства для издания наберутся из народа, хотя в народе накопилась горечь из прошлой жизни, которая очень тяжело на нем отражается. Это — тоже факты и печальные, почти душу-режущие при воспоминании о них. И всякая охота помощи отпадает у людей. Не потому, что люди питают до сих пор злобу к прошлому, а потому, что они видят ту же несправедливость в своей среде, какую они видели в среде тех, с кем шла борьба в далеком прошлом.

Например, в твоей книге описаны все детали и события мученичества наших братьев в борьбе за свободу и равенство, инициатором которой был Петюшка и его родные братья. Люди верили, слушались и шли на мучения, отказывались от повиновения начальства, учившего их убийству. Когда эти люди достигли желанных результатов, они стали верить еще больше и следовать прилежнее, свидетельством чему является общинная жизнь духоборцев. Но странное дело: люди, перенесшие по 80 ударов розгами от палачей, не могли перенести отношения своих учителей к ним. Приведу доказательство того, что эти строки справедливы. Помню я, когда Каныгин Николаша приезжал к нам в гости в Колумбию, к своей родной сестре (он фармер). Узнав об этом, администрация общины, во главе, которой ты знаешь, кто стоял, не дала сестре Николаши Каныгина и ее мужу, муки на пропитание. Не дисциплинарный ли это батальон? Отняли труд бессильных и обрекли их на голод. Тюремное начальство в России хоть и измывалось над бедными мучениками, но все же кормило их. А помнишь случай, когда Алешу Рыбина выкинули из общины только за то, что вез в Спокян мальчика, которого он хотел спасти от вечного инвалидства? Помнишь, когда вместе с Рыбиным выгнали из общины и меня, когда у меня умирала жена и я ее повез спасать к доктору в Нельсон? Повез ее с разрешения «начальства» (Кутняка), который потом оклеветал меня, как предателя. И вы это допустили. Помнишь ты, вероятно что меня тогда выгнали на произвол судьбы в возрасте моложе тех страдальцев, о которых написана эта книга? Выгнали без денег, с женой в больнице, есть нечего и платить докторам не было чем. Выгнали потому, что это хотелось сильным, а сильным тогда был кто?

Я помню очень хорошо (и этого я никогда не забуду), когда меня выгнали прочь, жена в больнице, денег ни копейки, жить негде. Пришел я в Нельсон к реке и плачу: что делать? Работу было достать трудно. Просидел я несколько часов, есть ужасно захотелось, побрел я искать пищи. Не батальон ли это?

Ходил, ходил, пришел к Петюшке и плачу: — Петюшка, простите, я молод, не опытен и у меня денег нет. Помогите...

— Не прощу, ступай... Таков был ответ Петюшки.

И вот, как ты думаешь, Гриша, нельзя ли написать еще одну книгу из теперешней истории «борцов за истину» и как они живут между собой. На людей мы кричим и так и этак, свободы давай, равенства. Мы борцы за христовы истины. Но мы только кричим. На деле же мы — те же тираны и немилосердные властолюбцы.

Не выдержал я тогда и написал книжку об этом мракобесии и держу ее у себя до сих пор. Вчера, когда ты читал свою книгу, пришло мне все это на память, пришло на память еще многое другое: вспомнил я, когда Петюшка разбил голову моему отцу, за то, что он не так скоро своротил с дороги, когда Петюшка ехал в коляске на Бриллиант из Утешения...

Припомнил я, когда били на Бриллианте Тромских Федоров, Сухоревых, когда те пытались пройти в гости к своим родственникам на Бриллианте. Вспомнил также я один из самых мерзких поступков «Настасьи Божьей», во время голодовки в 14-м году. Случилось мне быть в ее доме и она сидела и обедала блинцами с маслом и английским желтым сыром, в то время, как голод и мамалыга одолевали наше население Британской Колумбии.

И «Настасья Божья» даже не заикнулась, чтобы пригласить нас на обед...

Помню также, что малейший ропот по поводу голодовки вызывал целые потоки брани со стороны ВЫСШИХ по адресу роптавших... И много, много вспомнилось мне в этот день, чего не перечтешь в этом письме. И я решил написать это письмо тебе.

Пишу я не с той целью, чтобы вызвать в тебе злобу, но чтобы ты сам посудил, чего добились духоборцы своими страданиями в прошлом: снаружи все красиво блестит, но загляни внутрь и увидишь, что все — суета сует. Раньше чем создавать равенство где либо в другом месте, создадим его в своей среде.

Не говорю я этим, что наше переселение в Канаду, не является плодом добродетели наших вождей, но последствия очень плачевны и даже несчастны.

Почему англичане считают нас ЧЕРНЫМИ? Только по-

тому, что мы раболепны, а наши передовые люди — раболюбители. Лишь только удалось заручиться доверием народа, как повторяется то, с чем мы в прошлом боролись. Например, история с свободниками в Колумбии или их новое движение. Разве здесь не просачивается желание затемнения народных масс в ЧЬЮ-ТО ПОЛЬЗУ? Отуманивают слабые головы под лозунгом свободы, спекулируют на народной простоте и доверчивости, для того, чтобы создать себе лавры для беззаботной и веселой жизни и венок славы.

А бедные люди только отдуваются и приносят жертвы, а в последствии подставляют морды под чей-то кулак.

И вот вдумайся хорошенько в это и придешь к заключению, что выше современной культуры не уйти нам невеждам. Хотя мир нельзя назвать прекрасным, с его массой ошибок и обмана, но ведь культурные люди скорее видят этот обман, чем мы и потому найдвт средства для его искоренения. Нужно учиться и помогать учению, но никак его не затемнять, как это делают наши передовики и делают свободники по «чьему-то капризу».

Повторяю: я не ссорюсь с тобой, а только беседую.

Остаюсь с уважением к тебе.

Иван Гр. Бондарев.

«Канадский Гудок»

Иван Г. Бондарев один из интеллигентных духоборцев «самоучка», живший несколько лет в общине П. В. которую он, как и масса других, был вынужден оставить.

Будучи уже независимым, Петр Петрович — последний вождь, призвал его на службу и он работал для «Именованных духоборцев». Бондарев, находясь долгое время при П. П. увидев его жизнь и проступки и будучи побуждаем чувством справедливости и жалости к духоборцам, составил было книгу для печати под названием: «Мрачная Тень Иоанна Грозного» и подробно осветил все стороны анти-христианских актов вождя.

Когда П. П. узнал о трудах Бондарева, то решил во чтобы то ни стало похитить это сочинение и для этой цели назначил своих друзей по бутылке пробраться в дом Бондарева и украсть рукопись. И когда, семья Бондарева была в отсутствии, эти господа забрались в дом, но к их удивлению, там оказался сторож-полицейский, помешавший им исполнить поручение вождя и для того, чтобы скрыть себя они избили до полусмерти сторожа.

Интересно то, что в это самое время П. П. и Бондарев были наружно в самых лучших дружеских отношениях.

Потом узнали преступников и когда судили их, то в их защиту выступил юрист Макаров (также друг Бондарева), работавший для вождя, и оправдал бандитов.

Вот, судя по этому случаю, можно вполне допустить, что утверждение Маргаритова о вождях в Таврической губернии, могло быть справедливым. Очень жаль, что в силу обстоятельств книга Бондарева — такой ценный материал — осталась бесплодной.

Письмо С. В. Верещагину от Антона Щербака

Друг Семен Васильевич!

Вы обратились с просьбой в редакцию «Великий Океан» прийти на помощь духоборческой Общине, которой вы состоите депутатом и напечатать на страницах этой газеты ваше воззвание к «Вильяму Блякмур и гражданам Канады», к которым вы обращаетесь за помощью в вашей борьбе с канадским правительством. Мы, редакция «Вел. Ок.» знаем наше место, мы знаем в чьих рядах нам надлежит быть, когда человек с голыми руками единоборствует с диким зверем. Мы знаем, в чьих рядах нам быть, когда несколько тысяч русских крестьян борются за свободу своих убеждений с целым правительством Канады. Мы знаем, что наше место в рядах угнетенных и оскорбленных, ибо их угнетение и есть результат несправедливости теперешнего общественного строя, где «право сильного» есть единственная основа отношений человека к человеку. Не признавая такой порядок, жизни за справедливый, мы и идем в ряды не победителей, а побежденных, дабы помочь им сбросить этот варварский пережиток жизни: «право сильного» — насиловить другого человека. Вот поэтому мы с удовольствием и печатаем ваше письмо на первой странице «Вел. Ок.» Теперь редакция «Вел. Ок.» позволяет себе обратиться к вам, как депутату Духоборческой Общины, за разъяснением. Давно уже идут упорные слухи, что все нажитые духоборцами капиталы и земли Петр В. Веригин переписал на свое единоличное имя. Мы и позволяем через вас, брат С. В. Верещагин, обратиться к Петру Васильевичу Веригину, дабы тот во избежание наветов всякого рода — ясно и коротко опроверг все эти слухи, вредно отражающиеся на добром имени самого П. В. Веригина, так и бросают тень на чистоту тех великих принципов, которые заложены в основу коммунизма духоборческой общины. А опровергнуть эти позорящие слухи можно не словами, как это делает И. Е. Кон-

кин в своем письме, присланном в редакцию «Вел. Ок.» от 29 сентября сего года, а опубликованием того самого документа, о котором И. Е. Конкин говорит в своем письме, отвечая на вопрос: «Все нажитые нами, Духоборцами, капиталы и земли Веригин переписал на свое единоличное имя и в случае его смерти — его жена и сын, легко могут получить эти капиталы и земли и разорить всех духоборцев». И. Е. Конкин отвечает на этот вопрос так: «Об этом мы просим не заботиться, потому что у нас на это есть полное законное завещание Петра Веригина, засвидетельствованное правительством, что все земли, купленные П. Веригиным, принадлежат всецело Духоборцам общинникам». Вот и следует опубликовать это «полное законное завещание». Редакция «Вел. Ок.» с своей стороны предлагает свое услуги для этого. Стоит только прислать нотариальную копию этого завещания в редакцию «Вел. Ок.» — она будет помещена на страницах газеты и всем слухам и наветам тем и будет положен конец. Вы, конечно, понимаете, что редакция «Вел. Ок.» является заинтересованной лишь в благополучии тех семи тысяч крестьян, которые и составляют всю Духоборческую общину. Других целей у нее нет — она и здесь продолжает свое дело — стоять на стороне «угнетенных и оскорбленных», которыми и явятся эти семь тысяч русских крестьян, если такого завещания нет.

Остаемся в ожидании вашего ответа.

Редактор «Вел. Ок.»,
А. Щербак.

ТРИ СУЕВЕРИЯ

Поцелуй в христианской религии играет большую роль. Поцелуем темные люди выражают свою готовность подчиняться всем требованиям представителей господних на земле. При исполнении так называемого «правосудия» во всех судах всего христианского мира обвиняемых, истцов и свидетелей заставляют целовать библию, которая в это время представляет символ самого Бога. Библию, как поповскую руку, статую или изображение святых, целуют разные люди: здоровые, сифилитики, чахоточные, больные трахомой и иными заразными болезнями. Таким образом эта религия является не только источником невежества, но и рассадником болезней. Христианин верит, что статуя обладает свойством удовлетворять человеческие просьбы — молитвы, если только хорошенько ее попросить и не полениться перекреститься лишний раз. Но не только православные обожествляют статуи и другие пред-

меты: все христианские секты разных толков верят в фетишей (божественные предметы). Помню, когда я был еще юношей, жил на Кавказе, в селе Ефремовке, на поминальные дни духоборческих вождей к месту, где они были погребены, стекалось много народа. Туда шли и ехали со всех сел, чтобы отдать честь своим почившим вождям. По окончании литургии вся эта толпа начинала обходить надгробные камни (памятники), отдавая каждому камню два земных поклона и целуя его, а после поцелуя отдавая третий поклон. В этих трех поклонах разумелось: отцу, сыну и святому духу. Когда я подошел целовать этот памятник, то место, в которое чмокали долгое время засаленными губами, было настолько грязно, что было противно целовать.

Христианин умилостивляет своего Бога поклонами, поцелуями, молитвами, постом (часто невольным) и крестным знамением, а дикарь просит проще: на, мол, боже, (подносит жертву) и пожалуйста услужи мне за это. Дикарь не считает поцелуй верным средством. Самое дорогое для него — пища, которую ему трудно добыть. Поэтому он и подносит самое дорогое своему богу. Но за то дикарь, по крайней мере, обеспечен от заразы, совершая свое глупое «богослужение». В 22-й день первого месяца еврейского календаря — Тишире, еврей празднует «симхастра» (веселые Торы). Это единственный праздник, когда евреи могут напиваться до «чертиков» во славу Божию. Праздник этот, обыкновенно, празднуется в синагоге, где, помимо попойки, устраивается особый марш вокруг синагоги с Торами в руках, причем все зрители обязаны целовать каждую Тору, которую проносят мимо них, выражая этим свои верноподданические чувства господу Богу.

Поцелуй и в иудейской религии играет большую роль. Еврейский бог — злой бог. Вместо икон он требует, чтобы в квартире у каждого правоверного еврея была на дверях прибита «мезуза» — род молитвы в жестяной обделке, которую при входе и выходе все обязаны целовать, эта «мезуза» также охраняет квартиру от нашествия «нечистой силы». «Лапсердак», молитвенные принадлежности, святые книги — все это должен еврей целовать. Можно сказать, что правоверный еврей с утра и до вечера только и делает, что усердно целует своего бога... Это доказывает, что как бы христиане

и евреи не кичились своей цивилизованностью, они, в религиозном отношении, стоят на одной ступени с дикарем. Нет никакой разницы между фетишем дикаря и фетишем еврея и христианина.

Это также доказывает, что религии не просвещают человека, не дают ему знание, а наоборот, заставляют его быть невеждой и не дают ему возможности перестать мыслить как дикарь.

По приезде Петра В. Веригина в среду духоборцев в 1903 году он отменил целование. «Святые камни», мол, остались за океаном. На короткое время духоборцы оставались чисты в этом отношении. Но с приездом Чистякова, в 1927 году эти традиции были возобновлены целованием друг друга, при литургии, многие не прочь поцеловать и надгробный камень П. В. Веригина.

Религия является источником невежества, мрака и отвращения, ибо она заставляет человека верить, что камень, дерево, пергамент и много иных неодушевленных предметов, являются чем-то вроде передаточной станции между землей — обиталищем людей и небом — резиденцией Бога.

По этому вопросу автор данной статьи считает, что недалеко то время, когда наступит «чистилище» и очистит весь хлам и нечисть, которые веками свивали гнездо в сердцах наивного народа. Потому что религия — источник рабства и порабощения человека человеком, и чем скорее человек откроет свои глаза, тем скорее он станет свободным гражданином всего мира.

В. А. Макасеев. Бенито, Манитоба.
«Канадский Гудок»

Г. Окулевич отвечает Грише Веригину

На днях редакцией «К.Г.» было получено из Эрровуд, Алта. от Г. Веригина «младшего брата Петра В. Веригина», как он сам подписался, письмо, в ответ на приглашение духоборцев на Третий Съезд РРФК. За приглашение делегатов, как водится Г. Веригин благообразно поблагодарил и отказался прибыть на наш съезд. (А если бы и согласился прибыть, он все равно не мог бы, ибо 3-ий съезд окончился полтора года тому назад). Отказ свой он мотивирует тем,

что возможно у нас «откроется» (в 1932 году) революция. Дальше Г. Веригин излагает историю духоборцев и их идеал. «Сорок лет, как мы ведем борьбу против милитаризма, — пишет Г. Веригин — и теперь мы хорошо знаем, что вести ее нужно не насилием...» (не сказано, чем — Г. О.). Поистине Осип из фельетона комсацкого корреспондента Н. Н. Попова пишет о своих «достижениях». Всякое даже небольшое насилие человека над человеком — поясняет Веригин, — будет противоречить учению Христа» (следовательно и учению духоборцев, называющих себя прямыми его преемниками). Этот вопрос, конечно, еще не разрешен для посторонних, ибо «прямых» преемников Христа хоть пруд пруди в каждой секте. «Если один человек убивает другого, — продолжает Г. Веригин, — это противоречит гуманизму. Если люди эксплоатируют людей, это противоречит гуманизму. Если правители с древнейших времен вели массы людей для разорения соседних стран, это противоречит гуманизму. Если миллиарды седних стран, это противоречит гуманизму. Если милиарды рабочих бедных людей объединятся и станут убивать эксплоататора, это противоречит гуманизму». Следует заметить, что Г. Веригин недостаточно далеко пошел в определении гуманизма, отделываясь лишь словами «убивать, убийство, убить». Я беру смелость продолжить его логическую мысль дальше. Рабочим не нужно бастовать за повышение зарплаты, зверскую эксплоатацию и издевательства, ибо это насилие над хозяином, а такое насилие противоречит гуманизму. Безработным нельзя требовать у правительства хлеба, молока для детей, ибо это насилие и противоречит гуманизму. Фермеры должны брать своих детей на спину и идти из дома, не оказывая сопротивления продаже ферм и имущества, ибо это противоречит гуманизму. Хулиганов нельзя останавливать в их преступлениях, ибо это противоречит гуманизму. Детям нельзя прививать оспу, вырывать зубы, ибо это — насилие. Бешеной собаки, кусающей и заражающей детей, нельзя убивать, ибо это кровопролитие. Да не будет ли самым отъявленным негодяем и убийцей тот человек, который будет проповедывать подобные «истины»? Не трудно догадаться, что такое учение выгодно только буржуазии для того, чтобы держать в повиновении и эксплоатировать темную массу. Прочтите, ува-

жаемый Г. Веригин, обращение 3-го съезда к духоборцам. Там, между прочим, сказано следующее: «Лозунг духоборцев «Труд и мирная жизнь», является существенным до тех пор, пока рабочее движение не допускает капиталистические правительства к кровавой драме и духоборцы могут мирно засевать свои поля, но все же большая часть их труда идет уже и теперь на рост вооружений буржуазных государств, которые лихорадочно готовятся к переделу мира и к кровопролитной войне. «Участие в будущей войне определяется не только непосредственным убийством, но и все население, производящее продукты, нужные для военных целей, как хлеб, мясо, овощи и одежду, является косвенным участником войны и убийства. Поэтому духоборцы не могут быть непричастными к войне, производя средства потребления для войск». Духоборческий лозунг, — «против убийства» до сего времени не проводился в полной мере в жизнь и заменялся преступным закрыванием глаз на убийства, для предотвращения которых ими ничего не делалось. «Высшим достоинством и долгом честного человека является самопожертвование для блага других, тем более для спасения и охранения жизни тружеников. Духоборцами эта задача до сих пор игнорировалась и не сделан ни один шаг, ни одно движение для предотвращения империалистической войны, не вынесен ни один протест против военных приготовлений империалистов, против милитаризации школ, против ограбления рабочих и фермеров, против попыток канадского правительства разжечь новый костер мировой войны».

Тут ясно указаны наши цели и наши стремления. ПРОТИВ ВОЙНЫ! А Г. Веригин точно тряпку жует, говоря о гуманизме, убийстве и т. п. Только больная или бессовестная голова может закрыть глаза на наши документы и дела и обвинять нас в убийстве и противогуманности.

В другом месте Г. Веригин перечисляя великих мыслителей, поставил там же П. В. Веригина, указывая, что П. В. Веригин боролся против насилия, пьянства, курения и употребления в пищу мяса. Возможно, П. В. Веригин и делал так, но его сын П. П. Веригин, борется с алкоголем, вином и игроками, уничтожая их своим собственным нутром. Так что теперешние мухи без зазрения совести сидят на рогах быка

прошлого и перед всем миром заявляют что «мы пахали», «наши предки Рим спасли».

То, что вы жуете теперь, уже многими пережевано давно. Если вы обманываете себя, то не обманывайте хоть других, ибо это является преступлением и не малым. Честные духоборцы собираются в настоящее время создавать духоборческий съезд и самим решить, как духоборцы будут поступать в будущем, ибо недостаточно хвастаться славными делами своих предков, а продолжать двигаться вперед. Уместно здесь будет выражение великого пролетарского писателя М. Горького: «В карете прошлого далеко не уедешь».

Г. Окулевич

7-го апреля 1934 г.

«Канадский Гудок»

РУССКОЕ СЛОВО

Открытое письмо Вожаку Русских Духоборов в Канаде Петру В. Веригину

Ноября 8-го, 1913 года

Нью Иорк, Америка

Я не сомневаюсь, что, как умный и развитой человек, поймете мое письмо и в вас забьется тревожное сердце и заработает мозг.

Я не сомневаюсь также, что вы перед людьми постараетесь остаться тем же величественным и важным пророком, каким рисуются надменные статуи надменного Будды. Вы скроете это письмо от ваших верноподданных крестьян, запретите читать «Русское Слово» (сами, конечно будете продолжать читать эту газету), скажете лишнюю проповедь о развращенности и суете мира сего и продолжите свою бесконтрольную и самодержавную деятельность в вашей общине, записанной на ваше имя, как ваша личная собственность.

Я все это знаю, но пишу. Хочу поставить вас на общественный суд под контроль десятков тысяч читающих и и вдумчивых людей.

Вы — старик и смерть ваша не за горами. Вы — миллионер, а ваши труженики — духоборы все нищие люди. Все общинное богатство — земли, скот, дома, штаны и платки записаны на ваше имя. Никто не обирает ваших верноподданных и детски наивных, безграмотных, маломыслящих духоборов,

как вы, Петр Василич!

Урок данный вашей подругой, Калмыковой, не научил вас осторожнее и бережливее обращаться с чужими трудовыми капиталами. Когда русское правительство, через родственников покойной Калмыковой, обобрало кавказских духоборов, вы вопили к нему, метали молнии и громы на царских чиновников. Тогда вы были правы. И мыслящая честная Россия и Л. Н. Толстой, все были за вас и любовались вашими оригинальными религиозно-этическими взглядами.

А теперь? А теперь вы повторяете грубую ошибку госпожи Калмыковой и, как она, собираете посевы духоборов в собственную житницу. Соберете, помрете и духоборы останутся теми же нищими духом и телом, какими остались они после смерти Калмыковой. У Калмыковой нашлись родственники — законные наследники; имеются они и у вас. Как **коршуны налетят они на имущество духоборов и расхватят его на самом законном основании,** как расхватали его на Кавказе.

Калмыковой можно простить ее преступление пред духоборами, но вам... После прежнего урока вы — новый и гораздо худший преступник пред обираемыми вами людьми. Они по глупости дают, а вы, по хищничеству и самодержавию берете.

Вы прекрасно понимаете, что бумажные завещания — не закон, который всегда останется выше завещаний. Не обманывайте своим завещанием темных и доверчевых людей.

Если вы — честный, умный и сильный духом человек (таким хочется представлять вас), то выберите из общины дюжину более развитых духоборов, составьте с ними перепись всего духоборческого имущества и запишите его на имя всей общины. Она выработала его, она и распорядительница им. Все ваши соображения о расхищении, о разделении — от лукавого. Если люди смогли добыть богатства, то смогут и умно распорядиться им.

Иногда вы гордитесь тем, что свое образование получили в ссылке от политических преступников — от лучших людей земли русской. Они сняли с ваших глаз повязку невежества и раскрыли пред вами новый мир новых грез человечества. Вы стали читать Достоевского, Писемского, Толсто-

го. Читать и радоваться, читать и лучше мыслить. Вы понимаете великое значение образования, которое поднимает человека, повышает его над другими животными земли.

Понимаете и, как царь, держите своих подданных в полном невежестве, не заводите школ, не допускаете книг, газет, а кормите их старческими песнями-псалмами, надрывающими и без того убогие их души. Сами, Петр Васильевич, читаете, наслаждаетесь и учитесь, а им, этим членам вашего стада, не позволяете иметь эту дивную радость жизни. Старики живут прошлым и чуют холодную могилу. Но молодежь, но дети... У них будущее еще впереди. Много горя подневольного труда, скорби и мук; зачем же вы обворовываете их на заре жизни? Зачем не снимаете с их глаз повязку невежества, как политические в ссылке сняли вашу повязку? Зачем мешаете великим мыслителям мира: Толстому, Короленко, Достоевскому, Спенсеру, Кропоткину, Дарвину и другим, говорить с детьми духоборов? Все дети любят книжки, картинки, карандаши и бумагу. Не будьте жестоким, не воруйте у них эту радость. Дайте им хорошие светлые, чистые школы, умные книжки и пусть они изучают весь мир с его бесконечными дарами и красотами; пусть они поймут этот «грешный» мир миллиарда таких же людей как вы, Петр Васильевич, и как эти горемыки — дети. Не ослепляйте детей! Они идут вам на смену творить иную, лучшую жизнь.

Вы — преступник пред детьми. Остановитесь, снимите пред ними вашу шапку и подумайте, подумайте своей недюжинной головой и впустите лучи света в вашу темную и забитую общину.

Стариков и старух можете кормить небесным, а молодежи нужно земное, здоровое, крепкое. Знаю, над скотом легче царствовать, чем над умными и развитыми людьми. Царь так и делает: он гонит все умное и самобытное; выгнал духоборов, выгнал политических, гонит печать, заключает в казематы мысль. Вы — царь. Не терпите свободных суждений и независимых от вас решений. Трудненько царствовать над людьми и вы без цента ГОНИТЕ ИХ ИЗ ОБЩИНЫ.

Жизнь ни вы, ни русский царь не остановите. Оба слабы и немощны. Струи света и воли пробивают всякие стены и заставы.

Если вы болеете об общине, а не о себе, то почему вы правите ею самодержавно? Почему кормите ее богами да моралями? Вы знаете, как исторически постепенно развивалось человечество, как оно по ступеням шло кверху, к солнцу, к знаниям. Знаете, а держите их в полуживотном виде, умерщвляете их тело и мысль.

Вы, как умный человек, не верите в богов и мораль. Зачем же кормить этой гнилью других людей? Отпустите людей на свободу. Дайте им здоровую пищу для тела и мысли.

Они работают физически. Не морите их голодом, искуственной диэтой; больны они, пусть врач лечит их; пошлите акушерку; внушите правила обычной здоровой гигиены. Собак, кошек лечат и вылечивают. Дайте врача людям.

Мне рисуется такая картина: Вы на смертном одре. Слаб и немощен. Тогда увидите печальные плоды вашего деспотизма. У общины нет пастуха и поползут слепые овцы в разные стороны, проклиная своего умирающего деспота. Слабые умрут за вами, а сильные выживут и устроят новую общину, близкую ко всей великой человеческой семье.

Иван К. Окунцов

ОТВЕТ ПЕТРА ВЕРИГИНА ИВАНУ ОКУНЦОВУ

Бриллиант, Б. К. 26-го января 1914 г.

Письмо ваше ко мне в № 329 «Русское Слово» я только что прочел. Был в Саскачеване, и когда возвратился на Бриллиант, мне предложили газету, довольно уже зачитанную, так вероятно с интересом духоборцы читали ваше письмо ко мне.

Я очень занят устройством жительства в Колумбии, и поэтому отвечу только на важные пункты вашего письма.

Вы, Иван Окунцов, стараетесь обличить меня, называя вымышленными именами, например: «царем», «деспотом» и т. п. Это говорит о вашем плохом воспитании и дурной манере. Ваша газета носит название: «Русское Слово» и если все станут говорить так по-русски, как вы часто выражаетесь в вашей газете, то от русского языка останутся только одни отбросы.

Самым главным пунктом вашего письма ваш вопрос: «А теперь?» Выше этого вопроса вы говорите: «Когда в

России у духоборцев возникло движение, то мыслящая честная Россия была на стороне моей т. е. Петра Веригина. А теперь?» На этот вопрос я должен провести хотя вкратце линию жизни духоборцев как политических борцов, начиная с 1887 года и до настоящего — «А теперь?» До 1887 года в Закавказье воинской повинности не было, и когда стали ходить слухи, что снова скоро будут брать солдат из Закавказья, духоборцы взволновались. Мне выпала честь быть в этом возрасте, чтобы идти в солдаты. Впоследствии я узнал, что мои года прошли до 1887 г. Все духоборцы в особенности молодежь, делали повсевместно частые собрания и обсуждали вопрос: «да» или «нет»... Идти в солдаты или нет. Как водится, в таких случаях из толпы оказывались: «за» и «против» и сразу пошли награды и доносы правительству. Я попал в первую голову подстрекателей против государственного строя... В 1888 году уже был в Шенкурске, Архангельской губернии. Через два года «за хорошее поведение» был переведен в Колу, а впоследствии в Обдорск Тоб. губ. (всего я пробыл в ссылке 15 лет и с первого дня до последнего вся корреспонденция моя была под гласным просмотром полиции). Через три месяца по моей дороге были высланы три пожилых старика и два человека средних лет. Улей духоборческой общины — загудел... В результате одна третья часть приняли присягу и клятвенно обещались идти в солдаты, две части повели борьбу не на живот а на смерть... Почти все мужчины были высланы из цветущих сел и разосланы по азиатским аулам. Несколько сот выселены в Якутскую область. Так много оказалось подстрекателей...

Слишком десять лет духоборцы вели ожесточенную борьбу с русским правительством. Имущество Калмыковой, о которой вы упоминаете, было простою мишенью на первых порах. Вопрос заключался не в этом мизерном имуществе, или вообще имуществе, а в нравственной жизни духоборцев — жить или помереть. Потому что на имя Калмыковой значилось имущество на пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей, а впоследствии расхитилось (имущество всех духоборцев на семь — на восемь миллионов рублей). Л. В. Калмыкова виновата, что держала на свое имя имущество; а за имущество в семь-восемь миллионов, кто должен отвечать?

В 1898 году духоборцы выселились в Канаду. Правительство отвело две тысячи гомстедов с лишком. И когда духоборцы узнали, что за казенную землю, по канадским законам, надо подписывать гражданство, сразу заявили: что подданство они — духоборцы ни в каком государстве не примут. Через три года я приехал в общину. Узнав в чем дело, я снова, допросив правительство, о законах страны, предупредил правительство, что духоборцы считают в своих понятиях вопрос о присяге — самым важным вопросом, и сделаться подданными британскому королевству не согласятся. Правительство дало уверение — оно обойдет этот вопрос в пользу духоборцев, лишь бы духоборцы были хорошими земледельцами.

И чтобы сразу показать, что духоборцам, оно, правительство дает особые привилегии, позволило троим доверенным от общины, записать слишком две тысячи гомстедов земли (это общий закон для всех С. Р.). Доверенные только представили имена мужчин от 18 лет. Шесть лет правительство терпеливо выжидало, что община духоборцев распадется. На седьмой — не выдержало, и объявило: «Кто не подпишет гражданства, потеряет записанную на него землю — гомстед». Улей снова заволновался. В результате одна пятая часть, соблазнившись разработанными общиной гомстедами, приняла подданство английскому королю и огражданилась.

Община во главе Петра Веригина приторговала в Колумбии около 20 тысяч акров садоводной земли и переселилась. А правительству община показала открытую «дулю» о подданстве... Это вам, Окунцов, ответ на вопрос «А теперь?» Правило духоборцев-общинников положительно вести борьбу против милитаризма — против военной системы. А для гуманной великой борьбы нужна обсолютная трезвость. И потому духоборцу строго воспрещается пить водку, есть мясо — так как мясо озверяет человека, и курить табак, как бесполезное одурманивающее, также воспрещается. (В России сотни миллионов бушелей пшеницы варится на водку, а люди вымирают с голоду). И потому если вы, Иван Окунцов, пьете водку, то оставьте, так как через это люди погибают.

Выходящие из общины подписывают присягу королю, едят мясо, пьют водку, курят и жуют табак, а женщины под-

вивают в свои волосы конские или других животных, чтобы пышнее была коса. Вы знаете, как развилась сейчас глупая мода — носить искусственные волосы. Я вас уверяю, каждый выходящий получает полную долю на свою семью из общины (? ? ?). За этим следит даже строго правительство, так как выходящие делаются гражданами и правительству не желательно, чтобы выходящие из общины были нищими. Кроме того, каждый выходящий получает обработанный общиной гомстед земли, стоящий, по меньшей мере, три тысячи долларов. Разберитесь, Окунцов, в этом вопросе внимательней... Насчитывая в общине или всех духоборцев — рабочих две тысячи человек, определяя на каждого по три тысячи долларов, это составит шесть миллионов долларов, а в общине на такую сумму имущества нет. Почему же выходящие вопят, что община им ничего не дает. Что нажили, получай и уходи спокойно.

Какими только заголовками пошленькой газеты хотят увлечь читающую публику во вражду против общинников: и «духоборцы в плену у Веригина» и «Веригин царь и деспот» и еще вроде этого... а на самом деле Петр Веригин простой рабочий человек, из рук которого не вывернется тяжелый плуг, лопата, а иногда и двухпарный скрых — это стальной корец, которым копают землю, когда делают дороги или другие выемки. (Хорошая идея без практики. С. Р.) И Веригин открыто может сказать перед рабочим миром, что я веду усиленную борьбу, защищая свою духоборческую общину от вторжения всевозможных паразитов-хищников, в рабочую среду-общину. И духоборцы в этом имеют большое преимущество перед другими социальными партиями, потому что духоборцы в редких случаях обращаются к фабричной надобности капиталистов, а стараются создавать, устраивать свою промышленность, и тем мало подпадают под гнет и эксплоатацию капиталистов. Вам, Иван Окунцов, лучше бы позаботиться о тех несчастных массах людей, которые сейчас по всей Америке в городах ночуют голодными на улицах на снегу. А вы теряете силу и время о духоборцах — сытых людях. В удостоверение могу сказать, что сейчас в общине имеется на круглый год всей провизии, начиная от пшеницы, овощей и другого съедобного. А также, хлебного корма и

сена для двух тысяч рогатого скота и лошадей в общине. (Порядок в общине осенью подсчитывать всю провизию на круглый год.) Я думаю, это хорошее обеспечение. Это вероятно потому, что духоборцы темный народ, а вожак их Петр Веригин деспот и варвар. Постыдитесь, Иван Окунцов, вести травлю на честных тружеников, которые в числе других, прокладывают дорогу для лучшей жизни человечества.

О том, что все духоборцы работают на Веригина, это явная ложь, потому что весь труд рабочих людей поглощается на содержание же где бы то ни было, не только в общине духоборцев. Например: в позапрошлом году в Колумбии община имела урожай картофеля сорок тысяч мешков и других овощей и фруктов не меньше, и что же, это все съел за год Петр Веригин... Если так полагать, то Веригин должен быть всепожирающим животным. Но на самом деле Веригин простой обыкновенный человек и получает равную долю провизии, как и все в общине и больше ничего и из-за него не стоит ломать перья...

Покупаемая земля записывается на мое имя — это потому что я, Петр Веригин, состою официально доверенным общины. Так помечается и в купчих, так меня считает и Канадское правительство. Я очень желал, чтобы все земли записывались на общину, но канадский закон не принимает, потому что община не ЗАРЕГИСТРИРОВАНА. Теперь уже три года я усиленно хлопочу, чтобы провести корпорацию и перевести все купчие на общину. А также со всеми купчими хранится мое торжественное заявление, что земли, на которые бумаги сделаны на мое имя не есть моя личная собственность, а принадлежит Христианской Общине Всемирного Братства — Духоборцев в Канаде.

Это говорит за то, что я, Петр Веригин, делал и делаю на сколько возможно лучшего в интересах духоборцев. А что по смерти моей может луна упадет на землю и убъет духоборцев, я про это ничего не могу знать. Несколько раз я печатал в английских главных газетах полное свое отречение от личного права моего, или родственников моих на имущество, которое записано на мое имя как представителя и доверенного духоборческой общины.

Заканчиваю письмо для читающей публики, в осо-

бенности для рабочего класса людей, торжественным заявлением: что все имущество записанное на мое имя не принадлежит мне и не может по смерти моей переходить родственникам моим ни под каким предлогом. Это мое торжественное заявление перед русским рабочим народом, равносильно отречению. Я только как представитель и доверенный духоборческой общины в Канаде, и все имущество, записанное на мое имя принадлежит общине.

Петр Веригин

Очень прошу перепечатать это письмо и другим редакциям.
«Русское Слово»

Второе открытое письмо к хозяину русских духоборов в Канаде.

Петр Васильевич Веригин!

Пред вами я поставил четыре главных вопроса: 1) Почему вы не просвещаете русских духоборцев и, как русский царь, и его духовенство, воюете против школ? 2) Почему вы закрыли больницу, выбросили на мороз больных и запрещаете духоборам лечиться? 3) На каком основании вы не выдаете заработанной части огромного имущества, записанного на ваше имя, отделяющимся от вас духоборам? 4) Почему вы всецело и бесконтрольно захватили в свои руки все имущество духоборов и, таким образом, обобрали этот наивный и недальновидный народ?

Эти четыре вопроса проходят красною нитью в моем открытом письме к вам помещенном в № 329 «Русского Слова». Эти четыре вопроса я снова ставлю перед вами и особенно перед подчиненными и обобранными материально и духовно духоборами. Эти четыре вопроса я буду ставить еще долго — долго до тех пор, пока смогу ставить их. Я тронут вашим ответом: тронут не потому, что вы якобы точно, ясно и раз навсегда дали ответ на мои четыре вопроса, а только потому что вы отвечаете и, значит, прислушиваетесь к печати, даже критикующей ваши неблаговидные дела и деспотические распоряжения. Когда печать критикует дела царя, П. Веригина, архиерея П. Рождественского и пр. современных божков, то она говорит с народной массой и не задается исправлением «высоко-поставленных» людей.

После письма к вам я получил очень много писем от русских духоборцев; некоторые из авторов боятся вас так сильно, что умоляли меня не печатать их писем и никому не сообщать их имен. — «А не то, — писал один ваш подданный, — наш Петюшка (П. В. Веригин) выбросит нас на мороз». — «Петюшка заставит нас земно кланяться ему. Многие и кланяются. И он ничего, переносит это. Зазорно даже видеть это мне старому». Это писал один глубокий старик из обобранного вами стада. Вышедшие из вашей общины писали уже более открыто и резче. Всякий вдумчивый человек теперь знает, что коммуна является лучшей формой человеческой жизни. Честь и хвала русским духоборам, что они выработали у себя именно такой образ жизни, не пьют водки, не курят табаку, не идут в солдаты, не признают правительство, судов, тюрем и т. д. Уничтожая вороха современных зол жизни, духоборы открещиваются и от великих даров великой культуры; добытой великой семьей человечества: от школ, от медицины, от изобретений, от равномерного распределения даров общего труда и т. д. Вместе с плевелами выбрасывается и пшеница. Борьба духоборов с «омирщвлением» доходит до смешных курьезов и до игры людскою жизнью. Вспомните, как вы научили своих стариков во время зимних холодов, выбросить печки из домов (у себя вы печку оставили, не выбросили), часы, проклинали телефон; вспомните смерть Гриши Кухтинова, издевательство над учительницей, которая согласилась подчиниться режиму духоборов лишь бы учить ваших детей; вспомните, как, по вашему приказу, выбрасывали из больницы на мороз тифозных больных, из которых одна женщина вскоре умерла; вспомните, как вы побуждали духоборов лучше идти в тюрьму, но не платить штрафов, наложенных судьей, а сами платили такие штрафы, когда судья приказал отвести в тюрьму и вас; вспомните, как школа в Гранд Форке отшибла у вас сон и как вы угнали своих людей в другое место жить, лишь бы их дети не учились уму-разуму и оставались безграмотными, как их деды и отцы. Вы хвалитесь, что защищаете «свою общину от вторжения всевозможных паразитов-хищников, белоручек в рабочую среду». Но вы также ограждаете своих духоборов и от всего остального мира, тащите их в глухие места, в цепи гор и одиночества, не прос-

вещаете их, не знакомите их с великими идеями великих мыслителей, которые составляют гордость и славу всего мира. Вы готовы перебросить духоборов на луну, лишь бы вам остаться, властвовать над ними и обирать их... Вы — их «доверенный», но не больше. Неужели вы знаете такого доверенного, который все имущество своего хозяина записал бы на свое имя? Вы три года хлопочете о духоборческой корпорации... Для этого вполне достаточно 2-3 месяца. Вы не хотите корпорации, ибо хотите быть миллионером за счет обнищавших и тяжело работающих духоборов. Ваши печатные клятвы и торжественные заявления о том, что ваше имущество — не ваше, а духоборов, —пустые слова, в которые и вы не верите. Зачем же обманывать и без того обобранных людей? Вы знаете, что закон страны выше ваших клятв и заявлений. Придут ваши наследники и на самом законном основании возьмут ваши миллионы. Ваши тысячи акров земли. Ваши лесопилки, заводы для варенья, кирпичные заводы и пр. Все это ваше, а не духоборов. Царский архиерей П. Рождественский, живущий в Нью Иорке, записал на свое имя все русские церкви и их имущество и земли. Сколько бы г. Рождественский не говорил, что это — не его, а народное, все его слова будут ложью. Эти церкви — его личная собственность. И если завтра он сбросит свою рясу и острижет волосы, то никто никогда не сможет отнять от него одной пяди земли. Американские законы считают его полным распорядителем его миллионной собственности.

Так и вы, г. Веригин. Вы — миллионер, а ваши духоборы, по своей наивности бедняки. Не обманывайте их сладкозвучными словами и торжественными заявлениями. Нет духоборческой коммуны... Она работает, страдает и умирает для вас и только для вас, для миллионера П. В. Веригина.

Иван Окунцов.

ЕЩЕ О ДУХОБОРЦАХ

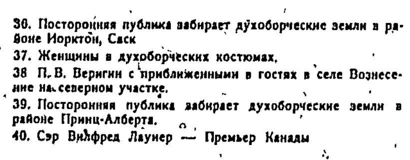
В номере 642 «Русское Слово» напечатана статья «Община и Духоборцы». Автор этой статьи старается создать впечатление, что он духоборцев совсем не знает. Духоборцы ничего не понимают, ибо они «темные неграмотные мужики».

Я общинник и хорошо понимаю духоборчество. Знаю,

чего мы, духоборцы желаем. Желаем прежде всего полной независимости личности. В это самое время я должен посягать и на свободу личности другого человека. В былое время духоборцы, считая неправильным церковные постановления о поклонении картинам, деревянным и металлическим изделиям, отказывались повиноваться попам, дабы остаться свободными и самостоятельными в своих убеждениях. В последнее время духоборцы поняли, что служить в солдатах несправедливо, ибо приходится убивать людей. Духоборцы сбрасывают с себя воинскую повинность и уходят туда, где нет солдатчины. Они выселяются не секретно и заявляют русскому правительству, что служить не будут. Многие имели ополченские билеты и побросали их под ноги губернаторам. И, пробыв в ссылках по 15 и более лет, вышли победителями. Какие славные и преданные духоборческие женщины! Когда всех почти мужчин разослали в ссылку, женщины берутся за плуга и косы и обрабатывают сообща поля. И живут так около двадцати лет, поддерживая в ссылке своих мужей материально и нравственно. Это еще в России. Там-то и зародилась настоящая искренняя община. Переселившись в Канаду, женщины опять по-прежнему пришли на помощь возвратившимся из ссылок мужчинам. Когда мужчины почти все вынуждены были в Канаде зарабатывать кусок насущного хлеба и строить дома, женщины впряглись в плуга и распахивали земли. Духоборческую преданность своему принципу можно судить по следующему случаю. В 1907 году один молодой духоборец-общинник поехал в Россию и был арестован за уклонение от воинской повинности. Ему было 25 лет. Когда полиция узнала, что он принадлежит к общине духоборцев, немедленно освободило его. В Канаде мы желаем абсолютной свободной жизни, не желаем ни королей ни президентов. Мы желаем свободной и трезвой жизни и иметь одного царя — разум. Я убедился, что у Веригина больше разума, чем у меня, у Василия Объедкова. Что мне теперь делать? Клеветать на Петра В. Веригина или выходить из благородного честного общества? Не пойду из общины, а буду жить, несмотря на то, что один человек имеет немного больше ума, чем другой. Это не должно мешать простой солидарности. Выходящим из общины давно бы надо откровенно говорить, что они выходят, потому, что хотят

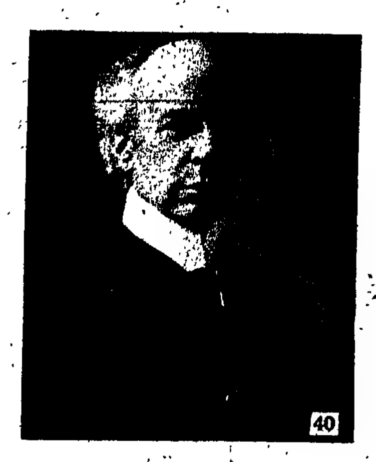
36. Посторонняя публика забирает духоборческие земли в районе Иорктон, Саск

37. Женщины в духоборческих костюмах.

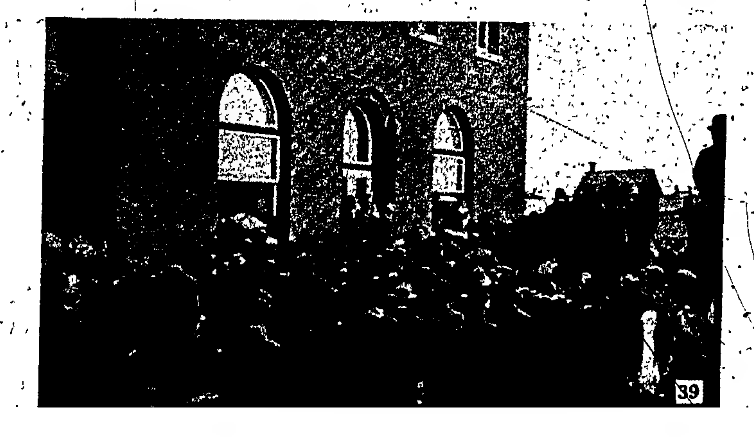
38 П. В. Веригин с приближенными в гостях в селе Вознесение на северном участке.

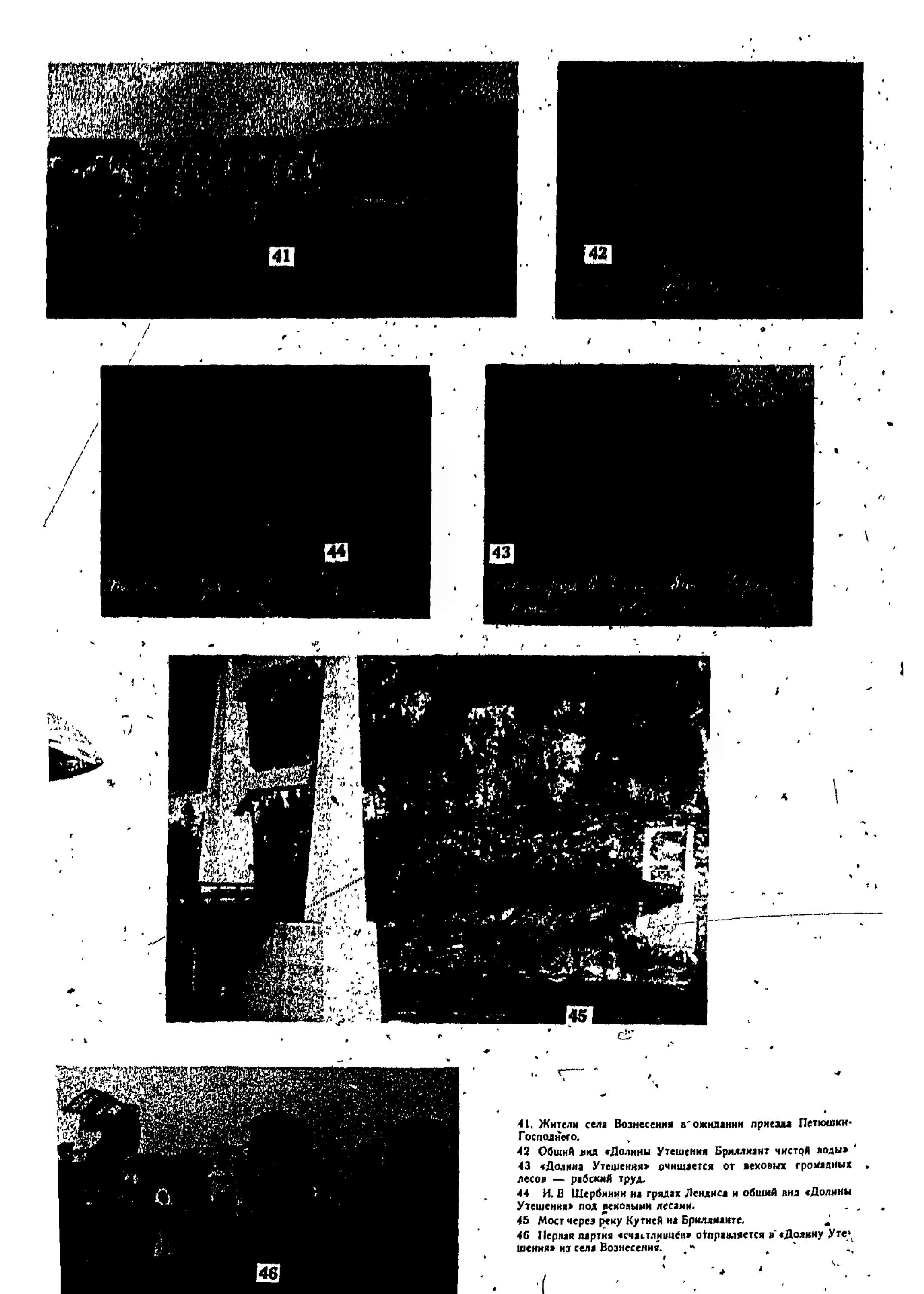
39. Посторонняя публика забирает духоборческие земли в районе Принц-Алберта.

40. Сэр Вилфред Лаунер — Премьер Канады

41. Жители села Вознесения в ожидании приезда Петюшки-Господнего.

42 Общий вид «Долины Утешения Бриллиант чистой воды»

43 «Долина Утешения» очищается от вековых громадных лесов — рабский труд.

44 И. В Щербинин на грядах Лендиса и общий вид «Долины Утешения» под вековыми лесами.

45 Мост через реку Кутней на Бриллианте.

46 Первая партия «счастливцев» отправляется в «Долину Утешения» из села Вознесения.

кушать мясо, курить табак и пить водку. Канадское правительство дало духоборцам пол миллиона акров земли и, когда убедилось, что духоборцы не подпишут присяги на подданство королю, то отняло все. Земля эта стоит около пятнадцати миллионов долларов. Истинные духоборцы желают быть свободными гражданами всего земного шара. Подумайте, читатель, пожертвовать пятнадцатью миллионами долларов не знать для чего и почему? Этого быть не может. Я еще раз повторяю, что мы, духоборцы, знаем, почему это сделали, ибо хотим быть независимыми.

Некоторые продали свои духоборческие убеждения за 160 акров земли, а теперь, как трусы, боятся, что король потребует их защищать Лондон от немецких аэропланов. Общинники же духоборцы имеют от королевского сейма бумагу, выданную еще при вступлении на берег Канады, что никто никогда из духоборцев в солдаты в Канаде брать не будут. Общинники не продают своих убеждений за 160 акров земли и не подписывают присяги королю.

Василий Объедков
Бывший в Мезени, Архангельской Губ.
в ссылке восемь лет.

(Диктовал П. В. Веригин)
«Русское Слово»

Мнение посторонних людей об общине Веригина

Владимир Кругляк приехал к Петюшке с целью изучения сущности жизни общины и под предлогом его, яко бы христианских убеждений (сам он был еврей), выразил желание жить в Христовой общине. Петюшка согласился. Прожив известное время, Кругляк рассорился с Петюшкой. До Кругляка в общине жил несколько лет Семен Павлович Прокопенко и другие, но все оставили ее сильно разочарованными. Прокопенко был большим интеллигентным толстовцем и другом Петюшки, но вышел из общины из-за своих детей. Родители видели, что дети их выростают в невежестве и портятся морально: — «Когда мы жили на фарме, дети никогда не произносили вульгарных слов и брани, а в общине они переняли все это от духоборческой детворы, и мы хотя в принципе верим в общую братскую жизнь, но не можем обречь своих

детей на моральную гибель. За отсутствием школ детям нечего делать и они занимаются шалостями и пошлостями, а этого мы, как родители, допускать не можем, и поэтому вышли, а потом выехали в Россию, в настоящую братскую общину, где есть доступ к культуре и образованию.

Сам Прокопенко был юристом, но став Толстовцем, он бросил свое занятие в России, переселился в Канаду, принял гомстед и занимался земледелием. Кроме того, он лечил людей и многие духоборцы обращались к нему — платы он ни с кого не брал.

Кругляк выйдя из общины, поселился в Нельсоне и стал разоблачать в газетах те факты, которые он сам наблюдал в общине. На его статьи Петюшка написал ответ и подписал под статьей имя Васи Объедкова. На этот ответ Кругляк написал свой следующий ответ:

Русское Слово № 677. декабрь 2-й 1915 г.

Сказка про белого бычка или бесконечная духоборческая канитель.

(Ответ рабу Веригина Василию Объедкову)

Казалось, что духоборческий вопрос вполне освещен и разъяснен со всех сторон на страницах «Русского Слова».

Если помнят читатели, на энергичное открытое письмо И. К. Окунцова к «Генерал-Губернатору» духоборцев — П. В. Веригину, последний ответил длинным но уклончивым письмом, в котором хитро обошел все «проклятые вопросы». Снова редактор «Русского Слва» обратился к Веригину, требуя категорического ответа. На этот раз сам Веригин предпочитает молчать. А в защиту Веригина ополчился его родной брат, которому, конечно, не дурно живется, как и всякому брату царя, короля или Папы Римского. Младший брат Веригина живет на отдельной богатой даче и имеет отдельный стол от рядовых духоборов общинников.

Но ни сам Веригин, ни его приближенные защитники не могут, да и не пытаются опровергнуть следующие, установленные беспристрастными очевидцами факты горемычного существования, так называемой духоборческой общины.

1-е) В общине нет никакой медицинской помощи людям (лошадей пичкают дорогими лекарствами!) В данный момент в

поселениях Плодородная, Крестовая и Утешение свирепствует тиф, люди мрут, как мухи, но доктора вождь-скряга не приглашает. Я заявил об этом местным властям и в результате на днях был командирован уездный врач из города Нельсона, доктор Хартин, который установил эпидемию тифа среди общинников духоборцев.

2-е) В общине нет ни русской ни английсткой школы и дети духоборцев растут такими же невежественными и некультурными, как и их родители. (Это подтверждает и Прокопенко).

3-е) Все земли и имущество вплоть до штанов, как метко заметил И. К. Окунцов, записано на имя Петра Веригина и, в случае его смерти, может перейти к его прямым наследникам, живущим в России, а духоборцы общинники останутся нищими.

И все же находятся новые «защитники» «Христовой жизни в Общине». Предо мной номер «Русского Слова» от 11-го ноября с. г. в котором напечатана наивная защита общины Василия Объедкова.

Насколько мне известно, господин Объедков является приказчиком господина Веригина и ему живется, конечно, «весело, вольготно» . . . Господин Объедков не церемонится с фактами. Он уверяет, что духоборцы общинники желают «прежде всего полной независимости личности». Нигде в мире нет большей зависимости личности, как в общине, где все и вся подчиняется одному Петру Веригину, где все обезличивается и человек становится пешкой в руках лидера или его приказчиков. Какая может быть независимость личности среди общинников, если они и экономчески и духовно находятся в полной власти своего царька «Петюшки»? Объедков уверяет что Веригин освободил женщин от тяжелого труда и что кирпичи теперь делаются машинами. Это было сделано Веригиным не из гуманных побуждений, а что коммерчески выгодно заменить женский труд паровой силой. А в общем, женщинам живется не сладко: они поочереди варят, например, на 50 душ и более. Бедной стряпухе приходится поднимать огромные котлы и т. д. Я сам видел, как в знойный день до сотни женщин работали с раннего утра, очищая дикую землю от огромных булыжников и приказчик Веригина покрикивал на них, как на рабынь. Духоборки, как и все русские крестьянки

работают тяжелее мужчин, забытые, бесправные... Но тем ли Веригин помог женщинам, что запретил при стирке белья употреблять доски «американки»? Не он ли поощрял женщин прошлой зимою по воскресеньям ходить босиком по снегу к молитвенному дому несколько миль? Не Веригин ли, желая испытать свою власть, приказал всем женщинам и девицам в общине отрезать косы и стричься под гребешок?..

Выходят из общины не потому, «что хотят кушать мясо, курить табак и пить водку», а благодаря тому, что в общине голодный, суровый режим. А кто хочет пить, курить и есть мясо, тот это может тайком делать и в общине. Ведь недавно зять лидера, Ванька Конкин, попался с бутылкой коньяку и получил за это выговор на собрании от самого «Петюшки»!

Большинство общинников отказалось принять английское подданство и тем потеряло право на казенную землю, или как говорит Объедков: «пожертвовали пятнадцатью миллионами», благодаря своему недомыслию и благодаря тому, что лидеры ввели их в явное заблуждение. И теперь Объедков уверяет, что получившие по 160 акров, продали свои духоборческие убеждения, ибо подлежат воинской повинности в Канаде! Это гнусная подтасовка со стороны веригинской клики, запугивающих трусливых общинников войной! Закон об освобождении духоборцев от воинской повинности был издан за несколько лет до прибытия Веригина и образования им «общины». Закон этот имеет именно, в виду тех духоборцев и все их потомство, которые станут подданными Англии. (Ведь не принявшие подданства и не духоборцы не подлежат призыву в войска!) По этому закону духоборцы приравнены к квакерам, которые состоят в подданстве в Канаде, но навсегда освобождены от военной службы. Пред законом Канады духоборец, принявший подданство и получивший 160 акров, не перестает быть духоборцем и ни его, ни его детей в Канаде в солдаты не возьмут, пока будет существовать указываемый Объедковым закон.

Господа Объедковы, Веригины — младшие, Конкины, «трезвенники» и другие пресмыкаются. С болью в сердце я прошу: перестаньте... «гутарить лукаво» и не краснеть!.

Нельсон. В. Кругляк

РУССКИЕ ДУХОБОРЦЫ В КАНАДЕ

Русское Слово № 986

Четверг 7 октября 1915 г.

Духоборцы в значительной степени заселили, обработали и оживили равнины возле Иорктона, Саскачеван. Их руками была выстроена железная дорога между Иорктонем и Канорой. Мельница общины может перемалывать в день по 200 боченков: каждый боченок весит 200 фунтов. Каждый кирпичный завод может вырабатывать по 26 тысяч кирпичей в 10 часовой рабочий день. Тысячу кирпичей продается по 11 и 12 долларов. В настоящее время эти заводы не работают, так как осталось еще нераспроданным около трех миллионов кирпичей. Они валяются на заводах Ст. Веригино и в Иорктоне. В последнем месте за закрывшимся заводом наблюдает г-н Евдокимов. Видно, что общинная жизнь и деятельность в Саскачеване постепенно замирают. Люди, скот и имущество перевозятся в Бритиш Колумбию. Лучшая земля, лучшие условия жизни и лучшая деятельность меняется на худшее. В новом месте нет возможности духоборам развернуться. Здесь сами горы и скалы ограничивают их простор и размах. Общинная масса не знала, куда и на что переселяется. Все дела переселения — исключительно затея Веригина, желающего угнать свое покорное стадо в горы и в лес, подальше от взора человеческого.

Земля в Бритиш Колумбии очень плохая, пески и глина и требует чрезвычайно много труда и удобрения. Землеробы бросают чернозем и до измождения борются за свое существование с горами, с камнями, с вековыми лесами и с плохой почвой. Больно и жалко смотреть на измученных полуголодных и еще больше верующих в свое «живое евангелие» — в Веригина. Народ не устает тяжело и упорно работать над плохой почвой: не оплачивается этот труд веригинских рабов. В Саскачеване общинники уже устроились, хотя и не особенно важно, так как 17 лет тому назад поселились в холодных местах. Тогда старики сделали непоправимую глупость. Теперь Веригин за всю общину делает вторую еще более крупную глупость. В Саскачеване люди лучше едят, чем в Бр. Колумбии. Здесь они тяжелее работают и хуже питаются. Пять тысяч изможденных, бледных и всегда недое-

дающих людей. Я видел более сотни общинников в Бриллианте, в Нельсоне и в Кястлегаре, Б. К., и только один из них имел здоровый и веселый вид. Это был парень лет 24-х. Все одеты ужасно плохо не по-мужицки, а положительно нищенски. Даже подростки уже устали работать и голодать. В Бриллианте я пробыл всего лишь часа три. До прихода туда П. Веригина, общественники показали мне завод для выработки варенья и фруктовых консервов. Я видел один дом на 36 человек. Все общинные дома выстроены по одному образцу: по бокам жилые дома, среди них хозяйственные постройки. Во дворе бегают дети. На семью одна комната. Старшие дети живут вместе над кухней. В Бриллианте имеются две-три бани, кузница, швальная, лесопилка, одна столовая для рабочих, склад, контора, завод для выделки варенья, несколько жилых домов и через реку Кутней перекинут большой железный мост на цементовых быках. В Бр. Колумбии всего насчитывается 80 общинных деревень, по два дома каждая с населением в 60-70 человек. Очень жаль, что Веригин не дал мне возможности познакомиться с его общиной. Он не хочет, чтобы печать говорила о его делах и критиковала его: это не выгодно ему. Он безгрешен и выше всякой критики. Его дела святы и лучше всяких людских обсуждений.

В ожидании поезда, я остановился на несколько часов на Ст. Кястлгар, в трех милях от Бриллианта. Тут я понял, что Веригин знал, что делал, когда не допустил меня до своего стада. Трудно найти где-либо нищету, с которой я встретился на Ст. Кястлгар. Я объехал всю Россию и видел убожество русской деревни. Но убожество веригинских рабов, томящихся, голодающих, болеющих, мерзнущих и изработавшихся, меня резнуло по самому сердцу. Говорил я со многими общинниками. Об их мнениях умолчу, иначе они попадут под владычий гнев Веригина. Все что сказал один исхудалый, заморенный и болезненный 45 летний старик, пришедший на станцию чуть ли не просить милостыню. Он шел пять миль. Озяб, изголодался, с четвертаком в кармане, чтобы купить ложку меду в лавке для своей больной жены. Он говорил и вздыхал, а из глаз текли слезы. «Мы не голодаем, — «Они» (т. е. П. Веригин) дают на рабочего человека фунт хлеба. Ну что же? Положишь этот хлебушко в рот, а в другой раз и нету. Жидкий суп. Яиц,

масла, молока или меда мы совсем не знаем. Скотина и то лучше нас кормитя. У кого есть деньги, ходит в лавочку и покупает. Грешит и мясное ест. Пришел вот, к своим просить ложку меду для больной жены, а тут и меда-то нет. А, ведь, по 20 пудов его отбирают у пчел, продают, деньги в контору идут. А для больного человека и ложки меда нет. В Саскачеване хоть хлеба больше давали, а тут и его не дают». И бедняга еле-еле задвигался вперед к «фармелям» (отколовшимся духоборцам) просить у них поесть. В окрестностях Кястлгара живут восемь отколовшихся семейств: семьи Михаила Ванжова, Николая Щербакова, Михаила Войкина, Николая Войкина, Петра Колычева, Вас. Лавренченкова, Ивана Лавренченкова и Гр. Войкина. Я виделся с ними. И они подтвердили, что ежедневно 3-4 общинника приходит к ним за маслом, за молоком или за хлебом.

На заводе для выделки варенья, какой-то общинник сделал мне укор, что я пишу в «Русском Слове» о том, что они в Бритиш Колумбии голодают. И он дал мне попробовать фрукты. Съел одну сливу: недозрелая. Хотел дать мне грушу или яблоко, выбирал, выбирал и не нашел созревшего плода. Так и не похвастался. В огородах часть удалась, а часть и нет. Только труд духоборки может что нибудь добыть из такой почвы, какая имеется под ногами веригинцев в Бр. Колумбии. Только лошадиная покорность общинников может вырвать из земли огромные пни и камни. Я видел в горе восемь человек и лошадь. Все впряглись и тянули пень. Люди надрывались сильнее лошади. Два общинника говорили мне, что «они» (т. е. П. Веригин) теперь и сами знают, что земля-то плохая, да чего же делать? Надо работать.

Веригин бросает публике пыль в глаза своими показными сторонами, как кирпичные заводы, 25 тысяч акров вспаханной земли, телефоны, завод для выделки варенья, сады возле Бриллианта и Слокяна, Б. К. Между тем народ живет в поразительной нищете и в невежестве. Думается, что своим невежествм общинники в Канаде превзошли всех, даже галичан. Хвалиться же общинникам тем, что их годичный оборот достигает двух с половиной миллионов долларов, не стоит. Они могут хвалиться этим столько же, сколько и их лошади, коровы и пчелы. Только последние за свой труд получают

от Веригина значительно больше, чем сами общинники-труженики. Духоборческие лошади более сытые чем свои хозяева.

В Бритиш Колумбии община имеет около шести тысяч акров земли. Вся была под лесом и камнями. Теперь имеется около восьми сот акров под садами и столько же под огородами. За акр община платила по 40-50-60 долларов. До поселенья общины эта земля не стоила и четырех долларов. Земельные агенты воспользовались случаем вздули цены на землю и обобрали и без того неимущий рабочий люд.

Иван Окунцов

РАССКАЗ ВАНИ МАРКИНА

Записал Петр М. Нечволодов.

Иван Игнатьевич Маркин, был родной брат Филиппа Маркина, носившего славу «специалиста по костоправству» и он действительно был замечательный врач по этому делу. Эта специальность переходила к его сыну Семе а потом и к внукам и практикуется и до сих пор. Были случаи: когда доктора не могли исправить серьезно поломанные кости, Маркины не имея дипломов, с позволения докторов, удачно выправляли кости и человек мог попрежнему ходить. Так вот, этот самый Ваня Маркин, помимо земледелья, занимался еще охотой — содержал целый двор борзых собак, и Петр Михайлович Нечволодов записал с его слов этот рассказ:

«Сосланы мы в Закавказье. Кутаисской Губернии. Первая партия прибыла в 1841 г. под руководством Лариона. Пришли мы в селение Терпение и Ларюшка велел духоборцам рыть землянки. Он говорил нам: «Здесь не век вековать, а только одну зиму зимовать». Духоборцы не брались за работы — чтой-то их страшило. Правительство стало разгонять на зимовку по армянским аулам, а мы не расходились не рыли землянок. Тогда попечитель ударил Ларюшку три раза чубуком, Ларюшка прогневался и сказал: «Ну, сурны, вам тут 40 лет каменья считать».

Потом, в скором времени этой осенью, Ларюшка скончался. Наша нянюшка (мать) померла на провеснях, и мы соединились с предками, остались сиротами, и по весне Васюшка и Петюшка перешли в Горелое и мы, как сироты были все вместе. Малашечка содержала сирот, они были еще не смышлеными. Малашечка также, в скором времени скончалась,

а Васюшка и Петюшка остались «круглыми» сиротами и Васюшка сел на престол, а Петюшка был «помазанник». Они не пожелали жить в одном доме и поделились. Тогда Васюшке сделали хату у Моисея Астофурова. Васюшка тогда чудеса творил, — находился он в женском платье. С Петюшкой они жили всегда в ссорах. И вот один раз рассорились с Петей дюже больно и прислали дев за мной (Ваней Маркиным). Я пришел, а Васюшка и говорит: «Запрягай зараз лошадей и езжай сюда». Я приехал. Он выходит с девами, садится на сани и говорит: «Езжай в Александрополь! Петя со мной спорит, я поеду и выкрещусь». И поехали. Доехали до Троицкого свертка, тогда Васюшка и говорит: «Стой, Ванюшка, давайте вернемся, а то, как Петя узнает, догонит нас со своими казаками, заберут плети, и нас тут выкрестят. Вороти, Ванюшка домой — назад!» А погода была мокрая и немного дождик моросил и снег был глубокий. Я поворотил лошадей с дороги в снег, они завязли и попадали. Девы были большие, я им говорю: «поднимайте сани». Они поразмокли, а я кричу на них: «закидайте зад саням»! Они не могут поднять тяжести саней: тогда я взял кнут и начал их «окрещать», а Васюшка сидит на санях и усмехается... Глядь, подъехал Троицкий мужичек и пригляделся: угадал Васюшку. Подошел, поздоровался и говорит: «А куда едете, Маничка?» (так называли Васюшку). А он и говорит: «Ехали к вам, да дороги очень плохие, вздумали воротиться». А мужичек и говорит: «Проехать бы можно», а мне сказал: «Ну вороти, мальчик, а я буду закидать сани». Взял за сани и закинул (поворотил) и мы поехали. Заехали к Макосеевым: туда пришли и Петюшка с казаками. Васюшка рассказал, как он ездил выкрещиваться и как Ванюшка «крестил» дев, — я сижу и думаю: вот-вот и до меня ряд дойдет, и все этому дюже смеялись, и тут же, они помирились и загуляли на всю ночь». Закончил Ваня Маркин с широкой улыбкой на его приятном старческом лице.

Краткий рассказ о Николе Галищевом из села Прокуратова

Никола Галищев был зажиточным хозяином: имел много худобы, лошадей и других разных сельскохозяйственных машин и деньги. Под влиянием проповеди на первом съезде,

когда Петюшка звал во имя Христа, жить в общине, по братски, он вошел в общину и отдал все свое состояние. Село, где он жил, называлось «Покровка» а потом Петюшка переименовал его в «Прокуратово», потому что за малым исключением, все стали независимыми и как таковые, не могли помириться с условиями и порядками общины, которая лишала их прежней свободы.

Однажды, приходит Никола Галищев — очень громадного роста: шесть с половиной футов вышины, плотный, краснощекий старик, весом около 300 фунтов. Он имел хриплый голос и когда говорил, то казалось, что голос исходит из пустой бочки. Поздоровался с Петюшкой и сказал: «Петюшка, я к вашей милости». «А в чем дело, Никола?» «Я прошу вас, Петюшка, разрешите мне есть мясо, моя утроба не может быть без мяса», возопил старик. Петюшка посмотрел на него серьезно и говорит: «Я не имею права ни запрещать, ни разрешать — есть мясо. Правда, я иногда даю советы своим друзьям, но это только советы, и если они не имеют сознания, как ты, то не обязаны принимать их. Я верю в полную свободу и этот вопрос меня совсем не касается. Поступай по своему желанию». «Не могу жить без мяса, Петюшка, всю свою жизнь ел и моя утроба требует», сказал старик и очень тяжело вздохнул. Петюшка терпеливо еще раз повторил то, что ему уже сказал. И старик сказал: «Так-то, так, но ведь я же, живя в общине, не могу есть хотя бы и хотел, мясо, потому что мне не позволят резать худобу». Об этом я не могу сказать тебе ничего», ответил Петюшка. «В таком случае, разрешите мне, Петюшка, выйти из общины», сказал старик, «знаете, я запустил в общину несколько пар лошадей с упряжью, много молочных коров и молодняка, инструменты и деньги. Отдайте мне хоть половину, а половина пусть остается вам в общине». На это Петюшка сказал: «Выйти из общины ты свободен, — как был свободен войти в нее. Сколько ты запустил в общину, я точно не знаю, надо будет подсчитать. Я дам тебе теперь триста долларов, а потом подведем счеты, и ты получишь остальное». У старика прояснилось лицо: он, поднялся — ростом выше Петюшки, сделал земной поклон, — лежа на коленках, он, как большой слон, покрыл почти весь пол маленькой комнаты.

Встал и от души сказал: «Я доволен тобой Петюшка, спаси тебя Господь! Все-таки ты стоишь на правде Божьей». «Хорошо, теперь ты дашь нам расписку на эти деньги: я продиктую Семе и он напечатает на машинке, а ты подпишешь. Посиди тут, а мы выйдем в контору», сказал Петюшка. Мы вышли в другую комнату и Петюшка начал мне диктовать следующее:

«Я, Николай Галищев, торжественно заявляю и утверждаю, что я получил от Христианской Общины Всемирного Братства свою долю сполна и что я не имею больше законного права, требовать от указанной общины, что-либо еще». Эту расписку мы ему не читали и он подписал ее с большой благодарностью.

Время шло и старик терпеливо поджидал того дня, когда подведется точный подсчет и ему выдадут остальную часть, как обещали. Пример Галищева заразил многих других духоборцев, в особенности, членов этого села, которое почти все, за очень малым исключением, превратилось в независимых. Галищев, убедившись, что подсчеты не делаются, обратился с жалобой через адвоката, к правительству. Тот прочитав расписку сказал: «Ты, брат мой, все получил сполна и больше требовать не имеешь права, — так написано в этом документе, это твоя роспись?» «Да, это я расписался, но они обещали мне отдать половину мною нажитого», сказал старик. «По этой росписке ты получил все и больше ничего тебе не дадут». Старик, разинув рот, поднял голову к потолку и говорит: «Неужели Петюшка все это брехал мне и так бессовестно обманул?» Такие расписки мы брали от многих. Некоторые подавали в суд и доказывали, что они были обмануты, но мы (я работал за юриста для Петюшки), представляли свидетелей, утверждавших, что обмана не было и всегда решение выносилось в нашу пользу. Таких случаев было много. Некоторые выходя из общины, допускали отчаянные поступки, например: за свою часть выводили ночью лошадей из общинных конюшен. Таких лиц Христианская община привлекала к ответственности, как воров и также всегда выигрывала дело. В общем, выходившие из общины не имели легальной защиты, потому, что община считала себя на положении церкви, и все труды вложенные

в общину, были как бы добровольные жертвы, не подлежащие вознаграждению...

РАССКАЗ АЛЕКСЕЯ КУЗЬМИЧА ПОПОВА

Жили мы в общине с отцом 15 лет. Отец и говорит мне: «Ну, Алексей, должно доведется нам уходить из общины: надоели нам эти оклады и нам с них, как видно, пользы никакой не будет, а будет польза и слава Веригиным. А мы вечно будем ихние батраки. Я скажу старичкам, чтобы нас выделили из общины». И мы вышли: досталось нам за 15 лет, две немудрых лошади. А в то время Петюшка господний приказал Мише Казакову (его казначею): кто будет выделяться из общины, должен получать часть имущества. Отец мне говорит: «завтра пораньше ты иди на станцию Веригино, пусть нам Миша Казаков выделит нашу часть. Пришел я на Веригино в три часа вечера. Думаю: нечего тут разини продавать, пойду прямо к Мише Казакову в контору. Подхожу к конторе, а у самого сердце чуть не выскочит, думаю: «Господи, что же я так оробел? Ведь я ничего не украл, и иду свой труд получать». Еще в присенках, скинул я шляпу соломенную, зашел в контору, Миша сидит на стуле, глянул на меня. Я говорю: «Слава Господу!» А он хоть бы слово в ответ. Стою и думаю: вот видишь какие, это же сам Петюшка приказал так здороваться, а самый ближний его молчит. Потом окрикнул меня: «Ты чего пришел»? Я, я, я, пришел, Миша, чтобы вы мне из общинного имущества нашу часть выделили. Он, не глядя на меня, спросил: «А сколько у вас душ?» «Восемь», ответил я. Он начал копать книги: нашел наши праведные души и насчитал на 8 душ 150 долларов — за 15 лет. Подает мне бумагу. Я говорю, «Спаси Господи, Миша, за то, что ты насчитал нам такую сумму для прикрытия наших трудов за такой долгий период времени. Что же я должен делать с этой бумажкой?» спрашиваю у него. «Иди с ней на хутор к Семе Негрееву, он что-либо даст вам. Я вышел из конторы: сердце перестало дрожать. Стало радостно: 1500 долларов — это же большая сумма. Встречается со мной мой дядя и спрашивает: «Ты зачем в контору ходил»? Я говорю: «Эх, дядюшка, мы вышли

из общины». Он сразу начал меня ругать: «Вы пропадете, вы будете выть, как волки на фармах». Я говорю: «Дядюшка, вы не горячитесь, мы сейчас и в общине воем. Знаешь что, дядюшка, уже темнеет, можно ли у тебя переночевать?» Он руками и ногами: «Никак нельзя: если Петюшка узнает, что я пускаю «фармерей» ночевать, то я за тобой пойду». Я говорю: «Ну и что же такого, веселей будет выть». Гляжу, полез в карман, достал ключ от хаты. «На, только гляди не заглядывай в окна, а то кто-либо увидит». «Не выгляну и дышать не буду до самого света». Утром рано пришел к Негрееву на хутор. Сема уже ходит по двору. Я подхожу ближе и говорю: «Слава Господу». Он отвечает: «Будем славить, только, кто знает, до каких пор». Я подал ему бумажку. Он посмотрел и спросил: «А чего ты хочешь на сто пятьдесят долларов?» Я говорю: «Любезный Сема, может у тебя есть фургон?». «Нету, все разобрали, есть только один конь буланый». «А сколько он стоит?» спрашиваю я. «Как раз 150 долларов». «А где он, можно взглянуть?» «Вон там, за сараем, на варке». И правда, стоит буланый конь, голову повесил. А шерсти на нем нет ни волосинки. Я говорю Семе: «В какой стране он был в плену, где его так истерли?» Сема смеется: «Он был больной и весь облез, как бубен». Я говорю: «Нет, этот бубен не стоит 150». Пришел я в 6 часов домой. Отец, мать, жена, все дети, окружили меня. «Ну, рассказывай, что дали или что дадут». Я сказал, что ничего не дали и должно быть не дадут. Остался во всей общине только один облезлый буланый конь». Мама подошла ближе ко мне: «Ну, сынок, скажи, что брат Ваня говорил?» «Будете выть, как волки». Отец говорит мне: «Меньше плети чепуху. Вот что: у нас нет муки, завтра снова вставай пораньше, поезжай на станцию Веригино, пусть Миша даст два мешка муки, а ты отдай ему бумажку на 150 долларов — за два мешка». Приехал я на Веригино в половине двенадцатого и решил пойти в контору после обеда. Сел и сижу около конторы. Выходят из конторы на обед Миша Казаков, взглянул на меня и говорит: «Ты опять тут крутишься?» Я говорю: «Милый Миша, у меня к вам есть дело». «Что за дело? Мне некогда, я иду на обед». Смотрю — со всех сторон народ повалил на обед, а мне хоть бы один сказал: «Что сидишь, идем на обед». Слы-

шу запели: «Искони до днесь зовет Господь чад своих: вы придите милые мои». Думаю, что же меня чадушку не зовут на обед? Прошел только один месяц, как я с теми чадушками на кирпичном заводе тачки возил с кирпичиками: эх кирпичики мои, кирпичики, сколько лет я вас складывал, а теперь сижу голодный и прошу у Миши Казакова два мешка муки... После обеда я зашел в контору и думаю: теперь едва ли я скажу: «Слава Богу». «Ну, Миша, знаешь, что я к тебе пришел: я хочу, чтобы ты дал мне два мешка муки, а я дам тебе бумагу на 150 долларов — и будем в расчете». А Миша говорит мне: «Мы и так в расчете: ты расписался, что все получил. Муки не велено давать никому. Можешь уходить из конторы». Я вышел и думаю: что же делать: как бы не завыть по волчьи на нашей Веригиной. Встречается дядюшка: «Зачем опять в контору ходил?» «Да зачем, муки нет и Миша не дает. Теперь вот и придется выть, как ты сказал. А что ты, дядюшка, такой бледный? Не робей, я не буду проситься ночевать. За бумагу в 150 долларов — мне ничего не дали. Вот, что значит «Христианская Община Всемирного Братства!»

Алексей Кузьмич Попов
Камсяк, Саскачеван, Канада

Краткий рассказ об Иване Зайцеве из села Семенова

Однажды, Петюшка чувствуя себя нездоровым, лежал в постели в селе Отрадном. К обеду явился Иван Зайцев из села Семенова с северного участка. Зайцев был доброй души — безвредный человек, очень маленького роста — не больше пяти футов и весом в сто фунтов, но очень энергичный и довольно бойкий умом. Доложили о его желании видеть Петюшку. «Хорошо, пусть зайдет ко мне в спальню», сказал Петюшка. (Тут я хочу сопоставить отношения к Петюшке выходящих из общины: наших ссыльных и духоборцев других губерний. Ссыльные всегда относились к вождям с большим благоговением и преданностью, в то время как не ссыльные: Карские а в особенности Елисоветпольские, относились независимо и враждебно — не проявляя никакой преданности.) Зайцев зашел в спальню и будучи низеньким,

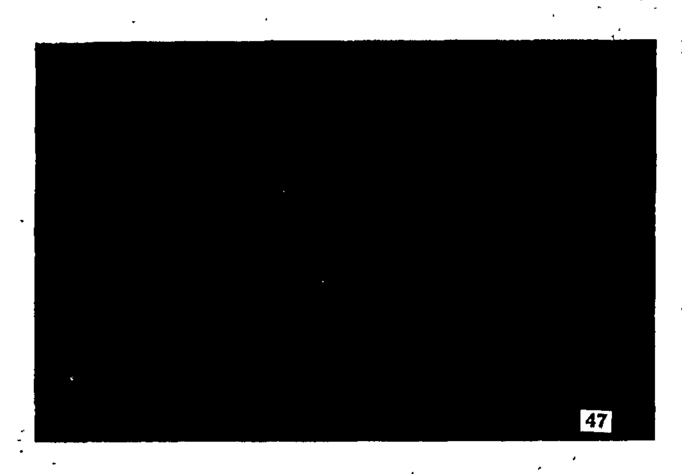
поклонился почти до земли. «Слава Господу, родной наш Петюшка!» коротко и боязливо произнес Ваня. «В чем дело?» спросил Петюшка. И Зайцев, стоя и дрожа, поведал свое дело: «Петюшка, я верю вам и знаю, что вы тот, за кого мы почитаем вас, но дальше жить в общине я не могу. Наше село разделилось на партии: Фаминова, Сухорукова и Кастрюкова. Идет ужасная вражда и ссоры, доходит иногда до драки и я не хочу принадлежать ни к одной партии, потому что ни в одной партии нет правды. Эти партии состоят больше из родственников, сватьев, зятьев и каждая партия хочет быть во главе и командовать другими, а я этого не могу терпеть». Сказал он это со слезами на глазах, как обиженное дитя. Стоя все время, он искоса поглядывал на стоящий недалеко от него стул: он устал стоять и ему хотелось сесть, но Петюшка не обращал внимания. Подумав довольно долго и взглянув на Зайцева, дружески и мягко с любовью сказал: «Ваня, наша община основана на учении Иисуса Христа, — это жизнь равенства, братства, полезности всем ее членам в особенности, беспомощным: калекам, слепым и круглым сиротам. Духоборцы дали обет Господу Богу в том, что они будут исполнять Его волю, а воля Его заключается в том, чтобы мы жили для блага других. За этот идеал я страдал 16 лет в Сибири и не жалею. Если угодно Богу, я готов пострадать еще 16 лет. Вот как я смотрю на общинную жизнь. А вы там все поразделились на партии и порассорились и ты прибежал ко мне с жалобами». В это время обратившись к Полечке, Петюшка сказал ей: «поди, Полечка, в мою спальню в Гришиной хате, и там под подушкой лежит плеть, принеси ее мне сюда», а потом, с чуть заметной улыбкой, взглянул на меня, и добавил: «то есть нашатырный спирт в пузырьке». Когда Петюшка помянул слово «плеть», то Зайцев, как подкошенный колос, приблизился к Петюшке, упал на колени и слезно взмолился: «Родной Петюшка, простите и не бейте меня, я не виноват и все, что я вам сказал, это истинная правда. Я возвращусь обратно и попробую еще жить в общине, а может Господь даст дело уладится». «Встань, Ваня, никто тебя бить не будет, да и у меня нет плети, это слово у меня вышло по ошибке вместо нашатырного спирта. Сема, доведи его к Грунюше и попроси, чтобы

она его покормила. А ты, Ваня, езжай домой, собери всех членов вашего села и передай от меня поклон и совет, чтобы с этого времени все партии соединились в одну братскую семью, уничтожили мелочные дрязги и жили, как подобает истнным христианам, понял?» спросил Петюшка. В это время лицо Зайцева просияло, как солнце и какое-то торжество появилось в выражении его лица. Еще раз он поклонился до земли, поблагодарил за такое великое поручение, распрощался и в припрыжку пошел пообедать. «Слава Богу, что обошлось все так хорошо», шутя говорил он, «поверишь, Сема, когда Петюшка помянул «плеть», у меня душа ушла в пятки и я, ей Богу, не слыхал слово «нашатырный спирт» ну, думаю, пропал я — засечет до смерти. А теперь, друг, у меня на душе так легко и подумай: Иван Зайцев будет передавать поручение от Петюшки таким надменным, как Федя Сухоруков, Сема Хаминов, Ваня Кастрюков — о, как я рад, что приехал к Петюшке, теперь я буду наблюдать за ними — я ничтожный Иван Зайцев», закончил он, когда мы подошли к дому Гриши Веригина.

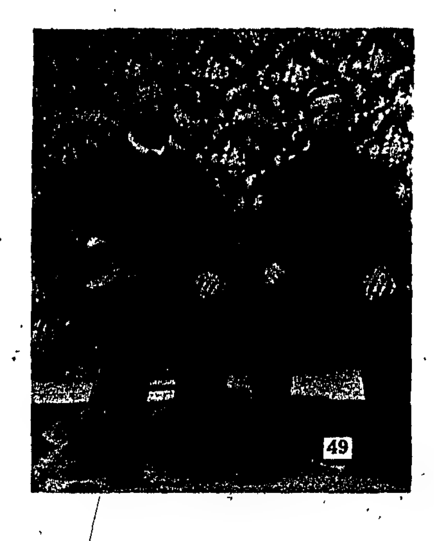
Результат был такой: село осталось разбитым на много частей. Достойные: Фаминова и Сухорукова партии переселились в Колумбию для дальнейшего страдания и нужды, а Кастрюкова партия, а также и Зайцев, приняли земли и стали жить самостоятельно — очень хорошо.

Рассказ об Иване Васильевиче Ивине из села Михайлова

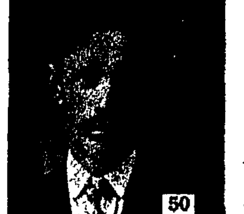
Иван В. Ивин, бывший «ричарда», преданный казак Петюшки, после встречи в Сеинт Джоне, был принят в компанию Петюшкой — он разъезжал с ним по всем селам, он хорошо пел и говорил. Но со стороны было очевидным, что Петюшка всегда придирался к нему, например: будучи в селе Успение во время беседы за столом, вечером, Петюшка вдруг спрашивает серьезно: «Ты, Ивин, кажется спишь?» «Нет, Петюшка, я не сплю, а слушаю вас». «А мне показалось, что ты спал. Если не спал, то скажи, о чем я говорил». Ивин повторил Петюшкин разговор слово в слово и это, как бы сконфузило Петюшку. В беседе он упоминал о «девушках», а Ивин выразил это слово «девках» и он снова придрался, что

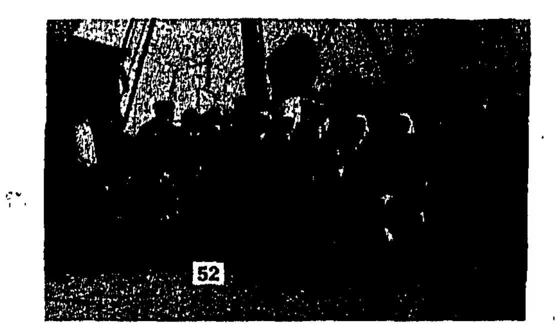

47 Рабочие на пильном заводе на Ково
48 Петр В Веригин в ранние годы
49 Иван Е Конкин и С. Ф Рыбин
50 Алексей К Попов Камсак, Саск. Канада
51 Голыши подожгли Общинный дом на Прекрасном

52 Духоборцы отправляются из Канады на свою бывшую родину в Донскую Область во главе с Ф. У. Макосеевым (восьмой слева)

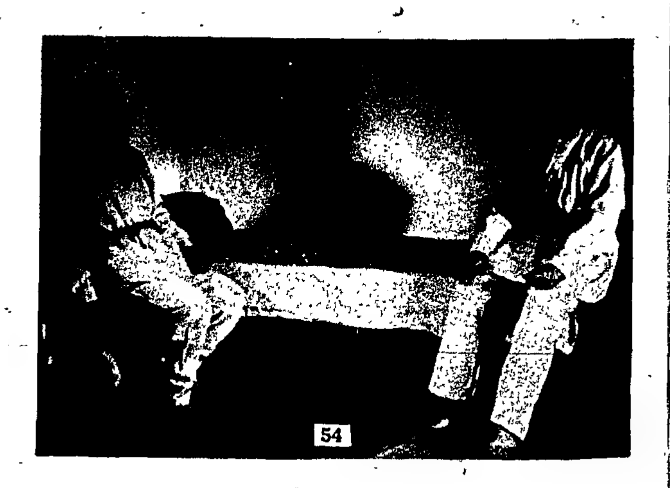
53 Трофимушка Крикунов и Семушка Фоминов перед отходом на поиски могилы святого

54 Трофимушка Крикунов и Семушка Фоминов опочивают на камнях по совету вождя

55 Петр В. Веригин проповедник равенства

56 Вася Н. Поздняков с супругой Марфой и сынком Володей. Вася служил в армии, был старшим унтер-офицером. Когда отказался служить в армии, то был несколько раз наказан плетьми и розгами до потери сознания в своем селе Богдановка, а потом, после ужасных пыток в дисциплинарном батальоне, был сослан в Сибирь на 18 лет

слово «девки» позорное и относится к женщинам легкого поведения и что Ивин должен бы знать это и не выражаться так неприлично. После этого Ивин не оправдывал себя, но было заметно, что он остался сильно оскорбленным придирчивостью Петюшки перед публикой. Ивин был в почете у духоборцев и первым ходоком по переселению в Канаду.

Однажды, в селе Отрадном, сидя за столом в доме Гриши Веригина, за обедом, где присутствовали все приближенные, в том числе и Ивин, Петюшке доложили, что приехал Миша Антюфеев из села Семенова, независимый, желает увидеть вождя и просить, чтобы общинные ребята помолотили его хлеб, за что он заплотит с большой благодарностью; и если когда-либо общине нужна будет помощь, он обещает оказать ее взаимно. День бы воскресный и осеннее сонце ласково смотрело на всех. Партия вкушала пищу с большим аппетитом и весело вела разговор. «Какой это «независимый» Миша Антюфеев?» со злобой переспросил посланца Петюшка. И после недолгого размышления обратился к Ивину: «Пойди, Ванюша, и дай этому нахалу хороших тумаков, чего еще вздумал дьявол, свое не помолотили, а он явился, чтобы молотили ему. Пойди, говорю тебе!» Было видно, что это поручение противоречило совести Ивина, — он был не плохой человек, а Миша Антюфеев славился тоже как человек доброй души, но делать было нечего и он пошел. Петюшка, обратившись ко мне, со смехом сказал: «А ты Сема, ступай за Ивиным и наблюдай, что он будет делать, а потом расскажешь мне». Я пошел по следам Ивина. Фургон Антюфеева стоял на общем дворе, где, по случаю праздника, было собрано очень много народу. Многие, окружив Мишу, разговаривали с ним по братски. Народ увидев Ивина, отошел от фургона, и дал нам проход к Антюфееву. Ивин человек среднего роста, довольно коренастый, но Антюфеев гораздо выше, плотней и моложе, так что при обоюдной драке он измолотил бы Ивина вдребезги. Но он не ожидал драки и спокойно сидя на фургоне, ожидал ответ от Петюшки. Подойдя вплотную, Ивин сказал: «Ты хочешь, чтобы тебе помолотили, так вот я помолочу». И начал бить его кулаками в лицо, голову и грудь и бил очень больно. Когда Ивин закончил бой, Миша спрашивает: «Это и все, что Петюшка дал мне

в ответ? Я приехал к вам, как брат с добрым чувством, а вы поступили со мной, как азиаты. Не такой прием я ожидал от Петюшки. Скажи ему: «Спаси Господи за подарок, а я поеду». И со слезами на глазах, тронув лошадей, отчалил по направлению к селу Смирение. Непротивление Миши сильно ударило по совести Ивина (они были хорошими соседями), и он вернулся с поля брани с поникшей головою. Народ, видя это, не мог определить, на каком основании произошла драка; все знали что Миша Антюфеев человек очень миролюбивый и трудолюбивый. По возвращении к Петюшке я дал ему точный отчет и было заметно, что слова Антюфеева осудили его поступок. Вася Объедков, интимный друг Ивина (он тоже был казаком) трунил: «Как же ты Ванюша, начал его бить, ты же не сердился на него? Наверно как пошел отсюда, ты начал сердиться и пока дошел до Миши, был готов к бою»? Ивин молчал. Молчал и сам Петюшка. И, не смотря на внешнюю верность и рабскую покорность, в душе Ивин постепенно отходил от Петюшки.

И когда Николай Зиборов, гнавший Ивина и его «третьюшку», был прощен Петюшкой и был принят, то это еще более охладило Ивина и кончилось тем, что он принял хороший гомстед на себя и сына и оставил общину. И он пробовал получить свою долю из общины, но как и всем, ему не повезло. Петюшка, все-таки часто о нем говорил и сожалел.

Однажды, в воскресенье, будучи в Иорктоне, Петюшка земетил Ивина, сидящего неподалеку от нашей квартиры, на камнях с другими духоборцами и о чем-то говорившими. Петюшка сказал мне: «Вон, с группой, сидит Ивин. Пойди вот по этой улице и когда дойдешь до него, посмотри ему пристально в глаза и скажи громко, чтобы все слыхали: «Эх, ты мотыль!» Я исполнил приказ в точности, хотя признаться, это было для меня трудно, потому что я привык относиться к нему с уважением, и он любил меня еще мальчиком в селе Ефремовке. На мои слова, которых он не ожидал, но понял что, они говорятся не от меня, он также очень громко ответил: — «Да, вы действительно «мотыли», замотали и обманули весь наш мир! Я околесил квартал для отвода, явился к Петюшке и представил ему рапорт. Ответ Ивина подействовал на Петюшку, потому что он очень долго говорил на эту

тему: «Как это я замотал и обманул весь мир?» повторял он. «Неужели Ивину жить тут хуже, чем в России?»

Кончилось тем, что Ивин, как множество других духоборцев, вышел из общины и горько раскаивался перед Мишей Антюфеевым, за сделанное против своей воли зло. Миша сначала упрекал и стыдил его, что он жил не по своей совести, а под диктовку «азиаки» — так он называл вождя, и творил такие гадости. А потом простил Ивина, и вместо злобы, появилась старая искренняя дружба и они зажили в полном мире и радостном настроении, как добрые соседи.

Ивин был в близких и дружеских отношениях с последним вождем Чистяковым.

СОБЫТИЕ С ИВАНОМ КУТНЯКОВЫМ

Ваня Кутняков, был рослый, физически сильный мужчина. Красивый лицом, голубоглазый блондин с большими раскошными усами. Он занимал при Петюшке крупный пост. Его служба была связана с выбрасыванием отступников, потерявших веру в общинную жизнь или даже в самого Петюшку. Он мог бы рассказать миру, сколько слез и горя народного было причинено его актами по приказу вождя. Он был предан вождю душой и телом и готов был сделать что угодно лишь бы удовлетворить его. Но все равно он попал в немилость: однажды, поздно вечером заезжает Петюшка к нему в недружелюбном настроении. Между других разговоров спрашивает: «Сколько мешков муки осталось в подвале?» «Кажется восемь», ответил Кутняков. «Что это за «кажется?» спрашивает вождь. А потом говорит: «Пойди и посчитай»! Тот идет в подвал и, воротившись, говорит что восемь мешков. «Почему же ты, мерзавец, говорил, что «кажется»? Как ни странно, из-за этого пустяка каприз вождя дошел до небывалой ярости. Вождь приказал Кутнякову в ту же ночь «идти куда глаза глядят, без денег и еды, на один месяц». Кутняков упал на колени, взмолился: «Прости; слово: «кажется» у меня соскочило с языка нечаянно, прости меня родимый Петюшка, ради Бога»! Вождь не обратил внимания на мольбу Ванюши и уехал на поезде в Нельсон, добавив: «Чтобы на глаза не показывался целый месяц».

Кутняков имел трех сыновей исполинов, очень здоровых и красивых, женатых работников: все сыновья отличались трудолюбием и мирным характером. Сыновья начали плакать и умолять отца не уходить, или же разрешить уйти всей семьей. Кутняков хотя колебался, но из-за тщеславия, не мог допустить мысли покинуть общину и вождя, потому что все духоборцы знавшие его историю, осудят его: ведь он бросил родного отца своего в России ради Петюшки, а теперь вышел из общины — пропал душой и телом, семь лет молотил и за один день проглотил, скажут верующие духоборцы. Это честолюбие удерживало его, не смотря на поступок вождя.

Простившись с семьей со слезами, Кутняков оставил дом и пошел к соседу, попросил позволения переночевать у него. Сосед был удивлен, но с радостью принял Ванюшу. Кутняков придумал причину, почему он не ночует дома, но хитрый англичанин посмотрел на него пытливо и спросил: «А когда у вас господин Веригин был в гостях?» «Сегодня», ответил Ваня. «А, теперь я понимаю», добавил сосед. И так весь месяц скитался несчастный труженик, работая по соседям то тут то там. Англичане все-таки узнали от сыновей Кутнякова сущую правду, и называли отца «ослом» «дураком» и хуже того, что он в таких годах (около 70 лет), имея трех сыновей богатырей — полную опору, ушел от родного семейства только для того, чтобы удовлетворить каприз избалованного вождя. «Я послал бы его к чортовой матери!» говорили они. После двухнедельного изгнания, Кутняков работал на пильне у соседа, и увидав, что Петюшка приехал к его семье, решил пойти и еще раз попросить прощения — авось этот раз простит, — думал он. Пошел. Не дойдя до дома, он увидел одну из своих снох, идущую к нему навстречу: Она предупредила его: «Петюшка не желает видеть тебя целый месяц, воротись». Кутняков горько заплакал и воротился обратно. Сосед шутя спросил: «Ну, что, Иван, ваш христос не простил тебя?» И увидев заплаканное лицо Вани, не стал более приставать к нему. В этот раз Петюшка строго предупредил родных Кутнякова, чтобы они, в течение месяца не имели никакого общения со своим преступившим пред ним отцом и мужем. По истечении месяца Кутняков был про-

щен и продолжал свою работу. Оскорбление Кутнякова, исходившее от вождя, сильно возбудило чувства обиженных тружеников. Вскоре со всем семейством, Кутняков переселился обратно в Саскачеван.

Живя на станции Веригино, он работал на мукомольной мельнице. Эта мельница была под руководством Петра Ивановича Веригина — племянника вождя. По причине никому неизвестной, ужасная злоба зародилась между Петром и Кутняковым. Эти два великана не хотели сдавать своих позиций и чаша злобы переполнилась: однажды (по словам Кутнякова), когда Кутняков нагнувшись пересыпал муку, Петр тяпнул его большой гирей по голове и тот повалился на пол, как подкошенный сноп. Придя в сознание он, с полной верой и надеждой на правосудие, пошел к вождю излить свою горькую жалобу, как своему благодетелю. Но вышло так, что Петюшка не пожелал даже его видеть и ему пришлось смириться со своей судьбой. Петр Иванович со своей стороны заявил, что Кутняков лжет и что он первый напал на Петра: начал бросать муку в его глаза и он, защищаясь, толкнул Ванюшу слегка кулаком, а тот упал в обморок.

В разговорах с народом Петюшка утверждал: «Кутнякову только показалось, что была «гиря» в руках Петра, но на самом деле Петр ударил простым кулаком, а вы знаете, что у Веригиных — как исполинов кулаки тяжелые и их нужно остерегаться таким субъектам, как Кутняков. Это было предупреждение всем: «Знайте, мол, нас, Веригиных, с тяжелыми кулаками» . . .

(Записано лично со слов Ивана Кутнякова)

Таких случаев было очень много: не только с мужчинами, но и с женщинами. Анна Ивановна, жена Николы Зиборова, была изгнана из своего родного семейства, на произвол судьбы, на один месяц, за то, что самовольно приехала на Бриллиант из Гранд Форка, посетить родственников и друзей прибывших из Саскачевана, которых она не видела много лет. Целый месяц она бедная женщина скиталась по соседним фармам англичан и работала только за пищу.

Маша Хаминова была в изгнании 30 дней. Почетная

старушка-христианка, жена страдальца Василия Г. Верещагина — умершего на пути в Сибирь, была исключена, по приказанию вождя, из общества; только за то, что посетила своего родного сына — жившего вне веригинского плена. Бедной старушке пришлось не один раз кланяться вождю. Он долго тиранил ее, не смотря на мольбы и слезы, а потом излил свою благодать и простил.

Василий Г. Шерстобитов, однажды на многолюдном собрании был назначен старшим в группе рабочих намеченных к отъезду на посторонние работы. Он запросто сказал Петюшке, что хорошо бы запасти для рабочих одеяла. За такую «дерзость» Петюшка при публике, больно избил его. Бедный парень был поражен не так побоями, как стыдом перед публикой. Этот поступок вождя, надломил неограниченную веру в него. Таких драк на «богомолениях» было очень много, и люди, привыкшие к дерзостям вождя, уже не удивлялись...

В Колумбии за неимением коров, (так было угодно вождю, но для вождя были коровы у его брата Пронюшки, куда он временами заезжал и «подкреплялся»), пища была скудной, народ страдал от недоедания всякими болезнями и в силу необходимости обращался к вождю за советом. Вождь давал строгий совет: к докторам не обращаться, а просить Бога, чтобы болезнь прошла сама по себе. Помню один случай: Николай А. Курбатов, маленький ростом и выглядевший «беспомощным», обратился при мне к Петюшке с покорной просьбой — позволить ему поехать к дантисту и исправить зубы. «Страдаю ужасно, родимый Петюшка», вопил он. Петюшка выслушал его любезно и посоветовал усердней помолиться Богу, чтобы зубы зажили на два года, и сказал, что тот может уходить. Курбатов парень умный, и, приняв Петюшкины слова за шутку, продолжал стоять с улыбкой на бледном распухшем от боли лице. Подождав немного, повторил свою просьбу. Тут Петюшка вышел из себя и начал ругать Николая, закончив словами: «Иди домой и пусть тебе вставят собачьи зубы!» Курбатов взглянул на стоящих тут людей и на вождя, и, опустив голову, отправился домой. А в это же самое время доктор Моррисон в Нельсоне, лечил зубы Петюшке. Сотни людей обращались за помощью и к самому вождю и в контору и, почти всегда, получали отказ. Конторщики, и это была

правда, отвечали, что не имеют права разрешать такие вопросы, тем паче что был приказ вождя: «К докторам не обращаться». Коротко и ясно.

При наличии нечеловеческого тяжелого труда (корчевание громадных пней в пять футов в диаметре), вождь определил на каждого рабочего порцию: по полфунта муки, — минус «запасик», то-есть, из этой порции, люди должны делать запас. Земля в тайге веками не видела солнца, и хотя лес был снят и удален, на первых порах урожаи были очень скудные, был большой недостаток в овощах и других продуктах, поэтому основной пищей была мука.

Однажды приходит с Острова, Василий В. Попов, ростом исполин, и обращается со смиренной и искренней просьбой к вождю: «Петюшка, родимый, я к вашей святой милости. У нас в селе как-то так вышло, что много взрослых рабочих едоков, и муки, которую нам выдают, не хватает. Пожалуйста прибавьте порцию». Петюшка взглянул на него грозным оком и серьезно сказал: «Если не хватает муки, то надо меньше есть, — видишь какой ты здоровый «балбес» разъелся. В других селах сделали большой запасик, а вам, прожорам, нехватает. Не одним хлебом человек жив, — сказал Христос». Попов сказал: «Есть села, где много детворы, — мука выдается на души, и у них запас. А у нас взрослые и работы очень тяжелые, поэтому не хватает». «Корми соловья баснями», сказал Петюшка глядя на присутствующих. Громко рассмеявшись, он добавил: «Эти люди живут для того, чтобы есть». Василий один из немногих интеллигентных духоборцев, и хороший мастер. Гневно вспыхнув и не сказав больше ни слова, он вышел вон.

Вскоре он и несколько семей заняли деньги у друга Абросимова и выехали обратно в Саскачеван. «Довольно», говорили они, «тянуть голодную лямку. Сам кушает всякую пищу и ничего не делает, только разъезжает с любушками, а нам нет даже насущного хлеба вдоволь. К чертям таких благодетелей — доморощенных богов».

В Саскачеване им повезло: купили землю на хороших условиях, завели коров, лошадей, птицу. Пища стала превосходная: молоко, масло, скотина, сметана, творог, пироги со свежим сливочным маслом. Людям захотелось жить. Дети из

тщедушных инвалидов стали жизнерадостными и здоровыми, пошли в школы. «И зачем нас носила нечистая сила в Колумбию спасать души? Сколько нужды и труда положили мы там, потеряли столько лет своей жизни и здоровье ни за что!» гоговорили они.

ДВА ЧУДОДЕЯ: ПАРАХИН И ФОФОНОВ

Кроме множества других чудачеств, вождь придумал еще один фокус, для затемнения и без того невежественных голов. Он дал силу Парахину пускать дождь, а Фофонову останавливать дождь. И вот когда не было дождя в одной провинции, то один из этих старцев приезжал, чтобы пустить дождь, и наоборот, когда шел дождь долго, то другой старик являлся, чтобы его остановить.

Все это конечно было глупой комедией, но тем не менее добрые старцы совершали много раз поездки в тысячи миль из Саскачевана в Колумбию и обратно, все это стоило больших денег, тогда как в Колумбии люди не имели вдоволь пищи. Читателю трудно поверить этому, но это к сожалению факт.

Воскресенье, 29 августа 1915 год. Колумбия

При слиянии двух громадных рек: Кутни и Колумбия, а также небольшой речушки Пас Крик, меж громадных скалистых гор, находится лощина. К ней прилегают поселки: Долина Утешение, Бриллиант и небольшой городок Кястлгар. Эта площадь, во время разлива, покрывалась водой, а когда вода сходила, то выростала хорошая трава, и это низменное — довольно обширное место, называлось: «Лугом».

На этом лугу было большое молитвенное собрание. Богомоление продолжалось сравнительно короткое время. Потом Петюшка и Тюня, почти весь день бегали по лугу. Трехтысячная толпа должна была следовать их примеру. Они только что возвратились из Саскачевана, где гостили среди духоборцев, жирно кушали и не занимались физическим трудом, — жили, как «лилии полевые», и выглядели очень жирными и краснощекими, Набрав с избытком силы, они «жировали», им нужен был моцион и они бегали и прыгали, как молодые телята. Толпа, за исключением небольшого числа прибли-

женных и родственников (они также были откормлены, как боровы) состояла из заморенных инвалидов, недоедавших уже более года и занятых тяжелым физическим трудом: корчеванием леса и возкой дров на себе на расстоянии трех миль и больше. Это была нечеловеческая пытка, перед которой бледнели каторжные работы. Люди выглядели, как мумии — мертвецы, вставшие из могил. Народ, по своему невежеству, приписывал всему этому злодеянию какой-то таинственный смысл, терпеливо все переносил, и сегодня старые и малые бегали голодные за своими святыми весь день, до физического изнеможения. Между беготней были перерывы, когда приезжие «сытые» гости изливали свои «глаголы» голодным рабам, говорили из Евангелия о Христе, чтобы люди жили, как братья в равенстве и помогали слабым. В разгар такой беседы подошла группа лошадей, которые паслись на лугу. Некоторые ребята начали отгонять лошадей. Увидев это, Петюшка с улыбкой, громко крикнул: «Зачем отгоняете лошадей, они также хотят послушать слово божие». Это замечание озадачило народ: верующие утверждали, что лошади, хотя и не говорят, но у них тоже есть душа и они знают, что Петюшка создал их. Другие, немного поумней, говорили: «Для Петюшки лошади и мы одинаковая скотина». Петюшка, разговаривая о равенстве, приехал с Тюней на фаэтоне, а мы, вот с Лугового шли по пыли около десяти миль пешком. Они одеты, как цари, а мы, в лохмотьях. Вот вам и Христос!»

К вечеру, набегавшейся досыта Тюне пришла в голову мудрая мысль и она передала ее Петюшке на ухо. Тот кивает головой в знак согласия. Повернувшись к реке, как буйвол во время жары, он входит в воду до пояса, а народу приказывает: «Пойте, «К водам Иорданским Господь пришедши, от Духа Святого на Него изшедши». Такое крещение он проделывал многократно в доказательство своему стаду, что он именно и есть подлинный Христос. Народ был удивлен таким фокусом и остановился в недоумении. Тогда Тюня громко скомандовала: «Заходите все в воду креститься, а иначе погибнете духовно!» Стадо двуногих баранов хлынуло в реку: передние вошли в воду по груди, — вода с гор от снега холодная, как лед, многие сестры, чтобы сохранить единственное праздничное платье, подняли его на голову, непри-

лично обнажив свое полумертвое тело. Больные и маловерующие, — в том числе и Ваня Конкин, вошли только для отвода глаз по щиколотку. Так как это был плохой пример для стада, Петюшка приказал тащить Конкина и других в глубину реки и окунать с головой. Федор Плотников, получивший 800 розог в дисциплинарном батальоне, по болезни, не пошел в воду и за это был больно избит вождем. Сам вождь также окунался почти с головой и громко говорил: «Иисус Христос крестился» и весь народ, наподобие гусей бултыхался в воде. Картина была курьезная: многие женщины плыли и их юбки надувались, как паруса. Эта забава продолжалась около часу. Потом Петюшка и Тюня помчались, на заранее приготовленном фаэтоне в свой дворец, а стадо, мокрое до нитки, поплелось по дороге, на которой лежала мягкая пыль в фут толщиной. И когда «крещеные» рабы подходили к своим хатам, казалось, что их платье сделано из пыли. Маловерующая молодежь говорила: «Они похожи на мытых негров!»

Собрание на третьей полице «Долины Утешения»

«Долина Утешение». Это название было дано Петюшкой земле, купленной первой в Колумбии. Эта долина была покрыта громадными лесами и земля не видела солнечного света. Долина представляет собой «полицы» — вероятно громадная река веками, смывала постепенно песочную почву и углублялась в балку, оставляя полицы выше своего уровня. Первая площадь-полица, немного выше реки, вторая, футов на двести выше реки, а третья полица будет, пожалуй, футов на пятьсот выше реки, в подножии Скалистых гор.

При каждом возвращении из Саскачеванской провинции в Колумбию, устраивались торжественные собрания-богомоления. По правилам духоборцев люди, идущие на собрание, не должны кушать. На этот раз Петюшка приказал устроить собрание на третьей полице. Вся эта полица была распахана. Народ начал собирться рано при рассвете, а часов в десять явился вождь. Так как у духоборцев не принято Священное Писание, все проповеди и беседы всегда происходят только от «высшего разума» вождя. Поздоровавшись с народом, вождь

передал привет от духоборцев с прерий и после короткой речи и богомоления перевел своей разговор на тему, как татары на Кавказе, стоя на коленях, молятся Богу, и как бывало во время их молитвы, его старший брат Пронюшка, иногда шутки ради, стрелял из ружья мимо молящихся. Молящиеся, услышав звук пролетевшей пули, бросают молитву и подскакивают от страха на ноги. При таких беседах Петюшка громко хохочет, и в угоду ему, хохочет все слушающее стадо.

После рассказов о своей поездке и приключениях, если они были, вождь предлагает ради здоровья сделать моцион: и все собрание начинает, вслед за Петюшкой и Тюней бегать. При быстром беге тысячи ног по пахотной земле поднималась ужасная пыль. Машуня Сухорукова и другие старушки, в длинных церковных халатах с костылями в руках, улепетывали вслед за толпою, глотая вместо завтрака, густую пыль. После голодного пробега Петюшка советовал своим последователям верить Богу и уверял, что в одно прекрасное время к нам подойдет другая планета и все достойные пересядут на эту планету, уедут и будут царствовать, а неверующие останутся на земле и погибнут. Вся толпа падает на колени и молит Петюшку, чтобы он забрал всех на «новую» планету — никто не хотел оставаться на старой. На этом собрании Пронюшка (брат вождя) сделал маленькое возражение младшему брату. Это привело их к серьезной публичной ссоре: Пронюшка убежал с собрания, упрекая Петюшку за то, что он кормит собрание «собачиной», то-есть, что вождь назвал духоборцев собаками. Пронюшка, конечно, был прав. Но толпа обвинила Пронюшку: как он мог противоречить вождю? О правде никто не подумал. И так закончилось это собрание неприятностью между вождем и его старшим братом Пронюшкой. Народ, при наступившей жаре, сполз с высокой полицы, и распылился по своим селам «насыщенный» духовной пищей вождя.

СУД НАД РЫБИНЫМИ

Братья Рыбины: Федор, Алексей и Семен — сыновья Федора С. Рыбина. Он был угнан, как правая рука вождя, в ссылку одновременно с вождем и помер в гор. Онега Архангельской губернии в 1895 году, в разлуке со своим родным се-

мейством. Братья в Канаде все время жили в общине, были очень преданы вождю и трудолюбивы. Вождь ради их отца, относился к ним хорошо. Однажды, мальчика — сына Алексея, постигло великое несчастие: другой мальчик нечаянно разрубил ему топором глаз. Алексей обратился к старшим и конторщикам, (вождь был в прериях), и попросил дать ему денег на проезд в Спокян, где находился специалист по глазным болезням, который мог успеть спасти глаз. На свою просьбу, Алексей получил хладнокровный ответ: «Петюшка не велел обращаться к докторам». Отец мальчика выразил свою обиду и упрекнул старших: «Я знаю как вы позволяете «некоторым» обращаться к докторам в менее серьезных случаях». Кончилось тем, что Алексей занял денег у англичанина, работавшего на железнодорожной станции на Бриллианте, и повез мальчика самовольно. Глаз успел испортиться и специалист удалил его, чтобы спасти другой глаз.

По возвращении вождя старшие делают ему доклад о самовольном поступке и грубости Алексея. Вождь выносит приказ: «Алексею и его семейству прекратить выдачу муки и других съестных припасов, за нарушение установленного порядка». Иными словами, он был приговорен к голодной смерти только за то, что как отец, старался спасти глаз сына...

Сын Федора, Михаил, служивший некоторое время при вожде за почт-мастера и вышедший из общины, узнал о положении Алексея (дяди), написал вождю дерзкое письмо в котором стыдил его за нехристианские поступки: жестокость и несправедливость по отношению Алексея и особенно его несчастного мальчика. Между прочим он сравнил вождя с Распутиным, разыгрывающим из себя божество и падким до молоденьких девчат. Письмо взволновало вождя и он взвалил вину на всех троих братьев.

Кроме этого Федя, разговаривая с Ваней Планидиным, выразил сомнение и сказал: «Едва ли Петюшка сделает пересадку с нашей грешной земли на другую планету, где живут верующие». А потом покритиковал духоборческий псалом, где сказано, что Господь уготовил для грешных огни неугасаемые, смолу злую кипучую и червей не осыпающихся и не сгребающихся, и добавил, что это плохой и злой бог, которому не стоит и верить. Планидин, глубоко верующий в

вождя старичек, был обижен за такое неверие и обо всем этом доложил вождю. Семен был обвинен за то, что вероятно это он написал Михаилу о положении Алексея. И вот наступил суд, в присутствии только мужчин-рабочих. Прочли письмо Михаила и Миша Кухтинов объяснил, что такое Распутин: — «Это лекарь», говорил он, «какое может быть сравнение лекаря с Петюшкой? Конечно никакого. Это клевета». Алексей объяснил свое обстоятельство, рассказал о несчастии с мальчиком и было заметно, что все рабочие были на его стороне, ставя себя в его положение. Федя откровенно сказал, что он не верит в богов с огнем, смолой и червями и так ловко это выразил, что вся присутствующая группа громко рассмеялась: народ любил Федю за его усердие. Потом Петюшка обратился к Ване Планидину и спросил: «Ну, а как ты думаешь о Семене?» Он ответил: «От Семы я кроме добра ничего не видел». Прокурором был Николай Зиборов, которому Семен дал такой «сдачи», что тот краснел от стыда. А потом Петюшка сказал Семену: «Ну, довольно и этого». Всем народом было вынесено решение, что Рыбины достойные члены общины и им надо простить. (За что?) Суд закончился.

После этого братья Рыбины, как и большинство других, оставили вождя и его плен, т. е. общину, и переселились вместе с другими духоборцами, ушедшими раньше их и давшими материальную помощь, в Калифорнию, купили колонией землю, очистили от подсолнухов, сравняли, посадили виноград и орехи, построили домики. Работая дома и на стороне, и благодаря хорошему климату и усердной работе, устроились с полным комфортом. Все духоборцы живущие в Калифорнии жалеют, что не оставили Канаду и вождя много лет раньше. О, как сладко жить на воле! — говорят они. Живя в Калифорнии, мы имеем дружескую связь с нашими духовными братьями и сестрами молоканами, постоянными, прыгунами и другими сектами. Помимо молокан, мы имеем много друзей из православных, католиков и других вероисповеданий, — говорят они.

СОБРАНИЕ В УТЕШЕНИИ

Рассказ Ивана Гр. Ивина

В один прекрасный день — среди лета, Петюшка возвратился из прерий и по установленным обычаям духоборцев, по его приказу, со всех ближайших поселений народ собрался для богомоления. Такие собрания делаются рано утром и кончаются к десяти часам утра, когда еще не наступает жара. Общий «неписанный» закон: люди идущие на богомоление не должны кушать до возвращения домой.

Каждое богомоление начиналось после того, как вождь поздоровавшись с народом, прочитает: «Отче наш». Когда на богомолениях присутствовал вождь, то народа бывало гораздо больше. Собрание на этот раз было готово к молитве в семь часов утра. Летнее солнце всходило из-за громадных гор, все выше и выше и начало постепенно припекать. Время проходило, но вождя не было. В этот раз он приехал с новенькой «племянницей» и почему-то очень долго оставался в постели. Прошел час 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 1-й и наступил второй. Голодный народ на припеке солнца, все время на ногах, начал чувствовать усталость. Головы «лысых» мужчин покрыты платочками. Молодежь начала втихомолку негодавать. Вождя нет. Некоторые из молодых шутили: «Всему виною новоприезжая». Собрание устало ожидать. Иван Гр. Ивин был приближенным к вождю и занимал важные посты в общине. Он предложил собранию начать богомоление без вождя, полагая, что он заболел. Некоторые находили, что это будет незаконно, но большинство согласилось с предложением Ивина. Ивин вышел вместо вождя к публике, прочел «Отче Наш» и началась литургия: прочли несколько псалмов, начали петь и богомоление приходило к концу: это было около четырех часов вечера. В это время пришел вождь в сопровождении новоприезжей и других прислуг обоего пола. «Это что такое?», крикнул вождь в страшном гневе. «Кто вам позволил начинать без меня богомоление, проклятые вы людишки?» Народ пораженный, как громом, притих и оборвал богомоление. После долгой и жестокой нахлобучки и проклятий по адресу богомолов, вождь становится на свое

место и читает: «Отче Наш» и богомоление «законное» начинается снова. По окончании литургии, вождь читает проповедь об учении Иисуса Христа, его любви к униженным и обиженным о полном равенстве людей и их жизни... Собрание закончилось в 7 часов вечера и народ, не евши, не пивши, пошел с поникшей головой по своим участкам, не солоно хлебавши, чувствуя тяжесть проклятий на своей душе, а за что?

Не пошедшие на собрание, видя, что богомолы так долго не возвращаются, решили, что вождь привез что-то новое, важное, народ наслаждается так долго его мудрыми глаголами и жалели, что не пошли в этот раз, но когда узнали от возвратившихся о фактах, то были рады, что не пошли. Маловерующая молодежь критиковала это богомоление: «Он проваландался с новоприезжей девченкой, а вы, дураки, жарились на солнце». Верующие упрекали таковых и утверждали, что этому так и надлежало быть. «И раньше наши вожди так поступали», говорили они.

ИНТЕРЕСНОЕ СХОДСТВО

По словам Петюшки, за его бытность в ссылке, его очень ненавидело духовенство за то, что он дружил с простонародьем, тогда как попы держали себя в стороне от народа. На праздники и по воскресеньям Петюшка ходил по селам, говорил с народом, а главное, одарял детвору сластями. Когда проходили по селам попы, детвора или не обращала на них внимания или просто пряталась от них, но когда появлялся на улицу Петюшка, все дети бежали к нему, приветствовали его, и большой толпой следовали за ним. Он говорил им наставления: быть добрыми к родителям и не драться. Попы делали на него доносы высшему духовенству, жаловались на него, но при всем желании, они не могли найти достаточно серьезной причины чтобы воспретить ему общение с народом, тем более, детворой. Иногда попы сами лично упрекали Петюшку: почему он соблазняет детвору сластями? На это Петюшка отвечал с иронией: «Наверно они меня уважают и любят за мое к ним доброе отношение и гостинцы. А вы ведь только и знаете, что грабите людей, поэто-

му детвора вас не любит и даже боится».

Это было в то время когда Петюшка боролся против лжи и духовенства. Тогда он был апостолом правды.

Прошли десятки лет. Петюшка на свободе и играет роль вождя общины. Как-то у него гостил офицер бывшей царской армии, человек образованный и страшный враг советского режима. Однажды, переплывая на пароме реку «Кутней», Петюшка заметил, что офицер держит в руках большой бумажный пакет. Он подошел к офицеру и спрашивает: «А это что у вас?» «Это я взял конфет для детишек», ответил офицер. «А ну ка, дайте мне, я посмотрю», сказал Петюшка. Офицер моментально передал конфеты Петюшке думая, что тот хочет покушать. Петюшка взял из рук офицера конфеты и, не глядя на них, бросил в реку.

И тут-то пришел мне на память его рассказ, как попы не любили его за подарки детям. Но вот какая разница: попы не отбирали у Петюшки конфет и не бросали в реку! Вот, что делает власть! Как портит она людей!

Семен Федорович Пыхтин из села Тихомирного

Семен Пыхтин, старичек лет 70-ти, сухой, среднего роста, седой и очень энергичный человек. Всю свою жизнь в Канаде, он посвятил благу общины и был безгранично предан вождю. Он был очень известным среди духоборческого общества и передовым человеком в своем селе. Он отличался усердным физическим трудом и духовной силой. Однажды, когда Петюшка в воскресенье, внезапно посетил село Каменку, случилось вот что: большое количество народа из села Тихомирного, где жил Пыхтин, пришло в гости в село Каменку. Петюшка был встречен народом Каменки, и гостями из Тихомирного. Пробыв немного, Петюшка, из-за какой-то мелочи, осердился на каменских. Молодые ребята в шутку говорили: «Не тем концом подали пирог Петюшке и он осердился». Но гнев был так велик, что Петюшка, не попрощавшись с жителями Каменки, поскакал, сломя голову, по направлению Тихомирного: дорога была очень плохая: по лесу и болотам. Увидав, что. Петюшка направился в Тихомирное, все гости из этого села, братья и сестры, побежали вслед, а

потом начали отставать и пошли шагом. Семен Пыхтин, уцепившись сзади за фаэтон, бежал всю дорогу мили четыре до самого села. Такой преданностью вождь был доволен — гнев его остыл и время прошло в этом селе в хорошем настроении, в беседах и большом угощении. Так что в общем все духоборцы смотрели на Пыхтина, как на честного порядочного человека. Он окорчевал очень много земли и работал, не смотря на свое плохое здоровье, за трех человек.

Как-то работая с тремя взрослыми женатыми сыновьями на общинной пильне, на станции Ково с присущим ему прилежанием и усердием, он помимо своей должности, раскорчевал с лишком пять акров земли. Все рабочие на пильне и в лесах были им очень довольны и относились к нему с большим уважением и любовью. Эту пильню община арендовала у немца по имени Ков. Станция названа его именем.

Однажды, поздним осенним вечером приезжает на пильню Кутняков, бывший раньше хорошим другом Пыхтина и торжественно передает приказ Петюшки, следующего содержания: Сема Пыхтин и его старуха Матрюша, должны сегодня же ночью уходить куда им угодно и в течение месяца не показываться на глаза Петюшке. Это для верующих старцев было равносильно смертному приговору. Куда идти в темную ночь? Сказано: «Чтобы не брали с собой ни хлеба, ни денег» ... Станция Ково находится в узкой долине «Слокян», среди громадных высоких Скалистых гор. По этой узкой долине проходит железная дорога из Нельсона в Слокян Сити. Все родные и вообще все рабочие и жители пильни были поражены таким приказом и считали, что старики не заслуживают такого грубого наказания. Тут работал один армянин Арут, хорошо познакомившийся с Пыхтиным. Когда Арут узнал, что вождь приказал выбросить Пыхтиных в ночь, он сильно вознегодовал и открыто сказал: «Зачем такой дела сделать ваш Питушка (Петюшка)? Симон хороший человек, зачем ему гоняет на двор. Это не хорошо, ей Бог, нехорошо», ломая руки, повторял Арут. Я, будучи зятем Семы Пыхтина, питал самые нежные чувства к старичкам, советовал ему послать Кутняка подальше, выделиться с сынами из общины и жить самостоятельно. Все постройки принадлежали немцу и Петюшка не имел права выгонять ни-

кого из них. Но старцы глубоко верили в вождя и исполнение его воли было для них обязательным, хотя не знали точно причины своего изгнания.

Когда старцы оставили свое родное семейство: детей, внуков и правнуков, было уже около полуночи. Ночь была очень темна. Они вышли на полотно железной дороги и почти ощупью направились по пути в Слокян Сити. Старичек стал на полотне железной дороги на колени, поднял руки к небу и громко, со слезами, молился: «О, родимый наш благодетель Петюшка, прости нас если мы в чем согрешили перед вашей святой милостью, прости нас во имя Бога и Христа!» Это он повторял в течение 30 минут. Потом они отправились, сами не зная куда. Оставшиеся в слезах и горе родственники не спали всю ночь и молились за благополучие старцев.

Хвала Богу, наш грешный мир не без добрых людей! По пути, пройдя 25 миль, они зашли на фарму православного человека, Кости Попова. Тот узнав, в чем дело, сжалился над ними и пригласил их прожить период «опалы» и работать ему за корм. Такое благоволение со стороны Кости отражало Бога-любви и милосердия, и старцы, целуя ему руки, с благодарностью остались и работали от чистого сердца. Костя дал им приют в пустом сарае и они были рады этому. Эта ужасная опала отразилась на физическом и душевном состоянии несчастных жертв. Они, пожалуй, скорее предпочли бы смерть вместо этого незаслуженного позора перед духоборческим народом, который относился к ним всю их жизнь с большим уважением.

После выяснилось, что племянница Петюшки, жена Алеши Чернова, осталась чем-то недовольна Семой Пыхтиным, пожаловалась своему «дядики» и он, чтобы удовлетворить ее каприз, наложил это дьявольское наказание, забыв все их прежние заслуги и усердные работы. В течение месяца этой опалы когда Петюшка приезжал на пильню, все родные приходили к нему, стояли на коленях и просили простить их старцев. По истечении месяца, старцы возвратились и при первом случае, Сема Пыхтин, встретясь с Петюшкой на дворе пильни, стал на колени и начал молить о прощении, но тот сделал вид, что не замечает, а прошел мимо. В конце кон-

цов, опальные добились прощения, но после всего этого нервного потрясения, позора и обиды, старик заболел и вскорости помер, горько разочарованным в вожде, перед которым он распинался всю жизнь и которого обожал, как святого.

ДЕЯНИЯ ВОЖДЯ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ

Британская Колумбия. 16-е октября 1915 год. Воскресенье. День был с самого утра солнечный и теплый. Это отражалось умилением не только на народе, копошившемся по всему поселку, но даже и на суровых и холодных скалах этой страны. В восемь часов утра, после богомоления, Василий Перепелкин со своей женой и родной сестрой, по наказу своих близких родных, шли из Трамса — поселка независимых духоборцев, по полотну железной дороги, на Бриллиант — центр Христианской Общины Всемирного Братства, навестить больную тетку. Расстояние от Трамса до Бриллианта 4 мили. Не доходя до Бриллианта повстречались с Алексеем Вышловым, человеком доброй души, глубоко верующим в вождя. Поздоровавшись, Перепелкины спросили: «Как нам лучше дойти до села Зыбина?» Оказалось, что и сам Вышлов идет как раз в то же село. Пошли вместе, тихонько разговаривая о текущей жизни в самом дружеском расположении духа. Вот контора вождя Господнего. Он выбегает на балкон кухни, взволнованный и разъяренный, как римский цезарь. Его ненависть к отпадшим, потерявшим веру в его святой авторитет и духовную власть безгранична. Громовым голосом закричал: «Кто вы такие, общинники или нет?» Вышлов, чувствуя крайнюю неловкость и вину за общение с отпадшими, в полной покорности ответил: «Я общинник, а эти трое из Трамса не общинники». Вождь был в последнем градусе ярости: лицо его побагровело, и исказилось. Это наводило ужас на попавших к нему в лапы миролюбивых и честно трудящихся людей. «Вы слышали, проклятые собаки, что я не позволяю вышедшим ходить к общинникам?» С его языка слетел громкий мат. «Нет, родимый наш Петюшка, мы этого не слышали. Мы шли навестить нашу умирающую тетку в Зыбине», в испуге отвечали они, застигнутые врасплох, как преступники.

«Врете, проклятые, что вы не слыхали!» продолжал яростно кричать Господний. В это время его ямщик отпрягал лошадей из фаэтона, на котором Господний делал утреннюю прогулку. Он еще вчера, по приезде из Фруктового, был не в добром настроении, даже свою Тюню отослал на ночь на другую квартиру. «Неси сюда длинный кнут!» закричал Господний. Внезапные пленники, видя, что им предстоит порка, тронулись по направлению к селу Зыбину, но не тут-то было: «Держи их, проклятых, Алеша!» закричал Господний Вышлову. Тот, до сих пор бывший другом Перепелкиных, забежал наперед и ухватил их, чтобы задержать. Пленники не сопротивлялись, остановились. Господний, приблизившись к невинной жертве, Василию Перепелкину, взял его из рук Вышлова и начал бить в голову, затылок и под бока, самым бесчеловечным образом. Натешившись досыта, вождь бросил Перепелкина и возвращаясь, увидел, что ямщик — здоровенный парень, готовый всегда по приказанию вождя, сделать все, что ему угодно, стоит с громадным кнутом в руках и улыбается: «Я готов, давайте ваших отступников». «Бей их, Иван, кнутом!» приказал Господний. Но когда ямщик начал сечь жену и сестру Перепелкина Господний понял, что сечение Ивана не действовало на женщин, потому что их длинные платья предохраняли тело. «Поднимай им подолы на голову и секи их проклятых, по голому телу!» Алеша поднял платья на голову, а Иван сек. Вождь Господний любовался этой картиной. Перепелкин, тяжело избитый плакал навзрыд. Женщины не сопротивлялись, только от стыда, смотрели вниз, стонали и плакали. Получая удары кнутом они громко молили: «Прости нас, родимый Петюшка».

Потом Ивану было приказано, чтобы он гнал их всех обратно от Бриллианта по направлению к Трамсу и беспощадно сек. Когда тот догнал их до железной дороги, Перепелкин начал выходить из себя, и, взяв в руки камень, заявил Ивину: «Если не перестанешь драться, размозжу голову камнем». Увидев это, Господний начал в догонку шуметь: «Не трогайте Ивана, а иначе он возьмет палку и изобьет вас, как собак» . . .

Однажды, на Утешении Господний говорил премьеру Баузеру, который приезжал по духоборческим делам: «Мы,

духоборцы, как крайние пчелы, сидевшие на матке отлетевшего роя, отлетели от русского правительства и этим облегчили давление на матку, Николая Романова. Так могут и духоборцы, чувствующие себя крайними пчелами, отлетать из нашей общины и облегчать мою тяжесть». А потом добавил: «Одно лишь я ставлю в условие: чтобы вышедшие жили по-христиански, то-есть, не хуже, чем они жили в общине. Люди свободны, жить как им угодно».

Но в действительности Господний публично заявлял, что ушедшие погибшие душой и телом, проклинал их и воспрещал всякое сношение с «еритиками». Но в народе было доброе живое чувство и люди тайком посещали родственников. Добро побеждало злой дух.

Перепелкин передал дело адвокату в Нельсоне и возбудил судебный процесс. Получив повестку от полицейского, Веригин не на шутку перепугался и разыгрывая роль Христа, дал своему адвокату такое показание: «16-го октября утром, я сидя в конторе, случайно увидел через окно человека, идущего с двумя женщинами. В кармане торчит громадная бутылка с водкой, которую он очевидно, нес в наши поселки для соблазна. Я спокойно вышел на заднее крыльцо и дружественно попросил этого человека возвратиться с водкой во-свояси. Он воротился. Вот и все. Я даже не сходил с балкона. И никто другой не бил ни его, ни женщин. Перепелкин врет в своем заявлении, что я могу подтвердить множеством свидетелей». Адвокат Веригина сказал, что если это действительно так, то Перепелкины попадут в тюрьму за ложь и клевету на вождя Христианской Общины.

Но несмотря на всю хитрость Господнего и его ловкость и способность в прошлом перехитрять суды, на этот раз он усомнился. А вдруг найдутся люди и покажут на суде сущую правду, как избивали Перепелкиных, и может ему самому придется идти в тюрьму за драку. И вот Господний делает наказ Перепелкиным для свидания. И когда это состоялось, вождь поборов на время свою надменность, начал просить Перепелкиных, чтобы они простили ему и Ивану и что он вполне сознает свое злодеяние, которое он совершил в «горячке» и что он Господний, примет все расходы Перепелкиных по этому делу. Перепелкины, поговорив между со-

бою, решили простить Петюшку. Бог, мол, ему судья, а то ведь может подучить преданных ему духоборцев отомстить нам пожаром или даже чем хуже.

Господний закрепил мировую документально и уплатил расходы в 35 долларов, которые были заработаны его полуголодными рабами. После окончания дела Господний повеселел и сказал строго: Вы не должны никогда ходить к общинникам, чтобы не было лишних хлопот.

Со слов присутствующего.
Подтвердил: М. М. Кухтинов, плативший расходы.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ

Крупный капиталист по имени Джей Д. Магригор, живший в городе Брендон, был владельцем громадной конюшни «ливери стэбел» с сотнями отборных лошадей-бегунов и фаэтонами для публики. Тогда автомобилей почти не было и зажиточные жители города вечерами и по вескресеньям нанимали лошадей и фаэтоны для прогулки. Кроме этого он владел десятками домов, занимался выращиванием породистого скота для мяса и этот скот показывал на выставках по всем большим городам в Канаде и Америке. Он снабжал по контрактам мясом всех подрядчиков, строивших железные дороги. Кроме этого он состоял главным директором во главе очень крупной английской земельной компании в Южной Алберте. От него Петюшка покупал очень много лошадей и таким образом Магригор и Петюшка стали близкими друзьями. Были случаи, мы гостили у него по неделе как в своем доме. Магригор очень грузный человек, среднего роста. Вдовец. Имеет трех сыновей. Богатый дом и обстановка. Громадный шкаф во всю стену с книгами. Если ему требовалась книга с нижней полки, то он не мог согнуться и достать ее, а садился на лакированный пол и ползал вокруг книг. Петюшка дружески замечал: «Почему вы так много кушаете — это же вас слишком обременяет». А кушал он особенно много. Он отвечал: «Понимаю это сам, господин Веригин, но такой ужасный аппетит, не могу воздержаться». Каждому сыну он дал известное дело и они работают каждый для себя. Петюшка советовал ему устроить сынов, так чтобы они работали сообща, по-

могая друг другу. На это он отвечал отрицательно. Пусть каждый проявляет свою способность и наживает, как умеет. Мы не верим в общину. Я нажил богатство сам без помощи отца и братьев.

Второй хороший друг у Петюшки был С. Доблью Спирс. Он имел богатый дом в Брандоне и несколько фарм в окружности этого фармерского города. Он был комиссаром по иммиграции и много хлопотал перед Петюшкой и уговаривал принять подданство, получать документы на землю, а потом посоветовать духоборцам перевести земли на имя общины, сложить все документы в несгораемый ящик и этим закрепить общину навсегда. Такой совет Петюшка принимал со смехом, а потом говорил ему: «А если владелец придет с револьвером в руках и попросит возвратить его документ, тогда что делать?» И оба: Спирс и Петюшка громко дружески хохотали. Однажды, ехавши из Алберты, где купили лошадей, мы дали телеграмму Спирсу, что остановимся на отдых в его доме на фарме, где заведует его сын «Ваня». По приезде на станцию, мы были любезно встречены Ваней. У нас скопилось много багажа: чемоданы, постели и другие вещи. В Алберте пробыли долго, спали в степи с табунами лошадей и имели немного постели. Ваня подал нам руку, с улыбкой поздоровался и не смотря на то, что у нас гора хлама, заложил руки в карманы и говорит: «Следуйте за мной». Мы едва подняв груз, потащились за ним. «Вот так Ваня», говорю я, «встретил гостей». Нас охватил неудержимый смех, который обратил внимание Вани. «Что вы смеетесь?» спрашивает он. «Да разве ты не видишь, мы надрываемся с поклажей, а ты, наш юный друг, идешь, заложив руки в карманы», говорим мы. Тогда он со стыдом извинился и взял часть нашей ноши. Это было в полночь. На другой день приехал сам Спирс и мы прожили тут двое суток. Петюшка сделал из камыша два пищика и очень красиво играл — удивил Спирса и его дочерей. Время прошло весело и хорошо. Когда Магригор, Спирс и Петюшка были в компании, они как простые товарищи, много говорили серьезного, много шутили и рассказывали анекдоты. Иногда в шутку, они называли Петюшку «король» или «царь» духоборцев. Петюшка на это обижался и просил не повторять такой глупости, пото-

му что это ошибочное утверждение и что он, Петюшка, является простым рядовым человеком общества и не отличается ничем от остальных духоборцев...

И вот, однажды, Магригор и Спирс, по приглашению Петюшки, пожаловали к нему в гости в село Отрадное. Их хорошо угостили. Потом Петюшка решил повезти их на лесопильный завод за Громовой горой, на северном участке. Заложив две пары хороших лошадей, Петюшка занял место кучера, и надо отдать справедливость, что он удивил Магригора, который хорошо понимает в лошадях, своим умением управлять лошадьми. Смотря на Петюшку, Магригор тихонько говорит Спирсу: «Я не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами, что Веригин имеет такую способность владеть лошадьми», а потом пояснил, что сила воли кучера, как электричество, передается посредством вожжей в голову лошади, и они чувствуют эту силу и покоряются. Несмотря на то, что дороги были скверные, мы ехали довольно быстро и весело.

Когда Петюшка ездил один, то вполне было естественным видеть торжественные встречи в каждом селе и все казалось нормальным. Но теперь у него два друга, которых он уверял, что он не «король» и ему надо было во чтобы то ни стало избежать торжественных встреч и подтвердить свое слово перед ними. По пути мы должны были проезжать село Переходное. Чтобы избежать встречи, Петюшка направился огородами. И что же? Народ вероятно услыхал, что Петюшка едет на пильню. Быстро собрались все жители включая и детей. Когда увидали, что Петюшка направился мимо села, люди, не зная, в чем дело, думали, что вождь имеет на них гнев, а потому и объезжает. Громадной толпой, с громогласным пением унылого псалма, народ ринулся бегом к нашему экипажу, всей толпой сделал земной поклон и долго бежал во след. Петюшка гикнул на лошадей и помчался очень быстро, не подавая вида, что замечает толпу, которая осталась в полном разочаровании и недоумении.

Но это не удалось скрыть от зорких глаз друзей, которые посмеивались и подмигивали друг другу. Они смекнули, в чем дело и между собой в шутку со смехом говорили: «Теперь мы сами лично удостоверились, что Веригин не

играет никакой роли среди духоборцев — он, как и все рабочие, только член общины». Лично же из-за приличия и дружбы они ничего не сказали Петюшке, как будто ничего не поняли. Погостив трое суток, они отправились во-свояси.

Все это происходило в моем присутствии.

ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ В КОЛУМБИИ.

Живя в Колумбии, община не имела доходов от земли и поэтому большинство рабочих, за недостатком местных работ, должны были уезжать в прерии и работать на уборке хлебных злаков. Цены за работу вообще были низкие, а билеты по железной дороге стоили не дешево. Это вынуждало бедных рабочих, где только можно, проезжать «зайцем». Это было большим соблазном для кондукторов. Однажды г-н Миллер, заведующий железной дорогой, имевший контору в Нельсоне, говорит мне следующее: «Наши сыщики точно узнали, что когда духоборческие рабочие уезжают в прерии, то с ними едет доверенный от господина Веригина, который «тайком» делает уговор с кондуктором и тот провозит их за половину цены без билетов или делает билеты с сокращенной дистанции. Скажи пожалуйста Веригину, как бы он чувствовал, если я подкупил бы его управляющих продавать нашей компании лесной материал, всякое варенье и фрукты за полцены без его ведома? Мог ли бы я, в таком случае, назваться христианином? А ведь г-н Веригин является главой Христианской Общины! Что прошло, не воротишь, но попроси Веригина от моего имени, пусть он запретит рабочим грабить нашу компанию. Ведь у нас также громадные расходы». Все это я добросовестно обещал передать Петюшке. Это было страшно не по душе вождю, потому что он сам уважал старика Миллера, делавшего много уступок для общины.

РАБОТЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК

В виду того что приходы общины далеко не покрывали громадные расходы на устройство и содержание народа, Петюшка решил посылать девочек на отхожие работы: соби-

рать ягоды и фрукты. Это была одна из самых позорных страниц общинной жизни. Собирали сотни беспомощных девочек в Бриллианте, нагружали их, как молодое стадо овец, в вагоны и отправляли на работы, как солдат на войну.

Петруня Аргатов, старичек лет 80-ти назначался досмотрщиком. Это был энергичный, крепкий и бойкий старикашка. На первый взгляд казалось хорошо: большая группа девочек, веселое пение стихов, смех и полный досмотр почетного старичка, никакой опасности нет. Но это казалось, пока все девочки были вместе в присутствии Аргатова... Но когда их доставляли на место работы, в долину Оканаган и другие пункты, картина менялась: их распыляли по одной, две и по три по разным, отдаленным одна от другой фермам. Много было ферм, где хозяева были молодыми холостяками ветеранами, местами по два и больше ветерана холостяка на одной ферме. И у этих, часто безнравственных и подчас пьяных людей, наши несчастные девочки должны были работать и ночевать, как самые беззащитные жертвы... Один только Бог знает, что пережили эти бедные дочери добрых родителей, которые не могли открыть печальных фактов, дабы избежать позора. Все это унижало духоборцев перед порядочными посторонними людьми.

(Записал лично со слов самих девочек).

На одном из собраний в селе Надежда — (почти все съезды происходили здесь), Петюшка был в прекрасном расположении духа и очень много ораторствовал. «Самая главная задача», говорил он, «в совершенствовании человека, в сохранении своего сердца от зла. Я полагаю сделать книгу страниц в сто, в хорошем переплете с надписью: «Духоборческий Принцип». В этой книге среди белых листов написать крупным жирным шрифтом только пять слов: «Сохранить Свое Сердце от Зла» и больше ничего. Каждый из нас должен стараться всегда быть добрым с родным семейством и с соседями и со всеми окружающими нас людьми: делая добро, мы являемся храмом Бога живого. Иногда я сам теряю равновесие духа: допускаю зло в свое сердце и часто поступаю грубо и даже делаю оскорбления. Поэтому вы не должны соблазняться и брать пример с меня, а всегда помнить, что

мы должны носить дух добра. Например: если бы я, будучи зол, приказал кому из вас побить человека, вы не должны слушать меня и т. д.».

Почетный старичек Гриша Глебов, внимательно слушал, а потом громогласно и торжественно сказал: «Петюшка, я заявляю перед вами и всем миром: если вы прикажете мне убить человека, я с радостью убью». П. В. долго хохотал и, потрепав старика по спине, сказал: «Это неправильно, Гриша!» Но по всему было видно, что такая безграничная преданность была по душе вождю. Глебов, как и многие другие, гордились этим.

Строгие порядки в Христианской Общине.

Когда наши страдальцы-герои отказавшиеся нести военную службу, прошедшие дисциплинарный батальон со всеми его ужасами: порками, розгами до полусмерти, тяжелой многолетней жизнью в Сибири, по освобождении, возвратились к своему народу и к родным семьям, им показалось, что пища в общине слишком скудная, даже по сравнению с сибирской жизнью. Это было в Саскачеване, а что сказали бы они про пищу в Колумбии? Об этом, как надо было и ожидать, доложили Петюшке. За такую грубость и смелость он наложил на них наказание: трое суток не давать им ни крошки хлеба. Едва ли кто исполнил этот указ, но он ясно отражает характер и сердце вождя. Некоторые передовые борцы, как Вася Поздняков, Никола Рыльков, Алеша Верещагин, Гриша Ванин и другие, увидев действительное положение и условия общинной жизни, сразу же оставили ее и переселились в Калифорнию, где после тяжелых трудов, зажили очень хорошо: в полном комфорте и удовольствии, а другие, в силу необходимости остались и примирились с условиями жизни.

Случай в долине «Крестовое».

Последнее время рабочие имели право, по воле вождя, удерживать свой заработок, превышающий определенный оклад, для своих личных нужд. Из рабочих были специалисты по известным отраслям: машинисты управляющие молотилками и

др. Таковые получали большое жалованье: 15-20 долларов в день и для таковых «оклад» был очень легким, у них получались большие «остатки» и они делали вождю подарки деньгами по своим силам. Таким образом вступил в силу «неписанный закон»: рабочие должны делать подарки Петюшке и, как говорится: «с миру по нитке, голому рубашка, у него скоплялись порядочные суммы на личные расходы и справку: красивую одежду, часы и пр. Часть из этих денег Петюшка временами передавал в общинную кассу для народного употребления на нужды.

Ермоша Лежебоков, мужчина громадного роста, выше шести футов и весом в 250 фунтов, доброй, открытой души, (с его приятного лица редко сходила дружеская улыбка) любил пошутить. Ребята спрашивают его: «Как же так, Ермоша, ты такой большой, красивый мужчина, а вот твоя супруга маленькая, дробненькая? Разве не мог ты найти получше и побольше?» Он с улыбкой отвечает: «Я ведь женился на ней только на время, а теперь решил жить с ней до гроба». Петюшка был общим духовным отцом всех духоборцев, но в нем было известное самолюбие: в каждом селе было несколько человек, которых он любил и уважал больше чем других. Любил он и Ермошу за его простую чистую душу. Однажды, он приехал к Ермоше на Крестовое, Ермоша никогда не ходил на отхожие заработки и не имел ни гроша в своем кармане. Петюшка любезно поздоровался с ним, дал поцеловать свою руку, и говорит наедине: «Ермоша, вот даю тебе пять долларов». Тот просиял лицом и начал благодарить, но Петюшка остановил его и говорит: «Постой, слушай хорошенько. Эти деньги ты держи в руках и когда я на собрании буду беседовать с народом и взгляну на тебя пристально, то ты подойди ко мне и подари мне эти деньги для примера рабочим. Понял?» Понял, родимый Петюшка», с широкой улыбкой и разочарованием (он думал, эти деньги для него) ответил Ермоша и положил деньги в карман.

Народ сошел со всего поселка на большое собрание. Петюшка давно уже тут не был и ребята только что возвратились с посторонних работ. Поздоровавшись по принятому обряду, Петюшка начал беседовать. Через некоторое время он взглянул с усмешкой на Ермошу и тот, также ответил

ему широкой улыбкой. Поговорив еще довольно долго, Петюшка снова пристально взглянул на Ермошу и тот попрежнему ответил искренней улыбкой. Так повторялось много раз. После обеда подали фаэтон для отъезда. Подходит к нему Ермоша и с видом виноватого громко говорит: «Петюшка, я совсем забыл о деньгах, которые вы дали мне, чтобы подарить их вам во время вашей беседы, вот они». Петюшка взял деньги и с гневом сказал: «Ты Ермоша, настоящий дурак». Эти слова перед публикой для Ермоши были больнее пули, и он сразу упал духом. Петюшка уехал. Народ, не понимая в чем дело, обратился к Ермоше с расспросами. Тот по своей правдивой натуре рассказал все. Он сильно печалился, что забыл. «Ведь сколько раз Петюшка на меня глядел а я, правда, дурак, не мог догадаться — все вышло из моей головы». Рабочие уговаривали Ермошу: «Не горюй, так было угодно Богу, он пожалел нас, а то нам надо бы отдавать ему последние деньги, а у него и так их много». Ребята собрали ему несколько долларов в подарок. Он повеселел и говорит: «А может, ребята, и в самом деле это было угодно Богу, чтобы я забыл».

СЛУЧАЙ В ПОСЕЛКЕ КИЛЬМУР.

Тимоня Сторожев — заика, средних лет и роста, хлесткий и очень жизнерадостный человек. Его любили все рабочие за юмористические рассказы. Несмотря на то, что ему было трудно говорить, он всегда говорил смело и много шутил. Однажды, на большом деловом собрании, в зимнее время, Петюшка спросил у рабочих, нельзя ли употреблять зимой лапти по сухому снегу (в Саскачеване зимой снег сухой, как песок). «Не пойдет дело, Петюшка», возразил Тимоня. «Почему?» с удивлением спросил вождь. «А вот почему: духоборцы часто вырубают леса тайком на чужих землях и в обыкновенной обуви их нельзя уличить в краже, а если мы будем в лаптях, то нас по следам могут легко уличить и мы пострадаем».

Этим ответом он рассмешил Петюшку и все собрание. А добрый смех не грех. Где находился Тимоня, там всегда было весело. У духоборцев были и другие, юмористы, несмотря

на их безграмотность: Никола Савельевич Казаков-Чулков, также был живым человеком. Будучи в ссылке, в грузинском ауле, он писал своим друзьям «воробьевой» партии, оставшимся на местах, так: «Тут растут громадные фруктовые деревья. Мы на десяти фургонах стоим под одной громадной орешней в тени. Эта орешня не наша, а остальные все чужие». А заканчивает письмо следующими словами: «Остаюсь жив, здоров, без рубахи, без штанов, того и вам желаю от Господа Бога».

Это было в духоборческом поселке Кельмуре в Саскачеване. Эта новая колония основана на купленной земле и там работало много народа по постройке домов и т. п. Тимоня был за главного повара. Приехал Петюшка (он был всегда расположен к Тимоне и любил его). Тимоня приготовил вождю хороший обед и все шло, как по маслу. После обеда, находясь в гостиной, Петюшка вел разговор на разные темы и между прочим о девочках в духобории, обвиняя их в том, что они подражают английским девочкам в нарядах, а это противоречит нашему принципу. Потом обратился к Тимоне и говорит: «Вот и твои дочери, Тимоня, я замечаю здорово наряжаются. Тимоня спроста ответил: «Я и сам вижу, Петюшка, и бранил их много раз, а они мне отвечают: «Петюшка наряжает своих дев в шелковые платья, а нам почему не наряжаться пока мы молодые?» Это сильно оскорбило Петюшку и он в гневе спросил: «Так вы берете пример не с моих советов, а с моих девочек, а?» Тимоня, видя, что попал впросак, моментально опустился на колени и начал просить: «Простите меня, родимый Петюшка, я ошибся». Когда он стал на колени, Петюшка повернулся и ушел в кухню. «Вот я и думаю», говорит Тимоня, «не то мне подняться, не то оставаться на коленях, пока возвратится Петюшка? Решил стоять на коленях. Простояв минут десять на вытяжку, чувствую страшную боль и ломоту в коленях, и решил опуститься на свои пятки, вроде как на стул. И вот только уселся поудобнее, отворяется дверь из кухни и я, полагая, что это Петюшка, поднимаюсь навытяжку, но оказывается, это кто-то из моих помощниц-стряпух. и я снова опускаюсь на свои ноги. Вот опять кто-то выходит из кухни и я опять поднимаюсь на вытяжку. Это повторялось много раз. Стоя на коленях, один,

в пустой гостиной, несмотря на боль в коленях, я критикую сам себя и меня разрывает смех. Самое главное: это было душевное страдание: двери гостиной были открыты во двор и меня видели все рабочие. Они с интересом указывали на меня пальцами. Так промучился я целый час, который показался мне больше недели. Вошел Петюшка, взглянул на меня и говорит: «Чего ты Тимоня, стоишь на коленях, вставай и занимайся своим делом». Простите Петюшка!». взмолился Тимоня. «А за что прощать? Ведь ты сказал мне правду», дружески ответил Петюшка. Тимоня поднялся, колени ломили. Все пошло по-хорошему и он, как новорожденный повеселел и с улыбкой стал излагать свою историю. Когда Тимоня вышел по делу во двор, рабочие окружили его с расспросами и шутками: «Почему, мол, ты так долго стоял на коленях?» И он, заикаясь и смеясь, ответил: «Петюшка передавал мне свою премудрость». «Премудрость-то премудость, а за ноги похватываешь, верно отстоял», смеялись рабочие.

Брань по адресу Алеши Ивановича Рылькова

Алексей Иванович Рыльков, среднего роста, плотный брюнет с богатыми усами и голубыми глазами, при разговорах всегда улыбался. Он был одним из преданных последователей Петюшки. Несмотря на то, что его жена была родная сестра Воробьева Алеши, за которым пошла часть духоборцев («Воробьева партия»), Алеша пошел за Петюшкой, и, как другие духоборцы, попал в ссылку в Грузию. Он жил в селе Орловке. Его семейство считалось, по тамошнему, зажиточным. Все богатство было оставлено: «Тебе ради Господи». Алеша был довольно грамотным, и будучи в ссылке, играл видную роль: он вел переписку от имени духоборцев с их друзьями: Л. Толстым, Бирюковым, Чертковым, Трегубовым и др. В особенности, он много работал в пользу переселения — жертвовал собой для общего блага.

В Канаде он жил в общине и попрежнему был преданным духоборчеству. По переселении в Колумбию, он, как и большинство других, был разочарован страной и качеством земли на Утешении, где он работал. В то самое время Петюшка наложил запрет: никто не должен вести перепис-

ку с духоборцами даже родными в Саскачеване. Алеша, воспитанный в правде и верящий в свободу, не посчитал этот запрет за что-то серьезное и писал родным о жизни в Колумбии без прикрас. Узнав об этом Петюшка, начал придираться, оскорблять и унижать Алешу перед народом за его непокорность. От тяжелых трудов, многих бед и пережитых страданий у него была парализована нога. Кончилось тем, что в силу обстоятельств, он был вынужден воротиться обратно в Саскачеван. Время изглаживает все неровности: прожив на свободе, он забыл все обиды Петюшки, у него воскресло к нему доброе чувство, которое и побудило его написать дружеское письмо и сказать всю правду о духовных недостатках вышедших из общины духоборцев, которые всецело погнались за материальной наживой. На это письмо Петюшка ответил ему в самом грубом и нехристианском духе. Привожу письмо целиком:

А. И. Рылькову:

Письмо твое получено, и на то, что вам, вышедшим из общины, делается печально, могу сказать: у нас в общине все благополучно, слава Господу. Так что жизнь духоборцев подвигается все вперед и к лучшему, как в материальном, а так же и в духовном отношении. Вам же, отступившим от веры Христовой, готовится ужасное бедствие: тот же злой дух, который отвратил вас от пути господнего, скоро начнет терзать вас, и вы от злости будете кусать свои языки. Вы, которые были в числе желающих исполнить учение Иисуса Христа, теперь стали хулители закона Божьего. И потому вы прокляты и потомки ваши не наследуют покоя. Вы слышите, в каком положении находятся жиды, этой участи подвергли и вы себя. Ты несчастный человек отвлек свою семью от христовой жизни. И за погубление душ тебя будет терзать сатана. Признак твоего бедствия будет начинаться тем, что твои же дети, которых ты погубил, станут ненавидеть тебя, как паршивую в доме собаку, и вши станут точить твою гадкую спину. Ты говоришь, что письмо ты написал с ведома твоих многих соучастников. Так и это письмо прочти им и прочти своим детям, и береги это письмо долго. Когда над тобою станут совершаться жестокие бедствия, тог-

да ты уразумеешь, что есть Господь, и порицать закон божий не следует. Когда ты будешь сидеть в холодной хате и мороз будет корчить твое уродливое тело, тогда вспомни про это письмо. Вы хлопочете за мошенника Потапова — этим вы очень похожи на книжников и фарисеев, когда Пилат предложил отпустить Иисуса. Но фарисеи стали подстрекать народ, и возопили: «Отпусти нам Варавву-разбойника, а Иисуса распни». И еще вы теперь переходите со своими желаниями и поступками в партию грабителей и предателей на Кавказе. Вы, как проклятые жиды, похуляете учение Иисуса Христа и потому не будет вам отрады во век.

Петр Господний.

Примечание: Это пророчество и угрозы не исполнились: Алеша дожил свою жизнь в полном семейном счастии. Дети его уважали и любили и он помер, окруженный своим хорошим семейством и друзьями. До кончины своей телесной жизни, Алеша считался всеми, кто его знал, за хорошего, трезвого и примерного человека.

ИНТЕРЕСНОЕ СОБЫТИЕ

На полупути между духоборческими селами и городом Иорктон, находилось общинное имущество, известное, как «Бурцева Фарма». На той фарме жили и работали два семейства: Васи Веригина (племянник вождя) и Василия Шерстобитова.

Однажды, по пути в Иорктон мы с Петюшкой Господним заехали дать отдых лошадям и пообедать на этой фарме. Луша, жена Шерстобитова, доброй души и глубоковерующая в вождя, пожаловалась что ее маленький сын Илюша сломал руку и очень страдает. «Разрешите пожалуйста позвать костоправа Николу Савенкова». Петюшка выслушал очень внимательно и спрашивает: «А где твой мальчик? Веди его сюда». Привели мальчика. Петюшка посмотрел распухшую ручку и говорит мне: «Сема, держи крепче Илюшу, а я буду поправлять руку. Какие там еще костоправы!» Я зажал мальчика между колен, обхватил его руками, а Петюшка растирал руку, вертел, сгибал и разгибал во все стороны. Мальчик

орал благим матом. Потом руку забинтовали — операция была закончена. Мы уехали в Виннипег. Через три дня по пути из Иорктона, снова заехали на эту фарму. К нашей радости мы увидели Илюшу бегающим на дворе с детворой, — его рука была совершенно здорова. «Ну вот», говорит Петюшка, «посмотри, Сема, как хорошо мы поправили руку Илюше, как будто она и не болела у него. А хотели посылать за Николой Савенковым». Когда зашли в дом, сели за стол, Петюшка, обратившись к Луше, сказал: «Видишь, твой Илюша с нашей легкой руки так скоро оправился». Луша усмехнулась, посмотрела в глаза Петюшке и, как бы сконфужено и виновато, сказала: «После вашего отъезда Илюша стал так сильно плакать, что и нам не давал жизни и мы решили, простите нас за самоволье, вызвать костоправа. Он сказал, что рука не была сломана, а только вывихнута. Он распарил руку и как только поставил сустав в локте на место, Илюша сразу затих, перестал плакать и начал, как вы видели, играть с детворой на дворе». «Это хорошо», сказал Петюшка, «а мы с Семой думали, что это мы его вылечили». Смотря на меня, он долго и чистосердечно хохотал и критиковал себя и меня.

Луша Шерстобитова и Мавруня, жена Васи Веригина, как в общем водится между женщин, не могли жить в полном мире и часто ссорились. Мавруня, будучи «Веригиной» ожидала полного подчинения со стороны Луши. А Луша требовала полного равенства. «Я не вижу разницы между мной и тобой», говорила Луша. «А ты забываешь, что мы, Веригины, рождаем вам христов», возражала Мавруня. Кончилось тем, что Шерстобитовы были удалены с этой фармы.

О БОЛЬНЫХ

Петюшка Господний, помимо того, что был вождем, играл роль врача. Очень многие из больных обращались к нему, так как к докторам обращаться было запрещено, и он давал им, если был в хорошем настроении духа, советы, как излечиться.

Петруня Горьков из села Смирение, один из добрых и честных тружеников — очень гостеприимный и выдающийся духоборец, после тяжелых работ занемог и заболел.

Будучи глубоковерующим в вождя, он обратился к нему за советом. Дело было зимой, когда канадские морозы достигали 40 градусов ниже нуля. Вождь дружески посоветовал ему спать на дворе на открытом воздухе.. Несчастный человек всю ночь напролет лежал на морозе и щелкал от холода зубами. После такого лечения, он вскорости помер.

Событие при последнем вожде Чистякове.

Однажды мы с Чистяковым и некоторыми друими друзьями заходим в дом очень благородного, скромного и глубоко-верующего семейства. Глава семьи, бабуня, была у соседей. Зайдя в комнату, Чистяков и товарищи закурили папиросы, и, сидя, разговаривали. Дым от папирос наполнил все хоромы. Часа через два возвращается домой бабуня — о прибытии вождя в их дом она не знала. Как только она зашла в кухню, табачный дым встретил ее и она, вытаращив глаза, громко спросила:: «Это какой чорт смеет осквернять мой дом (она верила в заповеди Господнего) курением табака? В это время ее сын делает знак и шепчет: «Петр Петрович у нас». «А если это курит наш благодетель, то на доброе ему здоровьице! Пусть курит без стеснения. Я ведь думала, что какие-либо мерзавцы осмелились курить в нашем доме».

И так весь вечер прошел в попойках и курении, а бабуня удалилась в свои хоромы, чтобы не мешать благодетелю продолжать пьяную оргию.

Вожди духоборцев выше их принципов.

ДЕДУШКА ВАНЯ МАХОРТОВ

По приезде из Сибири в Канаду Петюшка отличался, как политический, своей простотой, как настоящий «демократ». Будучи в Виннипеге по общественным делам (а был он там часто), он большей частью останавливался или на квартире знакомых армян или в дешевых гостиницах, где ночуют рабочие. При каждом его появлении в городе, его встречали представители разных газет, узнавали, где он стоит и часто писали в газетах большую похвалу за то, что будучи вождем такого благородного общества, он является подлинным другом бедноты. С течением времени он стал меняться, а

последнее время останавливался только в самых дорогих аристократических гостиницах. Такая же перемена произошла в отношении одежды. Сначала он вел себя так просто, что позволял мне несколько раз подстригать ему волосы (я умел хорошо стричь), а потом ходил к самым лучшим парикмахерам. Словом, в своей личной жизни стал, как индийский магараджа.

Дедушка Махортов, среднего роста, коренастый и очень бойкий и сильный мужчина. Он был на военной службе при Николае I и на общественной службе у трех духоборческих вождей: у Петра Ларионовича, Лукерии Васильевны и Петра Васильевича. Заслуженный патриот — духовно он и родил Петра Господнего. Образ жизни вождя ему не нравился, иногда он выходил из себя и говорил друзьям: «Будучи в ссылке в Сибири он (Петюшка) говорил мне так: «Дедушка, когда мы освободимся и возвратимся к духоборцам, я возьму пару лошадей и плуг и буду работать, как и все наши братья. Если кому будет нужен мой совет, придет и спросит», а теперь променял этот план и принцип на большие Тюнины груди».

Дедушка Махортов был освобожден раньше Петюшки и раньше переселения в Канаду — он приехал к родным в ссылку, на станцию Скра З.Ж.Д. и успел пережить те ужасные условия, в которых находились духоборцы в аулах. Видя повально больной народ, он негласно передал одному верующему слова Петюшки: когда духоборцы переселятся в Канаду, то могут кушать рыбу. Народ, услыхав об этом, у нас на северном участке стал ловить и кушать рыбу. Рыбы в реках было много. В некоторых селах, как например в Хлебодарном, все крыши домов были завалены рыбой, которую они сушили для зимы. Запах рыбы разносился очень далеко от села. Этой рыбой народ подправился и повеселел, многие поздоровели. Вообще канадский суровый климат повлиял в хорошую сторону для людей, страдавших лихорадкой. Они освободились от болезни совершенно.

По приезде Петюшка узнал об этом и не взыскивал за нарушение заповеди. Однажды разговаривая с одним из своих любимцев, Николаем Гремякиным, он спросил: «Говорят, что и ты Никола, ловил рыбу?» «Ловил, родимый Петюшка!» «Но ведь ты знаешь, что рыба тоже имеет жизнь и душу и хо-

чет жить, как и мы, разве тебе не было жалко отнимать у нее жизнь?» спросил Петюшка. «Мне, Петюшка, было ее дюже жаль; один раз я поймал очень большую рыбу и когда вытащил, поверите, она издала крик, как маленький ребенок», сказал Никола. «И что же ты с ней сделал, пустил обратно в воду?» «Нет, Петюшка, когда рыба закричала, мне стало ее жалко, я поцеловал ее и положил в свой мешок». Петюшка долго хохотал и дружески легонько ударил его ладонью по спине, сказав: «Молодец, Никола, все-таки ты пожалел рыбу, даже поцеловал ее, а я бросил бы ее в воду». После этого Петюшка часто рассказывал народу о жалости Николы и весело смеялся...

ВАНЯ ПОНОМАРЕВ

Ваня Пономарев был высокого роста, красивый брюнет, по духоборческому считался довольно зажиточным человеком. Свое богатство, как и все другие богатые духоборцы, роздал бедным, остатки были конфискованы царским правительством. Из своих породистых лошадей он доставил одного «лихого рысака» Петюшке в Сибирь, и тот гарцевал на нем до своего «возрождения».

Между духоборцами Пономарев был в славе за свое христианское поведение и способности в хозяйстве. В Колумбии, при крайне плохом питании и тяжелых работах, он заболел и находился в очень убогой маленькой лачужке, которая освещалась в темное время «коптушкой» — это маленькая жестяная баночка, в которую вставляется стаканчик с керосином а, потом заправляется фитилем из тряпочки: когда его зажигают, он дает больше зловонного дыма, нежели света. В таких обстоятельствах доживал наш «богач». Он был брошен всеми, да и всем было самим до себя. Я посещал его и приносил древесного алкоголя для смазки пролежней. Петюшка присылал к нему от себя посла с поручением: «Когда ты, Ванюша, умрешь, то Петюшка поручает тебе передать от него привет «Лушечке» и всем святым». Лушечка померла в России в 1896 году. Ваня не взирая на все свои боли, улыбнулся, и ответил посланцу: «хорошо, передам».

Разговаривая со мной, Ваня говорил: «Сема, из начатого духоборцами великого дела не вышло ничего. Петюш-

ка отдал свое внимание и энергию на материальное устройство, а духовная сторона осталась пустой. Веригины не способны наживать — они только способны проживать. Большое богатство их отцов и дедов они все пустили в трубу и это может произойти с хозяйством общины». Ванюша Пономарев заканчивал свою земную жизнь в полном разочаровании и душевной боли.

И его пророчество сбылось в точности: общинное имущество полетело в трубу Чистякова.

ИВАН ЕВСЕЕВИЧ КОНКИН

Ваня Конкин, сын Евсея, был одним из хорошо грамотных духоборцев. Он прошел, вместе с сынами Василия Веригина, школу грамотности у частного учителя. Евсей Конкин был зажиточным, имел большое влияние среди духоборцев и татар, живших в окружности; он играл роль адвоката, а иногда и судьи. К нему всегда обращались, когда происходили недоразумения между людьми и он умиротворял их, нередко получая за это хорошее возниграждение в виде подарков. Евсей был одним из партии Котельниковых — врагов Веригиных. Ваня был женат на родной сестре Петюшки, Варваре Васильевне — доброй души женщине. Жизнь их была несчастной: единственная дочь от солнечного удара была лишена разума и это было для них тяжелой обузой. Когда Петюшка сподобился «возрождения» и призвал духоборцев на борьбу с царским правительством, сославшим его из «сиротского дома», Ванюша по службе, стал его правой рукой — посредником между вождем и духоборцами. Вследствие этого он был арестован. Влиятельный отец легко мог освободить сына, если бы он согласился перейти в их партию. Но Ваня предпочел ссылку с женой и больной дочерью. Он прожил в тяжелых условиях много лет в городе Мезени, Арх. губ.

В Канаду он прибыл после Петюшки. Ему дали маленькое помещение. Иногда Петюшка приглашал его руководить пением, когда он разъезжал по селам. Иногда его назначал в качестве делегата к правительству. Он выезжал в Россию навстречу страдальцам, освобожденным по манифес-

ту, которые были сосланы в Сибирь за отказ от воинской повинности. Иногда он печатал на машинке духоборческие псалмы. Физическую работу он не любил. «Работа дураков любит» есть поговорка. Он был умный и в преклонных летах, хотя другие старики таких же лет работали наравне с молодыми.

Хотя он пользовался известными привилегиями и почетом, но, в общем, его жизнь была незавидная. Сельчане, с которыми он жил, упрекали его за его лень. Ежедневные ссоры, пререкания, недостатки в пище, — все это сильно отражалось на его настроениях. Он был в отчаянном положении и давно собирался покончить с собой. Но пока был жив Петюшка, он еще мог переживать свое мытарство, а когда Петюшка помер, он не видел дальше смысла жить. Он часто говорил друзьям, как горько жалеет, что не послушал отца. Я был еще молод и не понимал, что делаю. Если бы это движение началось еще, то я поклонился бы низехонько до пояса и сказал бы: «В добрый час», и ни за что не пошел бы на страдания... Он умертвил себя постом. Больше двадцати дней ничего не ел и не пил и освободился от всех сует мирских. Полное и горькое разочарование!...

ПРОЕКТ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В АЛАБАМУ

Убедившись, что Колумбия все-таки страна неподходящая для жизни духоборцев, Петюшка решил было приобрести земли в теплом климате, где можно выращивать различные фрукты и овощи и жить много легче вегетарианцам, чем в колумбийских трущобах с нездоровым климатом, где братья надрываются тяжелой работой на лесопилках, рудниках и т. д.

Казалось бы очень логичным — переселить своих последователей в Калифорнию, где уже поселились и живут многие из наших братьев-молокан и где климат и вода хороши для здоровья а тепло почти круглый год — одежды требуется мало, расстояние из Колумбии около тысячи миль. Но вождь, был против этой страны, потому что там для молодежи большой соблазн и она уйдет из общины... И вот он по рекомендации земельных спекулянтов, избрал штат Алабаму в пяти тысячах миль от Колумбии. Штат Алабама в три раза

меньше Калифорнии, расположен низко, чуть не ниже уровня моря на берегу Мексиканского залива. Изобилие болот и миллиарды комаров: лихорадка свирепствует в такой степени, что фармеры держат воду в бочках и сверху наливают на воду мазут, чтобы не садились комары, а потом черпают воду из-под мазута и пьют. Выращивается больше вата. Много рудников угля и цемента. Климат нездоровый. Болота переполнены крокодилами. Население — негры и беднота из белых, которым нет выхода, а зажиточные живут в городах, их плантации обрабатываются неграми почти даром. Дожди идут ливнями — как из ведра. Тут действительно для молодежи только один соблазн — лихорадка. И вот сюда попал наш дорогой вождь, как муха в паутину черного паука. Спекулянты окружили его, расхвалили страну, климат, землю и изловчились провести крупную сделку: Петюшка дал им векселей на 350 тысяч по контракту и дело было закончено. Можно теперь переселяться из куля в рогожку. Все устроено прекрасно, слава Господу!

После этой «быстрой» сделки, Петюшка встретил несколько честных, беспристрастных людей, которые предупредили Петюшку о том, что климат Алабамы могут выносить только негры — природные сыны жаркой Африки, и что если он перебросит свой народ туда все вымрут от жары и лихорадки, как мухи вымирают зимой в Канаде. Кроме того, община была в долгу по-горло и требовалась громадная сумма денег для переселения, плюс новые долги по векселям за земли в Алабаме раньше чем духоборческая нога ступит на эти земли. Эти добрые люди, слава Богу, повлияли на Петюшку и заставили его призадуматься: а что, если и в самом деле это так? Что же делать? Решает послать Мишу Казакова и поручает расторгнуть контракт во чтобы то ни стало и достать векселя обратно. Если описать рассказ Казакова подробно, как он хлопотал по этому делу, то получилась бы большая книга.

Когда Казаков предложил спекулянтам расторгнуть контракт и просил векселя обратно, они с удивлением посмеялись над ним. «Что с вами? Разве вы не видели землю, климат, воды, население, — раньше чем согласились купить? Вы же были трезвыми. Дело прошло и закончено. Ваши векселя

мы уже заложили за свои облигации другим людям. Очень жалеем, но помочь вам не можем. Вы должны платить по векселям, а иначе мы отберем ваши земли в Канаде. Бизнес есть бизнес. Мы люди и делаем дела серьезно, а не играем делами, как малые дети», ответили спекулянты. Да их и трудно было винить, что они не хотят расстаться с 350 тысячами долларов за землю, которую они не могли бы продать другим и за 50 тысяч. Земли в Алабаме очень дешевые. Что тут делать? — думает Миша. А потом ему пришла мысль воспользоваться «голышами». Он поехал в Вашингтон и заявил властям, как будто по секрету: если вы позволите духоборцам поселиться в вашей стране, они вам тут наделают столько хлопот, что вы будете жалеть об этом. У чиновников, к его счастью, были даже фотографические карточки с духоборческих голышманов, они поверили Казакову и по его просьбе сказали спекулянтам, что духоборцев они принять не могут. На этом основании Казаков имел «козырь», но всеравно после долгих хлопот Мише пришлось «маслить» этих законных грабителей, пока они согласились расстаться с такой крупной находкой.

Да, Господь Бог пожалел духоборцев и они миновали это ужасное переселение, где их ожидала полная гибель.

Записал со слов Миши Казакова.

ТОПИТЬ В РЕКЕ ДЕТЕЙ И СТАРЦЕВ

Враждебность между духоборческой общиной и правительством иногда приводила вождя в исступление. При тяжелых условиях жизни нужно было платить налоги, а для удовлетворения ветеранов. возвратившихся с войны, правительство дало им полную волю действий, они например, совершенно нахально принуждали вождя подписывать им духоборческие земли, как штраф, за то, что духоборцы, по своим принципам, не участвовали с ними на войне. Они кичились своими заслугами. Петюшка, в силу необходимости, и ради спасения своей жизни, подписывал. Однажды, сильно взволнованный он заявил: «Раз у нас отбирается земля силой, то духоборцам придется топить в реке своих детей и стариков,

потому что нет возможности существовать». Это заявление, как пламя пронеслось по всем газетам Канады, и многие помня походы голышманов, боялись, что духоборцы приведут эту угрозу в исполнение. Некоторые полагали, что вождь заболел психически.

Один старичек, Ваня Быканов, лет 80-ти, круглый сирота, глубоко верующий, исполнил эту угрозу: подойдя к громадной реке, он прочел «Отче наш», и сказав: «Господи, благослови», потихоньку стал заходить в воду все глубже и глубже, пока не скрылся с головой и поплыл на тот свет, в небеса, на «суд божий»! Таким путем старик закончил свой тяжелый и тернистый земной путь. Он был мирным и добрым работником и переносил много оскорблений и насмешек от народа, считавшего его «простячком».

Мнение Петра Веригина Господнего о порядках в России

9-го ноября 1917 г. «Хутор» — в Альберте.
Петр Веригин.

В России после войны нужны реформы:

1. Отменить воинскую повинность. А солдат и милицию держать из добровольцев

2. Сократить подати до возможности.

3. Все фабричные предприятия должны быть народно-государственные.

4. Городскую систему сократить до предела — постепенно свести города на нет.

5. Устраивать фабрики и учебные заведения не в городах, а в провинциях всей страны.

6. На сколько возможно поднять фабричное производство и ничего не отпускать, в сыром виде, за границу.

7. Все крепости уничтожить: объявить страну нейтральной т. е. народной.

8. Держать милицию только для внутреннего наблюдения за уголовными преступниками.

Это точная копия с подлинного листа, написанного собственноручно вождем. (Оригинал у меня в целости).

Из этой программы ясно, что Петюшка допускал и считал необходимым держать солдат с оружием из добровольцев.

Он считался с фактами жизни, несмотря на то, что приказывал духоборцам уничтожать оружие огнем.

СРАВНЕНИЕ

Ново-Израили, ушедшие от своего вождя Лубкова в Уругвае, почитали его, как почитают духоборцы своих вождей, за Христа. У них в вожди попадают не по наследству, как у духоборцев; а кого назначит умирающий вождь; они поселились в Калифорнии и, работая с нами, много рассказывали про своего «орла» Лубкова. Когда они заявили, что намерены покинуть общину, Лубков позвал их в свой кабинет, угостил чаем, долго вечером беседовал с ними и дружески советовал не уходить. Они ответили: «Мы решили, и уходим в Калифорнию». Утром, когда они собрались с семьями к отъезду, пришел сам Лубков, расцеловал всех, пожелал им добрый час и просил писать ему о своей жизни и если нужно, просить помощи.

Какая разница по сравнению с нашим вождем, который проклинал выходящих из общины и желал им всего нехорошего; считал их своими врагами: во время первой мировой войны, он писал в Оттаву правительству и давал совет: так как вышедшие из общины приняли подданство, то обязаны идти и защищать свою страну. Ему хотелось наказать вышедших и доказать, что только в общине можно спасаться от войны. Правительство не обратило внимания на его совет и сдержало свое обещание, что духоборцы освобождены от воинской повинности и не брало насильно никого. Если некоторые духоборцы и пошли в армию, то добровольцами.

Сема Верещагин, один из лучших и добрейших духоборцев, будучи у нас в гостях, рассказывал, как его посылал Петюшка на Принц-Албертский участок к независимым духоборцам — объявить на собрании, что они «проклятые», и как это было против его совести, но при его обстоятельствах, податься было некуда. Какая грубость по сравнению с Лобковым!

●

Первое письмо Петюшки к духоборцам от 6-го апреля 1888 года, когда ему было 30 лет от роду (Он родился в

1858 г.) ясно говорит о той ступени духовного развития, на которой он находился в то время. Касаясь сиротского имущества, которое захватила малая партия Губановых, он, между прочим, говорит: «Там есть тартар и бездна, где вечное и нескончаемое мучение... загробной жизни». И еще: «Господа Бога, который не погнушался девичьего чрева». И еще: «Многим придется поступить, как поступила жена Лотова».

Вполне очевидно, что в то время он верил, как утверждали попы, что у Бога приготовлен для своих детей, которые по своей слабости совершили грех, тартар и бездна (ад), где им будет мука вечная. Это утверждается и в духоборческих псалмах. Это было его желание по отношению к своим врагам Губановым. Такого Бога рисуют, католики, православланые, евреи и все секты — число их легион. Но если бы в действительности был такой злой мстительный Бог, то каждый добрый и честный человек может только презирать его, как чудовище, как изверга, как людоеда!

Потом, Господь Бог, сотворивший миллиарды планет, солнц, лун, комет, людей, животное, растение и пр. и пр., в виде святого духа вошел в чрево непорочной женщины, и спустя девять месяцев, снова появился на белый свет для того чтобы его казнило духовенство руками Пилата за ту правду, которую он им говорил и уличал их в обмане людей для своего удовольствия и торговли его именем. Такая вера относится к темным седым временам дикарей. Это значит: «не погнушался девичьего чрева».

И еще: «Многим придется поступить, как жена Лотова». Согласно рассказам библии, жена Лотова была превращена еврейским Господом Богом в соляной столб, за то, что оглянулась назад на оставшихся родных и друзей в Содоме-Гаморре, а после старику Лоту пришлось продлить человеческий род посредством своих родных дочерей, потому, что старуха, ставши солью, не могла рожать детей. Еврейский Бог не превращал в соляной столб Моисея, по приказу которого убивались тысячи невинных людей, насиловали тысячи непорочных детей-девочек; или Давида, содержавшего гарем женщин и убившего бедного Урия, от которого он отнял единственную жену. Он выжигал кирпичи людьми, которых брал в плен на войне, как делал Гитлер. Таких господ ев-

рейский Бог любил и всегда помогал им. Этих убийц, рабовладельцев, и сейчас духовенство возводит в сан святых, а бедная бабуня Лотова находится в презрении, — но, пожалуй, ее успела излизать скотина, скот ведь очень любит соль. Нельзя не пожалеть госпожу Лотову: ведь она оглянулась не от злобы, ее заставили это сделать добрые чувства.

В эти еврейские сказки верил в молодости Петюшка, как и все духоборцы. Но после духовного «возрождения», когда Петюшку озарил свет разума, то он не мог верить таким басням, ибо он уразумел, что Бог есть любовь, добродетель, милосердие, всепрощение и здравый РАЗУМ, и что этот Бог живет и отражается в добрых людях и такому Богу приписывать злодеяния, которые евреи, по своей злой натуре, приписывали своему злому мстительному богу, есть оскорбление и кощунство. А потому Петюшка уверял Чертковых, что письмо, о котором идет речь, он не писал. Он вырос духовно и ему было неприятно смотреть на ту скорлупу суеверия и темноты, в которой он одно время находился.

●

В общем, Петюшка имел довольно либеральные и христианские взгляды на жизнь вообще и как будто верил, по учению Иисуса, в абсолютное равенство всех людей на земле, но в это же самое время практиковал различие, например: когда померла «бабушка» Петюшкина мать, он приказал похоронить ее в отдельном месте от общих кладбищ. Когда помер дедушка Махортов, живший от села Отрадного, где покоилась бабушка, милях в двадцати или больше, в селе Петрово, то его также не похоронили там на общих кладбищах, а везли на санях зимой, как мерзлую глудку, в село Отрадное и похоронили рядом с бабушкой. Бабка Аршуенкова из села Вознесение также была похоронена на «бабушкиных могилочках».

В Колумбии хоронили смертных людей просто на поле и сейчас же сравнивали, чтобы не было заметно могилы, дабы избежать придирки со стороны властей которые по закону, требовали, чтобы тело умершего раньше погребения было освидетельствовано доктором. Когда же смерть постигла вождя, то его похоронили отдельно на маленькой «полице» — у

подножья высокой горы, украсили дорогими памятниками, вокруг могилы посеяли траву и цветы и два человека стерегли могилу круглые сутки. Эта могила освещалась электрическим светом в то время, когда все дома где жили люди обходились керосиновыми лампочками. Эти роскошные могилы были взорваны голышами несколько раз, потому что они находили это противоречием учению Христа.

Люди, провинившиеся в чем-либо перед вождем или ушедшие из общины, не могли хоронить своих умерших на общих кладбищах — это строго воспрещалось. Нигде в мире, кажется, этого не практикуется, кроме отсталых сектантов. Тут в Калифорнии даже католические кладбища открыты для людей других религий. Это же самое относится к богомолению: во всем мире двери церквей открыты для публики всех вер и расс с надписью: «Добро пожаловать в нашу церковь», но церковь духоборцев, как клуб масонов, только для «своих». Вышедший из общины духоборец не может участвовать на богомолении общины. Этот порядок отменил последний вождь Чистяков.

ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДУХОБОРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ В КАНАДЕ

Псалом изложенный Петром Веригиным-Вождем для детей

Теория:

«Устрой Господи благое сердце у мамы и папы. Если дедушка с бабушкой живы, то папа и мама должны их жалеть, — не обижать словами и угождать им пищей и тепленькой постелью, а если дедушка с бабушкой померли, то вспоминать их добрыми словами. Устрой Господи так, чтобы мы все дети выросли счастливыми, поняли закон Твой, Господи и любили весь мир, который Ты Господи создал для нашей радости». Аминь.

Два старца.

Факты:

Сема Фоминов и Трофимушка Крикунов. Краткая биография.

Крикунов, по его словам, родился приблизительно в 1844 году. Всю жизнь был холостым. Малого роста, но очень крепкого сложения — «камень самород». В молодости отличал-

ся физической силой и был особенно бойкий парень. Всю свою жизнь был батраком и работал для зажиточных духоборцев за ничтожную плату: 25 рублей в год, поношенную одежду и корм. Работал от темна и до темна. В молодости служил временами при вожде Петре Ларионовиче Калмыкове в качестве «казака» и танцора. По примеру своего вождя, изрядно пил. Когда Петр Ларионович на гуляньи проходил со своей свитой казаков и последователей по улице села, то под гармошку Крикунов мог все время танцевать на «присядках». За эту способность, как верный слуга, он пользовался от вождя особым почетом и уважением и его присутствие на всех празднествах считалось весьма важным...

Фоминов, тех же лет, был хотя бедным но хорошим земледельцем. Старик был очень бойкий и глубоко верующий. Его беда была в том, что он имел очень плохое зрение и носил очки. По прибытии в Канаду из 4-х летней ссылки в Грузии в 1899 году, он жил в общине в селе Троицкое на северном участке. Усердно работал, был предан принципу общежития, словом, был передовой и уважаемый народом старичек. Иногда среди зимы он уходил на отхожую работу в городок Сван Ривер и там пилил дрова за очень малую цену, то и дело протирая очки от 45 градусного мороза. Когда у него скоплялось достаточно денег на бочку яблоков, то он немедленно покупал и отправлял в село Отрадное «Петюшкиной Нянюшке» в подарок. Это он делал периодически много раз... По приезде из Сибири П. В. Веригина, последний узнав о его жертвах, прозвал его «яблочником» в знак особой чести...

Текут года за годами и старцы все стареют но не умирают. Они стали обузой и обременением, в особенности Крикунов, — у него нет ни роду ни племени, сирота круглый. Оба старца живут в одной ветхой коморке на берегу реки «Кутней» на Крестовом участке. Обветшали они от глубокой старости и от той бедной обстановки и недосмотра, в котором ни находятся... При виде этой плачевной картины у человека, с живым сердцем, невольно появляется в душе грусть. Старцы, однако бодрствовали и не подавали вида, что несчастны. Поселок Крестовый находился в подножии очень высоких полускалистых и недружелюбных гор в узкой долине. Вершины гор покрыты почти все лето снегом.

В один прекрасный день приезжает на Крестовое вождь П. В. Веригин. Старцы, с жителями Крестовой вышли приветствовать вождя. После продолжительной беседы с народом, вождь обратил внимание на старцев и удивился, что они до сих пор живы и бодры... Обратившись к ним, он сказал: «Вот там, на самом верху этой горы находится могила святого, и я желаю, чтобы вы пошли, нашли эту могилу, помолились над ней и воротились обратно. Согласны»? «Согласны, родимый наш Петюшка», в один голос возопили старцы. «Ну, и ладно, значит вопрос исчерпан. Можете идти завтра с утра, добрый вам час»! сказал вождь. Старцы сделали земной поклон и по отъезде вождя, начали готовиться в путешествие, — идти туда, не зная куда...

Это было в 1923 году. Читатель! представьте себе двух 80-ти летних старцев: Крикунов стал очень слаб от тяжелых работ, и физически и умственно, а Фоминов почти слепой. После операции катаракта, он носил очки в четверть дюйма толщиной. Одеты оба почти в лохмотья, с тюками на плечах (постель и немного хлеба) должны были покинуть те поля и дома, где они, когда были еще здоровы, положили много труда и пролили, как говорится много, пота и крови, и теперь идти, по капризу вождя, в поисках могилы «святого»... Погода была утром очень сырая, холодная, тяжелый туман покрыл все горы и долины... После завтрака, наши «казак» и «яблочник» должны были сделать отход. Крикунов, как маленький ребенок, прильнул и держится за фалды Фоминова-вожатого. У обоих глаза налиты слезами. На сыром воздухе его очки вспотели и он не мог видеть следа. Сняв очки, протер их грязной полой старого пальто и сказал: «Ну, Господи, благослови, прощайте»! И скрылись старцы в тумане, идя по бездорожью на гору, по тайге, перелезая упавшие бревна, хворост, овраги, каменья, к своей слепой цели... Поход старцев продолжался две недели. Если бы поведать историю о их мытарствах, бедствиях, страхе, ночлегах в глуши и дремучих лесах, переполненных медведями и другими зверями хорошему журналисту, он мог бы составить целый том, описывая такую ужасную трагедию двух человек, никогда не совершивших по своей воле никому зла.

Много раз, — рассказывали мне старцы, — зацепив

хворостину, очки падали на землю, приходилось искать их ощупью целые часы, потому что иначе нельзя было им продолжать свое мытарство. В течении этого путешествия наши старцы не раз приходили в отчаяние и начали ссорится между собой, обвиняя друг друга в том, что наказание наложено на них за грехи одного из них. «Это чрез тебя мы страдаем и можем погибнуть», говорил один. «Нет наоборот, это страдание наложено на нас чрез тебя», говорил другой. При наступлении темной ночи, они, однако, мирились и прижавшись друг к другу в страхе и трепете проводили ночь и дрожали от каждого шороха и звука в глухом лесу... Шли обильные дожди и старцы промокали до нитки. Они умудрялись как-то сохранять спички и делали ночью костер, дабы просушить одежду. Когда они раздевались, то делалось холодно и они залезали в топлый пепел, а на утро, когда появлялся свет, они были поражены тем, что были с ног до головы запачканы пеплом и походили, как они сами после шутили, на чертей. При виде зверей они усердно молились, читая духоборческие псалмы и молитвы.

По отбытии старцев, никто не ожидал, что они возвратятся и заочно пожелали им царствия небесного и покой вечный... Но несмотря на жестокость и почти людоедство людей, как будто само Провидение шло им на помощь, пожалело их, и они, как три отрока, явились целыми из горящей печи людской ненависти. От радости они воспрянули духом, хотя плотью были истощены и представляли из себя живые скелеты.

В своей теплой каморке, без страха и кошмара, старцы хорошо выспались, отдохнули и прежняя улыбка воскресла на их морщинистых лицах. Всем встречающимся они повествовали как совершили путешествие. Теперь они вспоминали о своем прошлом и критиковали и смеялись сами над собою. Но не долго пришлось им пожить на воле...

При следующей встрече с вождем они заявили, что при всем их старании, они не могли отыскать могилы «святого». Вождь, как и все другие, был удивлен их возвращению или, вернее, живучести. Для искупления грехов, он приказал им спать на каменьях шесть недель и они должны были исполнить это. Фотография их каменной постели была снята мной лично.

В виду безвыходного положения, они, для того, чтобы доказать свою неограниченную веру в вождя, и этим искупить незаслуженную опалу, сочинили свой стих и громко его пропевали перед народом, дабы не уронить свой авторитет. Все записано лично со слов старцев. Это факты, а не поэзия. Совершалось все это под великим лозунгом: «Труд и Мирная Жизнь».

Вот их стих:

Трофимушка Крикунов
И Семушка Фаминов
Только у них именья,
Под боками каменья.
Душа веселится
А плоть на камушки спать ложится.
И с камушков вставали,
Христа Бога прославляли.
А мы сели — сидели
И все на небушко глядели.
Промеж собой говорили,
Христа Бога благодарили.
Это нам не мука,
А от Христа наука.
Ты Христос, Ты Бог наш,
Ты нас кормишь, Ты нас поишь,
Одеваешь и обуваешь,
И врагов от нас отгоняешь,
Жизнь нашу сохраняешь.
У нашего у Христа у Бога,
Милости к нам много.
Ты Христос, Ты Бог наш,
Прости обоих нас.

СМЕРТЬ ПЕТРА В. ВЕРИГИНА-ГОСПОДНЕГО

О смерти вождя Господнего мне известно только из других книг и переписки. В это время только что основалась наша колония и все были заняты постройками и другими работами. Получив телеграмму о смерти вождя, вся колония выразила соболезнование и пожелала ему, как принято, цар-

ствия небесного. Потом получили подробное письмо от Гриши Веригина (брата вождя и узнали точно о происшедшем крушении поезда. Мнения различных людей о смерти такие:
1. Видя крах общины в духовном и материальном отношении и делаясь дряхлым старичком, вождь решил покончить самоубийством. Предсказывал будто раньше, что он скоро умрет и даже приглашал Конкина умереть вместе. (По книге Малова).
2. Большевистские агенты убили его, потому что он был против них.
3. Женщина, сильно ревновала его к девочке, бывшей с ним, устроила это крушение с помощью друзей. Будто вождь не имел даже чулок на ногах.
4. Парень, любивший девочку и желавший жениться на ней, устроил крушение из ревности к вождю.
5. Фармер вез тайком динамит для очистки земли, поставил его подальше от себя на тот случай, что если кондуктор откроет, то не будет знать, кто именно провозит динамит, (за что налагается большой штраф и тюрьма).
6. Сыны свободы устроили крушение потому, что вождь оставил духовную жизнь.
7. Канадское правительство убило вождя по моему совету (по письму Еваленко).
8. Ларион В. Веригин писал Чистякову, что поезд взорван кондуктором по моей просьбе. Чистяков сказал мне: скорей он был взорван по просьбе Лариона, который надеялся сесть на престол около Тюни.
9. Близкие родственники устроили крушение, дабы завладеть имуществом и престолом вождя.
10. Вагон, на котором ехал вождь, был очень старого типа и освещался газом. Танк с газом находился под вагоном напротив сиденья, на котором находился вождь. Очевидно, танк имел небольшую течь газа и когда поезд шел под гору, то из тормазов сыпались искры и зажгли газ — танк взорвался и получилось ужасное крушение. Значит никто не клал бомбы и не собирался убивать вождя. Последнее предположение, кажется, более логично и верно, потому, что хотя духоборцы уходили из общины в силу тяжелых условий, они не питали личной вражды к вождю. Да и вообще духоборцы, кроме сынов свободы, не способны совершать уголовные дела.

Надо удивляться тому, что после катастрофы поезда и смерти вождя, община не потрудилась нанять от себя хороших дельцов, проверить вагон и точно установить причину взрыва, а наивно, по детски, требовала, чтобы правительство и железнодорожная компания хлопотали за нее.

●

По пути из ссылки в Канаду Петр Васильевич присутствовал на большом собрании в Лондоне. Ему задали 9 вопросов, на которые он ответил так:

1. Вы признаете себя последователями Христа и говорите, что нехорошо убивать животных и питаться ими, а между тем из Евангелия мы знаем, что Христос ел рыбу и потопил две тысячи свиней, вогнав в них злых духов. Как это совместить с вегетарианством?

Ответ: По нашему учению Христос — человек, живший две тысячи лет тому назад. Мы думаем, что Он открыл только дверь к истине и оставил нам свободу прогрессировать.

2. Я был прежде вегетарианец, но потом прочел в Новом Завете, что неядение мяса есть навождение дьявола, и теперь ем мясо и думаю, что это хорошо.

Ответ: Я тоже думаю, что есть мясо хорошо. Только убивать нехорошо.

3. Как вы относитесь к браку и разводу?

Ответ: По духоборческому учению брак есть свободный союз любви. Если любви нет, нет больше и союза, т. е. брака, и насильно удерживать вместе таких людей нельзя. Вот мы собрались здесь для одного дела. Если мы кончили это дело, разве можно удерживать нас здесь, заперев дверь снаружи? Я думаю это будет бессмысленно. Но, конечно, это не значит, что можно менять жен и мужей, как и, когда кому хочется. Это у нас не одобряется и случается редко.

4. Как вы объясняете слова Христа: «Кесарево-кесарю»? Не значат ли они то, что надо подчиняться правительству.

Ответ: Я, к сожалению, мало читал Евангелие и могу ошибаться. Но насколько я помню, тут речь шла о деньгах. Христа спросили, нужно ли платить денежную подать кесарю. Он велел показать монету и, увидев на ней изображение кесаря, решил что она принадлежит ему, и велел отдавать кесарево — кесарю. Покуда у человека есть деньги, он должен отдавать тому

правительству, от которого он их получает, а если он раздаст все деньги, тогда он делается свободным от податей. Вот я слышал, что некоторые духоборцы в Канаде поступили по слову Христа: они снесли все деньги правительственному чиновнику и стали свободны.

5. Как вы думаете, — совместимо ли служение Богу с подчинением правительству?
Ответ: Никоим образом. В этом случае я вспоминаю слова Христа: «Нельзя служить двум господам». И господа эти разные. Бог привлекает человека к служению себе свободно. А правительство требует себе служения всегда насильно.

6. Может ли общество обойтись без правительства?
Ответ: Я думаю, что стаду рогатого скота нужен сильный бык, который бы рогами сгонял стадо в кучу и наводил порядок, а человеческое общество, одаренное разумом, может жить свободно.

7. Что вы думаете о курении и спиртных напитках?
Ответ: Табак мы считаем бесполезным, а спиртные напитки вредными и потому не употребляем ни того ни другого.

8. Считаете ли вы Христа — Сыном Божиим?
Ответ: Всякое творение есть Сын Бога.

9. Чего же вы хотите от канадского правительства?
Ответ: Мы хотим, чтобы нам позволили свободно жить, не вредя соседям. Земли нам нужно на каждого человека ровно столько, сколько он может обработать. И мы хотим, чтобы земля эта была общая, и чтобы никто не насиловал нашей совести.

«Свободное Слово № 5».

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

(Мирная марсельеза)

(взята из «Свободного Слова» № 5)

Любимая песня Петра Васильевича

Вперед, товарищи, ступайте,
День славный наступил для вас.
Оружье в дребезги ломайте.
Убийц не будет среди нас. (Два раза)
Вперед идите все народы

Давно вас ждут на братский пир,
И пусть под знаменем свободы
Для всех настанет вечный мир.

Хор: Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперед, вперед! И пусть весь мир отчизной будет **нам.**

Зачем эти ружья и пики?
Не надо штыков и мечей,
Кровавых разбоев улики,
Наследие злых палачей. (Два раза)
Нет, нет не подымутся руки,
Мы братскую кровь не прольем.
Довольно насилья и муки,
Мы песню свободе поем:

Хор: Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперед, вперед! И пусть весь мир отчизной будет **нам.**

Долой все границы, заставы,
Для братьев весь мир общий дом.
Долой и цари и державы,
Мы песню свободе поем. (Два раза)
Все крепости, тюрьмы разрушим,
Оковы родимой страны,
И факелы злобы затушим
Дыханием мирным весны.

Хор: Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперед, вперед! И пусть весь мир отчизной будет **нам.**

Весеннее солнце сияет.
Ждет пахаря поле давно,
Оружье из рук выпадает,
И падает в землю зерно. (Два раза)
Пусть тучи над нами нависли;
Пусть дикие вихри ревут;
Нам зерна — могучие мысли
Обильную жатву дадут.

Хор: Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперед, вперед! И пусть весь мир отчизной будет **нам.**

Сквозь бурю, грозу, непогоду,
Подставив открытую грудь,
Идем мы за свет и свободу
За мирный и радостный труд. (Два раза)
Развейся, свободное знамя,
Свободное знамя труда.
Могучее доблести пламя
Не гасни в сердцах никогда.

Хор: Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперед, вперед! И пусть весь мир отчизной будет нам.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ВЕРИГИН-ЧИСТЯКОВ

С Петром Петровичем, по его отбытии из Канады в 1905 году, мы не прекращали переписки и этим поддерживали «старую дружбу». Когда он ехал к духоборцам, как желанный вождь, осенью, в 1927 году на постоянное жительство в Канаду, он телеграфировал мне сюда, в Мантеку из Виннипега и просил меня выехать к нему на станцию Веригино. В силу обстоятельств я не мог исполнить его желания, потому, что был занят обрезкой виноградника и не имел средств на дорогу. Это его сильно обидело и было на руку Тюниной партии Веригиных, которые, увидав свое бессилие перед духоборческим обществом, изменили свою тактику и хотя, притворно, приняли его дружески и всеми силами кривды старались озлобить его против меня, их главного врага. Самым главным их «козырем» было письмо Еваленко, о котором я скажу подробно в другом месте.

Через некоторое время, наша Мантекская колония решила посетить родных в Колумбии и там, на Бриллианте, я встретил старого друга — нового вождя. Дружески расцеловавшись, мы с любовью вспомянули те времена, когда они возвращались в Россию и мы расставались с горячими слезами. Ради нашей встречи он угостил себя и меня французским коньяком «Генеси» (Три звездочки). Он пригласил меня поехать с ним на Фруктовый участок и посмотреть на его планы.

Говоря откровенно, я был поражен контрастом между Петром Петровичем и его покойным отцом Петром Васильеви-

чем, при котором я служил десятки лет. Тот был высокий ростом, исполин, держал себя строго, в чистоте и аккуратности. Каждое слово было на своем месте и каждое слово было закон. К служащим относился серьезно и с большой осторожностью, как порядочный отец. Петр Петрович среднего роста, моих лет, нервный, капризный по отношению к своей жене и матери, а также и служащих. Находясь в конторе, он курил папиросу за папиросой: перелистывая бумаги, держал мундштук в зубах, дым с папиросы заслонял ему глаза и пепел сыпался на бумаги и загрязнял все на столе. К служащим относился грубо: ругань, ужасное сквернословие и угрозы «побить». Слова: «вор», «жулик», «мошенник», «провокатор» и пр. и пр. изливались на всех ребят безразлично. Все это противоречило тому Петру Петровичу, которого я знал и любил раньше, — тогда он вел ебя аккуратно, прилично, имел Толстовские взгляды на жизнь, а теперь то и дело целовал рюмку с коньяком и угощал меня. Когда ему нужно было видеть выборных, он прятал бутылку и пачку с папиросами, поднимал все окна, чтобы проветрить контору от дыма, но для некурящих, все равно было очевидным, что атмосфера в конторе была насыщена табачным дымом. Говоря правду, я получил очень плохое впечатление о новом вожде. На его приглашение мне — возвратиться в Канаду и служить ему, как я служил его отцу; я откровенно сказал: «Смотря на твою жизнь и на жизнь твоих служащих, я считаю ее настоящим адом. Останемся друзьями, но возвращаться и служить тебе я не могу...»

На Фруктовом он сделал некоторые изменения: приказал проложить по садам прямую линию дороги а по сторонам посадить простую сосну, вместо фруктовых садов, для украшения. Это было очень глупо, но он, хвастался своими мудрыми планами. Тогда же по его приглашению, я поехал с ним на «исторический праздник» имевший место на берегу озера, около станции Бюкянин. К этому празднику Петр Петрович и его доверенные на ст. Веригино, стряпали законы, уставы и правила для Именованных Духоборцев. Когда открылся «исторический» праздник П. П. уехал в Канору к Дергоусову и там, беседуя о переселении в Парагвай (Дергоусов был там) они изрядно пили коньяк, пиво и курили папиросы.

На собрание возвратились уже к вечеру. П. П. произнес короткую речь я прочитал Правила. Говорили некоторые ораторы. Из духоборцев Петр Н. Малов произнес замечательную речь, на которую публика мало обратила внимания. Пошел сильный дождь и собрание закрылось. Народ был сильно разочарован отсутствием вождя. Все ожидали чего-то весьма грандиозного и важного, но, в общем, большого торжества не было, кроме разве, демонстрации нескольких женщин, блеснувших природным одеянием Евы. При моем отъезде домой П. П. просил меня подготовиться к поездке с ним в Мексику, хотя я ему говорил, что духоборцы, живущие в благодатной Калифорнии, не будут переселятья.

Мексика страна довольно большая с малым населением в 20 миллионов. Там есть очень много земель хороших для хлебопашества и садоводства, но П. П. был связан перепиской с земельными акулами-банкирами в городе Чувава. Все земли которые мы смотрели, лежат выше уровня моря на восемь тысяч футов и напомнили нам «Мокрые горы» Закавказья. На суходолах и тамошние жители с трудом выращивают ячмень очень плохого качества: в Канаде такой ячмень считается только кормом для худобы. Там расположено несколько колоний менонитов: хаты построены из кирпича, сделанного из простой грязи. Живут в страшной бедноте. Во всей колонии только один двор имеет колодезь. Молодежь очень недовольна и с завистью вспоминает о хорошей жизни в Америке и Канаде. Вожди довольны, что изолировали свой народ от мирских соблазнов. Иными словами, они похоронили свой народ заживо. Земельные «акулы» не допустили нас посмотреть земли, где выращиваются виноград и фрукты — мы были связаны как арестанты, потому что они оплачивали наши расходы. Из-за переселения в Мексику, между мной и П. П. получился крупный раздор.

Василий Иосифович Новокшонов, один из духоборцев, честный труженик и порядочный земледелец, имевший большой успех, осматривал земли в Мексике вместе со мною. Мы решили предупредить духоборцев посредством газет, что если, помилуй Бог, они переселятся на те земли, их ожидает ужасная участь и страдания. Это сильно взбесило П. П. и, он, с помощью своих «приближенных» писал против нас страш-

ные обвинения и выражал ужасную злобу, называя нас изменниками подобно Губановым, выставил даже письмо Евaленко (последний играл роль святого Исая). Но для славы Божьей и любителей ПРАВДЫ Его, явились друзья в лице Савелия Ф. Худякова, Ивана Г. Сухорукова, А. Верещагина (с Блейн Лэйк), Алексея В. Верещагина (из Орданда, Калиф.), Бориса Сахатова, Алдоши Попова и много других, которые говорили в нашу пользу, потому что верили нам, что мы говорили правду. Я мог бы привести всю переписку по этому вопросу, но считаю лишним обременять читателей. Хвала Богу, переселение в Мексику не состоялось и духоборцы миновали еще раз страшной нужды и страданий. Потом и сам П. П. убедился, что его планы были опрометчивы и снова возобновил старую дружбу со мной.

Когда его арестовали за клятвопреступление и когда он находился в Принц-Албертской тюрьме, он просил меня убедительно приехать к нему и помочь, чем могу. Не смотря на болезнь моей жены, я решил удовлетворить его просьбу и пробыл с ним до дня, когда его «тайком» увезли из тюрьмы для депортации в Галифакс. По просьбе духоборцев в Колумбии, я поспешил с юристом Макаровым в догон на аэроплане, рискуя своей жизнью. Макаров рисковал ради большого вознаграждения — он получил около десяти тысяч за свои хлопоты со дня ареста Петра Петровича, а я рисковал только ради дружбы. По пути к нам присоединился Иосиф П. Щукин. После долгого судебного процесса, мы выиграли дело против канадского правительства. П. П. был освобожден и я отправился домой. После этого П. П. имел много тяжбы и хлопот, заболел и помер. Его жизнь прошла, как ураган, ломающий тихую и мирную жизнь. Пожелаем ему, по вере Будды, «Вечный Покой».

О жизни и поведении П. П. я предоставляю сказать некоторым другим лицам, письма которых привожу полностью и частями. Могу сказать одно, что все то, что пушут о последнем вожде, насколько я был свидетелем его деяний, истинная правда. Последний вождь пал жертвой своей слабой воли и скверных привычек, раньше времени.

ПИСЬМО ЕВАЛЕНКО

При первой покупке земли в Колумбии, как уже читатель знает, между нами и вождем П. В. произошла ссора. Я решил оставить свою службу, воротиться в свое село и заняться земледелием, которое я очень люблю. Об этом я заявил вождю и хотя это было против его желания, я все-таки настоял на своем и ушел в 1910 году. В селе я пробыл до 1913 года. В течение этого времени, когда вождю предстояло ехать по важным делам к правительству, он всякий раз приглашал меня в качестве переводчика, и мы таким образом путешествовали много раз.

Последнее время вождь познакомился с Еваленко, который советовал вождю судить английское правительство и требовать от него вознаграждение за разработку отнятых правительвом Канады, земель. Для этой цели он должен был поехать в Англию и община должна была снабжать его деньгами за все время хлопот. Он израсходовал много общинных денег. Я утверждал, что если надо судить, то канадское правительство, п. ч. английское тут не причем. Вождь был более склонен на мою сторону, Еваленко видел во мне соперника и для того, чтобы вбить клин злобы между мной и вождем, придумал такую шутку. Через г-на Мэйбер, которого я знал лично, он «открыл», что я писал правительству «по секрету» и советовал, чтобы оно удалило вождя, и что после этого вождем стану я. И тогда духоборцы заживут так, как желает правительство и хлопот никаких больше не будет. Об этом он написал также и мне, как будто, по секрету от вождя. Меня поразило такое нахальство, и я немедленно написал в Оттаву и потребовал копию с этого секретного письма, допуская, что кто-либо по злобе мог написать письмо от моего имени. Написал я письма вождю и Еваленко, потребовав последнего на очную ставку перед вождем. Г-н Мэйбер ответил, что утверждение Еваленко удивило его и он не мог найти письма от моего имени касательно удаления вождя. Я это письмо доставил вождю. Он сказал мне, что Еваленко врет, потому что если бы даже правительство удалило его, я не мог быть вождем, потому что вожди у духоборцев занимают свой пост по наследству.

Не обращая на все это внимания, вождь написал мне следующее:

Бриллиант, Б. К. Июля 25-го 1913 г.

Дорогой друг Сема!

Обстоятельства так сложились, что я не мог выехать в это время в Саскачеван. Сим письмом я уведомляю тебя, что ты должен ожидать распоряжений от Александра Марковича Еваленко, — который жительствует в Нью Иорке. Еваленко я поручил ходатайствовать в Оттаве за улучшение земли в Саскачевани.

Тебя я приглашаю быть по этому делу помощником Еваленко, так как тебе лучше известно поселение духоборцев в Саскачевани и последовательный ход общинной жизни.

В этом деле важен тот факт, что Министр Интериор Сифтон разрешил формально духоборцам поселиться селами, а потом следующие министры отменили таковой акт и предложили каждому разрабатывать свою фарму. Через что последовали громадные убытки в общине.

Еваленко уже был в Оттаве и мы с ним уговорились, что в это время я буду на Веригино, и если я потребовался бы ему — он меня должен вызвать в Оттаву. Теперь вместо себя я назначаю тебя, о чем сейчас пишу Еваленко. Еще повторяю: ты должен ожидать уведомление от Еваленко. На поездку в Оттаву, ты должен обратиться к Мише Казакову. Он снабдит. Желаю тебе всего хорошего от Господа.

Петр Веригин.

П. С. О получении этого письма, сообщи мне.

После этого Еваленко исчез бесследно и больше не показал своих глаз. Так что этот вопрос был оставлен раз и навсегда. Но, несмотря на это, есть идиоты и поныне, которые треплют письмо Еваленко, как псы. Очень жаль таких людишек, они заводят добрых людей в заблуждение! ! !

Иван Иванович Горбунов-Посадов писал Чистякову следующее:

1-го января 1925 г.

Дорогой брат Петр Петрович!

Примите привет любви и братства. Я только сейчас, перед самым отъездом его, увидал брата Томилина и поэтому пишу это письмо очень наспех, а потому простите, что далеко

не все здесь скажу, что хотелось бы сказать, а откладывать письма не хочу, потому что могу и умереть сегодня в ночь и так и не напишу никогда.

Перед вами стоит сейчас великий вопрос: принимать ли вам или нет высшее руководство у духоборцев в Америке. Вам, конечно, мой совет об этом не нужен. Да и я не имею права вам ничего об этом советовать. Решить это вы должны сами перед вашей совестью, перед Богом. Дело это очень трудное. Становиться руководителем тысяч людей это значит принимать на себя огромную страшную ответственность и перед Богом и перед братьями людьми. Но если вы даже решили принять на себя такую чрезвычайно большую ответственность, то не могу не сказать вам о том, что, по моему мнению, было бы желательно.

Во-первых: чтобы руководство ваше не было какимнибудь монархическим управлением, а чтобы с вами вместе делами заведывал выбранный совет из действительно честных, мудрейших и наилучших по всей своей жизни людей духобории, — чтобы было как можно меньше власти единоличной, и чтобы руководилось общим братским разумением и согласием.

Во-вторых: чтобы были приложены все усилия к тому, чтобы вновь произошло если не материальное, то духовное братское соединение духоборов-общинников и независимых. Ведь духоборы приняли на себя великое название «Общины Всемирного Братства», значит великого братства со всеми людьми в мире. Духоборцы должны стать спайкой, связью, соединяющей всех людей в мире, а между тем, сами они разъединились. Соединились они на время над могилою вашего отца, пока они вместе оплакивали его потерю, а потом опять пойдут разными путями — общинники одним, независимые другим путем. И это очень грустно. Хотя бы душою-то не разъединялись. Как произошло это разъединение, кто виноват в нем? Виноваты может быть, отчасти, и ушедшие из общины, виноват может быть, отчасти, и отец ваш, который, говорят, будто бы правил слишком круто, деспотически, монархическими, не считаясь со стремлениями людей к независимости, к свободе, которая должна почитаться и в общей жизни людей. Все должны быть равны. Править должна не

власть человеческая, а власть Божья, того Бога, который во всех, Бог — братская любовь.

Дорогой брат, говоря это, я не хочу осуждать вашего отца, я говорю только о некоторых его ошибках. Ваш отец сделал много великого и прекрасного. Вашему отцу духобория и все люди, ищущие торжества правды в мире, бесконечно много обязаны. Послания вашего отца из ссылки разожгли когда-то вновь великий духоборческий огонь, который временно замер у духоборцев, и духоборы показали после этого всему миру великий пример воплощения Всемогущего Братства, — уничтожения всякого насилия и всякого духа собственности, корысти и эгоизма в своей жизни. Ваш отец столько сделал потом для духобории и в Канаде. Мир и слава его памяти.

Но у каждого человека есть свои ошибки. И когда человек умирает, то дело нас — живых, следовать всему лучшему, что делал он и избегать его ошибок. Таким образом, мы лучше всего можем почтить его память не как льстивые рабы, а как искренние его друзья.

Посылаю вам копию из письма одного брата — из Саскачевана, напечатанного в одной русской газете в Канаде. По моему это очень хорошее письмо, и оно как раз говорит о том, о чем я, отчасти, пишу вам. Прошу у вас прощения, что, будучи незнаком вам, даю вам какие-то советы. Но мне хотелось братски откровенно написать вам, что я думаю.

Дай Бог всем братьям-духоборам идти все вперед и вперед по Божьему пути, все улучшая и улучшая свою жизнь на пути правды, любви, братства, чистоты жизни, борьбы со всем злым и темным в себе, по пути работы для установления царства Бажия, царства Всемирного Братства, единения людей в любви, во всем мире.

Если бы я чем-либо мог быть вам полезным, всегда буду рад это сделать.

С любовию брат ваш

Иван Горбунов-Посадов

П. С. Единение может быть достигнуто путем взаимного, любовного подхода друг к другу, путем стремления понять ошибки свои.

Выдержка из письма Ивана Трегубова к духоборцам на Дону

...Положение Петра Петровича не так дурно, как вам кажется. Сов. власть сообщила нам, что она нисколько не обвиняет его в политическом преступлении. Напротив, она считает его своим другом и сотрудником, но сожалеет, что он пьянствует, бранится и дерется или хулиганничает и тем самым позорит не только себя, но и все духоборчество.

Поэтому Сов. власть арестовала и привезла его сюда (в Москву) не для наказания, а для исцеления от его скверной привычки — пьянства, и для этого она сошлет его не в Сибирь или Архангельскую губ., а отправит в теплую страну, где он будет сидеть не в тюрьме, а будет находиться в таком учреждении, где лечат пьяниц, алкоголиков, а, может быть, пошлет его и к вам, но с условием, чтобы вы запрещали ему пить водку, ругаться и драться.

Я думаю, что и вы, которые исповедуете духоборческое учение, запрещающее все это, будете довольны таким решением Советской власти, которая взялась за это дело, которое вы сами должны были делать, но до сих пор не делали. Напротив, среди вас находились такие, которые поощряли дурную привычку Петра Петровича и вместе с ним пьянствовали и дрались. Вот какие-то духоборы и виноваты в том, что бедный Петр Петрович подвергся такому позору и страданию.

Простите, что я так прямо говорю вам правду, но я делаю это потому, что я, как и покойный ваш друг и брат, Лев Николаевич Толстой, глубоко уважаю великое коммунистическое учение духоборов и потому сильно скорблю, видя, как оно позорится даже рководителем духборов и некоторыми недостойными духоборами.

Любящий вас, ваш брат
Иван Трегубов.

22-го мая 1927 г.
Москва.

Хлопоты Трегубова об освобождении Веригина-Чистякова из тюрьмы.

Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, П. Г. Смидовичу.

ПРОШЕНИЕ

Канадские духоборы, в том числе и мать Петра Петровича Веригина, который в настоящее время сидит в Бутырской тюрьме, прислали своим Московским друзьям, в том числе и мне, несколько писем и телеграмм, в которых все они просят нас ходатайствовать перед Советской властью об освобождении Петра П. Веригина и о разрешении ему выехать в Канаду к тамошним духоборам, которые избрали его своим руководителем после смерти его отца.

Тов. Тучков в ГПУ говорил мне и тем духоборам, которые приезжали из Сальского округа, что П. П. Веригин в политическом отношении безукоризнен, что он друг и сотрудник Советской власти, но так как он, к сожалению, страдает алкоголизмом, то Сов. власть решила его не наказывать, а полечить, для чего и посылает его в такое место, где его будут лечить, именно в Туркестан.

Я и вышеупомянутые духоборцы Сальского округа также скорбим о том, что духоборческий руководитель своим поведением позорит себя и все духоборчество и потому мы одобряем такое отношение к нему со стороны Сов. власти. Но вряд ли ссылка его в Туркестане излечит его от дурной привычки, которую он приобрел, живя среди Елисоветпольских духоборцев, употребляющих спиртные напитки.

Было бы целесообразнее разрешить П. П. Веригину выехать в Канаду к тем духоборцам, которые отличаются абсолютной трезвостью и среди которых он скорее излечился бы от алкоголизма, чем среди тех, которые употребляют спиртные напитки.

Приехавшие в 1925 году из Канады духоборцы говорили мне, что их канадская коммуна не допустит, чтобы ее руководитель пьянствовал, а если он будет пьянствовать, то она изберет себе другого руководителя или же будет управ-

ляться советом директоров, которые теперь, в ожидании приезда П. П. Веригина, уже и управляют коммуной.

Поэтому я и прошу вас разрешить П. П. Веригину вместо Туркестана выехать в Канаду и тот час же уведомить меня о своем решении для ответа на письма и телеграммы канадских духоборцев.

Иван Трегубов.

7-го Июня 1927 г.

Москва, Каретный ряд, Успенский пер. 14, кв. 8.

ОТЗЫВЫ О ПЕТРЕ ПЕТРОВИЧЕ ВЕРИГИНЕ-ЧИСТЯКОВЕ

18-го июня 1927 г. Гор. Монтреаль.

Михаилу Васильевичу Казакову.

Уважаемый Михаил Васильевич!

Пишу вам не как представитель Советского правительства и не от имени его, а как частное лицо.

Я вчера вернулся из Оттавы, где виделся с членами Канадского правительства. От них я узнал о вашей жалобе на Советское правительство по поводу Веригина Петра Петровича и о вашей просьбе оказать воздействие на Советское правительство для освобождения его из Советской России.

Это обстоятельство меня очень огорчило. Я считал духоборцев сочувствующими рабоче-крестьянскому правительству, единственному в мире правительству, которое борется за освобождение человечества от несправедливого угнетения рабочих и крестьян капиталистами.

И я вижу теперь, что я ошибался: Англия, управляемая лордами и капиталистами, подготовляет войну против нас. Канадское правительство поддерживает Английское правительство и уничтожило договор с нами. И в это время вы обращаетесь к Канадскому правительству за помощью против рабоче-крестьянского правительства. Вы таким образом становитесь союзниками капиталистических правительств против правительства рабочих и крестьян.

Когда вы были у меня, вы лично заверяли, что вы и все ваши духовные братья сочувствуют Советскому правительству и одобряют его мероприятия по улучшению жизни рабочих и крестьян. Искренно ли вы это говорили? Если вы бы-

ли искренни и дружественны к Советскому правительству, вы бы не стали обращаться с жалобой на Советское правительство к правительству, которое разрывает договор с Советским правительством, но вы это не только написали в вашей резолюции, а начали проводить эту резолюцию в исполнение. В этой резолюции и в петиции вы подчеркиваете, что Петр Петрович Веригин является мучеником за духоборческое убеждения. Но ведь это же неправда. Это злостный вымысел, который вы распространяете среди врагов рабоче-крестьянской власти. С этим вымыслом вы обращаетесь к Канадскому правительству за помощью против Советского правительства. Не за духоборческие убеждения судили Петра Петровича Веригина и он отбывал наказание в тюрьме, а за драки и растрату кооперативных денег.

Ваши духовные братья прощали Веригину-отцу то, что старик в гневе бил иногда своих духовных братьев по лицу и трепал за волосы и ругался. А у нас с такими скверными привычками борятся и за ругательства и за драку у нас наказывают, а за растрату общественных денег наказывают особенно строго. У нас сто шестьдесят миллионов народа. Если каждый будет безнаказанно безобразничать и растрачивать общественные деньги, так у нас будет хуже, чем в капиталистических странах. Общественное мнение у нас строго осуждает такие поступки. И я думаю, что если бы вы не на словах, а на деле болели душой за Советское дело, за создание лучшего общества, вы должны были бы осуждать поведение Петра Петровича Веригина, а вы не только не осуждаете его за его предосудительные поступки, а изображаете его мучеником за духоборческие убеждения и стараетесь опорочить рабоче-крестьянскую власть перед Канадским правительством и перед Канадским народом.

Это обстоятельство меня очень огорчило тем более, что я питал к духоборческой общине большое доброжелательство.

По возвращении из Оттавы я нашел у себя два письма от ваших духоборов, которые меня окончательно смутили. В этих письмах сообщается, что далеко не все духоборы согласны иметь своим руководителем Петра П. Веригина и думают, что его приезд только больше принесет вред общине.

Кроме того предупреждают, что Морозов и Плотников являются не друзьями, а противниками Советской власти. Я изумился, каким образом духоборческая община могла избрать для посылки в Советский Союз врагов рабоче-крестьянской власти. Я пересмотрел еще раз вашу петицию и резолюцию и нигде не нашел, что община уполномачивает для поездки в Советский Союз Н. М.. Морозова и Н. М. Плотникова. Таким образом я считаю, что это было только ваше личное желание и желание ваших ближайших друзей чтобы Морозов и Плотников ехали в Советский Союз.

Я считаю необходимым вас предупредить, что рабоче-крестьянское правительство имеет и без того много врагов, с кот. ему приходится вести упорную борьбу. Вы должны понять поэтому, что врагов Советской власти рабоче-крестьянское правительство на свою территорию пускать не может. По этой причине я передал нашему всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину вашу петицию и резолюцию и ваше желание прислать в Сов. Союз ваших представителей, но поддерживать ходатайство о выдаче визы на въезд Морозову и Плотникову я не могу.

Желаю вам полного успеха в делах вашей общины.

Л. Герус.
(Консул)

Москва.

Дорогой Василий Алексеевич Макасеев!

Я получил ваше большое письмо. Очень был рад читать его. За все сведения чрезвычайно вас благодарю. Прежде всего я должен остановиться, думаю, на очень для вас важном вопросе, — о Петре Петровиче Веригине, который, очевидно, приехавши в Канаду, продолжает свой беспутный образ жизни, который он так сильно проявлял здесь у нас, в СССР и продолжает все так же обманывать всех вас, как вообще это постоянно делают главари всех сектантских общин, желающие втереть очки своим последователям, чтобы на этом обмане строить свое собственное благополучие. Мне просто стыдно было читать о той наглой лжи, которую распространяет про

себя Петр П. Веригин. Прежде всего, Петр П. Веригин никогда не был приговорен Советской властью к смертной казни. Это наглая ложь, которую он вам рассказывает для того чтобы возвеличить себя, что он такой замечательный герой и так вел себя изумительно, что его, видите ли, даже приговорили к смертной казни, и этим объявить себя новым мучеником. Это все ложь. Имейте в виду, что смертная казнь у нас применяется в настоящее время, очень редко и то к людям самым отвратительным: разбойникам, бандитам, которых никаким образом нельзя остепенить, а также к контр-революционерам, которые приносят неизмеримый вред нашей стране. Но и то, за последнее время, таких становится все меньше и меньше. Петр П. Веригин действительно был осужден отбывать наказание в доме, в который у нас по судам сажают жуликов, надебоширивших пьяниц, нанесших оскорбление другим лицам или произведших какой-нибудь низкий, отвратительный поступок. Вот именно и Петр П. Веригин был осужден местным рабочим судом за то, что он смертным боем исколотил, в пьяном виде, двух духоборцев за то, что они не хотели ему подчиняться, как главе духоборческой общины и которые желали иметь самостоятельное мнение, не согласное с мнением Петра П. Веригина. Это дело было ужасно скандальное: он гнался за ними с каким-то своим приятелем, одному выбил зубы, другого волочил по земле и т. д и т. д. Конечно, такие драки и хулиганство у нас не терпятся, а так как здесь еще примешалось религиозное убеждение, так как Петр Петрович выступал в качестве руководителя общины, т. е. такого праведника, которому должен будто подчиниться народ, то рабочие отнеслись к нему весьма отрицательно и зявили, что такие люди не достойны никакого снисхождения. Вот почему он здесь и отсиживал свое заключение в несколько месяцев в местной тюрьме. Так что он не только не является страдальцем за какую-нибудь идею или за своих одно-общинников, или еще почему либо, как это было в былое время с закавказскими духоборцами, когда их преследовало правительство Александра III и Николая II, а он пострадал по своему собственному безчинству, самодурству, безобразию и хулиганству. То что он отчаянный пьяница и что он в этом пьяном виде делает всевозможные безобразия, вам, конечно, пре-

красно известно и по его канадской жизни. Достаточно читать в газетах о его хулиганствах и надо удивляться, до какой степени тупости и безумия доходят канадские духоборцы, что они ослеплены весьма глупыми старыми учениями о том, что их вождь является «христом», и что он для них неприкосновенен, точно так же, как цари говорили о себе, что они неприкосновенны и что вот его до сих пор терпят в качестве главы всей своей общины. Это позор и стыд! Это показывает до какой степени низок уровень, развития самих духоборцев, что они, не смотря на то, что прожили более 50 лет на полной свободе, вне всякого давления со стороны царского самодержавия, все-таки остались на низкой ступени развития и не имеют того человеческого достоинства, которое заставляет каждого человека совершенно отчуждаться от подобных лиц, каким является в настоящее время Петр П. Веригин.

Вы пишете, что у вас, среди духоборцев, нет никакого теперь лада, что все распадается и что те, которые стоят во главе, только смотрят за своими интересами. Да ведь это же всегда так было, кроме отдельных случайных лет подъема жизни самой духоборческой массы. Все эти главари — это надо понимать раз и навсегда, ведут свою линию угнетения массы, подчинение ее своим собственным интересам, эксплоатации этой массы для единственной цели: набития своих карманов, удовлетворения своего честолюбия и создания той роскошной праздной жизни, которую на ваших глазах ведет Петр П. Веригин. Я знаю, что неразвитая духоборческая масса думает, что надо обязательно все терпеть от своего вождя, так как это ни что иное, как испытание, которое посылается им самим Богом. Эту хитрую ловушку давным давно расставили, как духоборческие, так и другие руководители различных сект и религий, так как они прекрасно знают, что от бездельной и развратной жизни они сами и их близкие и их наследники падают все ниже и ниже со ступеньки на ступеньку и им нужно было одурачить народ, придумав такую глупость, что будто бы какой-то бог посылает людям своего провозвестника в таком скверном виде и что все его буянство и гадости нужно исполнять, так как он этим испытывает верность своих последователей. Вы, конечно, понимаете, что эта ловушка очень выгодна для этих руководителей, чтобы, если

они, или их наследники, будут вести себя отвратительно, все-таки иметь возможность продолжать грабить народ. Но я думаю, что вы, молодежь должны быть достаточно просвещенными, чтобы с негодованием откинуть всю эту ерунду и чепуху и заявить в лицо этим эксплоататорам и ненавистникам людей, всем этим вождям чтобы они убрались от вас и чем скорей, тем лучше. Масса должна жить сама, выбирать из своей среды тех лиц, которым она доверяет для ведения необходимых дел, контролировать всех своих выборных, сменять их, раз только они будут плохо себя вести или неправильно делать и относиться к делу не очень серьезно. Если этого нет то наперед знайте, что масса всегда попадает под эксплоатацию всех тех, кто желает так или иначе содрать шкуру со своего ближнего, хотя и называя его братом во Христе. Ведь вот Петр П. Веригин, когда увидел, что пошатнулось дело эксплоатации, он сейчас же решился на очень ловкую штучку: он пожелал откинуть название «Сыны Свободы», «Свободники», «Христианская Община Всемирного Братства», а просто называться: «Именованными Духоборцами», как уже прежде, в вопросах и ответах духоборцы сами называли себя. Неужели вам не ясно, что все это было им предпринято только для того, чтобы выманить из ваших личных сбережений как можно больше денег в общую казну, что он, кажется, успешно и сделал и, таким образом, покрыть долги, да и самому начать куралесить так, как ему будет угодно. Когда он понял, что вы начинаете его раскусывать, то вам наверное известно, что он послал свое посольство в Россию, чтобы сманить духоборцев, которые живут в Донском Округе, перетащить их к себе в Америку и там начать стричь, как опытные хозяева стригут овец. Не знаю, известно ли вам, что он хотел и всех вас, и духоборцев живущих в СССР, переселить в Мексику для того, чтобы продать всех вас мексиканским капиталистам, а себе получить за каждого из вас комиссионных по 5 или 10 долларов за душу. Конечно, это посольство к нам в СССР наша власть не пустила и никогда не пустит, а вы все, ~~вероятно,~~ поймете, что вам на эту удочку не надо бросаться. Пора положить конец этой торговле людьми.

Вот все то, что я от сердца к сердцу хотел вам сказать по чистой совести и правде про вашего Петра П. Вериги-

на, который не заслуживает ни одного доброго слова. Я редко видел людей более антипатичных в своей деятельности и весьма ловких в эксплуатации религиозных и всяческих других человеческих чувств. Пожалуйста, все, что я здесь пишу, не держите в секрете, а я прошу вас решительно все об этом сообщить другим духоборцам и читать это письмо, в надежде, что может быть хоть теперь откроются у вас глаза на эту действительную правду, которую вам всегда так ловко заволакивают ваши руководители, наводя на вас религиозный и всякий другой туман, от которого вам пора бы совершенно избавиться.

Мне также было очень тяжело прочесть, что даже такой человек, как ныне умерший Павел И. Бирюков, все-таки написал вам совершенную неправду. Я говорю об издании полного собрания соч. Л. Н. Толстого. Он пишет вам, что «при царском правительстве запрещали половину и теперь тоже. Больше запрещают печатать религиозно-философские сочинения Льва Николаевича потому, что он обличал неправду и тех и других». Ведь это просто ложь! И что бы вы сами в этом убедились я посылаю вам проспект Полн. Собр. Сочинений Л. Н. Толстого, которые в настоящее время печатаются у нас здесь в Москве, под редакцией В. Г. Черткова и многих других специалистов в этом вопросе и друзей самого Льва Николаевича, а также при моем участии.

Из этого проспекта вы увидите, что решительно все сочинения Льва Николаевича, даже до самой последней записочки, целиком и полностью, без всяких пропусков, печатаются именно здесь, у нас в СССР. Я наверное знаю, что ни в какой стране в мире не разрешили бы Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого, так как в нем имеются очень резкие слова. И только мы, большевики, у нас в СССР, мы коммунисты, совершенно на это не обращаем внимания никакого и говорим, что Толстой может сам говорить за себя. Мы не согласны с учением Толстого, да вряд ли кто и может с ним согласиться, потому что это учение, несмотря на то, что Толстой старался в последние годы своей жизни освободиться от барства, — все-таки учение, которое не может принести пользы широким массам населения. Все его нападки на рабочих, на революцию, которая, наконец, невероятными усилиями, при громадных жер-

твах, раскидала в прах самодержавие, капиталистов и помещиков и наконец-то, первый раз в мире устроила настоящее рабочее государство, где каждый самый простой человек участвует в управлении страной, его постоянное требование не сопротивляться всевозможным мерзавцам, которые всех гнули в три погибели, все это непротивление злу и прочая ерунда, — совершенно, конечно, не соответствует жизни, деятелности и стремлениям огромных миллионных масс населения, которым уже надоело жить в рабстве, в покорности и нищете и которые желают жить по воле и свободе, в лучших условиях. Но несмотря на это повторяю, что Полное Собрание Сочинений Л. Н. Толстого печатается у нас целиком. Что касается отдельных брошюр, то все, что у нас выходит в СССР, все это находится под контролем рабочих масс, которые совершенно не хотят знать и слышать ни о каких религиях, так как все эти религии им надоели и они знают хорошо, что религия всегда является очень ловким инструментом, прекрасным хомутом для угнетения народных масс. Наши рабоче-крестьянские массы все более и более просвещаются, желают жить по полной свободе, иметь широкое научное мировоззрение и не нуждаются ни в каких присказках и прибасках старушек и старичков, которые распускали целые столетия всякие глупости о богах, и исусах христах, о пророках, об ангелах и дьяволах и прч. и т. п. ерунде, которая уже отжила свой век и никому совершенно не нужна. Все это обветшало, все подлежит отмиранию и уничтожению. В мире так много интересного, так много важного, так много светлого, отрадного и прекрасного, действительно просвещающего человеческий разум и дающего совершенно новые основания жизни, что пора закончить веру и убеждение во все эти божественные сказки и пора начать жить новой, свободной, счастливой, увлекательной прекрасной и красивой жизнью...

Владимир Бонч-Бруевич

Беру несколько параграфов из рукописи «Мрачная тень Ивана Грозного», Ивана Г. Бондарева. В предисловии он говорит: «То, что под этим названием будет описано здесь, взято из моих личных наблюдений, фактов и горькой обыденной

действительности, свидетелем которых мне пришлось быть самому свыше пяти лет»... Во вступлении говорится: «Петр П. Веригин — лидер нескольких тысяч сектантов-духоборцев и вершитель судьбы, является крупной фигурой в истории духоборческого движения... Духоборцы слепо доверили ему свою судьбу, свои капиталы и свое духовное богатство, которое они унаследовали от своих предков... Этих людей он грубо ошельмовал, опозорил и унизил перед всем миром, пользуясь своим авторитетом, как престолонаследник руководителей секты. Он сделал это в короткое время, благодаря своему дикому характеру и вечно пьяному состоянию своего рассудка. С самого приезда в Канаду жизнь духоборцев омрачилась его буйным поведением, пьяным разгулом, дебоширством, драками и непечатной бранью. Как злой гений, он наводит тоску и уныние своим поведением, везде и всюду. Преследованье кого-нибудь, ругань и вечная судебная волокита являлись его излюбленным занятием. Вечно подозревал он кого-нибудь в измене, в предательстве, в провокации и т. д. и т. п.»... «Беспробудное пьянство и нелепое пристрастие к «бухгалтерии» являлись другими выдающимися чертами его характера»... «Это создавало вокруг него совершенно непереносимую атмосферу... Он разражался страшной бранью, потел и до истерики с визгом кричал на свою жертву, иногда целые сутки и больше. Были случаи, например, такие: во время истеричных припадков его брани приносили кувшин холодной воды, обмакивали в нее полотенце и прикладывали ему к голове и к шее. От разгоряченного и мокрого тела шел пар, но вождь кричал все больше и больше пока не ложился в постель и не засыпал»... «Советов он, по свойственной всем венценосцам натуре, никогда никому не давал, а просто приказывал: сделайте, мол, то-то и то-то... Ругаться он не стеснялся ни друзей, ни старичков или малолетних детей, ни женщин, ни «святой молодежи», ни жены своей, ни даже своей мамаши и внука, выпуская, одно словечко за другим, одно грубее другого... С мутными, налитыми кровью желто-серыми кошачьими глазами он смотрел на всех исподлобья. И казалось окружающим, что этот человек, как бомба, начиненная зловонием и грязью, вот-вот разорвется и обдаст всех нечистью. И делалось всем жутко и отвратительно-гадко

смотреть на эту вакханалию, устраиваемую лидером миролюбивой секты духоборцев. Сотни раз мне приходилось быть свидетелем подобных сцен и всякий раз я до конца не дослушивал и куда-нибудь уходил со страшной болью на душе.

«...Таким образом, он очень часто менял облик «Христа» на облик «сатаны» и пускал в ход, помимо невероятных, сальных бранных слов и крика, стулья, палки и кулаки»... «Грубые вульгарные названия половых органов у него всегда были на языке. Этими словами он только и ругался, придумывая самые причудливые и грязные формы выражения, сочетая эту грязь с самыми священными понятиями человека. С визгом он переплетал зловонную грязь с именами Христа, Бога, матери и веры человека»... «Я совершенно не мог понять, каким образом могли уживаться и понимать друг друга такие две крайности, как Община и их вождь. Большинство людей не пьет, не курит и даже не ест мяса, почитая это великим грехом. Вождь же проделывает это все в изобилии, ругань его могла привести в восторг самого сатану»... «Однажды происходил ночной кутеж около города Камсяка, устроенный независимцами. К нему пришла одна женщина — общинница, (у нее заболел ребенок дифтеритом) и просила совета. Увидав ее, вождь спросил: «Ты чего пришла?» Не выслушав объяснения, он заорал: «Ах, ты блядь этакая! Вон отсюда!» Она, сконфуженно ошеломленная, сквозь слезы проговорила: «Петюшка, я не блядь, я пришла к вам за советом». Сидевший при этом еврей, Моррис Хуторян — заметил П. П.: «Выслушайте эту женщину, у нее великое горе, зачем оскорбляете?» На это П. П. ответил: «Я говорю, что она духовная блядь» и повернувшись к ней сказал: «Уходи дорогая, нам некогда здесь заниматься пустяками, мы должны выезжать», а выезжали мы на ночной кутеж к Петру Малову около Каноры»...

Бондарев дальше повествует о «деяниях» вождя Чистякова по отношению своих прислуг — молоденьких девушек — эти поступки настолько вульгарны и безнравственны, что при чтении бондаревского рассказа, волосы становятся дыбом. Вот где гнездился ужас и разврат!

В заключении своей рукописи Бондарев говорит: «Так печально кончился пятилетний период царствования неко-

рованного короля духоборцев. Гора мышь родила! «Всемирное братство» и невиданный грабеж и эксплоатация своего народа. «Труд и Мирная Жизнь» и тысячи несчастных фанатиков страдают по тюрьмам, а те которые на свободе, находятся в состоянии беспрерывной борьбы и злобы в атмосфере бесконечной ругани и проклятий. Красивые слова, блестящие речи с обещаниями «утереть слезы на глазах бедных тружеников» в результате же беспрерывные потоки горьких слез и разочарований. Страшно подвести итог тому разрушению которое произведено между духоборцами за эти пять лет — морально и материально.

Рукопись Бондарева содержит 462 страницы, много в ней горькой ИСТИНЫ, но она не увидела света.

ПИСЬМО С. Ф. РЫБИНА К П. П. ВЕРИГИНУ-ЧИСТЯКОВУ

Петру Петровичу Веригину. Мантека, Калиф.
В Тюрьму Манитобы. Апрель 2-й 1935 г.
Дорогой Петюшка!

В крупной газете «Сан Франциско Кроникл» от 24-го марта была помещена большая статья о том, что тебя, как вождя «Христианской Общины» посадили в тюрьму за то, что ты избил до полусмерти своего переводчика, Фрица Аметера. И о том, как духоборцы «простячки» делают парады, требуя, чтобы правительство освободило тебя, и что эти парады делаются полуголодными и полуоборванными людьми, которые по незнанию думают, что тебя правительство мучает за какое-то хорошее дело — за принцип духоборцев. Люди переносят всякие лишения и страдания: холод и голод... Это, в кратце, смысл статьи. К великому удивлению и сожалению, помещен фотографический снимок с твоего покойного отца, — заменяющий тебя. Верно вышла ошибка.

Вышеуказанная статья навела меня на долгое размышление и будучи побужден добрым к тебе чувством, я решил написать тебе это письмо. Пишу в тюрьму потому, что ты имеешь большой досуг и находишься, полагаю, в трезвом состоянии! Пишу это не с целью упрека или осуждения, но по дружбе, всецело в твою пользу...

Ты отбываешь второй раз тюремное заключение. А за

что? Первый раз за клятвопреступность: т. е. показание, что в некоторое время ты не был на станции Веригино а твои же «друзья по бутылке» шепнули полиции, что ты был, это подтверждено и тебя уличили во лжи и посадили в тюрьму. Теперь ты отсиживаешь, как пишет газета, за ужасные побои бедного и невинного человека. Оба твои поступка, по мнению хороших людей, очень низки и недостойны вождя «христиан»...

Человек отличается от животного и зверя только тем, что имеет высший разум добродетели, в особенности когда достигает нравственной высоты через усиленную борьбу с присущим ему злом и имеет силу воли обуздать себя от дурных привычек. Не имея таких сил, человек опускается гораздо ниже животного: предаваясь пьянству, разврату и другим пошлостям, чего даже животное не делает, а потому и существуют тюрьмы и кандалы: для сохранения благополучия и безопасности людей.

На твою долю выпал случай чрезвычайно благоприятный для того, чтобы принести великое счастье и пользу духоборцам и оставить о себе хорошую память для грядущего поколения... Во время «Тюниной» компании за «божественный трон» я уверял духоборцев и делал это от искренней души, что ты и только ты, дашь им истинно духовное просвещение и укажешь правильный путь жизни. То просвещение, которое отчасти, получил от тебя я, за твое первое пребывание в Канаде, когда ты открыто и смело порицал деяния своего отца за то, что тот содержал «певчих» дармоедов и всевозможные кареты, стоющие много мирских денег, за его барскую жизнь и валанданья с Тюней и другими девицами. Ты бывало говорил мне: «Для отца довольно одной маленькой тачанки и смирной лошади, а певчие есть во всех селах»... Не смотря на то, что ты говорил это против отца, отец в глубине души за это тебя любил и называл «Толстовцем». Великие чаяния и надежды таились в душах всех искренних твоих друзей и сознательного народа, но увы! Теперь, с твоего приезда, получил и получаю массу писем от искренних друзей, упрекающих меня за то, что я говорил о тебе ложь и представлял тебя не в правильном виде. Не меньше других в этом разочарован и я, ибо в тебе произошла ужасная пере-

мена, и к сожалению в худшую сторону.

Конечно, я вхожу в твое положение: живя в окружающей тебя азиатской среде и даже в домашнем очаге, — как ты рассказывал нам в Галифаксе, как твой дед переломил руку палкой своему сыну или внуку за то, что тот замедлил исполнить его приказ, и ты, не имея хорошего примера жизни, воспринял и воспитался в духе дикой грубости, похабства, пьянства и разврата, выходящего из границ человеческого достоинства и приличия, но считаясь со взглядами и мнением окружающего народа. Ты, незаметным образом, дал полную волю своему животному человеку — который не дремля заковал твоего духовного человека (голос совести) в цепи соблазна и власть дьявола. Ты перестал быть человеком, которому присущи добродетель, милосердие заключающиеся в благодеянии к окружающему нас миру, начиная с родного семейства и дальше. Добродетель, это как солнечный день, дающий действительную радость и смысл жизни, ту радость души, которую никогда не испытывают и не переживают люди, имеющие власть над себе подобными людьми. Эти властелины, подобны бурному холодному урагану, приносящему душевное опустошение, скорбь и страдания народу, который и без того нищ духом. Твоя плотская жизнь служит гибельным примером для твоих молодых последователей которые подражая тебе, также развращаются в пьянстве и других пошлостях. И когда родители их упрекают в том, что они делают дурно, то дети отвечают: «И Петюшка это делает» и в результате, дурное дело освящается твоим авторитетом. Какой дурной пример ты делаешь для молодого поколения!... Ужасно! В Евангелии сказано, что очень плохо будет тем, через кого приходит соблазн в этот и без того, грешный мир... Образ твоей жизни позорит все духоборчество и не соответствует твоему назначению. Жизнь, в которую ты погрузился, переполнена мирской суетой и судами. Ты окружен не апостолами, как Христос, а адвокатами и собутыльниками, которые внушают тебе смотреть через их глаза и уверяют, что весь мир против тебя: везде изменники и провокаторы (слово: «провокатор» духоборцы не слыхали до твоего приезда) и что единственное твое спасение это они, юристы, выкачивающие десятки тысяч долларов народных

денег, не говоря уже о глупых растратах, как карты и другие безделушки, на которые ты тратишь сотни тысяч долларов и оправдываешь это, говоря: «всему этому быть». Они в глаза восхваляют тебя, натравливают на своих же братьев и вовлекают в судилище только потому, что это для них выгодно — их хлеб и масло добываются посредством ссор и вражды людей, за глаза же они смеются над тобой и называют «простячком». Для того же, чтобы им удобней эксплоатировать народ чрез тебя, они угощают тебя «напитками» во имя «дружбы» и держат тебя, как пленника в полупьяном состоянии, чтобы ты не мог контролировать себя и совершал поступки, недостойные не только вождя, но и всякого порядочного человека. Путь на котором ты стоишь, ужасен и ведет к полному банкротству духовному и телесному. На этот путь тебя толкают «друзья» юристы и собутыльники. Этот путь не был предназначен тебе, ты попал на него только потому, что сделался рабом плоти.

Есть путь другой, — путь радостный и достойный: по которому шли и идут действительные вожди народов. На этом пути все люди братья и НЕТ ВРАГОВ. Идущие по этому благородному пути люди как: Будда, Конфуций, Христос, Сократ, Толстой, Ганди и много других, не нуждались в адвокатах. Их советник был Бог-РАЗУМ, а не адвокаты. Они жили и достойно несли факел света и примером своей доброй жизни указывали путь своим друзьям и последователям и смело уличали несправедливость людей и охотно умирали за свои высокие идеалы. Ты, как вождь христиан, по праву должен бы принадлежать к этой благородной группе вождей и получить венец благой славы. Это еще не поздно, если ты прислушаешься к голосу твоего внутреннего человека — совести, станешь работать и победишь голос плоти. Не поздно, и лучше поздно, чем никогда!... Отбрось от себя все дурное: пьянство, трубокурство, мясоедство и сквернословие. Убей и вырви с корнем привычку, привитую тебе азиатской средой: кричать и ругать людей, которые стоят нравственно гораздо выше тебя. Перемени натуру раздражительности и каприза в натуру гуманного и интеллектуального-уравновешенного хорошего человека. Голос твоей совести пробудится и скажет тебе, что ты, ни что иное, как простой смертный человек и не имеешь никакого

права и власти издеваться над себе подобными людьми. Обуздай себя, оставь власть тьмы и деспотизма над преданным, по невежеству, тебе народом. Служи добром народу и он будет почитать тебя за вождя не по внушению старых, как сейчас, а от любви и сознания, — это будет гораздо выше и достойней. Ты имеешь хороший ум и способность речи. Не отравляй мозги алкоголем, а хорошие беседы сквернословием. Ведь одна ложка дегтя делает негодной для питья целую бочку воды. В твоих же беседах часто выливается больше сквернословия, чем хороших слов. Выбрось вон все гадкое и оставь только доброе, светлое и полезное и ты будешь воистину великим человеком, к которому народы будут подходить, как к медовому источнику, а не убегать, как теперь, от твоей свирепости и зла. Не обещай и не говори ничего того, чего не думаешь исполнить, ибо это убивает в людях доверие и надежду: например, твои слова: «отсохнет мой язык, если я, после нового года, скажу духоборцам «здорово». И еще: «Уйду к эскимосам на несколько лет», и много других слов, которые делают тебя в глазах даже наивно-верующих в тебя людей, капризным мальчиком и люди, тайком, смеются над такими фокусами. Каждое слово вождя должно иметь здравый и определенный смысл. Слово порядочного человека, а, тем, более вождя, должно быть законом. Например, ты часто публично кричишь на конторщиков: «вор», «мошенник», «провокатор» и не принимаешь никаких мер. Если человек мошенник и ты говоришь правду, арестуй, накажи и посади в тюрьму. А если ты говоришь неправду, как можно невинного человека оскорблять перед народом? Сколько раз ты говорил, что Макаров жулик и твой враг и запрещал иметь с ним дружбу, а тем же, временем живешь его советами и платишь баснословные деньги. Где же последовательность? Выходит простая болтовня, к которой народ уже привык и не обращает на нее серьезного внимания. За наше пребывание при твоем отце, я не слышал от него ни одного глупого и праздного слова. Его серьезный взгляд наводил какой-то необъяснимый страх и чувствовалась глубокая сила. Иногда его умелое молчание было бичем наказания. Сказано в псалме: «От многих слов греха не убежишь, а только на смех себя явишь». Очень глубокий смысл кроется в этих словах. Люди,

прожившие некоторое время с тобой, перестают обращать внимание на твои слова серьезно, а смотрят, как на что-то не подлежащее исполнению.

Поэтому, во имя гуманности и искренней любви моей к тебе, ради твоего собственного блага, прошу поработать над собой серьезно и докажи людям злорадствующим над твоей слабостью, что ты не так безнадежно упавший и засосавшийся властью, что ты можешь исправиться, как Толстой, как твой отец и другие умные люди, ведшие в молодости бурную жизнь. Этим благоразумным актом ты осчастливишь не только себя, но и всех окружающих тебя верных друзей и последователей...

Все благородное человечество высоко ценит заслуги твоего отца в том, что он повлиял на духоборцев оставить дурные привычки, что сделал и сам: оставил употребление алкоголя, мяса и табака. Отменил внешние языческие обрядности, как «поклонения» ,ввел в правило гигиену-чистоту, которая отсутствовала, и научил приготовлению хорошей пищи и многому другому. Тебе, как его сыну по плоти и духовному наследнику, надо бы дорожить этим и прогрессировать дальше: выводить духоборцев к более чистым понятиям о Боге и жизни а не делать шаг назад, как теперь.

Лучше для тебя оставить о себе такую память как оставили вышеупомянутые вожди народов, которую человечество лелеет, а не такую, какую оставили Нерон, Наполеон и другие злодеи народов, которых человечество вспоминает с омерзением и отвращением. По летам ты делаешься уже стариком, обязанность которого в том, чтобы вести хорошую, трезвую и примерную для молодых жизнь, достойную хорошего вождя. Мы живем в стране гуманного правительства и ты мог бы жить в завете Бога и в дружбе с окружающим народом без всяких хлопот. Духоборцам дадена полная свобода жить по-братски. И остается только благодарить Господа Бога за свое полное благополучие...

Надеюсь что ты прочтешь все со вниманием и примешь все в таком же добром духе, в котором я пишу. Голос плоти будет находить оправдания и даже озлобится, но голос Бога — совести, скажет, что я делаю тебе добро и другого исхода нет. Все лучшие твои последователи давно говорят тебе это, но у них нехватает доверия что ты примешь это с любовью во

благо.

Итак, помогай тебе Бог исправиться!

Шлем тебе наш сердечный привет и желаем всего лучшего в твоей жизни. Дружески целуем в мыслях.

Будем рады, если по освобождении, придешь к нам в гости.

Недавно у меня был Иван Яковенко, — Ново-Израиль (Лубковец) из Уругвая и говорил, что их народ до сих пор ожидает твоего посещения.

Твой неизменный,
С. Ф Рыбин.

ВОЖДЬ ДУХОБОРЦЕВ ПРОТИВ ТОЛСТОГО

23-го мая 1931 года состоялось собрание в честь приезжих гостей из Британской Колумбии. Всего было 16 человек. 6 из них едут в Россию, трое мужчин и три женщины. Они едут просить советское правительство, чтобы дало разрешение выехать духоборцам из России.

В 11 часов открылось собрание. Вождь как первое лицо, занял первое место и говорил по поводу поездки в Россию. Его речь утомляла слушателей, особенно, когда он начал бранить людей без всякой причины и говорить против Толстого. «Это босяк, офицеришка, духоборцы не знают его и знать не должны».

Но Толстой велик, весь мир его знает. Имя его будет переходить из рода в род. Теперь пускай русский народ судит какого славного вождя имеют духоборцы. Он еще кричал: «Не Толстой родил духоборцев, а духоборцы родили Толстого. Отец мой научил его».

На собрании было много постороннего народа. Люди удивлялись почему духоборцы имеют дело с человеком, который лишен совести и чувства. Пусть со стороны люди станут между Толстым и врагом его и скажут правду.

В продолжение разговора он не один раз унижал окружающий народ. Нет подобного ему человека и нет той славы, какой бы он себе не приписывал, и нет тех дурных слов, какие бы он не говорил. Его поведение отравляет молодое по-

коление, излюбленное его удовольствие — издеваться и унижать человека.

Люди должны бы понять свое назначение и добиться полной свободы. Тогда не будет место диктатору.

В. Верещагин.
Блеин Лэйк, Саск. Канада
«Канадский Гудок»

В газете «Рассвет» появилась страница под названием «Духоборец», в пользу П. П. На эти статьи П. М. Нечволодов отвечает: «Духоборцы очищайтесь».

ДУХОБОРЦЫ ОЧИЩАЙТЕСЬ

Поздравляю «Духоборца» в «Рассвете». Он пришел в мир тихо, без шума и радостно его встретили отовсюду. Первый номер показался слабым: статьи о «трех китах», в которых приподняты «ширмы» слегка, наводят на мысль, что новорожденец пред кем-то готов заискивать и ползать на четвереньках. Становится больно и стыдно, когда голая правда просвечивает из-за ширмы, которую так тщательно скрывали и скрывают сами воплощенные боги духоборцев и их лизоблюды. Когда уже нельзя скрыть каких-нибудь дурных дел, тогда оговаривают их предлогом: мол, этим скрываются от опасности попасть в тюрьму за истину. Мы виноваты в том, когда мы пресмыкаемся перед ними и скрываем правду от народа. Ведь никакая святая истина не может скрываться под греховными делами. Нужно показать всю наготу этой лжи. Напишу раболепием мы даем им власть, вскруживая им головы о своем божественном величии. А так как на их ответственности, якобы, лежит задача спасения рода человеческого, то они нередко применяют языческие меры, чтобы загнать рабов божьих под свою власть.

Но духоборцы, когда отказались от казенной православной церкви, имели в виду подорвать и насильственную государственную власть. Считая, что всякая насильственная власть не от Бога. Вся она в принципе противоречит учению Христа. Они, борясь за истину, были гонимы и несли тяжелые страдания во имя равенства и братства. Но идолопоклон-

ство издревле идет по пути духоборчества. Суеверные предрассудки трудно изживаются. Власть не оставила своего идола в православной казенке, а привела его с собой и поныне пресмыкается пред ним. Эти воплощенные боги никогда не читали слов Христа: «Кто хочет быть большим, да будет всем слугою». Они никогда не искали случая сравниться со всеми теми своими тружениками, которые несли их вечно на своих изможденных спинах. Но постоянно требовали себе царских почестей и окружали себя сонмом любимцев и бездельников, которым был открыт доступ ко всем благам земли, приобретаемым тысячами тружеников, стоящих вечно на задворках жизни. Эти труженики, зачастую, боялись высказываться даже о своей гнетущей вечной нужде и трудной жизни. Добывая блага земли для своих владык и их любимцев, эти горемыки жили впроголодь, полунагими и не имели стакана молока для своих детей. Если же из них кто осмеливался поднять голос в защиту себя от такого произвола, тогда его сейчас же выбрасывали за речку, как ненужную тряпку без куска хлеба и без средств к жизни. Эти выброшенные, озлобленные такой незаслуженной несправедливостью, только тогда доподлинно понимали, в каком обмане они находились всю свою жизнь и в ужасе разочаровавшись во всех светлых идеалах человечества, искали себе источника утешения. Из трезвого человека он вдруг превращался в пьяницу и попирателя всего светлейшего в человеке. Пьянство же верный спутник преступлений и он становился таковым.

Под ширмой духоборческих вождей творились и творятся сии дела. Взгляните на жизнь современной духоборческой общины и на ее последнего руководителя — этого мудреца и знатока по спиртовому делу. Одним взмахом он покончил с духовным богатством духоборцев по трезвости и вегетарианству, которым мир гордился прежде. Всякий духоборец прежде боялся курице голову отрубить, теперь друг друга начали убивать. И начали это делать именно только с приезда этого господина к этому мирному народу. Он развратил духоборческую молодежь до последней степени. Пьянство, картежничество, судьбища, мясоедство, курение и сквернословие — вот его повседневные лекции для нашей моло-

дежи, есть чему поучиться. Это все вернейшие спутники к уголовщине.

Дорогие друзья духоборцы! Если у вас есть вера в светлую добродетель и нравственную чистоту человека, очищайте свое общество от подобных «благодетелей», не позорьте себя их присутствием в вашей среде.

Петр М. Нечволодов
Мантека, Калифорния. 1936 г.

Осуждение и порицание П. П. Веригину, духовному вождю Духоборческой Общины

Первый Всеобщий Духоборческий съезд, состоявшийся в Веригино, Саск. 25-28 июня 1934 года, разобрав вопрос о вожде духоборцев, П. П. Веригине, и подвергнув тщательной оценке его поведение, как со стороны моральной, а также материальной, нашел таковые несоответствующими духоборческим принципам.

Съезд нашел, что поступки его безнравственны и являются причиной разложения духоборцев. Съезд, на основании неоспоримых данных, нашел, что П. П. Веригин поддерживает ложь, суеверие, обман и темноту и стоит преградой культурно-просветительному развитию духоборческой молодежи. А потому, как таковой, он не имеет права быть не только вождем духоборцев, но даже называться именем духоборца.

Президиум съезда: Ф. И. Резанцев, Председатель
Н. Н. Попов, Секретарь
«Канадский Гудок»

С. Ф. Рыбину, Торонто, Онт. 10 ноября 1949 г.
Мантека, Калиф. США.

Многоуважаемый Семен Федорович!

«Господнего» я лично не помню: был еще малышом. Но Чистякова хорошо знал и видел, как он «чистил» нашу братию. Я при нем вначале был секретарем Союза молодежи (святой) в Воскресном участке. Однажды он созвал нас, всю свою святую молодежь на станцию Веригино по очень «эк-

стренному» делу. Это было зимой, и я был вынужден бегать по фермам и, как секретарь, собирать свою молодежь, чтобы ехать около 15 миль, по метели и бездорожью. Приехали, полузакоченевшие. Там собралось уже много молодежи. Мы всю ночь пели, дожидались, пока ОН соизволит сойти к нам. Пришел он только утром, ко времени отъезда поезда. Забежал к нам на собрание и начал ругать по «матерински», ничуть не стесняясь в выражениях, не смотря на то, что на собрании были и девушки и, даже, некоторые, слишком преданные старушенки. Он ругал нас за то что мы всю ночь выли и не давали ему покойно спать, что мы устроили тут какой-то б . . . . . и т. д. Мы все повесили носы.

По возвращении домой, отец спрашивает: «Что же, сынок, передал вам Петюшка?» Я ему рассказал все, что он нам «передал», хотя отец мне не поверил, но зато у меня здорово пошатнулась вера в святость Петюшки и с тех пор все чаще я начал наталкиваться на его нечистые дела — карты, пьянство, ругань (я сам видел, как он в отеле в Камсяке пускал в карты тысячи долларов, сидя за картежным столом безвыходно по несколько суток. Ему даже сандвичи вместе с пивом приносили за стол, боясь, чтобы он не ушел спать — рыбка ведь! Растрепанный, грязный измятый, в одной исподней рубашке). Стыд и позор!

Однажды я приехал из Виннипега (я там редактировал духоборческую страницу в «Канадском Гудке») в Камсяк. Слышу разговор идет среди наших братьев, что Петюшка в Камсяке и стоит в гостинице «Россел». Пошел я в эту гостиницу в картежный клуб и застал его за столом в одном грязном белье —за картами и пивом, в дыму и смраде. Не смотря на дым и смрад, ОН заметил меня и приказал заведующему картежным клубом вывести меня из клуба. Между прочим, я был вместе с нашим редактором Михаилом Павловичем Ясным. Он глазам не верил, что человек, да еще «вождь» способен опуститься до такого уровня — ниже животного. Нас, конечно, из клуба выпроводили, но и через двери клуба слышно было, как он посылает ко всем чертям, когда не получал нужную ему карту. А получал он их очень редко. Тогда же он спустил в карты 15 тысяч долларов. Я предлагал нашим верующим братьям пойти и посмотреть на своего спасителя за кар-

тежным столом или хотя бы подойти к двери клуба и послушать его «божественную» речь за картами. Но Петюшка был очень хитроумный или наши братья были слишком тупоумными и он очень удачно оплел их нитями фанатизма: он тогда говорил, что то, что он делает — это пересеивание, как через решето верующих от неверующих. Слабые верой, дескать, отпадут, увидев его, якобы плохие дела, а крепко верующие останутся верующими и будут спасены спасением вечным. Вот с такой установкой он мог и творить все, что ему хотелось. Слабоверующие, каким оказался я, отпадали, а сильноверующие верили еще сильнее.

Боже мой, сколько народного добра он растранжирил! Духоборцы могли бы теперь иметь и свои типографии, и богатые библиотеки, и могли бы издавать свои книги и газеты, имели бы и свои школы и университеты и крепкое примерное и материальное обеспеченное общество. Все это пошло в трубу.

Вот почему мне так радостно, когда среди духоборцев находятся такие люди как вы, которые готовы хоть теперь раскрывать эту проклятую ложь и разрубать этот гордиев узел.

С уважением к вам

Н. Попов.

АДВОКАТ ФОСТЕР О ПЕТРЕ П. ЧИСТЯКОВЕ

Г-н Фостер утверждал что П. П. Чистяков ругал всех духоборцев и своих агентов, называя их ворами и мошенниками. Я считаю что мы, духоборцы, уже прозрели и прекрасно знаем, что П. П. Веригин-Чистяков перешел всякие границы в издевательстве над своими же рабами. А для того, чтобы опровергнуть слова защитников, как не имеющие никакой цены, я дам пример из того, что мне лично пришлось видеть в Британской Колумбии. Из этого будет видно, как П. П. Веригин обращается с покорными ему духоборцами, как он им благодарен за то, что они отдают ему последнее на привольную жизнь и кутежи. После освобождения из Галифакса П. П. Веригин объехал все духоборческие местности. Заехал он в Трамс, Б. К. Местность здесь фермерская. П. П. Веригин должен был устроить в Трамсе митинг, на котором

обещал рассказать о мировом кризисе и о выходе из него. Митинг не состоялся, так как П. П. Веригин опоздал. Как всегда, была виновата в этом бутылка. По приезде он обругал встретивших его у ворот и спросил, услышав пение из дома собрания: «Что это такое?» «Молодежь встречает вас», ответил кто-то из толпы. «Эх, чортова колокольня! Запереть бы все двери, забить бы окна и поджечь бы всех их в доме — вот дело было бы сделано», ответил пьяный Веригин, «а мне здесь делать нечего. Уезжаю отсюда!»

Из толпы никто не стал просить его прощения, как это делалось в прошлом и он убрался. По пути он был приглашен в Таррис, в дом духоборцев-независимцев. П. П. Веригин приглашение принял с радостью. Войдя в дом, он приказал чтобы общинников и единоличников никто в дом не впускал, ибо, по его словам, все они ни к чему, а все дела он будет вести с независимцами. Он начал хвалить независимцев до тех пор, пока не был приглашен одним из них на ужин. Пошли. Пошел и я послушать, о чем П. П. Веригин будет говорить. Войдя в дом, я первым делом услышал площадную ругань. Ругал он одного из своих агентов. Хозяева подали бутылку. После нескольких стаканчиков П. П. Веригин стал сильно разговорчивым. Кто-то упомянул о тяжелом времени, о скверной правительственной помощи. Захотел я послушать, какого мнения будет П. П. Веригин об этом и как он сумел бы помочь разоренным фермерам духоборцам. «Я никогда не соглашусь брать государственного пособия, лучше бы издох голодный», говорит Веригин, «на пособии сидят только бандиты и паразиты». Сидевший тут же некий В. Барабанов говорит: «Нельзя не обращаться за пособием человеку, который не имеет земли, а если имеет, то за бесценок продает плоды своего труда». Веригин, услышав это, начал кричать, указывая на Барабанова: «Вот вам один из этих бандитов». «Если я бандит», ответил Барабанов, «то нет святых». «Никогда я не стану брать государственные деньги», сказал Веригин, забывая, что эти деньги выжаты из крови и пота тех же самых рабочих и фермеров — а вши, как Барабанов и подтачивают дерево нашей общины». «Вши не так опасны», ответил Барабанов, «как свиньи, которые подкапывают корни». Веригин понял, что Барабанов намекает на него, весь затрясся и крикнул своим

агентам: «Подайте мне мой чемодан!» Вынул Веригин из чемодана веревку и кинул ее Барабанову. «Возьми», говорит, «повесься». Если б я имел власть, я бы скоро управился с теми, которые берут пособия. Наварил бы борща побольше, кинул бы туда стрихнину, накормил бы всех и был бы им конец. Эх, жаль, что канадское правительство не поняло, кто я такой. Я дал бы много хороших советов. А вас, бандитов, необходимо остерегаться».

«Эх, ты», вспомнил Барабанов, «не смей называть бандитами честных тружеников». Тут П. Веригин увидел, что зашел слишком далеко в своей пьяной ругани и пошел на попятную. «Я тебя бандитом не зову, а сделал бы так: на пособие я не пошел бы, а ходил бы по своим братьям, проживал бы по два дня у каждого и ел бы. А ведь меня не отогнали бы? Правда? Веригин начал завираться, говоря, что скоро поедет в Советский Союз, свергнет большевиков и пришлет оттуда сюда людей, которые сделают здесь дело. А духоборцы, берущие пособие, такие и сякие.

Так П. П. Веригин благодарит тех, которые его содержат и дают ему тысячи долларов на разврат и пьянство. Опровергать Фостера нам не приходится, ибо мы своими ушами слышали то же в Бритиш Колумбии, что он сказал Фостеру. Беда только в том, что духоборцы не разбирают черного от белого, и все, что им Веригин говорит, считают святым. Его же поступки и самодурство они стараются не замечать. Это чень печально как для вождя так и для самих духоборцев.

Присутствующий. Трамс, Б. К.
Июнь 1933 г.
«Канадский Гудок»

ЧТО ПРИВЕЗЛИ ИЗ РОССИИ ДУХОБОРЧЕСКИЕ ДЕПУТАТЫ

Время идет. Народ меняется. Каждое столетие производит на землю новых обитателей, с новыми чувствами, с новым пониманием жизни. И все исторические традиции, которые встречаются на пути жизни, не малым тормозом служат в их духовно-эволюционном развитии. Но все же люди начинают прозревать, постигать жизнь — старое и отжитое они начинают покидать. Народ начинает постигать истинное ра-

зумение. Хотя эти сдвиги идут очень медленными шагами, но все же «просвет» души идет. Духоборцы еще давно считали себя первыми людьми. Они говорили: «Мы есть соль земли». Если быть солью земли, то нужно быть «просолеными» по самые уши, и не терять того просола, как сама соль не теряет свою силу. Соль остается солью. Но духоборцы лишь говорят. Но на деле они теряют всякую силу, становятся такими немощными, точно дети. Почему это происходит так? А вот почему. Сколько из нас читают книги, газеты? А особенно из общинников? Да и независимые то же. Очень маленький процент. В редком доме можно найти книги или газеты. Если и есть книга, то она лежит нечитанной. Это показывает, что мы только питаем свою плоть. Но дух наш ветшает ежедневно. Он уже мертв. Вы знаете, что плотская жизнь зависит от хлеба, воды и воздуха. Но духовная наша пища для развития души в книге. Чем больше будем читать хороших книг, тем более мы будем постигать душу. И что же, темнота дошла до «бомб», человек принял на себя незаслуженную смерть. Что сделалось с нами после того, как наш «вождь» был уже в могиле? Многие из вас представляли, что-то ужасное, думали, что настанет конец веку . . . Но солнце смотрит и по сие время.

Наконец, вы послали двух депутатов, чтобы они привезли вам сына бывшего вождя. Но он почему-то не приехал. Послал свою мать-старушку. Почему не приехал сам Веригин? То ли не управлен с делами, которых у него так много? Или просто не приехал по другим соображениям. Но матери его была сделана необыкновенная встреча. Просто сверхъестественная. На ст. Веригино была целая толпа людей Вы собрали ей милостыню, собрали около 300 долларов. Считаем, что пока эта старушка объедет все духоборческие поселки, ей бросят большие тысченки. Дай Бог, чтобы вы всякому приезжему так делали. Мы не верим, чтобы вы могли собрать на нужды тем, которые лишены всякого родства, дома и возможности жить. Вы таким не собираете. Вы не знаете их. Они всеми забыты: возьмите Николу Шерстобитова около Камсяка. Да разве один Никола? Таких Никол масса. Но на них никто не обращает внимания. На ст. Веригино в тот самый день, кроме сбора денег Иван Кутняков превознес женщину «богородицей». При крике всей толпы он

оглашал, точно сумасшедший: «Спаси, Господи, тебя за твою утробу, что ты нам спородила Иисуса Христа». После этого делает земной поклон. Вслед за ним валится и вся толпа. Бедная женщина, она была прибита точно тяжелым молотом. Она никогда не ожидала, что эта безумная толпа произведет ее в «богородицы». Она просто ехала посетить своих родных и взглянуть на разукрашенную могилу своего бывшего мужа, с которым она имела развод 40 лет тому назад. Это тот самый Кутняков, который стоял на мосту в Бриллианте и сторожил жертву из этих же самых «независимых» и «свободников», чтобы они не перешли мост. И сколько они пострадали от него. Теперь ему опять нужен Христос, чтобы вручить ему потолще плеть. Ведь без «Христа», не было бы и палки или плети. Но когда «Христос», то перед «Христом» всегда люди делаются покорными, делай с ними, что угодно. Поэтому то Кутняков и раскланивается перед женщиной от лица тысячи мужчин и женщин. И как печально было смотреть на эту картину. Она все еще продолжается, и будет продолжатся до тех пор, пока духоборцы не возродятся свыше от духа-разумения. Но что же привезли нового из России духоборческие депутаты — Верещагин и Плотников? Говорят, что Россия очень быстро поправляется от разрухи, что Россия уже стала такою, как была при царе. Но о переселении туда они еще помалкивают. Говорят еще не время... Они говорят, что Россия без Бога, которого люди тысячи лет признавали в своей душе, молились ему. Теперь рисуют его с длинной бородой и большим носом. Как будто бы Бог действительно должен иметь длинную бороду и большой нос. Строят насмешки над Богом. Перед этим «Богом» стоят массы пилигримов, молятся, становятся на колени, просят хлеба, но хлеба нет. После этого поднимается человек и поясняет: видите, сколько мы стояли на коленях, молились, но Бог не дал хлеба. Вот там-то этого Бога совершенно нет. Делают эту карикатуру на Бога, ставят разукрашенный в блестящей раме портрет Ленина. Эта же толпа, таким же образом молится Ленину. Вдруг завеса раскрывается и выносят булки хлеба. Вот, мол, Бог вам не дал хлеба, а Ленин дал... Воспитать на атеизме дело не трудное, но куда оно может привести человечество? И как теперь понять? Одни отрицают

Бога всей душой. Другие же, наоборот, как эти духоборцы которые не раз делились из-за этих богов, Христов в течении 40 лет. Они делились и были врагами друг другу. Теперь эти депутаты передают, что П. П. Веригин просил всех духоборцев бросить все партийные смуты и соединиться всем в одно громадное общество. Такую идею Петра П. Веригина можно приветствовать. Но это еще не радость. Радость может наступить тогда, когда все духоборцы придут к своему разуму и поймут то, на каких началах их соединение может произойти. Лучше было бы, если бы сами духоборцы выработали этот план.

Прогрессивное Общество Духоборцев
«Канадский Гудок»

КРИТИКА ДУХОБОРЦЕВ И ИХ ВОЖДЕЙ

Друзья!

Прочел в «Рассвете» ваш отчет и резолюции первого съезда Союза Молодежи Коммунаров-Духоборцев Канады и захотелось мне написать вам по этому поводу... Начну по порядку: 1) Доклад Григория Попова о его посещении П. П. Веригина в Принц-Албертской тюрьме. Он рассказал о печальном положении вождя и о том, что вождь призывает делегатов ВЫРАБОТАТЬ устав, как подобает настоящим последователям Христа и не забывать свои Духоборческие Идеалы, за которые пали жертвой многие духоборцы.

1) Если вы имеете вождя, то это его дело выработать для вас устав: «как подобает истинным последователям Христа»...

2) А если бы вы были истинные последователи Христа, то у вас не было бы еще одного вождя, кроме Христа.

3) Если вы считаете вождем глупого и пьяного человека, то какие же вы последователи Христа и каковы ваши идеалы? Спрошу я вас.

Пять лет тому назад Веригин приехал в Канаду и привез с собой П. И. Бирюкова, который должен был начать, среди вас широкую просветительную работу и им был составлен план этой работы, но ваш вождь — любитель выпивок и матерного слова, не дал ему возможности привести этот план в исполнение. На свои кутежи и попойки он растратил

десятки — сотни тысяч ваших трудовых денег и не дал и цента на школы, на книги, на просветительную среди вас работу, ибо он знает, что — просвещенные люди не будут держать у себя такого мракобеса за вождя.

У просвещенных людей — вождем может быть только — ПРОСВЕЩЕННЫЙ РАЗУМ. Правда, много ваших братьев пало жертвой, только не за те или другие идеалы, потому что — люди, которые не применяют свой разум для своего руководства, а держат у себя вождя за пастуха — такие люди не могут иметь идеалов, а имеют: кнут, хворостину, кулак своего пастуха, который и гонит их как стадо баранов и на страдания, и в тюрьмы, и в голые походы, и куда захочет...

Вы смешны, когда говорите, что у вас возникла оживленная дискуссия о ликвидации безграмотности: Вы думаете, что образование вам нужно «как средство, дабы НА ОСТРИЯХ ЗНАНИЯ — понести истину в мир». Разве это не смешно? Выходит так, что образование, то-есть — развитие вам нужно не для себя, не для того, чтобы самим познать истину, а для гордой цели: «понести ее в мир», то-есть — другим людям. Вы вероятно думаете, что другие-то люди, без вас-то, так и не узнают, что где-то есть какая-то, только вам известная истина. Старичек Вася Вышлов дожил до старости под командой своих глупых и вредных духовных лидеров и до сих пор не понимает того, что — дух никогда и никого не заставлял идти на страдания за свой идеал. Если ваши отцы и деды, по темноте своей шли на ненужные страдания, то не дух их гнал туда, а вождь, которому нужно было это для его выгоды, для того, чтобы быть вождем ПОСЛУШНОГО СТАДА.

И теперь вот сотни людей пошли в тюрьмы и в ссылку на остров, не потому что их дух туда погнал, а потому, что их вождь назвал ЛУЧШЕЙ ЧАСТЬЮ ДУХОБОРЧЕСТВА, передовыми, колоколами — вот они и начали звонить и попали в тюрьму, в ссылку.

Читая доклады отделов, делается смешно от того тона, каким эти доклады написаны: «Членов — столько-то. Имеется свое помещение. Собираются 6 раз в неделю. Посещают собрания только 65 человек из сотни, а остальные 35 процентов — не знают, зачем записались в члены. «Организован хор в 13 человек. Работа идет средним темпом. Для успеха в рабо-

те недостает материалов и грамотности». Как будто все это списано из «Канадского Гудка» или из Нью Иоркского Нового Мира, от безбожных Коммунаров. В отделе Утешенском — 235 членов. Самый большой отдел. Там собрания не посещают 40 человек из сотни. Организовано 6 хоров — по 8 человок в каждом!» Во как у нас! Обыкновенно хорошими хорами бывают такие, которые имеют от 40 до 120 голосов. Ваши хоры по 8-12 человек — смешные игрушки! Надо, друзья, создавать один хор на каждый отдел, хороший многогласный при умелом человеке, могущем научить людей петь...

Еще одна очень смешная сторона та, что несмотря на общую, среди вас, неразвитость и безграмотность, отделы хвалятся тем, что у них имеются ОРАТОРЫ и даже ЛЕКТОРЫ! Конечно, я не осуждаю, темный человек, как ребенок, старается подражать взрослым. Но хотя вы и молодежь, все же люди взрослые и вам не трудно понять то, что каждый человек, прежде всего, должен быть — САМ-СОБОЙ и стараться развить в себе все те свои силы, способности и таланты, которые заложены, в нем ПРИРОДОЙ — БОГОМ. Наука развитие доступны всем людям для этого только надо достать хороших учителей и хороших, умело подобранных книг и только после развития, среди вас, могут появиться и ораторы которые в красивой, увлекательной форме найдут сказать вам всем (и молодым и старым) что-то такое новое, чего вы еще не успели узнать. Появятся и лекторы, т. е. своего рода учителя. Лектор, значит — читающий или говорящий лекцию, урок, на ту или другую тему. Профессора в университетах читают лекции студентам, каждый по своему специальному предмету. Отсюда вывод тот, что лектором быть еще труднее, чем оратором, надо иметь к этому способность, дарование, а быть лектором надо иметь большой запас знаний и к тому же — быть и оратором, а если у человека всего этого нету, то он делается похожим на пустомелю, на ветряную мельницу, которая ничего не мелет а крыльями машет, как например ваш вождь.

Перечитывая отдел ваших задач и целей, видишь, как красной нитью проходят и повторяются слова, наговоренные вашим пустомелей: «Труд и мирная жизнь». «Сыны свободы не могут быть рабами тления». «Благо всего мира не стоит

жертвы одного ребенка». Все это только пустые фразы, пустые слова без дела. Ваш вождь не знает что такое — Труд и Мирная Жизнь. Последняя фраза даже говорится вами грамматически неправильно. Вы хотите сказать, что блага всего мира не стоят жизни одного ребенка, а по недоразумению говорите так, как вы и сказали в газете. Ребенок жертвы приносить не может, потому что он ребенок, но темные люди, подпадающие, отдающие себя под влияние, под власть — темных и невежественных вождей — приносят своих детей в жертву этому идолу своему, забывая о том, что жизнь этого ребенка — дороже всех благ мира сего.

Между Богом и человеком не должно быть адвокатов, никто, никогда, никого не спасал и спасти не может, только сам человек, своим собственным усилием может поднять себя и спасти, т. е. развить свое сознание. У каждого отдельного человека есть свой талант, свой руководитель — его РАЗУМ И СОВЕСТЬ. Люди должны жить как братья, не руководить один другим, а служить один другому: сильный слабому, умный глупому. Так и Христос сказал: «Если хочешь быть старшим — будь всем слугою» . . .

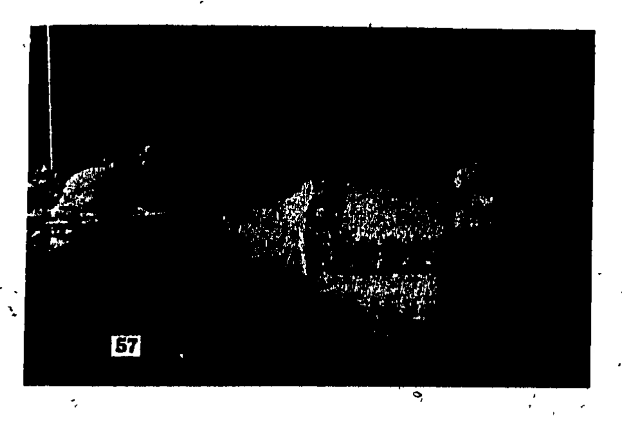
«Сыны свободы не могут быть сынами тления» гордо заявляете вы, но вы не знаете, что значит Свобода, что значит — быть свободными. Слыхали ли вы о мудреце Диогене? Он жил среди гордого народа — греков и сам был грек. Он жил в пустой бочке на берегу моря. В то время у них Петюшкой был Александр Македонский, император, покоритель всего света. Он прослышал о том, что в его царстве живет мудрец и захотел посмотреть на него. Его привели на берег моря к бочке. Диоген лежал на песке и грелся на солнце. Гордый Император, сказал мудрецу: «Я рад тому, что имею в своей Империи такого человека как ты и я хочу наградить тебя — проси у меня чего только ты хочешь и я дам тебе». Диоген с улыбкой посмотрел на него и сказал: «Отойди в сторону и не загораживай от меня солнечного света, а больше я ничего не хочу от тебя». Вот вам образец свободного человека. Таковы ли вы? Если нет, то идите и очиститесь, очистите свои конюшни и скажите своим вождям чтобы они не загораживали вам света, дороги к свободной и разумной жизни. Постарайтесь быть людьми, а не «духоборцами», это название только

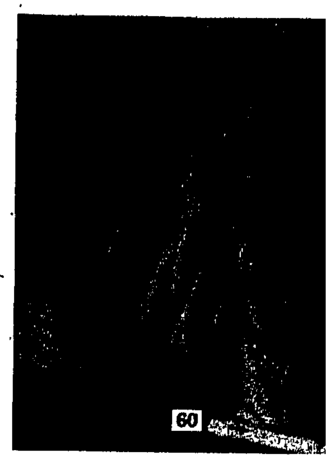
пустой звук. Важны дела. Вы есть сыны тления уже потому, что придумали себе неподходящее название «духоборцы», чем отделили себя от других людей — это свободный человек не делает. .

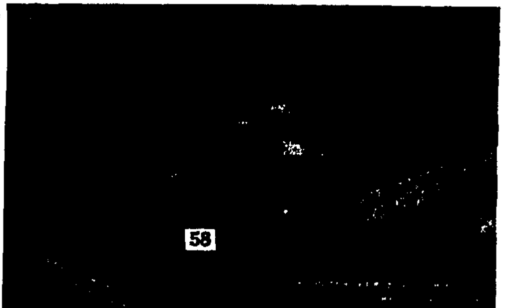
Правда одна. Истина одна для всех людей. Нет истины и правды — специально духоборческой, особенной. Свободный человек может быть только человек который может свободно самостоятельно мыслить, свободный от постороннего влияния: человек живущий разумной жизнью.

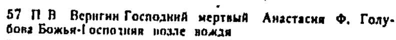
Вот посмотрите на своего вождя. Он стал посмешищем на всю Канаду и Америку: Вождь духоборцев! Пьяный и развратный, ругатель, матерщинник, скандалист. Бывало носится по Канаде, сорит деньгами — разматывая общественные труды и наконец идет под суд за ложную присягу. «Каковы же все духоборцы, если они имеют у себя такого вождя?» спрашивают люди. Не то важно, что он разоряет вас, ваши труды, а важно то, что он развращает вас, загаживает ваш разум, ваши души, держит их во тьме. И его винить очень нельзя. Виноваты в этом ВЫ САМИ, вы люди, уверовавшие в него, давшие ему власть над собой, над своей совестью, над своим сознанием, над телом и душой. Он развращает ваших сестер, дочерей, матерей, жен. Он бьет вам рожи, а вы смиренно говорите: «Спаси Господи, родимый Петюшка». Вы виноваты в том сами, что он потерял человеческий образ, а вы знаете, что всякая власть от дьявола, от лукавого. Зачем же вы дали ему власть над собой и загубили его душу? От вас зависит снять с него то тяжелое бремя, которое вы и ваши отцы наложили на него, освободите его от этого бремени, сделайте его человеком равным себе и возьмите на свои плечи бремя управления вашим хозяйством как материальным, так и духовным и своим развитием и мир и благоденствие воцарится среди вас.

Надеюсь, что если у вас есть доля сознания, если оно еще не совсем заглушено в вас, то вы не усмотрите в этом письме моем ничего обидного для себя, потому что — я не хочу обидеть вас, я хочу только помочь вам найти правду, разобраться в путанице ваших понятий и верований и отличить фальшивое от настоящего: правду от зла и звать вас: — ВПЕРЕД И ВВЕРХ, из тьмы в светлое будущее, которое открыто для вас также, как и для всех остальных людей.

57 П В Веригин Господний мертвый Анастасия Ф. Голубова Божья-Господняя возле вождя

58 Могила П В Веригина-Господнего

59 Сзади Иван В Шерстобитов, Алексей Ф Рыбин, Алексей А Резанцев, сидит: Семен Ф Рыбин (автор) в духоборческом одеянии

60. Петр Петрович Веригин-Чистяков

61 Василий Поповшонов осматривал земли в Мексике

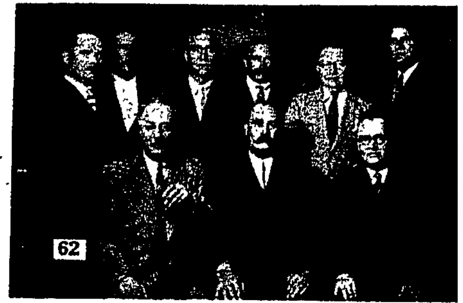
62. Делегаты для осмотра земли в Мексике Сидят слева направо юрист Ней, П П, Веригин и Г-н Хакней Стоят П И Абросимов, К П. Иванников, С Ф Рыбин, Г В Верещагин, консул Мексики и Николай Ерофкин

63 Петр П. Веригин после освобождения в Галифаксе

64 «Бабушка» мать П.П. Веригина в гробу. Слева Иван Иванович — внук покойн. по дочери, и бабушкины прислуги
65 П.П. Чистяков с группой у духоборцев в Мантеке, Калифорнии
66 П.П. Чистяков с группой в Лос Анжелосе

Помните, если бы вы были «СВЕТ НА ГОРЕ» то к вам бы со всех сторон приставали люди и вас было бы уже миллионы, но вы не есть «свет на горе», а есть ПЛОХОНЬКАЯ КОПТИЛКА, стоящая в яме и не дающая ни себе ни другим света. К вам не только никто не пристал, но сами вы раскололись и разбежались, кто куда.

Не закрывайте глаза на это и ищите других путей.

Ваш друг

Д..........

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ

До чего в духоборцах неограниченная глубокая вера и полное доверие своему вождю, видно из следующего случая (а таких случаев, надо полагать, было очень много).

Сами «верующие» духоборцы рассказывают, как Петр Петрович прислал им на Фруктовый участок приказ: немедленно собрать ему столько-то денег. У кого были деньги (некоторые отдавали последние центы), собрали 13 тысяч долларов. И эта сумма, по их словам, была проиграна им в карты и потрачена на пьянство в городе Треили за три ночи.

Независимые духоборцы спрашивают «верующих»: «Ну как же вы об этом думаете, ведь это ваш тяжелый почти кровавый труд и он так легко транжирит его на такие позорные дела, как карты и разврат?» На этот вопрос верующие духоборцы со смирением и крайней наивностью отвечают: «Это его, а не наше дело, он знает, что делает». Вот до какого идиотства доводит слепая вера в духовных вождей!.. Критика хотя бы самых низких и позорных деяний вождя, считается за смертный грех, как хула на Святого Духа.

●

Однажды Петр Васильевич подъехав на фаэтоне к Петру Д. Василенкову (тот пас молочных коров, принадлежащих общине села Архангельского) и поздоровавшись, спрашивает: «Что поделываешь, Петруня?» «Надсматриваю за коровками, родной Петюшка», отвечает Петруня. «А мне кажется, что это быки», в шутку заметил Петюшка. И как вообще принято у духоборцев, Петруня ответил: «На ваш совет, родимый Петюшка». Один критик духоборцев однажды писал: У его рабов один ответ: «Мы родной на твой совет».

ИНДУС НА ОСТРЫХ ГВОЗДЯХ

Аскетизм практикуется у индусов многие века и сегодня Индия переполнена религиозными энтузиастами, которые истязают себя для того, чтобы приобрести святость: некоторые лежат на острых шпильках, некоторые ранят себя ножами. Таковые люди «святые» и могут жить подаяниями. Эта вера, что Бог требует крови, перешла и к христианам, которые верят, что Христос пролил кровь для спасения людей.

Святое писание великих религий востока гораздо древней еврейского. Рассказ библии о сотворении мира Иеговой и рассказ о сотворении мира Брамой родственны легендарно, но разны по характеру. Восточные народы верят в Бога с тремя головами: Сива-разрушитель, Брама-созидатель, и Вишна-спаситель. А у христиан три Бога с одной головой: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой. Из этих трех Богов выходит одна голова или единожды три выходит один!

Когда Брама создал Адамея и Гиву на острове Цейлоне, он приказал им жить там и никуда не удаляться. Пожили они, Адамей и говорит жене: скучно так жить, пойдем на материк. Жена умоляла не нарушать завет Брамы, но Адамей пошел один и дьявол устроил мираж и он увидел красивую страну и уговорил жену идти с ним. И только что переступили они на материк, их встретил Брама и во гневе спрашивает: «Почему нарушили мой завет»? Адамей говорит: «Во всем виновен я: жена просила меня оставаться, но я и ее соблазнил идти со мной». «Тогда я истреблю тебя, а жену оставлю», сказал Брама. Тут взмолилась Гива: Господь Брама, если истреблять, то истребляй и меня — я люблю своего мужа и не желаю жить без него». Такая любовь жены тронула сердце Брамы и он сказал: «Вижу вашу чистую любовь и прощаю вам все. Живите размножайтесь и будьте вегетарианцами». Брама действительно был Бог любви и милосердия! А библейский еврейский рассказ о сотворении мира отражает неверность и измену между Адамом и Евой и злой приговор им еврейским злым Богом.

Но и великие религии востока поработили людей не меньше, чем еврейская и христианская. Вот что там творится: главные магараджи считаются за святых и имеют весьма

своебразные источники доходов. Так за счастие посмотреть на него платят пять рупий, прикоснуться к нему 20 рупий, за удовольствие омыть ему ноги 35, за счастие вытереть его благовонным маслом 60, за удовольствие погостить у него или принять у себя от 50 до 500 руп. За пляску с ним в хороводе 100-200, за питье воды, в которой выкупался магараджа или в которой вымыли его белье, 25 руп. и так далее.

Так чтится человек не за личные его качества, а только за происхождение.

Если индус найдет у входа своего дома калоши магараджи или брамина, то не смеет войти в него, если тот сам его не позовет.

Существует сто тысяч адов — по одному для каждого рода преступников. Так: обжору бросают в кипящее масло, обидчика людей дают на растерзание свиньям. Кто презирает нищих, погружают лицом в грязь. Убийца возродится собакой, кабаном, ослом, быком и т. п. За кражу у жреца виновник превращается в паука и змею. Жена должна обожать мужа, как Бога. Все святые восточных народов рождались от непорочных девиц, страдали, были убиты, воскресали и возносились на небо.

Религии — это самое мудрое ухищрение людей, служащих мамоне: они держат людей в невежестве и темноте и духовенство безжалостно эксплуатирует массы именем Бога, рая и ада.

●

Японский народ еще с 660-го года до эры Христа, почитал своего императора, как потомка царствующей династии, божественным, и поклонялся ему как Богу. Японцы почитали его святым и неприкосновенным в течение более двух тысяч лет. Изредка он появлялся перед публикой и, по существовавшему обычаю, при его появлении народ должен был опускать вниз глаза. Нарушение этого правила хотя бы неумышленное, считалось непростительным оскорблением монарха. Его нельзя было критиковать — это было бы хулой на святого духа, потому что император считался «Сыном Неба» и «Небесным Королем». Достоверность этого утверждались документально и все это принималось японским народом за действительность в течение тысячелетий.

Первого января 1946 года Хиро Хито торжественно заявил по радио всему японскому народу на земном шаре, что вера в божественность бывших императоров и его лично, есть легенда и миф и что он и все бывшие императоры были простыми людьми, как и все японцы.

Такой шаг императора Хиро Хито приветствовали все прогрессивные люди.

Пора бы и нашим духоборческим вождям последовать примеру Хиро Хито.

Краткая история о «Тюниной» партии.

При жизни вождя Господнего все его близкие родственники мало обращали внимания на чувства и мнение духоборческих масс. Сама Тюня имела от Петюшки «тайное» письмо, которое она в течение его жизни, не должна была открывать. Будучи в интимных супружеских отношениях (иногда Петюшкка при публике называл Тюню «моя жена»), она, естественно, полагала, что это письмо было официальным уполномочием ее на его «престол». Но вышло полное разочарование: после смерти вождя, народ, в особенности рабочие, подняло голову своего человеческого достоинства и вспомнил все обиды и презрения со стороны родственников, которые раньше кичились собой и смотрели на него с высоты. Лично против Тюни никто не имел обиды и ее любили все.

После похорон Тюня, с полной надеждой, сияя своим милым лицом, представила письмо на большом собрании и передала для прочтения. Осторожно открывают конверт, начинают читать, и увы! О назначении Тюни на престол нет и слова, а только Петюшка советует народу чтобы Тюня, Иван Щербинин и Труша Салыкин были вроде выборных по общинным делам т. е. власть Тюни равна власти Щербинина и Салыкина, и больше ничего. Разочарование ужасное! Близкие родственники: братья и племянник вождя Ларион Васильевич, открыто стали агитировать: так как Тюня была близкая к Петюшке, она изучила его принципы и планы, а потому и должна унаследовать его трон, как унаследовала Лушечка после своего мужа. Ивин, Кутняков, Щербинин и другие по-

просили Веригиных не спешить с новым вождем до истечения шести недель — до «поминок», а пока будем жить с духом покойного вождя, а потом увидим, что Бог положит на душу народу. За эти шесть недель в народе все кипело, как после смерти Лушечки. Тюня со своими певчими посещала народ и беседывала в ожидании своего назначения. Народ думал, как поступить, чтобы не вышло ошибки... Почти все духоборцы за малым исключением, подпольно были против Веригиных (они им опротивели), ибо знали что Тюня будет в их руках и они опять будут властвовать. Прошло 6 недель и наступили поминки.

Провидение соизволило и мне присутствовать на этих исторических поминках. Тут я встретил всех друзей одного духа, которые работали против Веригиных. По желанию друзей и своему, я вышел перед собравшимися стоявшими на горе, вокруг могилы и прочел им письмо от Петюшки к сыну Петяке (письмо помещено в этой книге), и между прочим сказал: «Если духоборцы не доросли духовно, чтобы управлять своей братской жизнью самим и если им нужен вождь, то этот вождь должен быть Петяка». В течение моей речи, по совету Ивина и Кутнякова, народ сделал три земных поклона в знак того, что они желают сына в качестве вождя. Это мое открытое выступление (до сих пор все шло подпольно) вызвало ужасную злобу против меня лично со стороны родственников: ушаты грязи и клеветы изливали они на мою голову и продолжают изливать до сего времени. Мой ответ: «От гнилой падали можно ожидать только зловоние» и «собака и на владыку лает». Мой старый друг Ларион В. повел кампанию против Петяки через газеты, называя его большевиком» и утверждая, что духоборцы его не жалеют. Но все это не изменяло положения и ему нужно было прибегнуть к великой мудрости, а именно: ему; как египетскому фараону, приснился СОН, — ведь всем библейским святым снились сны и люди верили, почему же духоборцы не поверят в его сон. Вот что ему приснилось:

«Бриллиант Б. К. 7-го января 1925 года.

Возлюбленные Братья и Сестры!

Уведомляю вас, что мне прошлую ночь приснился сон,

который я помещаю ниже, насколько могу припомнить: — Смотрю, стоит Николай Плотников, с небольшими рогами, вместе с ним стоят: Кутняк, Тимоня Стреляев, Гриша Зиборов с хвостами. И еще некоторые мужчины, а за ними большая толпа народу... К ним бодбегает ХОРЕК, и начал валяться в ногах этой толпы... А когда приподнялся, то оказался Никола Зарчуков. Эти мужчины говорят толпе: следуйте за нами, а иначе вас могут обмануть. И большинство народа последовало за ними, по направлению к Форт Виллиамс, и будто бы в Россию...

А маленькая часть людей осталась на этом же месте: И я гляжу: подходит Петюшка, к этой небольшой партии. И начал плакать и говорит: вот эти распорядчики погубили много хороших людей, и за это пусть они будут ТРИЖДЫ ПРОКЛЯТЫ... А Зарчукову за его превращение из человека в хорька будет вечное страдание, и нигде ему не будет причалища, за его ложную присягу... Потом говорит мне: «Ларион, ты обязательно должен записать, что у нас произошло. И разослать это письмо о происхождении всем братьям и сестрам, — пусть они опомнятся. Иначе их ожидает страшная гроза, как оставшихся духоборцев в Россиии». Не посудите меня за мое видение, которое я не мог скрыть. — Остаюсь с пожеланием душевного спасения и божьего благословения. Аминь.

Ваш искренний

Ларион В. Веригин

П. С. Все вышеупомянутые братья, пожалуйста, не гневайтесь за мое открытое объявление, ведь это только сон. А я против вас ничего не имею. Л. В. В.

И этот сон или, вернее, «чушь» нисколько не повлиял на духоборцев, а вызвал только отвращение за такое нахальство и ложь.

Василий В. Веригин, старший брат Петюшки, видя, что сон сына не подействовал и что духоборцы вместо Петяки (он был еще в России), начали обожать его мать Авдотью Котельникову, по своей справедливой натуре написал «Исповедь», которую я привожу частично, думая, что она будет интересна для читателей.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Братья и сестры! Наступил третий год наших междуусобных распрей, что создало много злобы и неприятностей. И вы, теперь, блуждаете в темноте, ищете спасения в самообмане: стали самовольно избирать себе венценосца и духовного вождя среди живущих на Дону — в погибшем стаде, чуждом по вере во Христа, отколовшемся от духоборчества и принявшем печать Антихриста. Они под клятвою отдалились на служение сатаны: стали в ряды убийц человеков, похулили Господа в измене клеветой, предали посланника в мир, искупителя Петра Господнего и братий своих на мучение и истязание в узы дракона. И этим замышляли погасить не мерцающий свет истины в людях божьих, но Господь был среди учеников своих, одухотворенных борцов с острым мечем, спасал нас и поражал их и славная его победа осветилась на весь созидательный мир в Боге. Слава и благодарение Господу Богу и честь борцам, понесшим крест терпения в борьбе со врагом. Теперь люди своеволия все свое управление возложили на сыновей по плоти. Но суть заключается не в плотском избраннике, а в духовном, одухотворенном благоволением Божиим, но не вашим избранием. В вашем избраннике (Петре Петровиче) есть ли хоть малый признак его сыновности? Признавал ли он отца по плоти и разумел ли волю отца по духу? Надо сказать, что как первого, так и второго рождения свыше не познает. Это свидетельствует его 47-и летний возраст и дела его по отношению к божеству. Он сослуживец убийц, живет полным чревоугодием: кушает мясо, курит табак и пьет до безумия спиртные напитки, вовлечен в азартную картежную игру и неизбежную спутницу, проституцию — это заслуги вашего избранника... При встречном разговоре с его поклонниками, задаем вопрос: «Как же говорят о вашем избраннике, что он ведет не свойственную благоразумному человеку жизнь?» Ответ получается, что он, мол, приедет и оставит все эти несвойственные христианину пороки, и начнет жить, по нашему, хорошо. Хорош же ваш духовный учитель, если он будет учиться от учеников своих. А может статься, он нарушит ваше искупленное благополучие идеальной вашей жизни своим темным идеалом

и его распутной жизнью возвратит вас на путь своей погибели. От этого Боже вас упаси, это будет кощунство с его стороны, а вам, за отступление и измену предстоит неотложная кара (наказание).

За сим не надо забывать сказанное мудрыми людьми: «древо познается по плодам его, а человек познается по разуму и делам его». А третье: «Сын отцу равен по естеству божественному. Вы если бы имели веру в Господа хоть с горчичное зерно, как говорил Христос, будучи избранными слугами Господа дерзнули бы вы на святотатство — на самовольное избрание «венценосца»? При чем же вы оставили Всемогущего Господа? Человек здраво должен разуметь, что Бог создал человека, а не человек Бога. (Я верю, что человек создал Бога. С. Р.) Вы своим заблуждением сочиняете и приписываете легендарные и сверхъестественные силы и могущество своему небывалому еще у вас вождю. Это неосновательное, опрометчивое ваше греховное мнение. Факты лучший показатель: они говорят о его пьяной и самодурной жизни. Кто из вашего кружка более знает о его жизни и делах, выйди и расскажи последователям без преувеличения, и лжи, чем богато ваше многочисленное стадо?... Правда возвышает душу, а ложь умерщвляет ее. Надо разуметь: дела человека сотворят суд над ним... Два года тому назад, вы избрали и послали послами на Дон погибших душевно богохульников: Николу Плотникова и Гаврюшу Верещагина и они через год возвратились не с тем, за которым ездили, а с матерью того же. Бездушный истрепанный скелет. Ожидавшая толпа на станции Веригино, сняла ее с поезда на руках окрестила встречным словом приветствия: «милости просим, Пресвятая Богородица, ты нам сына родила и воспитала в нем Христа». Какое похуление святого имени! Ее стали именовать женою Петра Господнего, после 47-и летнего развода с ней по известной законной причине развода у христиан. Сын ее Петр по денежным расчетам там, с большевиками не может выехать сюда, а командировал сюда свою мать. Озадаченные делегаты вступили с ней в контакт, повезли ее по духоборческим поселкам, фармам, не оставляя всех захолустных местечек. Сбор в ее пользу удался. Она, эта ехидина, объявляет каждому и всем: «Я приехала и сынок

Петя скоро приедет. Все будет зависеть от вас и высылки денег вами ему на дорогу». И вот, друзья, вдумайтесь хорошенько, наступил уже третий год, все высылают ему десятки тысяч долларов на «выезд», а он о выезде ни слова, а прихлебатели утешают наивных поклонников: «Вооружайтесь терпением и верой в него и он по управке с тамошними делами приедет к нам». От посторонних лиц живущих на Дону, получаются письменные сведения, что он увлечен пьянством и азартной картежной игрой. Приезд его матери в центр духоборческого колумбийского поселения на ст. Бриллиант собрал тысячную толпу поклонников, а равно и простых любопытных зевак. Дети и подростки с ветками елок. Подошел поезд и готовые к этому «ухари» по чину достойных, сняли эту омерзительную ценность и повели под руки к ожидаемой в нескольких шагах толпе. Встретили земным поклоном с причитанием. В толпе послышались голоса приветствий и благодарности. «Не оставила нас сиротами и т. д.» После обычных приветствий поданы были сани. Усадив ее, весь кортеж двинулся за ней к могиле Петра Господнего. Подъехали, сняли с саней, взяли под руки, увели, ввели в ограду. И она стала у могилы на колени, читает, наверно радостную заупокойную, притворяется якобы плачет, утирает платочком слезы, делает вид соболезнования об усопшем. Какая мерзость! «Крокодиловы слезы» и обманчивые замыслы! Проклятая Иезавель! Ехидный твой род был проклят святыми богоносцами, как Петр Лирионович, Лушечка и Петюшка до единой души в семье Котельниковых. Это мать ехидны Ганюши осталась непричастной их злодейству, это погибшая лицедейка с толпою приверженцев, темных духов, добившись заточения в тюрьму и в ссылку Петра Васильевича, от радости плясала бесовской пляской в кругу таковых же сверстниц, как некогда плясала дочь Иродиады за отсекновение головы Иоанна Предтечи в угоду Ироду и матери своей... Эта мерзкая губительница источает слезы крокодила, а сама, подобно зверю, готова поглотить его мертвое тело, как и живого поглощала предательством в узы дракона на все козьни и мучения. Все вы есть хулители Господа изменой завета! Вас ожидает неизбежно возмездие по делам блудодействия вашего. Вы, из поклонников Богу, духу истинны, стали служить и покло-

няться сатане в лице этой отвратительной старухи, названной вами «богородицей» и «бабушкой» из богоотступного хулительного рода Котельниковых, которые с помощью сатаны завлекают вас в сети в безисходную юдоль плачевную. Вы отдались ей на служение телом и блудным духом душ ваших: водворяете ее женой Петра Господнего. Вы безумные, как глухие аспиды, вам не раз уже он говорил — и мы свидетели тому, что она получала полный развод и он Петр Господний получил венец с сестрой господней в любви и живет перед отцом безначальным в ликовании вечных небесных благ... А вы кощунники навязываете ему какую-то лицедейку в жены? Эта икона, которую вы именуете бого-матерью, принадлежит Ганже (город). Она там имеет много поклонников и ей законно и прилично быть там. Мы таковых бого-матерей не признаем, как попов с кадилами. Вы отдали ключ душ ваших и водворяете эту гадину в его покоях, кладете ее на его ложе и она, отогревшая на грудях ваших змия, видит, что вы потеряли жизненный путь, и стала властно царить над вами. Дьявол внушает ей заведомую ложь и она сплетает ее вам говорит что: «Мне было завещено Лушечкой и Петюшкой быть после смерти управительницей над духоборцами»... Я скажу за себя: над духоборцами подобная личность царить не будет, как и весь ее Котельниковский лукавый род. Погибшая ее богохульная душа, насколько она предалась дьяволу и его лжи, — забывает загробную жизнь и последствия для души, она обезумела, допустила к поклонению от малого и до старого, подает лобызать руку и целовать ее зловонный башмак. Я спрашиваю ее, по каким заслугам она присваивает себе такую честь, кощунствует и глумится над святой истиной?

Очнитесь от спячки, примите образ натурального человека.

После кончины святого человека, реформатора, богоугодной жизни, часть общины оставаясь верной его идеалу, следует за Анастасией Божией. Сын Петр чужд божественному идеалу отца своего — из-за этого и получилось разногласие и разделение духоборцев. Верных оказалось 435 душ, а остальные пошли по стопам погибших людей, избранных вождем...

Богу нашему слава.
Брат Петра Господнего, — Василий В. Веригин.

Последнюю часть «Исповеди» не помещаю: в ней мало христианского духа и много вульгарных обвинений, почти ругани.

Я лично всегда питал очень большое уважение к Василию В. и был с ним в довольно интимной дружбе. Он всегда стоял за рабочих и осуждал вождя брата за их тяжелое положение и за его неумение устроить жизнь лучше. Но его «исповедь» не отражает его настоящих понятий о святости вождей — я это хорошо знаю, в особенности, на Тюню он смотрел всегда с большим сарказмом. Но тут дело идет о власти на престол и он, как старый практичный поп, освящает то, во что сам не верит, обвиняет «бабушку» и ее сына, потому что они явились сильными конкурентами. Он оскорбляет все общество, потому что оно не пошло за ним, и сам, как и сын Ларион, не стесняется изливать проклятия. Видите ли: если бы люди целовали руки Анастасии, то это было бы в полном порядке и ее можно называть «пресвятая богородица», и если эти почести воздаются бывшей жене вождя, то это идолопоклонство и служение сатане. Такое утверждение не носит разумной критики. Для людей просвещенных духовно, никаких вождей не нужно: все они одинаковы. Вождем должен быть здравый разум и совесть, а все остальное от лукавого.

Убедившись, наконец, что все ихние «сны», «исповеди», заклинания, террор в загробной жизни, проклятие не имеют влияния на духоборцев, которые решили окончательно признать за вождя Петра Петровича, партия Тюни, видя что дело проиграно, решила переселиться: послали ходоков, Павлущу Планидина и Тюню Божью в Альберта, где они и приторговали землю и потом сделали переселение. Так как партия Тюни состояла из более или менее интеллигентных деловых людей, я лично полагал, что они устроят хорошую общину «Петра Господнего» с разумным и солидным порядком. Но этого не вышло: Гриша, младший брат вождя, один из всех братьев любивший трудиться, остался без злобного чувства ко-

мне и мы вели переписку дружески. Он жаловался, что Тюня их обидела и забрала все в свои руки. Он написал жалобу к судье и народу, которую я перевел на английский язык по его просьбе. Тюня говорила, утверждал Гриша, что она будет только управлять детьми — учить их пению и слову Божию, а теперь вникает во все дела и приходы берет себе. Так что община разделилась и злоба воцарилась и все кончилось полным развалом, как и община большой партии: «гора мышь родила».

Интересно вот что: после всех исповедей, снов, обвинений и протестов противники Петра Петровича, когда он приехал изменили, как зайцы, цвет своей шкуры, и из врагов стали его друзьями. Будучи в Принц-Алберте, когда Чистяков сидел в тюрьме за клятвопреступление, (вся корреспонденция проходила через мои руки) я был поражен тем пресмыкательством и унижением, кторое они изливали перед последним вождем. Это относится и к самой Анастасии, дочери Господа Бога. Однажды по пути на Веригино Чистяков послал ей телеграмму, требуя выехать навстречу ему в Калгари. Она во главе с И. И. Подовнниковым и прислугами приехала и остановилась в гостинице, где находились мы. Нас, всю группу, попросили удалиться в другую комнату, а они остались вдвоем и пробыли целый час. Потом Чистяков позвал меня выпить по стакану пива и Тюня была в самом приятном «ликующем» расположении духа: она просила вождя оставить привычку сквернословия: «Лучше побей виноватого, а не ругайся», советовала она. Это меня задело и я спросил ее: «А кто же будет подставлять вам морды, чтобы вы били? Ругаться нехорошо, но драться много хуже».

Анастасию я хорошо знаю в течении многих лет. Она доброй души женщина, но духовно, как и все мы духоборцы, не воспитана. Она пожертвовала себя вождю — отдала ему и душу и тело, когда ей было, по словам ее отца, 16 лет. Она любила вождя как самого Бога и эта ее искренняя любовь заставляла ее сильно страдать душой, когда она видела своего «любимого» с другими девушками. Она тогда переживала ужасную ревность, вплоть до того, что иногда, выходя из себя, угрожала вождю, что спрыгнет с моста в реку... Мне всегда было жаль ее. При ее физической красоте она могла

выйти замуж за хорошего парня, иметь хорошее семейство и быть очень счастливой.

Но когда она стала во главе своей группы, она превратилась, по словам Гриши Веригина и других ее членов, в настоящего безжалостного диктатора.

ЧТО ДЕЛАЕТ АНАСТАСИЯ «ГОСПОДНЯЯ»

В среду 11-го мая в духоборческом селении «Анастасьино» умер скоропостижной смертью духоборец уже преклонных лет Иван Алексеевич Анютушкин (более известный, как «Подовинников»). Похороны состоялись на другой день после смерти. Его тело было погребено на духоборческом кладбище невдалеке от Шолдайс, Альберта. Покойный всю свою жизнь прожил в неустанном труде, за которым даже застигла его смерть: работая на огороде, он присел отдохнуть и там же умер.

В 1926 году он переселился с Анастасьиной партией в Альберту. Здесь несмотря на свои уже преклонные лета, он еще много трудился и всегда старался оказывать помощь другим в их недостатках. Какое же вознаграждение он получил после своей смерти от своей руководительницы Анастасии «Господней» (Тюнечки) за свои долголетние и праведные труды? Когда Анастасия «Господняя» услышала о смерти Ивана Алексеевича, она приказала своим верующим, чтобы они не ходили хоронить его «грешника-большевика», так как в последнее время его вера в руководительницу охладала. «Если вы слушали Петюшку, заявила она, то вы должны слушать и меня, если вы хотите быть спасены и попасть в рай, то вы должны слушать меня, ибо ваша будущая судьба — быть вам в раю или блуждать без предела — всецело зависит от меня». Семейство умершего, ничего не зная о приказе руководительницы, ждет людей на похороны. Люди не приходят. Семейство посылает к соседям одного из своих членов узнать, в чем дело и пригласить их придти на похороны. Соседи отвечают посланному, что им запрещено идти к ним.

И вот этот умерший страдалец лежит до вечера без людей. Конечно, не все здешние духоборцы верят Анастасии, но в день похорон она послала неверующих на работу, чтобы они

не могли присутствовать на похоронах: своих оставила дома, которые послушались ее приказа и не пошли на похороны. Не пришли даже вырыть своему брату могилу. Вот до чего доводят нас наши вожди!

Эти печальные похороны и заставили нас обратиться к здешним духоборцам, а в особенности, к молодежи, с просьбой не слушаться в будущем таких приказов вождей, которые ведут нас к раздору и разъединению. Покойный все время старался жить в мире и единении со своими братьями, с которыми они вместе страдали за истину. Еще за несколько дней до своей смерти он поссорился с Анастасией из-за того, что она разъединяет людей, называя одних большевиками, последователями «темной силы», а своих верующих — «христовой семьей». И что же в результате получилось? Эта «христова семья» не пришла проводить своего брата, который разделял с нею всю нужду и в прошлом совместно страдал и боролся за равенство. Нашим вождям выгодно наше разъединение. Они натравливают нас друг на друга для того, чтобы мы грызлись между собой и не замечали, как они обирают нас. В заключение просим вас, дорогая молодежь, вступать в прогрессивное общество духоборцев, в котором вы будете воспитываться так, чтобы все мы сами собой могли руководить и решать свои вопросы. Организуйтесь, открывайте русские школы, создавайте свои библиотеки, читайте книги, газеты, свою страницу «Духоборческую Жизнь», учитесь, развивайтесь для того, чтобы вы самостоятельно могли мыслить, различать добро от зла и давать отпор всем тем, которые мечтают держать нас в темноте, невежестве, в рабстве — духовном и экономическом — для своих личных, эгоистических влечений. Все мы — люди, так давайте же и жить по людски, культурно и дружно и строить свою общественную жизнь на культурном просвещении и уважении друг к другу.

П. В. Тарасов, А. Т. Маркин, И. Г. Бондарев

Герронтон, Альберта. «Канадский Гудок»

МОЯ ЖИЗНЬ

Мне 76 лет от роду и я, думая, что жить осталось недолго, имею сильное желание излить свои душевные чувства

о всем пережитом в духоборческой общине.

В Христианской Общине Всемирного Братства я прожил 50 лет, последние 20 лет в «Господней Христианской Общине Всемирного Братства» под руководством Анастасии Ф. Голубовой-Божьей, в селе «Анастасьине», в Алберте.

Я простой чернорабочий — специалист по кузнечному и мастерскому делу, всегда строго соблюдал духоборческие принципы: мясо, алкоголь и табак никогда не употреблял и не соблазнялся на это.

В этой повести расскажу о последних годах при А. Ф. Божьей. Свою небольшую группу она наименовала «Господняя Христианская Община Всемирного Братства». Слово «Господняя» приставила для того, чтобы отделить себя от Христианской Общины Всемирного Братства, основанной Петюшкой Господним.

Анастасия собрала на Бриллианте всю свою группу (это было после смерти Петюшки) и заявила: «Даю всем вам братья и сестры слово: я нашла землю в Алберте и там мы поселимся. Я вызвала Павлушу Планидина и его сына Павла из Кельмура и попросила Мишу Казакова поехать в Брендон к Магригору. Павлуша уверяет, что Магригор будет согласен продать три секши земли которые они арендовали у него. Вы меня не признавайте за «святую руководительницу». Я буду там только во главе нашей партии учить ваших детей пению и чтению псалмов. А что касается материальной стороны, решайте сами, что нужно по хозяйству и приобретению земли. Дома стройте за свои средства, кто какой пожелает. Сейчас нам нужно собрать денег для задатка по сто долларов с души» . . . Один из братьев В. А. Голубов, спросил: «Анастасия, как ты будешь делать контракт — на себя одну или на все общество?» Некоторые нашли этот вопрос неуместным, как лукавый замысел. Она ответила: «Контракт делать на всех сейчас нельзя, потом мы переделаем на общество». Тем и закончилось. Анастасия отправилась на Магригорову землю готовить нам обетованное место. Павлуша известил из Брендона: «Мы едем с Магригором» . . . .

В это самое время Христ. Общ. Всемир. Братства на Фруктовом начала выгонять нас (Анастасьиных) из общих домов, которые мы сами построили на участке «Убежище» с

Жихоревыми. Приехал шериф и прибил на двери приказ, что мы должны очистить дом в десять дней, а иначе нас будут судить. У шерифа помощники: Николай М. Плотников и Алексей Попов — «пискун», сидевший в конторе. Они подтвердили так: корпорация наша гласит, что меньшая партия не имеет никакого права. Читатель! нам было так обидно, что явилась мысль: взять палку и перебить шерифа и этих двух духовных опашников, но они быстро исчезли. Думаю: что же делать? Начал искать место на другом берегу реки «Дейвал» (американская станция). Пришли туда и я спрашиваю: нет ли где порожней хаты, хотя бы без окон и без дверей. И Бог дал: только вчера освободилась хата такими же бедняками, как и мы. Заарендовали: перетащили все свое барахло, перешла жена и дочь с детьми. Зять в Альберте, в Ландбреке, строит общинный элеватор. И вот живем. Я думаю: сколько поработал я в общине и нет у меня даже кутка приклонить свою голову. Вспомнилось, как я был ковалем и мастером в селе Отрадном. Прибегает бывало Филя Даншин — слуга Петюшки и передает приказ: «Вася, перекуй петюшкиных лошадей — вороных рысаков, поскорей и получше». Я спешу все это сделать. Филя передает еще приказ от Петюшки: «Вася сделай легкую барку на вытяг другой пары: завтра в 8 часов Петюшка будет выезжать в карете с группой певчих девиц — берет и Конкина, как руководителя хора, едут на северный участок». Все это я должен был исполнять в точности — иногда работал до поздней ночи...

Выехали. Конкин, как старый петух, между молоденькими курочками, то той шепнет, то другой, на лицах улыбки и радость. Петюшка отдельно на своем фаэтоне с Анастасией, а Филя — досматривавший за лошадьми — согнувшись как мешок с сеном, заполз под сиденья сзади на фаэтоне. Тронули. Запели. Петюшка едет впереди, а группа следует за ним. Доехали до Форта Пелли. Стоп! надо дать лошадям отдых и вы певчие, можете тоже сойти на землю. Сам остается в фаэтоне. Но! Садись,—командует Петюшка. На карету нужно входить по лесенке сзади — сиденье вдоль кареты — и Конкин, как внимательный кондуктор, подсаживает девиц по одиночке, беря их под мышки. В это время Петюшка строго, не подавая вида следит за «кондуктором». И вот не выдержал

67. Гонка на аэроплане трех послов чтобы приостановить депортацию П П Чистякова Слева направо И П Щукин, П Г Макаров и С Ф, Рыбин

68, 69 Фотографические копии писем П.В. Веригина которые даны мне при выходе из Общины.

PETER V. VERIGIN

VERIGIN SASK January 25th 1940

To whom it may concern:—

This is to certify that Mr Simeon F Reibin had been in charge as a Secy.Treas. to Doukhobor Society for Seven years and during that time Doukhobor Society and myself found him absolutly honest in every respect.

All accounts of Doukhobor Society, kept by him, were yearly audited and found correct in every particulars

Mr S. F Reibin leaves his position by his own good will

Peter V Verigin

Representative of the Doukhobor Society

68

April 21, 1923

To Whom It May Concern;

This is to certify that Mr. S. F. Reibin has been in charge of offices at different branches of Christian Community of Universal Brotherhood for many years under my supervision and I have always found him to be very capable and honest in every respect.

All accounts kept by him were yearly duly audited by auditors, appointed by me, and found true and correct in every particulars.

Mr. S. F. Reibin to my regret leaves his position by his own good will.

Peter Verigin

President.

69

PETER V. VERIGIN

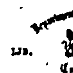
BRILLIANT B.C. 23 [illegible] 13

[illegible]

70

[illegible]

71

Department of the Interior

Canada.

British Columbia Lands Branch.

Ottawa. 13th January, 1914.

Sir,

Re Doukhobor Reserves.

I beg to acknowledge the receipt of your letter of the 8th December, in which you write that the allegation has been made that there were,-

"on the files of the Department of the Interior certain "letters of mine which accuses me of treachery to Mr. "Verigin and all community in general. In other words "my letters in question were of appeal to the Government "or rather to Department of the Interior to take action "against Mr. Verigin and imprison him or destroy his "existence someway so I, S. Reibin, would take control "over Doukhobor Community." Further that "I was privately "helping to the bitterest enemies of Doukhobors to entirely destroy Community itself."

In reply I beg to say that I have gone over the Doukhobor papers in the Department of the Interior and am unable to find that there are on file letters signed by you of the character above mentioned.

Your obedient servant,

72

S. F. Reibin, Esq., Brilliant, B.C.

Superintendent.

73

74

70 71. Фотографическая копия письма Петюшки.

72 Фотографическая копия письма Мебера.

73 Индус приобретает себе святость терзанием себя, в угоду Богу, на острых гвоздях.

74. П. П. Чистяков при смерти в присутствии Ивана Малова, «Ванички» и И. Г. Бондарева.

наш Конкин и последнюю певицу взял немного пониже, так что та вздрогнула и сконфузилась... Петюшка очень серьезно спрашивает: «А ты зачем едешь, Конкин?» Тот растерялся. «Тебя не нужно, можешь идти домой пешком», сказал Петюшка. Смотрим, наш певец идет обратно домой. «Ты что же, Конкин, вернулся домой?» спрашивают его. «Да вот осипло горло, не могу петь и вернулся», отвечает он и пробует скрыть свой позор: притворяется веселым и счастливым.

Я немного уклонился от своего рассказа об Анастасии. Приезжает она на землю Магригора. *Павлуша с сыном и* сам Магригор уже там. Солнце на закате, Анастасия вошла в *один кабус (хатка на колесах), а Павлуша с сыном* в другой, где сидел Магригор. Наша последовательница Петюшки Господнего сидит, дожидается, вот-вот и ее позовут, но ее не зовут. Не терпится, ну-ка пойду посмотрю. Заходит, а они уже подписали контракт, свернули и дело закончили. Павло (сын) взял его себе. Анастасия говорит им: «Что же вы не зовете меня подписывать контракт?» Павел отвечает: «А на что бы мы тебя звали? Это мы сделали себе, а ты ищи другого места. Вон, земля с родником хорошая и там 7 фарм. Иди туда и узнай». Солнце уже село, темнеет, и она пошла в ночь. Милях в трех жил духоборец и она переночевала у него. По-*утру является к ней Павло и говорит: «Пойдем, я буду твоим* переводчиком, помогу». Стали делать контракт. Она вытребовала Лариона Веригина с Бриллианта. Посылая в Калгари, поручила закрепить контракт на Павла, Лариона и на себя. Так и сделали.

Переселение заняло два года. Я попал к ней последним. Когда я начал строиться, две семьи решили уже уйти из ее плена и купили себе землю. Это были Ваня с сыном Семой Самородины и Андрюша Голубов со своими двумя сыновьями. Спрашиваю их: «Почему уходите?» «Не доверяем Анастасии: она еще купила две секши: одну поблизости, а другую *в 20 милях отсюда и закрепила землю на свое имя».* В тот год был удивительно хороший урожай пшеницы. Она имеет своих подручных, прихваливает их, угощает чайком. По ее приказу они возят общественное зерно и нагружают лопатами в вагон. Сипияр, возле села, проложил железнодорожную ветку, а часть зерна ссыпают в амбар, который она недавно

купила. Это зерно продаст позже. И так два трока возят зерно в вагоны а два на ее секшу. Молотьбу закончили и ожидали, что когда придут деньги за зерно, то начнем расплачиваться за землю, на которой основано село в 26 домов. Многие построились в долг.

Каждое воскресенье богомоление — литургия. Иногда она являлась на собрание а иногда, через придворного, передавала приказ: после обеда собраться, где живет она. Надо построить общий дом для моления, этот дом должен быть большого размера, потому, что к нам может переселиться половина духоборцев. Они увидят, что их вождь (Чистяков) пьяница... Когда происходили такие разговоры, люди, находившиеся с нею, уже уходили от нее.

Она собрала оклад в шесть тысяч долларов (по сто долларов с души). Когда увидела что от людей не будет больше прихода, начала больше закупать земли: купила еще 7 секций и контракт сделала на свое имя. За каждую секцию платила задатки в две-три тысячи. Все деньги за зерно попадают к ней, как к президенту. Владелец земли семи фарм живет в Ванкувере и пишет: «Любезная Анастасия, жду платежа за мое зерно, проданное вами». На это Тюня отвечает: «Хозяюшка Вилсон, мы в нужде, требуются на все расходы, потерпите этот год. Вот высылаем вам, что только можем». Приходит 1929 год. Засуха, урожай очень маленький, а Анастасия все сгребает деньги на задатки и троки. Купила три трока: два желтых и один зеленый. Мы думаем: авось Господь даст соберемся с силами и все будет хорошо. В это время Павло помер. Раньше, когда он жил независимо и выгнал Анастасию со своего участка, она сделала его общинником для того, чтобы он почаще ездил к ней на советы, что делать, какое хозяйство прибавлять. Но так как ему не было времени разъезжать днем во время кипучей работы на своей земле, то Тюня приглашала его для разбора важных бумаг, вечерком. И он ездил. Вася и Гриша Веригины тут же, но Вася полукалека — его прибил паралич, но они зашевелились стали наталкивать других: «Смотрите, что она делает, все стащила в Колумбию, купила два участка: один около Трамса, а другой ниже Прекрасного. Заплатила задатки, документы на ее имя. Лукьян ее верный слуга. Она поручает ему поставить

вагон и погрузить в него три лошади, фургон, плуг, бороны, полвагона овса и отвезти на участок около Трамса. Там она поселила семью Семена Конкина-Евсина. Все это передать ему. Спрашивают Лукьяна: «Что это такое, тут во всем нехватка, а это куда же отправляешь?» «Это мое дело, так приказала Тюня», отвечает тот.

Пошли неурожаи, смотрим наших трех троков нет, и возить зерно не на чем. Является В. В. Андросов на нашем зеленом троке. Он, как и Павло, хозяйствует независимо, недалеко от нас. Мы спрашиваем: «Это наш трок, почему ты работаешь на нем без нашего разрешения?» Он ответил: «Этот *трок я купил у Тюни». Вот и наводи суды! Смотрим он часто* посещает село на этом троке. Анастасия, будучи с ним в *дружеских* отношениях, часто приглашала его к себе. Другие два трока ушли к ее друзьям. Однажды Анастасия дает приказ выборному Андрею Анютушкину, вывозить все зерно, которое было приготовлено для посева, на продажу и чтобы банковый чек за это зерно был сделан на ее имя. Андрей с удивлением ответил: «Через неделю начинается сев, и если продадим зерно, то чем же будем сеять?» «Это не твое дело, лучше зерно найдем», говорит Тюня. «Не могу этого сделать», сказал Андрей. «Ах, ты паршивый негодяй, ослушник», кричит Тюня. *Андрей созвал общество, объявил о приказе* Тюни и заявил, что он бросает свою службу. Анастасия позвала *потихоньку к себе в дом* Кузьму Конкина, подхвалила его, угостила чаем и говорит: «Ты Кузя, пойди вечерком к Фринку (он жил в полмиле от села и иногда помогал доставлять уголь из майнов) и скажи ему, чтобы он завтра утром нагружал зерно из амбара, возьми лопату и помогай ему. Вывозите все зерно, а банковый чек чтобы был на мое имя». Кузьма, возможно, ожидая награду, исполнял ее приказание. А божьи «овечки» ходят один к другому и недоумевают, куда пошел Кузя с лопатой. Кто-то сказал, что уже четвертый раз приехали троки за зерном. Так *что зерна для посева не осталось.* Спрашивают Кузьму: где ты был? Тот ответил, что возил зерно. «А что же будем сеять?» «Это не мое дело, Анастасия послала». Тут мы поняли, что Господняя Христианская Община Всемирного Братства скончалась. Был еще интересный случай: Анастасия приказала, чтобы не косили сено, где

арендовали прошлый год, обещала найти другое лучшее место. Вся худоба — 24 лошади и 12 коров остались без клочка сена на всю зиму. Ходят бедные коровки жуют солому, доят их голодных. Женщины ропщут на мужчин: «Вот так хозяева, я помыла свое белье и только развесила просушить, смотрю а его уж нет. Спрашиваю дочь: где же наше белье? «А вон, посмотри, как коровы его жуют», отвечает та. Что делать? Или уходить или разделиться. У Тюни свои подручные. Разделились. Это было против заветов Господнего. Анастасия публично называла себя «последовательницей» Господнего, а Чистякова называла пьяницей, трубокуром, мясоедом и губителем духоборцев. Однажды по секрету она сказала Петру Голубову, что у нее есть в России сын и он-то и будет настоящим вождем. Я лично спросил об этом Голубова и он подтвердил, что она говорила. Этой ложью она, конечно, надеясь укрепить больше свою власть. Все были огорчены тем, что Анастасия изменила свое обещание быть только во главе детишек и учить их, а теперь взяла всю власть в материальном отношении. Решили послать к ней делегатов. Выбрали меня и Гаврюшу Щербакова. Приходим. Постучали в двери — она увидела нас в окно и догадавшись, в чем дело, сказала: «Заходите!» Зашли. Садиться не приглашает. Стоим. Я говорю: «Анастасия, нас послало общество. Надо помириться и жить, как долг велит». С гневом говорит: «Хотите разрушать? Земля моя — я ее родила и вы не делайте калмагал. Если не слушаете меня, то убирайтесь к трубокуру». Я говорю: «Ты женщина родила эту землю, если бы мне дали шесть тысяч долларов я бы родил лучшую. Мы отдали тебе по сто долларов с души. Я с зятем отдал тебе семьсот долларов чеками на эту землю. Где же наши деньги? Я в Колумбии всю зиму тесал шпалы и когда заработал двести долларов, поспешил выслать деньги тебе. Зять также уплатил за пять душ. За это и куплена земля». На это она ответила: «Ваши деньги я не видала, тут были и есть люди может они расхитили их». Я попросил Тюню выслушать один рассказ. Однажды, Бог, превратившись в человека, ходил и проповедывал истину людям. У него был апостол по имени Никола. Настал вечер и Бог сказал: «Никола иди в то село, где мы бываем, зарежь барана и приготовь нам ужин. Никола пошел, зарезал барана, но так

как он очень любил печенку то пожарил ее и скушал сам. Приходит Бог и спрашивает: «Ну, что готов ужин»? «Готов, Господи, сейчас сниму кипящий котел с бараниной». «Да ты сначала бы сварил печенку, а баранина пойдет на завтра», сказал Бог. «Господи, у этого барана не было печенки», ответил Никола. Так и ты, Анастасия, не видала наших денег заработанных потом и кровью. Она усмехнулась и упрекнула меня и старика Подовинникова за то, что мы будто бы раздуваем слух по селу, что к ней ездят мужчины. «Иногда я приглашаю мужчину поправить окно или двери, если не затворяются», со стыдом сказала она.

Пошли судебные дела. Вася Веригин помер и Гриша стал бессилен. Народ стал уходить и село разделилось. Стали сеять врозь и это было не по силам. Земля была куплена по 52 доллара за акр. Продолжались неурожаи. Правительство назначило людей переоценить земли и они снизили ценность наполовину и даже больше. У нас была корпорация на 7 фарм. Попросили Анастасию, что нам нужно спустить стоимость земли, но она нашу просьбу отклонила. Видя, что половина народа успела разбежаться, она решила мучить остальных, дабы и они убежали. Так и вышло на самом деле. За эти 7 фарм в течение 20 лет уплатили 20 тысяч с лишком, раньше чем разбежаться. После всего этого осталась только она и Фека — ее прислуга, как хозяева всему имуществу. Потом через правительство уладились с хозяйкой: снизили цену на землю и теперь слышно, что земля вся оплачена, инструменты и тракторы исправлены и они живут, и дожидаются любимых друзей, которые на карах повезли бы их, куда им желательно, но друзей и населения духоборцев в Алберте осталось уже мало. Много она творила дел, несвойственных хорошим людям.

Вот, дорогой читатель, что под именем Христа творится в этих бессмысленных овечьих обществах. Я стал старичек 76 лет и провел всю свою жизнь в этой суете-сует. Из моего рассказа вы видите эту несправедливость. Она не побоялась ни Бога ни позора от людей и наплевала на закон братства и на их тяжелые труды! Как обидно вспомнить таких злоумышленников!

Появится незнакомец и спрашивает: «Ну, как пожи-

ваешь Анастасия?» Она отвечает: «Тут было село, жили змеи и чуть не уничтожили меня. Теперь живу, слава Богу. Бог меня не забывает: землю оплатила, инструмент всякий есть, а то я бывало с голоду помирала: они заробляют, покупают и жиреют, а у меня и муки не было на хлеб». Когда были хорошие урожаи, она приказала насыпать три трока пшеницы и повезти на мельницу в Вулкан, 40 миль от села: «Я договорилась там, везите, смелите, а потом раздадим и будет своя мука». Половину муки привезли, сваливают по полмешку на душу около ворот и говорят: «Анастасия сказала чтобы сейчас платили за эту муку по два доллара за мешок а кто не будет платить, мы не будем сваливать». После оказалось, что у нее на мельнице было 40 мешков в запасе которые она продавала и ей привозил Андросов.

Хотелось бы разоблачить деяния таких антихристианских вождей, которые эксплоатируют невежественный народ именем Бога и Христа . . .

Куда же девалось то «стадо» из 26 домов, которое разогнала Анастасия Божья? Теперь она живет без угрызений совести и питается братскими трудами.

Да когда же луч света озарит разум нашего доброго народа, дабы он мог избавиться и жить самостоятельно, согласно своей собственной совести и разума?

Василий В. Зыбин
Крестон, Б. К.
1951 год.

Письмо Анны Константиновны Чертковой к Духоборцам

Настоящее письмо является очень важным по той причине, что оно исходит от жены Владимира Г. Черткова близкого друга Льва Н. Толстого. Обе эти семьи принимали близкое участие в облегчении судьбы духоборцев. Письмо всем братьям и сестрам без различия, Общинникам и Независимым через Антона С. Попова.

Дорогой брат Антон Савельевич!

Простите Бога ради, что долго не отвечали на ваше письмо по поводу смерти Петра Васильевича, — предмет этот

настолько серьезный, что трудно было касаться его слегка и вообще мы затрудняемся высказать вполне откровенно наше мнение на этот счет и причин на то несколько.

Из них главная та, что нам не хотелось бы нажить себе врагов среди духоборцев — тех, которые (я знаю наперед) были бы не согласны с нами в этом вопросе, а вторая причина та, что мы стесняемся, вообще, давать какие либо советы, особенно издалека. Если же желаете знать просто наше мнение насчет того, что духоборцы приглашают нового руководителя в лице Петра Петровича Веригина то я, лично, от себя скажу, что если они — массой — не переросли еще этого суеверия — обожая монарха, то никакими увещаниями, ни бомбами тем более не разуверить их в этом, и даже наоборот — как мы видали: престиж убитого, погибшего, как «мученика за идею» — поднялся еще выше в глазах масс народа и даже у многих тех, которые еще недавно критиковали его деспотический образ правления.

Видно духоборцы еще далеко не доросли, не готовы к жизни «без начальства» к жизни устроенной на свободном, братском, кооперативном содружестве. Это печально, но приходится с этим считаться, и нельзя их за это осуждать, ибо не было ни времени, ни возможности развиться в более свободном направлении: живя закупоренные, как под колпаком, без доступа свежего воздуха и света, лишенные доступа свежих людей, разумных книг, знакомства с тем, что делается на свете в смысле освобождения народов от суеверий и рабства, духоборцы-общинники не могли развиться более самостоятельно.

Искренне жаль узнавать, что они все спасение свое видят в том, чтобы из одного ярма влезть в другое, подобное же, если еще не хуже... Ну, что ж пусть еще испробуют ярма, пока созреет плод сознания народного... Я уже не говорю о том, что мы ваши друзья, с нашей свободно-религиозной точки зрения, считаем большим грехом обожествление какого бы то ни было человека, даже Иисуса Христа — (евангельского). Мы считаем что нет человека без греха, без слабостей, без ошибок, и что равнять его с Богом — просто кощунственно. Все мы сыны божьи по духу, но точно также бываем и сынами дьявола, когда допускаем силы плоти брать верх над духом.

Но как мы не можем верить в бесплотное зачатие девы Марии от Духа Святого, родившей Иисуса, так не можем поверить и знаем, что так, в сверхъестественное происхождение Петра Васильевича от Лукерьи В. Калмыковой. (Как мне об этом пишет духоборец общинник) и что он, П. В. — будто бы был «отдан только на воспитание в семью Веригиных»... Это, конечно басня, сочиненная для помрачения умов, для укрепления авторитета имени Петра Васильевича. Не говоря уже о нелепости этой легенды т. е. о божественном зачатии и рождении, достаточно посмотреть на его родного брата Василия, огромное сходство которого доказывает несомненно, кровное родство обоих. Если же допустить, что П. В. был незаконным сыном Лукерьи Васильевны от отца Веригина, то тем паче происхождение его плотское и даже греховное то, что у нас принято называть «блудом» т. е. рожденным вне брака» и в таком случае, опять-таки он, Петр, сын Василия Веригина, и не подобало бы ему провозглашать себя «Богом» или «Господним», как он себя провозгласил, и как его теперь именуют у вас...

Это — самозванство и самохвальство, расчитанное на наивную доверчивость темной массы... Скажу более того, что человек всякий — будь хоть ангел во плоти — портится от власти, а его П. В. усиленно испортило и избаловало раболепие духоборцев и особенно женское обожание... И этот женский соблазн, нам кажется, владел сильнее всего его страстями, как бы ни старались его скрывать его приближенные. Мы уверены, что это раболепие с одной стороны и плотские страсти с другой и погубили П. В. Он был уже далеко не тот, каким был в молодости, и каким был еще тогда, когда только ехал в Канаду... Вкусив власти и женского соблазна — он быстро стал нравственно опускаться и стал совершать поступки, не достойные христианина и даже жестокие. Вы все это хорошо знаете.

Можно сказать, без преувеличения, что ваша духоборческая община развратила его своим раболепием, своей покорностью, своей боязнью высказывать ему правду в глаза.... И несомненно, что мало-по-малу во многих сердцах он стал вызывать негодование, возмущение, даже ненависть. И вот остается загадка: откуда явилась беда, кто виновник слу-

чившегося злодеяния? Не беремся угадывать даже: возможно, что и постороннее вмешательство. Но возможно, что свое, доморощенное зло... Предоставим Господу Богу разбирать это страшное дело.

Но вот теперь духоборцы, как загипнотизированные одной идеей: страхом остаться без вождя, кидаются в ноги «наследнику» — сыну его... Но ведь если Петр Вас. и обладал БОЛЬШИМ УМОМ и если бы даже он был праведником, то разве плотское родство может обеспечить духовное наследие? Достаточно ли хорошо знают духоборцы в Канаде, что из себя представляет его сын? Уверены ли они в его нравственной, разумной и вообще, духовной мощи? Не хочу говорить ничего худого про Петра Петр. ибо я его мало знаю, да и не мое это дело, но каков бы он ни был, мы знаем одно, что до сих пор он ничем не проявил себя в той области, в которой прославился его отец в молодости, и никаких особых заслуг и добродетелей за ним не числится, — что-то не слышно было... Но будь он хоть семи пядей во лбу, то если вы его поставите в то же положение непогрешимого монарха — полубога, как и отца его, то вы и его испортите и, погубите, и еще скорей чем отца, ибо несомненно, что, как личность — сын характером и способностями много ниже, слабее своего отца.

Простите за откровенность! Вот не хотела высказываться подробно, а как-то само собой вылилось на бумаге то, что было на душе и что давно хотелось сказать вам и всем вашим духоборцам, которых люблю искренно и всей душой желаю истинного добра. А истинное добро я понимаю в жизни духовной, в росте души нашей вложенной в нас Богом. Дух должен расти и развиваться вперед и вглубь истины, и не надо бояться движения вперед к истине, а наоборот, бояться застоя, ибо, как в стоячей воде, в застое — смерть. А движение вперед в вашей и всякой общественной жизни, я понимаю, в освобождении себя от ига насилия во всех видах и формах его. И самое действительное, безболезненное освобождение от ига мне представляется в устройстве жизни на кооперативных началах: сначала маленькими общинными артельными группами, а потом все больше расширяя или сливаясь по несколько в одно большое сотрудничество, или со-

юз — как хотите назовите, которое бы управлялось выборными членами правления, на срок не более года. Мы твердо убеждены, что не подобает людям — детям божьим, становиться рабами человека, кого бы то ни было — одного или многих, будь то царь или «духовный вождь», или хотя бы многие вожди.

Самое законное право всякого человека стремиться к свободе и просвещению, и никто не в праве задержать его на этом пути. А если будем все или многие стремиться к свободной, братской жизни, то достигнем и наилучшего внешнего устройства, а значит и материального благополучия — насколько это потребно для правильной жизни. Не надо стремиться к роскоши жизни, сравняться с богачами, — это дьявольский соблазн, убивающий духовную жизнь, а надо стараться достичь такого уровня, при котором каждый имел бы самое необходимое, а затем досуг для развития умственного и душевного, для того, чтобы иметь время почитать хорошую книгу, послушать умную лекцию или приятную музыку и даже — нечего бояться — посмотреть на театральной сцене полезную для души и ума пьесу . . . Все это безвредное развлечение и не противоречит нравственным принципам. Все идет на пользу людям и создает жизнь более живую и интересную для подростающей молодежи. Помогай вам Бог достигать истины и быть свободными духовно.

Анна К. Черткова

Крайстчорч, Англия. «Русский Голос»
5-го февраля 1925 г.

Выдержки из писем к Петру Н. Малову

Не смотря на то, что книга Петра Н. Малова «Духоборцы, их история, жизнь и борьба», содержит много небылиц, последняя часть его книги содержит много очень ценных писем от глубоко-культурных и высоко-нравственных людей, с которыми он вел переписку. Я нахожу полезным привести несколько выдержек из этих писем, а именно:

«У духоборцев для меня были удивительны всегда две вещи. Их повиновение одному вождю. Я понимаю, что для плотских,

материальных дел может быть нужен один руководитель, но в жизни, в поступках каждый человек должен руководиться своим внутренним светом, своей просвещенной совестью. Если руководиться чужой волей, то человек ~~может~~ делать дела, до которых он еще не дорос, и тогда будет чувствовать неудовлетворенность, сомнение, колебания, или будет делать дела, которые он перерос, дела для него худые, и тогда будет мучиться совестью. Каждый человек должен жить по своей природе. Другое, что меня удивляло у духоборцев, это их боязнь общения с миром, боязнь грамотности, боязнь просвещения. Если у тебя свет, неси его людям; если у тебя свет, — не бойся темноты, свет рассеивает темноту . . . Духоборцы как будто сидят в ящике и боятся оттуда выглянуть, а если выйдут из ящика, то окажется, что у них нет ясного, несомненного вероучения, и тогда соблазны мира их победят».

Евгений И. Попов

«Я никогда не мог понять, зачем духоборам нужен вождь. Разве им не достаточно совести, разума, этого единого вождя для всего человечества? Зачем им нужен вождь человек? Ведь в вожди попадают не самые лучшие люди. Я об этом спрашивал у Верещагина. Он мне говорил, что вождь им нужен для того, чтобы они могли объединиться в одну общину . . . иначе английский мир их поглотит . . . Мне кажется, что это соображение слишком материальное. Я думаю, что человек знающий, что такое жизнь, каково должно быть направление человеческой жизни, не может бояться быть одиноким, как не боится свечка, что она одна и что темнота ее поглотит. Она свет и ее свойство освещать темноту. Мне кажется, что в духоборческом учении есть много темных мест, что многое у них принято на веру, по преданию, без достаточного рассуждения и исследования. И эти темные места лишают их твердой почвы под ногами и заставляют их искать человека, который взял бы их за руку, чтобы они могли идти, закрывши глаза. Мне кажется, что приходит время и пришло уже, что людям надо пересмотреть все веры, все религии, все учения о жизни и выработать одно такое простое, понятное, ясное, всем доступное, чтобы самый заурядный человек мог им руководиться в жизни, не нуждаясь ни в посредниках (по-

пах), ни в вождях, ни в руководителях. И духоборам это нужно».
Евгений И. Попов.

«В том, что тебя тяготят сектантские формальности и обряды, я тебе совершенно сочувствую. Пришло время понять, что человек есть Бог, что никакие формальности, никакие обряды и богослужения не имеют смысла, — важно только одно: праведная жизнь, т. е. жизнь такая, какая достойна и прилична Богу, т. е. разумная, любовная, без угождения плоти. Всякие формальности во-первых, мертвы, а во-вторых, разъединяют людей, потому что каждая вера выдумывает свои формальности, праведная же жизнь для всех вер одна... Отчего же расстраиваются духоборы? Меня всегда удивляет, что у такого высокодуховного народа такая потребность в руководителе и в преклонении перед ним. Я это объясняю тем, что у них нет ясного, всем понятного учения о жизни, которое могло бы руководить каждым отдельным человеком, которому можно бы было научать детей. То, что излагается в псалмах, в животной книге, насколько я знаю, учение очень темное, неясное, многое надо растолковать, о многом догадываться. Я думаю, что духоборчество переживает то самое состояние, какое переживают и другие религии: старая вера перестала питать, а новая еще не сложилась, и люди голодают. На Петра Петровича надежда плохая; сколько я знаю, никакой новой миссии он привезти не может: в таком деле одной фамилии мало».
Евгений И. Попов

«Но мы должны сказать вам откровенно, что не сочувствуем монархическому образу правления Петра Васильевича. Мы признаем за ним великие заслуги в прошлом; он пробудил у духоборцев давнишнюю их веру в справедливость, но то, что он проводит теперь в Общине — мы этого не разделяем. Мы верим, что люди доросли до того, что могут самостоятельно управляться братским советом или кооперативным содружеством, и что таковое общежитие разумное и более обещающее дать желаемых результатов, нежели повиновение одному человеку, хотя бы он был гений-семиголов».
Владимир и Анна Чертковы

тьям. Виноват в этом не топор, а те, кто им действует. Подобно этому и наука: настоящие ученые ищут и ищут наиболее полную, наиболее точную и наиболее достоверную истину, и находят ее. Это и есть наука. Но вот подскакивают к ним прохвосты-молодчики и начинают всячески стараться, как бы использовать научные истины в своих гнусных целях. Чего же не делают того же самого люди Правды и Добра? Да потому, что таких еще мало на свете. И они еще слабы, а то и непрактичны, а то и бедны. Гнуснецы же хозяева земли. Не думайте, что я считаю их за не людей, они тоже люди, только заблуждающиеся, нравственно темные. Но разве можно сделать отсюда вывод: научная истина не нужна. Нет, без ее поддержки не сможет стать сильным по настоящим временам даже самый хороший, самый добрый и совершенный человек. Пойгие, которые займутся постройкой такой образцовой коммуны, при чем всем таковым строителям надо много учиться, так как только при помощи науки можно создать самую блестящую коммуну. Поэтому я считаю большим заблуждением мнение Анатолия Фомильянта о том, что надо отказаться и обратиться к природе. Это призыв к дикости, к той самой дикости, в которую, к сожалению, впали духоборцы — свободники — голяки». Иван Трегубов

«Вы пишете, что, по вашему мнению, наука извратила жизнь человека. Я с этим решительно не согласен. Разве можно обвинять например, топор за то, что на свете нашлись такие мерзкие люди, которые этим топором рубят головы своим бра-

«Вы спрашиваете нашего мнения о Петре Петровиче Веригине: нам не хочется сейчас об этом говорить. Однако нас удивляет, неужели духоборы до сих пор не пережили своего продолжительного подчинения одному человеку? Нам кажется это поклонение одной личности унижает духоборческое достоинство. Но об этом мы можем поговорить с вами в другой раз». Анна и Владимир Чертковы

«Да, я считаю духоборческую коммуну самой лучшей в мире... но конечно в ней есть и свои недостатки... И духоборчество должно обновиться через своих лучших членов. Я думаю что среди молодых духоборов найдутся и другие мно-

дем же и мы с вами к научной истине и вооружимся ею в целях перестройки жизни на истинно тех началах, о каких сказано в гл. XIII послания Павла (I) к Коринфянам».

Николай А. Рубакин

Я знаю, что вы, свободники, глубоко разочаровались в П. В. Веригине. Я знаю, что вы хотели бы видеть в вашем вожде человека помышляющего не только о мирском, но более всего о духовном. А. П. В. Веригин, исстрадавшись в ссылке, жаждавший свободы, деятельности, приехав к вам, занялся прежде всего домостроительством всего народа и многое из того, что раньше проповедывал, отменил. Меня очень интересует в настоящее время духовная жизнь духоборцев в Канаде. Вы спрашиваете меня, что я думаю о П. П. Веригине. Я много раз его видел и жил у него. Он очень хороший человек; но обладает большими недостаткоми и его беда в том, что он эти недостатки не может победить, они владеют им. Большая пагуба в том, что он привык на Кавказе, где вино льется как вода, пить, и это отражается очень плохо на нем самом. Если бы он мог от нее избавиться, он сразу вырос бы на две головы, потому что он наверное не догадывается, до какой степени влияет алкоголь на человеческий рассудок. Я надеюсь, что теперь, выехав в Канаду с П. И. Бирюковым, к сожалению, я его не видел при отъезде, так как сам находился за границей на лечении, увидев всех вас, почувствовав всю красоту и мощь вашей жизни, он найдет в себе силы удержать себя от этого зла, забыв его совершенно и поэтому изменится».

Владимир Д. Бонч-Бруевич

«Льву Николаевичу приписывали много «пророчеств», но по большей части все они выдуманы другими людьми. Лев Николаевич не брался «пророчествовать» в грубом смысле т. е. предсказывать те или иные чисто внешние события; но он, правда выводил внутренним образом законы жизни из законов человеческой души. Видя как дурно и безнравственно живут люди вокруг него, он легко мог предугадать и войну, и революцию, которые, действительно, и произошли».

Валентин Ф. Булгаков

«При том еще прибавляю для вашего сведения, что Христос евангельский ничуть не похож на духоборческих Христов. Вы меня простите, что я так говорю, но я ведь знаю, каким научениям подвергается духоборчекая молодежь с самого детства. А ведь все эти научения ужасно вредны, потому что они вколачиваются в ребенка и выкалачивают из него самостоятельность и самобытность, в которых только и есть живое».

Семен П. Прокопенко

«Я никогда не брался критиковать Петра Васильевича, но самодержавие его не может не быть гнетом для людей ищущих свободы духа. Возьмите в пример учение Христа. Это учение чисто индивидуальное. Он требует подчинения только Богу, которого он называет отцом нашим. Этот Бог — это совесть каждого из нас... Поэтому совет мой вам: не принимать никакой религии, как секту. Всякую мысль проверять своим умом и своей совестью. Ищите помощи и совета в существующих религиях, но выработайте свою. Да будет ваша вера — верой Петра Малова и да будет она обязательно только для Малова».

Илья Л. Толстой

«Очень сожалею, что так называемое пророчество моего отца становится известностью среди духоборцев. Передайте им от меня, что это предсказание выдумано кем-то, вероятно в Америке, и что мой отец никогда никаких определенных предсказаний такого рода не делал. Скажу даже больше: он никогда никаким предсказаниям не верил... Духоборчество должно быть на высоте религии и не должно опускаться до уровня узкой секты. Религия объединяет всех людей. — Секта отделяет одну ячейку от другой и поэтому опасна. Религия, это океан, секта — это лужа. Океан всегда чист, лужа должна загнить и высохнуть.

Относительно вождя для духоборов думаю так: для человека, то-есть для личности, никакой вождь не нужен. Дух человеческий должен быть свободен и нуждается человек в братских советах и наставлениях, но не в насильственных руководителях»...

Илья Л. Толстой

«Не могу не предупредить вас относительно вегетарианства как формы, оно очень хорошо, однако не следует отождествлять его с жизнью духовной. Большинство духовных вегетарианствует, однако редко какой вегетарианец духовен! Поэтому остерегайтесь формы».

Николай Шейерман

«Коммуну я считаю единственной истинной формой, хотя я уже 18 лет почти постоянно живу в ней. Свобода даст всякому право избрать наиболее подходящую ему форму жизни, и также свобода не дает ему права насиловать своего ближнего».

Николай Шейерман

«Ты пишешь мне о Веригине и том низкопоклонстве, которое окружает его.

Что скажу об этом? — В мире всегда есть много простодушных хороших людей равно как и много хитрых лицемеров; обе эти категории людей низкопоклонствуют перед духовно сильными людьми: первые оттого, что чувствуют силу духовную и естественно ей поклоняются, но часто в глупой форме, вторые опасны и они низкопоклонством скрывают злые цели. Однако я думаю что руководители не должны требовать подчинения . . . Так ведь и руководитель Петр Васильевич, полагаю, живет также просто без привилегий, как и другие . . . Все-таки главная цель человеческой жизни состоит в том, чтобы человек сознал божественное Начало в себе».

Николай Шейерман

«Если же духоборцы устремили все свои мысли и чувства на вождя в России, то это очень жаль, ибо это, повидимому, мешает духоборцам идти вперед. Хотя передовые мыслители в России, судя по письму Евгения И. Попова, не очень высокого мнения о Петре Петровиче, но они смотрят с иной точки зрения и могут ошибаться, важно, что пока духоборцы ждут слова вождя, время уходит, а Божье дело не делается . . . Относительно обожания вождя духоборцам скажу: «Не сотвори себе кумира!» И я не разделяю такого обожания, обожание — это зло и приносит злые плоды».

Анатолий И. Фомильянт

«Никакая сила ада не слопает Россию. Еще Наполеон сказал: Россию бить — все равно подушку. Сколько не бей, знаков от побоев не остается; и я верю, Петя брат, что рано или поздно, мы, если будем живы, еще увидим ту дивную страну, где жили наши предки и дивные люди, как Достоевский, Толстой, Гоголь и т. д.»

Андрей К. Дубовой

«Да, Петр, не раз я думал о вас, о духоборцах, лежа на солнце в своем «джонгле». А как получил твое письмо, и совсем задумался: почему бы вам не жить здесь в Калифорнии мне кажется что произошла ошибка. *Молоканам бы нужно устрайваться* там, где ваш народ; они мясо любят, а вам вегетарианцам нужно *бы ближе к теплу и всяким фруктам,* как в Калифорни». Костя Родин

«Наша свободно-религиозная группа не имеет ничего общего с *христианскими вероисповеданиями,* основанными на традиции и внешних обрядах — «мы освободились от закона, *чтобы служить Богу в обновлении Духа,* а не по ветхой букве». Р. Краузе

«Однако забывается часто то, что вооруженные силы Канады обеспечивают безопасность духоборческих поселков от японских налетов, или других народов, могущих напасть, если бы канадское правительство заявило, что не будет сопротивляться никаким нападениям, чтобы защитить *своих граждан.* Примерно, в Турции были случаи, когда целые племена были уничтожены потому, что не было *вооруженных сил* защитить их. Прежде чем осуждать других людей, не плохо понять причины которые *толкают их к действиям,* но не предполагать, что то, что мы не любим делается от зла или по глупости. Воз*можно, что существует* много нехорошего в системе нашего образования, но таким людям, как духоборцы, которые не любят войны — отказываться изучать английский язык — наука, которая способствовала бы им распространять свои взгляды среди людей между которыми они живут — мне кажется неразумным». *Эльмер Моод*

«Возвращаясь к вопросу о сознательных противниках войны, мое мнение таково, что если человек требует исключения от воинской повинности, то он не имеет права требовать и пользоваться защитой государства для себя и своего имущества. Вопрос о непротивлении злу воздержании от всякого насилия есть очень серьезный, и мы не должны быть бесчувственными к нему. Почти все насилия возникают от собственности и по моему мнению единственный путь к разрешению вопроса о насилии это — начать с причин, порождающих насилие. Не пришел ли Иоанн прежде Христа и не есть ли это великий естественный факт? Он приходил не за тем, чтобы мы сделали пустой обряд крещения, но с определенной целью — показать нам, что путь к лучшей жизни, путь ко Христу означает отказ от собственности. Мы ДОЛЖНЫ признать этот факт. Будет совсем бессмысленно начинать сверху, нежели снизу. Человечество никогда не добьется прогресса, кроме как с искренним старанием поступать прогрессивно и практично с вопросом о собственности и восстановлении идеала конечного полного и общего пользования собственностью труда. Огромная экономия человеческого труда, которая получится, сразу освободит людей от громадной тяжести и моральная польза будет свыше предела наших ожиданий».

А. А. Войси

«Если П. В. Веригин является вождем и правит как царь, то колония в Британской Колумбии не может быть истинной коммуной».

Бруно Петщелт

«Да, мы с вами не процветаем, как другие, в долларах и центах, и поэтому мы лишены некоторых удовольствий в жизни. Но тот, кто отдает свой доллар за лилию — имеет лилию. Воистину, мы имеем свою награду. Если бы мне суждено было опять вернуться в этот мир, я бы просил у Бога счастья быть носителем Его света и правды, нежели быть всеми обожаемым в это время миллионером. На эти ли струны наводится душа всех духоборцев? Я хотел бы верить, что истинный свет отражается на всем духоборческом горизонте».

Джорж Эльмер Литльфилд

«Для восстановления царства Божьего на земле, мы должны отбросить самолюбие, убийство, должны научиться правильно думать и жить. По несовершенным человеческим законам, отнять жизнь человека великий грех, а водить и убивать животных нет греха. А по закону природы через который проявляется *воля Бога, Всемирного Отца, убийство* всякого животного есть грех, за исключением в защиту самого *себя или тех, кот. под нашим* покровительством, такой поступок кладет на нас печать убийц, и когда мы едим мясо, оно отравляет нас и следует наказание».

Генри Гофман

МОЯ ПОЕЗДКА В КАНАДУ

После хлопот по поводу депортации *П. П.* в *1932-3гг.*, я отправился домой в Калифорнию и занимался обычной работой дома и на стороне *16 долгих лет. И так как мне уже перевалило* за 70 лет, я решил в 1949 году посетить свой добрый *народ и друзей в Канаде.* Проехал по всем участкам — кроме голяков — и встретил тысячи знакомых людей и друзей, с которыми в юности разделял в ссылке страдания и лихорадку, а также тяжелые времена в Канаде. Многих не видел сорок лет и трудно было признать — они успели состариться, как и я, но память и чувство прошлого оставались юными. Везде я был принят дружески и любезно и остаюсь искренне благодарен за хлеб-соль и любовь.

В материальном отношении хуже всех живут в Колумбии, но и тут в сравнении с *жизнью при П. В., живут гораздо* лучше. Почти каждая семья имеет коровку, а это означает — *богатый стол.*

Будучи на Юбилейном собрании в Блеин Лэйке 2-го *июля* 1949 года, по желанию публики, сказал следующую речь:

«Дорогие Сестры и Братья! Не ожидайте от меня многого — я плохой оратор. Мы сегодня празднуем Юбилей. Пятьдесят лет протекло с тех пор как духоборцы были изгнаны за идеал «Не убий» со своей родины царским правительством. Хвала Богу, что иго царизма со всей его мрачной историей, кануло на веки-вечные!... Мой отец, два брата с семьями и тысячи духоборцев *пали жертвой в ссылке в Гру-*

зии в страшной физической агонии: самые ужасные болезни, голод и верная гибель смотрели нам в глаза... Наши добрые друзья во главе с Л. Н. Толстым взывали ко всем странам той планеты — просили открыть двери и разрешить этим мученикам, находящимся физически на краю гибели, принять их в свою страну на условии, что они будут освобождены от воинской повинности... И на этот голос воззвания ко всему миру — голос стенаний и слез несчастных мучеников за Идеал Любви по учению Иисуса, только Англия обратила внимание: покойная королева Виктория, громко ответила: «Добро пожаловать, добрые люди, духоборцы! Не смотря на то, что я королева, у меня добрая душа и материнское сердце: я люблю вас за то, что вы не можете быть убийцами; за то, что вы вегетарианцы и не убиваете животных: все животные имеют жизнь, а Бог есть жизнь; за то, что ваши богатые духоборцы поделились со своими бедными братьями и этим дали им возможность идти с вами, а иначе они погибли бы на местах; за то, что вы по своему благоразумию, оставили употребление алкоголя и табаку. Великая честь и слава вам и вашему вождю за эти высокие принципы! Даровая земля в Канаде ждет вас. Поселяйтесь, и живите по избранному вами пути: Не нарушайте свои и наши порядки и мы оставим вас навсегда в покое»... Я говорю, от искреннего сердца: царствие небесное и вечный покой доброй Виктории, и великая благодарность канадскому Правительству, давшему приют духоборцам и честно выполнившему свои обещания! Не будь этого благодеяния от Виктории и Канады, наши ссыльные духоборцы вымерли бы до единой души...

Итак, дорогие сестры и братья! Сегодня мы отдаем честь и благодарность своим вождям, в особенности Петру В. Господнему, давшему нам завет 1-й — Жить по братски в полном равенстве и помогать слабым; 2-й — Оставить питание мясом — не отнимать жизнь у животных, и 3-й — Не употреблять спиртных напитков и табак.

Мы, на словах, претендуем быть его последователями, но давайте взглянем на свою жизнь честными глазами, и мы убедимся, что все эти заветы нами нарушены. Он убеждал, чтобы женщины не бывали в городах: теперь можно видеть, на некоторых участках, наших женщин, одетых в духобор-

ческое платье, в пивных. Мы сожгли старое оружие и запаслись новым оружием. Мы принимаем участие при оценках —форклошера — наших братьев и пользуемся этим случаем приобрести чужой труд за ничтожную цену. Мы убиваем животных и пожираем их трупы, как дикие звери. Мы употребляем алкоголь и табак. Одним словом, на наших словах, в наших речах, мы воздаем хвалу и славу одному из лучших, вождей П. В., давшему нам эти разумные советы; а в это же время нашими делами и поступками мы нарушаем все его постановления. Конечно, не все делают это нарушение. Но тут является вопрос: Не являемся ли мы пред Богом и добрыми людьми «фальшивой монетой»?

Некоторые могут сказать: вождь Чистяков сам кушал мясо, пил и курил. Дорогие друзья! Такие разговоры позорят нас. Показывают на какой низкой степени духовного развития мы находимся. Если бы мы были сознательные люди, мы разбирались бы в поступках: когда мы увидели, что Чистяков топчет в ногах все доброе, что было установлено его плотским отцом, мы должны были сказать ему: наши принципы выше твоей личности, и если ты будешь нарушать их, то мы просим тебя удалиться и не губить наше молодое потомство... А как же жить без вождя? скажут многие. Милые друзья! Вождь должен быть избран народом по его достоинству а не по наследству, по его хорошему поведению. Он должен быть служителем народа на некоторое время, а потом заменяться другими. Возводить вождя — как делают духоборцы — в сан «святого» или «бога» не смотря на его дурные дела есть самое низкое и дикое суеверие и идолопоклонство, противоречащее учению Христа о равенстве людей. Разум и чистая совесть есть наш вождь и верный компас нашей жизни. Людей, доверяющих своему разуму и совести, невежественный народ и духовенство часто называют «атеистами». Еврейское духовенство распяло, руками Пилата, Иисуса, как атеиста нарушившего старый завет. Толстого прокляло православное духовенство как атеиста, только потому, что он проповедывал Истину в пользу бедноты. Духоборцы и молокане считались атеистами потому, что не поклонялись иконам и не соблюдали постов. Первый президент Соединенных Штатов, Георг Вашингтон, считался духовенством атеистом, по-

тому что нарушил присягу английскому королю и создал независимое государство Америки.

Все прогрессивные люди, сделавшие улучшения для бедных тружеников, считались безбожниками — атеистами — и бессердечно сжигались на кострах, религиозными верующими людьми, которые считали церковные обряды выше истины.

Делая добро, мы отражаем Бога, а когда делаем зло или возводим клевету на брата, мы отражаем дьявола. Мы не в силах помочь повредить Богу, но мы в силах это сделать своему ближнему...

Ваша колония в этой местности, насколько я вижу, сохранила духоборчество больше всех и дай вам Бог продолжать и улучшать свою жизнь...

Начиная от Ванкувера, или с самой Мантеки, — слишком две тысячи миль — наш добрый народ распылен и рассеян по всем уголкам и кажется, что наше общество, как стадо овец, разогнано какой-то злой силой по неумению вождей или по нашей духовной слепоте...

Я очень рад, что имел случай увидеть вас, полагаю, последний раз. Прошу не гневаться, если кому не нравится моя речь. Прощайте!

Очень многие выразили благодарность за выраженную правду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из моих рассказов читатель уже успел понять, что духоборцы абсолютно не имели своего собственного сознания, а делали все по приказу вождей не применяя свой разум и не смея сомневаться в советах их вождей которые по их вере имели сверхъестественную силу и мудрость.

Губанова партия. При наличии этих фактов, Губановы, Зубковы, Астофуровы, Батурины и другие, имели право ожидать, что будучи советниками и родственниками *вождей* — Лукерьи Калмыковой — они поведут за собой и остальную *массу трудолюбивых и честных тружеников. Когда получился* раскол, вполне естественно, они защищали свою партию, не *смотря на то, что она была* «меньшая». Они уверяли, что Бог на их стороне и их последователи верили им. За неимением документального завещания от умершей, они явились законными наследниками общественного имущества и суд решил в их пользу. Тут получилась громадная несправедливость. Но ведь если бы имущество было присуждено «большой» партии, то также было бы несправедливо для малой партии. По настоящей справедливости, обе *партии должны бы* по-братски разделить имущество пропорционально — это бы*ло бы по-божьему. Но этого ни одна из партий* не предложила, а обе партии стали воевать и Губановы победили. Обык*новенным членам малой* партии едва ли что досталось из общего имущества — так что они не причастны к захвату.

Помимо общественного имущества, малая партия относилась к большой партии более по христиански, чем большая к малой. Разводы супругов, запрет приветствия и многое другое исходило от большой партии. Губанова партия осталась при старых традициях и обрядах и надо, по справедливости, сказать, что они, хотя и не сделали ни *малейшего прогресса*, но зато их жизнь не развращена: дети строго почитают своих родителей *и вообще старших по возрасту. Они ми*новали тех ужасов и страданий, которые пережили, хотя не все, *члены большой партии за* отказ подчиняться правительству, воинской повинности и прч. Вместо Лукерии Васильевны *они почитали за* духовного вождя Маню Тихонову. Губановы и другие старички, не претендовали быть духовными вождя-

ми. Эта партия продолжает по старому обычаю сохранять духоборческие праздники, делает собрания на могилочках святых, целует и земно кланяется памятникам и все прочее. Молодое поколение получает даровое хорошее образование и вообще все пользуются даровой медициной, так что, в общем, они находятся в гораздо лучших условиях, нежели некоторые из большой партии, которые дожились до того, что лишились земли, домов и остались голы, как соколы. Две мировых войны мало коснулись их, если и были жертвы, то они были ничтожны в сравнении с теми жертвами, которые пережили в ссылке члены большой партии.

Воробьева партия. Эта партия оставшись на местах, жила долгое время как говорится: как «У Христа за пазухой» в полной солидарности и мире. Никакие невзгоды не коснулись их — жили весело и счастливо. Но потом, по совету П. П. и Воробьева, эта партия сделала переселение: часть с П. П. в Донскую Область, а часть с Воробьевым в Таврическую губернию на Молочные воды, где когда-то жили предки. Эти обе партии попали под ужасное нашествие гитлеровских людоедов и пережили такие ужасы и страдания которые не поддаются описанию. За все эти мытарства ответственность ложится на вождей, которые сделали такой опрометчивый акт, хотя и не намеренно. Но по окончании войны эти партии теперь живут под одним покровом Советского правительства и пользуются всеми благами в отношении школ, медицины и всего прочего. Многие из молодежи получают звание инженеров экспертов по электричеству, агрономов, докторов, юристов и много другого, совершенно бесплатно. Я имею там родственников: получаю письма, пишут, что очень довольны и рады такой жизни. «Если нас оставят в покое, мы будем наслаждаться зажиточной жизнью», говорят они.

Ивина партия. Благодаря чисто анархическим поступкам против властей, эта небольшая партия «радикалов» пережила очень много ненужного страдания от правительства и от большой партии, а потом, в силу обстоятельств, влилась в большую партию, как маленький ручей в большую реку. Тем и прекратила свое индивидуальное существование.

Большая партия. Эта партия сделала большой прогресс: по приказу вождя, оставила употребление мяса, алко-

голя и табака, а также и военную службу. Богатые должны были поделиться с бедными «раскулачиться». Эта партия гордилась своими заслугами и презирала братий меньшей партии, как отрочников от настоящего бога (вождя). Отказ повиновения правительству, без своего личного сознания, навлек страшные страдания: люди шли на мучение «тебе ради господи», как солдаты идут на войну ради патриотизма без личного на то сознания . . . Идти на страдания и смерть за хороший идеал сознательно, дело восьма похвальное; но страдать и умирать за идеал по приказу других людей, без своего сознания, дело очень печальное и ответственность ложится на вождя. Иными словами: страдать и умирать, без сознания, ради бога, также бесполезно, как умирать за царя и отечество, — это самоубийство.

После всех мытарств, страданий и смертей, большая партия раздробилась на несколько групп — партий.

Партия независимых. Многие духоборцы из большой партии не были сосланы, жили на местах, многие из них были довольно зажиточными. При переселении в Канаду эти духоборцы, переехавшие, как простые иммигранты, поселились отдельно на хороших землях и были вне власти вождей. Эта партия, в большинстве, живет довольно зажиточно. Все дети работают на их больших фермах и, в общем, сохранили духоборчество, за исключением вегетарианства и других вещей. Живут в дружбе и помогают друг другу, хотя в этой партии есть и кулаки, буржуи, мясники и содержатели духанов. При оценке обедневших братий некоторые не прочь воспользоваться землями и домами, не обращая внимания на то, что их братья лишаются последнего достояния и всех своих трудов. В этой партии есть также и настоящие добрые духоборцы, готовые отдать последнюю рубаху, чтобы помочь своему брату. Такие духоборцы пользуются большим уважением со стороны посторонней публики.

Тюнина партия. Эта очень маленькая партия раскололась на две. Члены этой партии больше чем другие, сохраняют заветы вождя Господнего (и совершенно отрицают вождя Петра Петровича) в отношении употребления мяса, алкоголя и табака. Многие члены разочаровались в «Тюне» и вышли из под ее власти — стали независимыми.

Партия: «Союз Духовных Общин Христа». Эта партия состоит из верующих в последнего вождя П. П. По его приказу, они отбросили принципы П. В. Веригина-Господнего, который наименовал духоборцев «Христианская Община Всемирного Братства» и отменил «поклонения» на богомолениях и целования, объясняя это тем, что Бог этого не требует и поцелуем больной человек может заразить здорового. П. П. водворил этот обряд снова. Господний утвердил день Петра и Павла 29-го июня — это был день рождения вождя, во имя того исторического события, когда духоборцы сожгли свое смертоносное оружие и объявили себя пасифистами. Этот важный праздник был упразднен П. П. а на его место утвержден другой: «Декларация» на 1-е августа. Эта партия руководится речами, оставленными П. П. как католики конкордатом Папы. Эта партия потеряла всю землю и дома благодаря плохому руководству вождя. Молодежь находится всегда на посторонних заработках и привыкает к жизни канадского пролетариата. Принципы духоборцев отпадают. Некоторые сливаются с другими племенами. Некоторые даже изменили свои фамилии для того, чтобы посторонние не знали, что они духоборцы. Слово «духоборец» благодаря «голышманам» так обесславило в Колумбии людей, что жители пугают своих плачущих детей: «замолчи, а то придет голый духобор и возьмет тебя». И дитя в страхе затихает. Из этой партии также выявились кулаки: открыли крупные лесопильни и эксплоатируют своих же братьев, торговые лавки и тому подобное. В общем итоге результат довольно плачевный. За отсутствием своего сознания и сильного вождя, среди духоборцев появляются, как микробы с болота, самозванные вожди, которые раскалывают стадо на мелкие части. Причина всему этому — отсутствие сознания и здравого рассудка... В общем, материально живут гораздо лучше, нежели при вождях — в особенности «Господнем».

Партия: «Сынов Свободы». Сначала эта партия состояла из самых лучших духоборцев, которые, без всякого размышления и сознания основывались на письме вождя, не смотря на то, что оно было писано к другу Изюмченко, и совершенно не касалось их. Потом, после смерти добрых, хотя и невежественных людей, в эту партию вошли многие с низкими

целями без всякого принципа. Эта партия превратилась в анархистов и террористов и утвердила жизнь по образцу «домов терпимости».

Если же принимать, как принимали свободники, слова вождя в указанном письме, за правила, подлежащие исполнению, то их трудно обвинять: скорей вина падет на вождя. Кроме того, последнее время молодые духоборы стали принимать библию, как руководство. Вот что сказано в пользу свободников в письме Изюмченко:

«На грамотность наша община с изстари смотрит предосудительно и в среде нашей очень мало грамотных, а если есть, то самоучки. В основу жизни я не ставлю труд. Чтобы удержать жизнь, человек делает мосты, проводит дороги и тому подобные бесполезные вещи. Белки переплывают Обь при ширине в несколько верст... Я думаю, что и человек мог бы переплывать реки, но ему на себе нельзя перенести в несколько сот пудов орудие, а потому он строит мосты (выходит, мосты нужны только для военных целей, а жители земли могут обходиться без мостов — переплывать реки с мешками муки, картофеля, земледельческих орудий и прч. С.Р.). Всего съестного, что уже есть налицо, хватило бы на сто лет. (Кто думал что, имеется такой громадный запас? С.Р) За сто лет земля успела бы одеться и прийти в первобытное состояние. И человечество получило бы то, что утратили Адам и Ева. (Вождь верил в еврейские сказки об Адаме и Еве и о земном рае. С.Р.)Стоя под хорошей грушей, выращенной самим Богом, я приходил к точному заключению: что одно дерево, могло прокормить десять человек, потому что есть такие деревья, которые дают по сто пудов груш. (Это означает: по одному фунту груш в сутки на рабочего человека — может ли рабочий жить на такой порции? С.Р.) Человек не для физической деятельности создан. Человеку не нужно делать, а только созерцать. Должны оставить физический труд и идти проповедывать Христа. Христос и апостолы не работали физически. Пользоваться хлебом, хотя и чужим не предосудительно. (Хорошая заповедь для паразитов. С.Р.) Надо сказать, что нельзя было сразу ходить нагими, хотя бы и Христу и апостолам. Я полагаю, что в наготе телесной, духовная нагота куда печальней. Постепенно люди тоже при-

выкли бы». Вот это есть резюме взятое из большого письма П. В. к Изюмченко.

В письме нет ничего плохого, если смотреть на него с открытыми глазами и применять здравый рассудок. Петр Васильевич, имел большой досуг и занимался таким философством, фантазировал и строил воздушные дворцы. Он не мог предполагать, что это письмо попадет добрым глубоковерующим и мало мыслящим людям, которые примут его за правила жизни и будут страдать за то, что сами не знают и знать не хотят... Несколько раз посылал меня П. В. посетить сынов свободы в тюрьме около Виннипега и в Реджайно; и просил их бросить все это, воротиться к родному семейству и заняться благородным честным трудом. Когда я передавал им это, они усмехались и придавали моим словам иной смысл, сердечно благодарили и просили передать поклон Петюшке и сказать, что они «постараются» и после моего посещения они выкидывали какую-либо «новую» штучку и еще больше страдали.

Изюмченко на письмо вождя писал так:

«Всякий человек имеет свою теорию жизни и желает, чтобы все человечество жило по его теории: но это в человеке эгоистическая черта, а потому и несправедливо желание. Теория жизни и человечества создана самим Богом, повысить которую никакая человеческая теория не может, и человеку, — (для того чтобы все человечество жило покойно), — остается только жить для своего спокойствия; а чтобы быть покойным, то во-первых, не надо делать зла, а во-вторых, не надо забывать слов Христа: «чего не желаешь себе, не делай другому», а главное довольствоваться питанием дня, как духовно, так и телесно. Всякая же борьба, и из-за теорий, есть только неизбежное брожение закваски, которую учинил Христос. Как во всем человечестве брожение неизбежно и в человеке. Как земля вертится вокруг своей оси и вокруг солнца, так человек и человечество вокруг правды, и сделать, чтобы этот круговорот пошел иначе, никто из смертных не может. Итак, приходится отдаться Богу, как отдалась ему земля, и придерживаться того святого слова: «чего не желаешь себе, не делай другому».

В пользу голышманов в библии сказано: «Сбросьте

одежды и обнажитесь». Исаия 32:11.

«И снял Саул одежды свои, и пророчествовал пред Самуилом, и весь день тот и всю ночь». Сам. 19:24.

Господь сказал Исайе, сыну Амосову: «Пойди сними вретище с чресл твоих. Он так и сделал и ходил нагий и босый. Сказал Бог: Мой Исайя ходил нагий и босый три года». Исайя 20:3,4.

«Оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их». Исайя 3:17. Голыши очевидно приняли и это за заповеди.

О вождях: Я уверяю читателей, что у меня нет злобного чувства по отношению к нашим вождям, но я считаю грехом и идолопоклонством почитать вождей за «богов» и целиком отдаваться в их власть, не пользуясь разумом даденным нам природой для руководства нашей жизнью.

Наш верный вождь здравый разум и чистая совесть. Наш разум не должен быть скован вождями, их речами, библией, псалмами и даже Евангельским Иисусом — это путы, затемняющие Свет Бога, который доступен каждому человеку. Великий мыслитель Толстой ясно говорил: —считать Иуса за Бога — доказательство язычества и отречение от Самого Бога. Представьте силу Бога, которую наш разум не может постичь, создавшую сотни миллиардов планет, солнц, лун, комет и дающую всему полный порядок. Эту невообразимую для нашего ума силу, люди приписывают своим вождям: Христу, Будде, Магомету, Браме, Конфуцию, Лао Тзе и прочим, а сектанты своим вождям.

Были времена, когда люди поклонялись змею, лягушке, быкам ,кабанам и другим животным и чаяли от них спасения. Теперь нам смешно верить этому.

Вожди создают секты и размножаются, как неизлечимый рак. В каждой секте появляются ужасные микробы-вожди. Сейчас несколько миллионов этих пиявок сидит на человеческом органе и сосет кровь. Границы и заставы сект вредней границ физических, ибо каждая секта считает себя лучше других и этим народ разделяется и враждует между собой. Какой ужас от духовной темноты и бесчестности духовенства! . . .

Каждое общество должно возглавляться, но вожди дол-

жны быть избраны самим народом по его доброму желанию на известный срок, а потом заменяться другими — не по наследству, как цари и духоборческие вожди, а по достоинству. Вожди молокан, и даже католиков не избираются по наследству. В этом отношении отстали духоборцы.

Надеюсь, что наше молодое духоборческое поколение возродится духовно и поймет, что пред Богом все люди равны, и вожди нужны только для слепых, и *что делая добро всем* окружающим нас, мы отражаем силу Бога. «Делай другим то, чего *желаешь себе». В этом весь закон.*

Семен Федорович Рыбин.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился 9-го марта 1880 года в селе Ефремовке, Тифлисской губернии, Ахалкалакского уезда. Отец, Федор Семенович Рыбин занимался, как и другие сельчане, земледелием. Зимой портняжил — шил шубы. Считался, в сравнении с другими зажиточным: имел хороший каменный дом и большое хозяйство. У меня было четыре брата старше меня: самый старший Игнаша от первой жены отца, был специалистом по башмачному мастерству: шил духоборческие «черевички» на колодочках с вырезами для невест, выходящих замуж. За это он был в большом почете у женщин.

Наше село было расположено на вершине «Мокрых» гор, недалеко от громадного неглубокого озера «Мадатапа», при маленькой речушке того же названия. Местность была около десяти тысяч футов выше уровня моря и люди здесь с трудом выращивали ячмень. Жители были лишены всяких удобств. Другие села духоборцев, кроме Троицкого, лежали горздо ниже и там росла пщеница и овощи. Жители нашего села и Троицкого покупали: картофель, капусту и другие овощи на стороне. Зажиточные кушали пщеничный хлеб, а бедные ячменный. Про наше село говорили: Это «пуп земли». От нас земля во все стороны шла вниз: на юг — к Александрополю, на запад — к Ахалкалаку, на север и восток — к Башка Чет.

Недостаток воды был бичем нашего села. Пробовали копать глубокие колодцы, но воды не было. В шести верстах внизу, находилось село Горелое, где была прекрасная вода в колодцах. Скудная речушка вымерзала зимой и для того, чтобы иметь воду, ее перепруживали на зиму навозом. Когда река покрывалась льдом то вода от навоза протухала и издавала зловоние. Но люди и скот, в силу необходимости, пили. Люди и лошади же из других сел не могли пить нашу воду. Зимой воду готовили из желтого льда и снега, а на свадьбы, для чаю, привозили из села Горелова. Климат был суровый, но очень здоровый. Люди выглядели краснощекими и бодрыми.

Мы, детвора, летом, не смотря на грязь и нечистоту воды, купались как гуси, в этой речушке по целым дням. Сес-

тер у меня не было, и будучи малышом, я был принужден исполнять должность «няньки»: смотреть за малыми детьми братьев. Должность эту я не любил и не смотря на ежедневные тумаки, почти всегда бросал детей спящими и убегал играть с товарищами. Отца я мало помню. Он был сослан в 1887 году с вождем духоборцев, как ярый его защитник, бессрочно. Он помер в городе Онега на берегу Белого моря, 25-го февраля 1895 года. Братья, мать и снохи с ранней зари до поздней ночи, были заняты по хозяйству (часто на поле) и их отсутствие давало нам широкие права — хозяйничать дома. Мать начала учить меня читать псалмы еще с малолетства и всегда за маленькую шалость грозила: «Богушка в огонь посадит». Это нагоняло на меня страх и я трепетал при мысли — попасть в такое горячее место. Будучи младшим братом, я пользовался особыми привилегиями от старших — они жалели меня и часто освобождали от тяжелых работ. В покос я помогал женщинам убирать сено. Однажды брат Игнаша, привез мне подарок — азбуку с красивой картинкой на обложке. Принял я его с большой радостью, но когда начал учить азбуку, то раскаялся, что принял этот подарок. Хотелось побежать к товарищам, поиграть, но к великому моему прискорбию, братья были неумолимы, грозили розгами — и я учился.

В селе на сто дворов было не больше десяти человек малограмотных, а по настоящему грамотных ни одной души. Отец и братья были малограмотными. Отец, хотя это было против духоборческих взглядов, имел Евангелие — единственное во всем селе. За это его презирали вождь и масса.. Но некоторые старички приходили вечерами и он читал им, чаще всего о десяти девах: «пять было мудрых, а пять неразумных», и утверждал, что духоборцы должны быть, как мудрые девы, дабы не проспать своего «жениха». Односельчане смотрели и на меня с презрением и называли: «грамотей», а потом между собой, выносили мне ужасный приговор и осуждали братьев за нарушение духоборческой веры.

Постепенно я увлекался чтением сказок, как «Бова Королевич», «Иван Царевич», «Еруслан Лазаревич», и другими, которые мне одолжала Анна Объедкова — вдова покойного Ивана Мартыновича, бывшего урядником духоборческих ка-

заков нашего села.

Мартыша Объедков был 2-й гильдии купцом и имел лавку с мануфактурными и бакалейными товарами. Я был товарищем сына Анны, Александра, а потому и пользовался ее вниманием. Иногда, как бы в уплату за ее милость, я должен был часами читать ей книжки. Анна была умная и интеллигентная, в сравнении с другими духоборками. Я любил ходить к товарищу — они содержали почтовую станцию и мы дети, гурьбой, терпеливо ожидали, когда Мартыша, должен был по делам уходить из лавки навстречу проезжающим туристам. Тогда вся наша партия, сломя головы — забегала в лавку и набрасывалась на конфекты, наполняя карманы и успевая удрать до его возвращения. Иногда Мартыша заставал нас на месте преступления и трепал за уши до крови. Мы не роптали: лишь бы не оторвал уши совсем, а кровь и боль заживет.

Иногда старичек Кудрин — сапожник — становил нас всех ребят и девчат в ряд — как солдат, приказывал читать псалмы и «кланяться»: так называли духоборцы свое богомоление, включавшее физическое поклонение друг другу и тройное целование. Желание Кудрина мы охотно выполняли.

Мать моя до замужества, была приближенной Лукерии Васильевны — тогдашней руководительницы духоборов и по ее совету, или, вернее, приказу, вышла замуж за вдовца с тремя детьми. Мой отец был на 20 лет старше ее. Он пользовался расположением Лукерии Васильевны и даже был послом вместе с Алешой Зубковым к царю по делам духоборческого общества. Мать была довольна своим положением, но счастье длилось не долго. После ссылки отца, вся хозяйственная тяжесть и забота с малыми детьми — своих было четверо ребят, свалились на ее плечи. Я видел сотни раз, когда мать горько плакала, а иногда громко голосила об отце и несчастной своей судьбе. Но ее глубокая вера в вождя, ободряла ее дух и она была уверена, что за все ее страдания Господь Бог вознаградит ее во сто крат. Этого, конечно не последовало.

Я очень хорошо помню «Лушечку» — так называли духоборцы Лукерию Васильевну. Это была красивая и доброй души женщина. Она часто заходила к матери и, как было

принято, мы кланялись ей в ножки и целовали ручку, а она, всегда оделяла нас гостинцами. Хорошо помню Лушечкин фаэтон и серых лошадей, а также Захарушку — Лушечкина кучера — грузина, который по прибытии в село, всегда проезжал тихонько лошадей по улице, а мы, детвора, сидя возле домов на заваленке, дружно кланялись ему при каждом проезде, а проезжал он мимо нас десятки раз, и он бедняга, отвечал нам каждый раз тоже поклоном. Захарушка был одет в духоборческое платье. Он был хлесткий, высокий, стройный парень, с большими усами, кавказским носом и очаровательными большими голубыми глазами — красавец блондин.

Хорошо помню, как «Петрусовы», прозванные Лушечкой «Журушкиными» (так называли Петра Васильевича Веригина до его восшествия на престол), казачки одетые в формы, вооруженные саблями, кинжалами и револьверами, подражая царским казакам, маневрировали на выгоне за селом, под командой Ивана Мартыновича Объедкова и его помощника Ивана Васильевича Ивина, прозванного Журушкой «ричардой». Они джигитовали верхом на оседланных лошадях, гарцевали, стреляли в воздух из револьверов, словом дрессировались по примеру настоящих царских казаков. Казаки были и в других селах и их генеральным урядником считался Журушка, живший с Лукерьей Васильевной 5 лет, как ее духовный наперсник. Казаки были и у мужа Лушечки, Петра Лирионовича Калмыкова.

Когда мне было 7 лет, однажды вечером, лежа на печке, я узнал от горько плачущей матери ужасную новость: Лушечка, наше красное солнышко, померла. Вместе с матерью я рыдал, что теперь нет Лушечки и не будет больше солнышка — всегда теперь мы будем в потьмах. Так я думал вечером. Но утром я увидел, что солнышко и без Лушечки, не покидает нас. А потом мать мне сказала утешительное слово: Святой дух перешел от Лушечки к бывшему Журушке, а теперешнему «Петюшке», и что Бог был с нами, есть сейчас и всегда будет. Следовательно и печалиться сильно не о чем.

Помню, как наша артель: ребята и девчата ходили пешком семь верст с лишком — на «могилочки святых», делали по примеру старших, земные поклоны перед каждым надгробным камнем и целовали эти камни. На камнях оставались пят-

на от мокрых губ. Какая высокая радость наполняла молодые души при вере и мысли, что мы лобзаем святых. Из таких походов в святые места мы извлекали больше удовольствия нежели от кругосветного путешествия. Придя домой, хвастались и гордились тем, что побывали на «могилочках».

Мать,будучи глубоко верующей, старалась воспитать и в нас свою истинную веру, и вполне достигла желаемых результатов. Сколько «глаголов» и «чудес» знала она от старенького Петюшки и от самой Лушечки. «Ведь никто не знает», говорила бывало она нам, «что только с нами духоборцами живет Бог в лице вождя и что мы самый счастливый в мире народ. Только мы спасемся и войдем в царствие Божие, а остальной мир живет во тьме и погибнет; в особенности немцы не войдут в царствие Божие, потому что у них в церквах органы. А это против Бога». Ничто не интересовало так мою молодую душу, как наше духоборческое божество, в котором я не имел ни малейшего сомнения и гордился сознанием, что я знаю теперь, где живет Бог во плоти. Иногда я спрашивал товарища Александра Объедкова, воспитанного в более нормальном духе интеллигентной матерью: «Знаешь ли ты Лекся, где и кто Бог?» Он равнодушно и откровенно отвечал: «Не знаю». Такой ответ меня озлоблял и я думал: «проклятый армяшка — тьма, не знает Бога». Мартыша Объедков — дедушка Лекси, считался «погибшим» потому, что он не снимал шапку перед Лушечкой и не целовал ей ручку, как делали все духоборцы. И когда Лушечка покупала в Мартышиной лавке шелковой и галесеивой материи — то Мартыша вместо того, чтобы подарить ей, как делали другие, брал с нее в два раза дороже обычной цены. Сам Мартыша, конечно, мало обращал внимания на то, какого о нем мнения духоборцы. Старик был громадного роста, плотный и весил около семи пудов.

Итак, для меня вожди были — известные только духоборцам «Всемогущие Боги», которые тщательно скрывают свое божество. А тот, кто скажет правду о вере духоборцев, будет проклятым Иудой Искариотом — предателем, и погибнет телом и душой как хулитель Господа Бога.

Такое воспитание получали, за очень малым исключением, все дети духоборцев с молоком матери. Получил такое воспитание и я.

Мать, бывши при Лушечке, пользовалась известным почетом от старух-подруг которые навещали ее и беседовали больше о святых. Соседка Таня Ивина, мать «ричарды», когда приходила, обыкновенно сдвигала на бок фартук и осторожно вытаскивала из громадного кармана на поясе свою трубку и пачку махорки; наполняла трубку, закуривала и втянув в себя побольше дыму начинала беседу или слушала других старух, сидевших тут же. Курили почти все поголовно старухи — некоторые сами делали предлиннейшие цыгарки из махорки и газет или другой бумаги.

После приветствий одна говорит: «А вот опять ветер с Абдула (Абдул — это громадная гора на севере) холодно и неприятно». Другая отвечает: «Как на земле неспокойно, так и на небесах. Поглядите какое волнение идет с «халдеями» (меньшей партией) и разве можно ожидать хорошую погоду, пока не замирятся». Третья: «Были раньше глаголы, родимой Лушечки, царство ей небесное, вечная память, что придет время, будут войны й злоба между духоборцев; вот оно и выполняется — вот и погода такая». Разговор наростает, говорят многие в одно и тоже время. Хоромы наполняются смрадом — махорка самый дешевый табак и запах от него довольно отвратительный. Старуха Ивина подает знак, что хочет говорить. Гутор притихает и все старухи смотрят на нее. «А вот, девочки», говорит Ивина, «придет время: все цари, короли, и властелины земного шара познают, придут и поклонятся нашим святым и тогда будет суд Божий». Это слыхала сама от старого Петюшки бабка Назарова.

«Да мы все об этом знаем», подтверждает вторая. «А вот я вам скажу: «случай был не так давно в турецкую войну, когда брали город Карс. Долго мучались бедные солдатушки, а взять не могли, пока великий князь Михаил не догадался: прискакал к нашей красной солнышке Лушечке, стал на колени и слезно просит: «Лукерья Васильевна, благословите взять Карс». Она потомила его долгохонько, а потом и говорит: «Хорошо, благословляю», и в эту же ночь Карс был взят. Вот оно что, миленькие девочки. А мы еще не довольны бываем святыми. Прости нас, Господи!...»

Третья: «Да не только один Карс взяли с разрешения Лушечки, а хурштаты забыли? Когда Лушечка провожала

людей в хурштаты, сказала: «Ни один из вас не погибнет». Были под пулями, как под градом и ни одного не убили. Говорят, что были случаи: многим пули наполняли башлыки, отвяжет с шеи башлык, вытряхнет пули на землю и снова подвяжет — ведь это чудо Господнее».

«А может, они знали молитву от ружья?» спрашивает одна из старух. «Тут не молитва действовала, а Лушечка», отвечает другая. «Лушечка защищала всех, что ж ты этого не понимаешь?» «Это сила Божия», упрекнула третья.

Танюша Выщлова — бой-баба, слушала внимательно, что-то шептала про себя, видно подготовлялась сказать речь. Начала так: «Вы все, пожалуй, слыхали про случай на Башке-Чете?» «Расскажи Танюша пожалуйста, может кто и слыхал, а некоторые не слыхали», завопили все старухи. Танюша вытряхнула пепел из трубки на земляной пол, постучала трубкой о скамейку, дабы убедиться, что не осталось искры, осторожно положила трубку в передний карман, кашлянула и с достоинством начала: «Это мне рассказывал мой дедушка и это сущая правда. Дело было так: однажды Петюшка старенький — блаженная память, царство ему небесное и покой вечный помянуть его святое имя в добрый час, поехал со своими казачками посетить отпавших духоборцев на Башка-Чет. Дело было к осени — там убирали хлеба. Этим летом урожай был особенно хороший. Приезжают. Люди все заняты работами и мало обратили внимания, а некоторые неверующие даже сказали с насмешкой: «А вот Петр Ларионович привез нам своих ребят помогут — жать хлеб». Это сильно обидело нашего родимого Петюшку и он в великом гневе сказал: «Вам надо помочь жать хлеб? Я исполню ваше желание». Это он сказал после того, как они собрались уезжать домой. И что же? Когда Петюшка со своей дружиной поднялись на гору, откуда ни возьмись показалась на небе маленькая тучка, быстро превратилась в громадную черную тучу, нависшую над полями и посыпал, — слушайте миленькие девочки, — посыпал град величиной с куриное яйцо и выбил весь урожай до черна — не осталось ни одного колоска. Тут-то они спохватились, с кем шутили, но было уже поздно». Закончив, Танюша взглянула на подруг, какое впечатление она произвела на них своим рассказом. «Господи, слушать и то страшно, а как же они пере-

живали такой гнев?» «Прости нас всех, Господи», сказали многие.

«А мой дедушка рассказывал, что град был с гусиное яйцо», проговорила одна из компании. «Это еще страшней — мог бы побить и людей», подтвердила другая. «Да и побьет, если надо, думаете халдеи обойдутся без наказания? Нет, они — Содом и Гоморра и жена Лотова. Пропадут бедные», закончила одна из присутствующих...

«Все дело испортили казачки», сказала одна, «они не устояли на карауле, было холодно, пошли погреться, и все прозевали. А если бы устояли на своих постах, как им было приказано Журушкой, то суд Божий совершился бы над духоборцами тогда же и не пришлось бы ему идти в Сибирь, а теперь суд Божий может отложиться на много лет, и нам придется пострадать». «Ну, эти казачки наделали такой беды, потому что молодые, могли бы потерпеть на холоде». «А может всему этому быть, так угодно нашему родненькому Петюшке».

«Еще молоденький, купырик, недавно видала его одетого в казацкую черкеску — такой милый красавец, душа обмирает, а теперь его хотят отправить. А как же казаки будут без начальника? Подумать надо». «Я думаю, все идет по его плану». О многом еще говорили старухи. Такие собрания были часты, продолжались часами. Я впивался в разговор, как в сказку!

ОТЗЫВ О МОЕЙ РУКОПИСИ ВАСИЛИЯ И. КАЗАКОВА

Бейвит, Б. К. 10-го Января 1951 г.

С. Ф. РЫБИНУ,

Мантека, Калиф. С. Ш. А.

Уважаемый Семен Федорович!

Петр П. Рыбин передал мне для прочтения ваш «манускрипт» — будущую книгу, которую вы готовите для печати под названием: «История Духоборцев без Маски». В манускрипте описание истории и жизни духоборцев. Говоря откровенно, все описание полно — фактично! Ибо все эти пройденные тропинки так знакомы нам, и по всей вероятности, надолго запечатлятся в памяти еще живущих духоборцев, которые покорно выполняли приказы вождей и их самовластие. Насилия и самовластия не должно бы быть среди мирных и терпеливых духоборцев — после тех уже пройденных царских, грозных испытаний, когда их секло начальство и давила нужда. Духоборцы как и все пасифисты, верят в «несопротивление злу насилием», они избрали себе путь и в основу утвердили: «братство, равенство и любовь» — чего себе не хочу, не желай другому! Это был духоборческий символ. Однако, если хорошенько разобраться в прошедшей их жизни, мы уже замечаем большую перемену в повиновении «воле вождя!» Духоборческие нравы, с течением времени, в послушании вождя — мало-по-малу изменялись — в обратный путь: в ущерб той братской любви. Случилось это потому, что вожди, и приближенные к ним, считали постановление «братства» лишь простой маской, а на практике делали: «Себе хочу, а другому не желаю» и от такого явления среди духоборцев уже чувствовался подрыв в доверии к вождю.

Трудно в точности определить и сделать точный вывод: думали ли духоборческие вожди о том, что они слишком «чересчур» властвовали над послушными духоборцами? По всей вероятности, что нет! Они предполагали: мол, эти простые мужики, мало что понимают — лишь знают низко кланяться до земли и этого было достаточно для вождей. Вожди забавно смотрели на колено-преклонников. Однако, тайны сердца «простячков» духоборцев, вожди не могли знать, и

так вожди думали и думают — продолжая хитрую тактику, заглушая умы людей верой в Бога, о котором толковали духоборцам: он будто бы с большой бородой и с посохом в руках! Жестокий и безмилостивый ... Конечно, о самих себе вожди всегда уверяли духоборцев, что только они лишь есть цари и боги (духоборческие) и. таковыми утверждениями: Всемогущего Бога сводили в узкие рамки ... О науке и образовании, вожди утверждали своим последователям, как, о «дьявольском изобретении». И научно просветительный вопрос, всегда ставили в сторону! Он был замкнут «Семи Замками» ! !

Вожди хорошо знали, что наука хорошее дело, но тем более знали и то, что если дать образование хоть одному поколению, то само учреждение распадется в пух и прах! Вожди этого боялись и старались устранять научный вопрос.

Сколько бы ни старались духоборческие вожди укрыть «свет» от народа, этот свет проникал и проникает в сердца тех, которые ищут правды. Ибо насильно навязанная идея является слепой, дикой и вредной и, зачастую, сводит послушников в глупую форму и хаос, а где царит хаос, там и свет на тьму похож ...

Все великие писатели, всегда старались доказать людям истину, этим порицали неправду, властолюбие и господство человека над человеком или людьми ... Как и выразил в своем понимании латинский писатель Гельвеций: «Несправедливо властвовать человеку над человеком ни силой ни обманом». Так как насилие остается насилием, в какой бы форме оно ни было выявлено. Дедушка Толстой однажды, сидя в своём кабинете за письменным столом, чертя карандашом по листу бумаги, неожиданно нарисовал карикатуру, изображающую барина, сидящего на спине у мужика, и утирающего пот, который лился по лицу мужика. Барин сильно соболезовал положению мужика, приговаривая: «О, как мне жаль тебя — ты сильно уморился», но тем не менее продолжал сидеть на спине мужика, пока тот не выбился из сил; но все же у него хватало могуты сбросить со своей спины барина. Тот полетел в «яр» в безвозвратную пропасть. И получилось по изреченному: «Какой мерою меришь, такой будешь и получать»!

Нет сомнения в том, что по выходе вашей книги в свет,

найдутся лицемеры укрытые «критики», которые будут рыться в книге до последних «зубов» ища предлога, чтобы извратить описанные факты, но этого им не удастся, потому, что тысячи живущих духоборцев могут подтвердить о пережитых ими ужасах суеверной дисциплины.

Верю, что книга «История Духоборцев без Маски» будет тем более поучительным примером духоборческому грядущему поколению, дабы они не подпали под новую «пягу», ложью укрепленную «деятельность», под именем божесвенной «Маски»...

Я приветствую вас, и всех героев нашего времени, которые не из-за «славы и величия» старались посвятить свой труд на благо, равенство, на торжество любви и мира на земле.

Привет вам и всем кто меня знает.

Василий Иванович Казаков

ОТЗЫВЫ О РУКОПИСИ

Мне известно, что вы пишете книгу о духоборцах, т. е. Истину. Как раз это интересует меня. Желательно, чтобы вы продолжали и привели книгу в порядок и не падали духом... Меня это дело интересовало еще давно и я, лично, ценю и дорожу такими людьми, как вы, Сема, и прошу продолжать и обещаюсь помогать, чем только я способен... Желаю вам духа бодрости и не колебаться ибо лжи пришел конец...

Ваш верный: N

Сим письмом желаю вас отблагодарить за ваши статьи и героический дух. Сложить ручечки и сидеть на солнышке каждый умеет. А чтобы сражаться с ехидной — духовенством и опричниной, пока еще существующей у духоборцев, нужно быть не чудачком, а понимающим. Короче говоря: вы бросили духовную атомную бомбу на головы и на трон святых... Ничто так не тронуло как правда через прессу. Прогрессивно-мыслящие духоборцы очень одобряют вас за правду, а «шалтай-болтай» ругают — но как-то не серьезно. Очевидно, религиозный «фокус-покус» и божественность вождей замирает с пробуждением умной молодежи...

Любящий вас: N

Относительно вашей книги: духоборцы поверят своим вождям хотя бы это была чистейшая ложь, и не поверят нам ни на одну копейку, несмотря на то, что мы будем писать сущую ПРАВДУ — так они темны. Твой: N

Все, что ты написал в своей рукописи, которую я прочел с большим интересом и вниманием, есть неопровержимая ПРАВДА, но мне кажется кое-где у тебя немного резкое выражение о вождях: слишком уж раскрываешь их «святые тайны интимной любви» и отношении их плотской жизни, так что в печати это будет ложиться позором на такую славившуюся, известную секту духоборцев и свидетельствовать о том, что духоборцы настолько были темные и невежественные люди, что обожали своих вождей, как святых — Бога и Христа... и, так, дорогой Семен Федорович, твоя рукопись, могу сказать, освещает подлинную ИСТИНУ потому что мы много сами видели, живя в общине, какой был каприз вождя по отношению к своим преданным и верующим: натягивал в пище, одежде, и других необходимостях — лишал своих покорных рабов, эти лишения они принимали за «испытание» и боялись возразить против такого плена, а кто возражал, тех выбрасывали вон на произвол судьбы, несмотря на то, что они были правы. Твои рассказы о многих случаях в пользу хороших и честных людей в общине несомненно основаны на справедливости, потому что это было фактически... Многие члены, жившие в общине как и я, не могли знать, что творилось за кулисами всей святости, которой тебе пришлось быть многие годы свидетелем... Твой: N

Давно собирался написать тебе, дабы выразить свое восхищение и сочувствие твоим статьям... Я лично очень заинтересован выходом твоей книги: я уверен, что ты осветил историю духоборцев в надлежащем правдивом свете — без прикрас и измышлений. Так я себе представляю, судя по твоим прежним статьям, а потому ожидаю выхода книги из печати с особенным интересом. Твой: N